ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГБ112
П716

ГБ112
П216

М. Н. Покровскій.

47

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Сборникъ статей
(1914—1917).

Книгоиздательство „ДЕННИЦА“
1918 г.

1 ЭКЗ.

П
1934
ГБ112
П716
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА
188914.
162-1924
4

МОСКВА.
Типографія Россійской Федеративной Совѣтской Республики.
(Бывшая Синодальная).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Предлагаемыя теперь отдѣльнымъ сборникомъ публикѣ статьи написаны въ промежуткѣ между январемъ 1914 и декабремъ 1916 г. Всѣ онѣ, такимъ образомъ, современницы войны (только предпослѣдняя говоритъ о ней въ будущемъ времени), и всѣ предшествовали революціи. Не учитывая послѣдней, онѣ могли бы считаться устарѣлыми, если бы имѣли только публицистическій интересъ. Но для автора—онъ надѣется, и для читателя—ихъ интересъ, въ первую очередь, былъ *научный*. Приложеніе точекъ зрѣнія *научнаго соціализма* къ различнымъ группамъ фактовъ изъ области *международныхъ отношеній*—вотъ въ чемъ, по мнѣнію автора, заключается ихъ относительная оригинальность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на самостоятельное существованіе: въ эту область марксизмъ проникалъ доселѣ всего туже, хотя примѣръ былъ поданъ самимъ родоначальникомъ теоріи (въ его корреспонденціяхъ о восточной войнѣ 1854-56 г.). «Злоба дня» выразилась лишь въ выборѣ фактовъ для изслѣдованія: въ статьяхъ говорится о Германіи, Польшѣ, Константинополѣ и т. под., потому что этимъ больше всего интересовался читатель тѣхъ періодическихъ изданій, для которыхъ предназначались статьи. Но и этотъ практическій интересъ, думается, нельзя признать вполнѣ угасшимъ: не говоря уже о томъ, что какая же исторія международныхъ отношеній XIX в. мыслима, гдѣ не говорилось бы объ этихъ вопросахъ?

Каждая статья представляетъ собою самостоятельное цѣлое и можетъ быть прочтена отдѣльно: поэтому не представлялось необходимости устранять частичныя повторенія—быть можетъ, и мелкія противорѣчія, гдѣ таковыя встрѣчаются. Если, иногда, двѣ статьи говорятъ объ одномъ и томъ же, онѣ подходятъ къ одному и тому же сюжету съ разныхъ сторонъ, и всякій разъ привносятъ, хотя отчасти, новый матеріалъ. Такъ что и для читающаго сборникъ сплошь, повторенія едва ли будутъ тягостны.

Порядокъ печатанія статей принятъ *хронологическій* по отношенію къ ихъ *темамъ*, а не по отношенію ко времени ихъ написанія. Ранѣе всего написаны двѣ послѣднія статьи сборника, касающіяся непосредственно теперешней войны. Только двѣ изъ статей не были еще напечатаны—обѣ по «независящимъ отъ автора обстоятельствамъ»....

М. П.

Константинополь.

I.

«Константинополь долженъ быть *нашъ*, завоеванъ *нами*, русскими, у турокъ, и остаться нашимъ на вѣки. Однимъ намъ онъ долженъ принадлежать... Ибо что такое Восточный вопросъ? Восточный вопросъ есть въ сущности своей разрѣшеніе судебъ православія. Судьбы православія слиты съ назначеніемъ Россіи... Восточный вопросъ вовсе не славянофилами выдуманъ, да и никѣмъ не выдуманъ, а самъ родился, и уже очень давно—родился раньше славянофиловъ, раньше насъ, раньше васъ, раньше даже Петра Великаго и Русской имперіи. Родился онъ при первомъ сплоченіи великорусскаго племени въ единое русское государство, т.-е. вмѣстѣ съ царствомъ Московскимъ. Восточный вопросъ есть исконная идея Московскаго царства, которую Петръ Великій призналъ въ высшей степени и, оставляя Москву, перенесъ съ собой въ Петербургъ».

Но къ чему эти цитаты изъ стараго «Дневника Писателя» Достоевскаго? Развѣ нѣтъ теперь объясненій русской тяги къ Константинополю болѣе разумныхъ, болѣе «современныхъ»? Согласенъ, что есть—есть даже гораздо болѣе современные «дневники». Но, не говоря объ этихъ послѣднихъ, «современныя» объясненія нашей любви къ древней Византіи (какъ бы это выразиться повѣжливѣе) не стоятъ на двухъ ногахъ. Говорятъ, Россіи необходимъ *выходъ* къ свободному морю. Но почему же искать этотъ выходъ на югѣ, а не на западѣ? Балтійское море соединено съ океаномъ (или его заливомъ—Сѣвернымъ моремъ) цѣпью проливовъ, изъ которыхъ самый важный, Зундъ, не шире четырехъ верстъ. Однимъ берегомъ этотъ проливъ принадлежитъ, правда, дружественной Даніи (но что значитъ дружба въ наши коварные дни? развѣ Николай I не былъ лучшимъ другомъ Турціи?)—другой же въ рукахъ Швеціи, дружественность которой, употребляя самыя дипломатическія выраженія, сомнительна[1]). А на четыре версты умѣли стрѣлять даже старыя гладкостѣнныя пушки, не то, что теперешнія. Словомъ, Зундъ «не нашъ» нисколько не менѣе, чѣмъ Босфоръ. Почему же существуетъ константинопольскій вопросъ, а нѣтъ копенгагенскаго? Если смотрѣть съ точки зрѣнія «выхода къ свободному морю», разумѣется—Боже насъ сохрани ссорить Россію съ Даніей; это тѣ, кто ищетъ «выхода», наводятъ на такія крамольныя мысли. Мы же къ этимъ крамольнымъ мыслямъ не можемъ присоединиться, хотя бы по одному тому, что никакъ не въ силахъ понять, почему Средиземное море—*свободное*? Свободнымъ моремъ называется такое, изъ котораго плыви, куда хочешь. Можно ли изъ Средиземнаго моря плыть, куда хочешь?

Написано лѣтомъ 1916 г.

Съ позволенія Англіи—да, безъ этого позволенія—нѣтъ, ибо оба выхода изъ Средиземнаго моря,—Гибралтарскій проливъ и Суэзскій каналъ,—находятся въ рукахъ Англіи и, это совершенно ясно, всегда будутъ фактически въ рукахъ *сильнѣйшей* морской державы даннаго времени. Сейчасъ этой сильнѣйшей морской державой является, безспорно, Англія. Но проливы пріобрѣтаются не на годъ и не на десять лѣтъ, а навсегда. Можно ли предсказать, не будучи человѣкомъ боговдохновеннымъ, какая держава будетъ «самой сильной на морѣ», ну, хотя бы, черезъ двадцать пять лѣтъ?

Какой вы, однако, пессимистъ, скажутъ. То вы инсинуируете, что русско-шведская дружба непрочна, то, что морская мощь Англіи не вѣчна. Все это буква буки, можетъ быть, это сбудется, можетъ быть, нѣтъ. Намъ важно имѣть «ключъ отъ собственнаго дома», въ обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ—въ условіяхъ status quo. Намъ нужно, чтобы мы въ мирное время могли провозить черезъ Босфоръ и Дарданеллы свои товары, не спрашиваясь какой-то Турціи. А что во время войны насъ заблокируютъ тѣ, кто сильнѣе насъ на морѣ, это само собою разумѣется: экую новость отыскали!

* * *

Всего три года тому назадъ я ни за что не рѣшился бы написать того, что сейчасъ слѣдуетъ. Такъ велико мое уваженіе къ читателю, что я никогда не осмѣлился бы напоминать ему объ учебникѣ Иловайскаго. Долженъ признаться, что три года тому назадъ я и не подозрѣвалъ, до чего это полезная книжка. Подумайте: благодаря ей, всякій гимназистъ можетъ знать то, что, по всей видимости, неизвѣстно «государственнымъ людямъ», выступающимъ съ рѣчами о Константинополѣ на трибунѣ Государственной Думы. Правда, есть большія основанія думать, что «государственные люди»[1]) нѣсколько лукавятъ: сами-то они знаютъ русскую исторію достаточно хорошо, но они разсчитываютъ, во-первыхъ, на силу забвенія, столь спасительную для гимназистовъ. а, во-вторыхъ, на всѣмъ извѣстную стыдливость русскаго обывателя, Если кто и не позабылъ еще совсѣмъ Иловайскаго, постыдится вспомнить. И вотъ, надо же кому-нибудь взять на себя бремя стыда! Я осмѣливаюсь напомнить, что Иловайскій, скрывъ отъ читателей обстоятельства кончины императоровъ Петра III и Павла I, не скрылъ, однако, отъ нихъ, что 2 сентября 1829 г. былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, предоставившій русскимъ торговымъ судамъ свободное плаваніе черезъ Босфоръ и Дарданеллы на все будущее время. *Въ обычныхъ мирныхъ условіяхъ, въ условіяхъ* status quo, *русскіе уже почти девяносто лѣтъ могутъ свободно и безпрепятственно возить свои товары черезъ проливы, не спрашиваясь турокъ*[2]). Оставалось устано-

---

[1]) Опредѣленіе, данное, какъ извѣстно, газетой «L'Humanité» г. Милюкову.

[2]) Для ясности приводимъ соотвѣтствующую, *седьмую*, статью трактата:

«Высокая Порта сверхъ того (т. е. уваженія общаго принципа свободы торговли, о чемъ говорилось въ трактатѣ передъ этимъ) обязуется, въ частности, тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы торговля и мореплаваніе въ Черномъ морѣ не могли встрѣтить никакой задержки, какого то ни было рода. Съ этою цѣлью, она (Порта) признаетъ и объявляетъ проходъ черезъ Константинопольскій каналъ (т.-е. Босфоръ) и черезъ Дарданельскій проливъ вполнѣ свободнымъ и открытымъ для русскихъ судовъ подъ торговымъ флагомъ, груженныхъ или съ балластомъ, идутъ ли они изъ Чернаго моря въ Средиземное, или изъ Средиземнаго въ Черное. Эти корабли, разъ только это будутъ торговыя суда, каковы бы ни были ихъ размѣры и ихъ назначеніе, не будутъ подвер-

вить *санкцію*. Собственно эта санкція содержится въ заключительномъ абзацѣ приведенной статьи Адріанопольскаго трактата: но средство, здѣсь предусматриваемое—война или, по крайней мѣрѣ, блокада—слишкомъ громоздко. Не мобилизовать же черноморскій флотъ изъ-за каждой мелкой придирки турокъ къ русскимъ торговымъ судамъ! Но не слѣдуетъ думать, что затрудненіе было непреодолимо, напротивъ, преодолѣть его было до чрезвычайности легко. Дѣло въ томъ, что въ свободномъ плаваніи черезъ проливы заинтересованъ не только русскій торговый флотъ и даже не онъ на первомъ мѣстѣ. Въ 1909—10 г. (турецкій отчетный годъ не совпадаетъ съ нашимъ) прошедшія черезъ Дарданеллы суда по національности распредѣлялись такъ:

	Число судовъ.	Тоннажъ (тыс. тоннъ).	% (тоннъ).
Англія	3.646	6.923	41,7
Греція	4.048	2.936	17,7
Австро-В	788	1.524	9,2
Россія	719	1.151	7,0
Италія	657	958	5,8
Германія	369	671	4,0
Франція	498	584	3,5

Итакъ, Англія, Греція и Австрія заинтересованы въ открытіи проливовъ, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ Россія; Италія, Германія и Франція—немногимъ меньше. Казалось бы, великолѣпная почва для *международнаго соглашенія* относительно проливовъ. И юридическій образецъ налицо: Суэзскій каналъ въ моментъ своего открытія лежалъ обоими своими берегами на турецкой территоріи. Стоило объявить проливы, подобно Суэзскому каналу, дорогой международнаго значенія—и всякая опасность блокады по злому умыслу Турціи была бы устранена. Въ литературѣ международнаго права этотъ проектъ и разраба-

---

гаться никакимъ задержкамъ или безпокойствамъ, какъ установлено выше... Въ силу того же принципа проходъ черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ объявляется свободнымъ и открытымъ для всѣхъ торговыхъ судовъ державъ, находящихся въ мирѣ съ Высокой Портой, идутъ ли они въ русскіе порты Чернаго моря, груженные или съ балластомъ, или возвращаются изъ нихъ, на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены для кораблей подъ русскимъ флагомъ. Наконецъ, Высокая Порта, признавая за Россійскимъ Императорскимъ дворомъ право обезпечить себѣ эту полную свободу торговли и плаванія въ Черномъ морѣ гарантіями, торжественно объявляетъ, что съ ея стороны никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ ни малѣйшаго препятствія (этой торговлѣ). Въ особенности она обѣщаетъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не позволять впредь останавливать или задерживать суда, груженныя или съ балластомъ, русскія или принадлежащія странамъ, съ которыми Оттоманская имперія не находится въ состояніи объявленной войны... Въ случаѣ же, отъ чего Боже сохрани, какое-либо изъ постановленій, содержащихся въ настоящей статьѣ, будетъ нарушено, и представленія россійскаго посланника по этому поводу не получатъ скораго и полнаго удовлетворенія, В. Порта заранѣе признаетъ за Росс. Имп. Дворомъ право разсматривать подобное нарушеніе, какъ актъ враждебный, и немедленно прибѣгнуть къ репрессаліямъ по отношенію къ Оттоманской имперіи» (Noradounghian, Recueil d'actes internationaux de l'empire ottoman, II, 170). Я перевелъ французскій текстъ, такъ какъ только онъ имѣетъ международное значеніе и обязателенъ для Турціи. Въ одной статьѣ «Лѣтописи» была ссылка и на Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 г.—ссылка совершенно правильная, ибо *принципіально* открылъ проливы для русской торговли именно онъ. Къ сожалѣнію, Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ редактированъ русскими дипломатами чрезвычайно туманно, повидимому, нарочно, чтобы использовать эту туманность противъ турокъ: на дѣлѣ этимъ воспользовались сами турки, нашедшіе въ договорѣ цѣлый рудникъ мелкихъ придирокъ. Такъ что *фактическая* свобода проливовъ для русской торговли датируется только 1829 годомъ.

тывался[1]). Но русскіе дипломаты интересовались этимъ проектомъ меньше всего на свѣтѣ. Только разъ (въ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ 1878 г.) была сдѣлана попытка объявить Дарданеллы и Босфоръ открытыми для нейтральныхъ судовъ даже въ случаѣ русско-турецкой войны. Но на Берлинскомъ конгрессѣ русская дипломатія, въ этомъ пунктѣ, не стала настаивать: вопросъ о черногорской границѣ былъ куда важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ—послѣ 1829 года «дверь отъ собственнаго дома» постоянно стояла открытой,—чего ужъ было хлопотать о ключѣ?

Но это въ мирное время, скажетъ читатель, а вдругъ война? Но, вѣдь, вы же сами согласились, дорогой читатель, что въ случаѣ войны насъ все равно заблокируютъ. И при этомъ все равно заблокируютъ, будутъ ли проливы въ нашихъ собственныхъ рукахъ или въ турецкихъ. Для флота болѣе сильнаго, чѣмъ русскій, такъ же легко запереть южный выходъ изъ Дарданелловъ, какъ туркамъ запереть сѣверный выходъ изъ Босфора. Нужно это твердо помнить: переходъ въ руки Россіи проливовъ гарантируетъ ее только на случай войны съ Турціей, только съ нею одной, безъ союзниковъ. Стоитъ туркамъ найти морского союзника, какъ бы онъ ни назывался, и «дверь отъ собственнаго дома» будетъ такъ же прочно заперта, какъ и раньше. Правда, будетъ заперта дверь внизу лѣстницы, а не дверь въ переднюю: но кто же пользуется дверями, чтобы сидѣть на своей собственной лѣстницѣ? Дверь нужна, чтобы можно было выйти изъ дому. А этого—съ точки зрѣнія русскаго *экономическаго* развитія—легче достигнуть путемъ *нейтрализаціи* проливовъ, чѣмъ путемъ обладанія ими[2]).

Итакъ? Итакъ, экономическое объясненіе, даваемое стремленію Россіи на берега Босфора „государственными людьми“, оказывается не имѣющимъ почти никакого касательства къ истинѣ. Его приходится принять лишь, какъ комплиментъ «историческому матеріализму» со стороны его наиболѣе непримиримыхъ противниковъ. Правду писалъ Булгаковъ, что «ни одна еще историческая эпоха не склонна была въ большей степени ощущать міръ, какъ хозяйство». Мода, значитъ, такая. Но портной рѣдко ходитъ въ модномъ платьѣ, и намъ, историческимъ матеріалистамъ по профессіи, не стоитъ гнаться за «государственными людьми». Намъ, по правдѣ сказать, начинаютъ сильно надоѣдать упрощенно-экономическія объясненія (въ родѣ, напримѣръ, того, что слухи о войнѣ пускаютъ пушечные заводчики). Все чаще и чаще мы вспоминаемъ слова Энгельса, что экономика объясняетъ исторію лишь *въ конечномъ счетѣ*. А такъ какъ въ конечномъ-то счетѣ экономически можетъ быть объяснено все, не исключая и православія, то не поискать ли намъ, какой историческій (и, можетъ быть, даже экономическій), фактъ отразила собою схема Достоевскаго?

* * *

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта схема весьма далека отъ какихъ бы то ни было фактовъ. «Восточный вопросъ есть исконная идея московскаго царства», говоритъ Достоевскій. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ эту мысль еще опредѣленнѣе.

«Итакъ, во имя чего же, во имя какого *нравственнаго* права могла бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія

[1]) Въ книгѣ *Жихарева* «Русская политика въ восточномъ вопросѣ». Ср. Michof. La mer Noir et les détroits de Constantinople. Paris 1899.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе въ цитиров. статьѣ «Лѣтописи», стр. 189—190.

цѣли могла бы требовать его отъ Европы? А вотъ именно какъ предводительница православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль, предназначенная ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи...» Конечно, о «древнемъ гербѣ Россіи» мы ничего не знаемъ—его и не могло быть, ибо въ предшествующую Ивану III эпоху будущая «Россія» не представляла собою одного цѣлаго, а была раздѣлена на множество мелкихъ государствъ. Достоевскій, вѣроятно, вспомнилъ, что Иванъ замѣнилъ двуглавымъ орломъ старый *московскій* гербъ—Георгія Побѣдоносца. Но гербъ Москвы не есть гербъ Россіи точно такъ же, какъ гербъ Парижа не есть гербъ Франціи. Это мелочь—но, къ сожалѣнію, и въ крупномъ Достоевскій не точнѣе, чѣмъ въ мелочахъ. Это вѣрно, что при Иванѣ III московское царство (еще не Россія! Достоевскій, вѣроятно, считалъ Кіевъ русскимъ городомъ а не только Кіевъ, но и Смоленскъ лежалъ еще за предѣлами державы Ивана III) взяло на себя роль покровителя, охранителя и предводителя православія. Но изъ этого отнюдь не слѣдовало, что московскіе цари должны были стремиться къ матеріальному обладанію настоящимъ Царьградомъ, тѣмъ, который стоитъ у выхода изъ Босфора въ Мраморное море. Русскимъ книжникамъ, вырабатывавшимъ идеологію всемірнаго православнаго царства, нуженъ былъ не этотъ реальный Царьградъ, а Царьградъ мистическій, православнѣйшій городъ вселенной, искать который на картѣ было бы такъ же странно, какъ искать на ней земной рай. Онъ былъ тамъ, гдѣ краше всего цвѣтетъ православіе, гдѣ на его непорочной бѣлизнѣ нѣтъ ни единаго пятнышка ереси. Въ такомъ именно незапятнанномъ видѣ было православіе въ Москвѣ—она и была *третьимъ Римомъ*. Константинополь же, наоборотъ, оттого и погибъ, попалъ въ руки безбожныхъ агарянъ, что запятналъ себя ересью, подчинившись власти римскаго папы (Флорентійская унія 1439 г.). Великому русскому мистику девятнадцатаго вѣка было далеко до его предшественниковъ шестнадцатаго,—и если бы поставить Достоевскаго на очную ставку со старцемъ Филоѳеемъ, плохо пришлось бы автору «Преступленія и наказанія».

Идея крестоваго похода на турокъ для отнятія у нихъ Константинополя есть идея не православная, а *католическая*. По своему происхожденію она тѣсно связана съ тою самой флорентійской уніей, которая въ глазахъ православныхъ москвичей была такимъ великимъ грѣхопаденіемъ грековъ. Именно потому византійская церковь и пошла подъ папское иго, что это казалось единственнымъ возможнымъ средствомъ получить вооруженную помощь Западной Европы при посредствѣ папы. Надежда была обманута—Византія отстала въ своихъ представленіяхъ о Западной Европѣ на три столѣтія. Папы пятнадцатаго вѣка оказались не въ силахъ повторить подвиги папъ одиннадцатаго вѣка—Европа не встала крестовымъ походомъ на турокъ. Но папство честно исполняло принятое на себя обязательство—и паденіе Константинополя только усилило католическую пропаганду крестоваго похода. Мало успѣшная на Западѣ, пропаганда эта была явно болѣе успѣшна на Востокѣ Европы, въ Венгріи и въ Польшѣ, гдѣ лучше чувствовалась турецкая опасность. Когда появилась на политической сценѣ Москва, это возбудило величайшія надежды. Желаніе Ивана III породниться съ византійскимъ царскимъ домомъ, проживавшимъ въ изгнаніи, было сейчасъ же подхвачено римской куріей и использовано для цѣлей крестоносной пропаганды. Успѣхъ казался такъ несомнѣненъ, что византійскую принцессу Зою (будущую московскую царицу Софію Па-

леологъ) снабдили деньгами на путевыя издержки изъ спеціальной кассы крестоваго похода. Ея свадьба съ великимъ княземъ московскимъ разсматривалась, какъ одно изъ подготовительныхъ военныхъ дѣйствій! Но Иванъ III готовилъ римской куріи жестокое разочарованіе. Хитрый московскій вотчинникъ желалъ путемъ брака съ Зоей прежде всего сдѣлаться вотчинникомъ и всемірнаго православнаго царства: онъ и вселенское православіе не могъ мыслить иначе, какъ въ видѣ огромной вотчины. До конкретной вотчины его будущихъ родственниковъ, Константинополя съ его пригородами, Ивану III было мало дѣла: гораздо соблазнительнѣе были тѣ, тоже православныя, земли, которыя лежали на западъ отъ Москвы, въ границахъ тогдашняго великаго княжества литовскаго. Характерно, что «проливы», въ извѣстномъ смыслѣ—и въ извѣстномъ масштабѣ, нужно прибавить—были интересны для Москвы уже и въ XV вѣкѣ; черезъ крымскій Сурожъ (теперешнюю Ѳеодосію) въ Москву шли шелковыя ткани, а торговля ими была настолько важной, что «гости-сурожане» стояли въ первомъ ряду московскихъ купцовъ. Сурожская торговля нуждалась въ хорошихъ отношеніяхъ Москвы съ крымскимъ ханомъ—вассаломъ султана турецкаго, вліяніе же московской буржуазіи въ московскомъ царствѣ было гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Иванъ не только не собирался воевать съ султаномъ, но старался ради интересовъ своего купечества сблизиться съ султаномъ тѣснѣе, чѣмъ то было раньше. «Какъ мой человѣкъ Ѳедоръ былъ въ рукахъ у султана турскаго, то ему говорили паши большіе, господаря своего словомъ, что салтанъ турскій хочетъ со мною дружбы,—писалъ Иванъ крымскому хану:—и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой дружбы со мною хочетъ Турскій?» Султанъ, черезъ хана же, отвѣтилъ: «Если государь московскій крымскому хану братъ, то будетъ и мнѣ братъ». Въ Римѣ были чрезвычайно плохо освѣдомлены о русско-турецкихъ отношеніяхъ. Если на безоблачное небо московско-турецкаго братства и налетали иногда облачка, то это бывало опять-таки въ связи съ тѣми же торговыми сношеніями; турецкіе чиновники были злѣйшіе взяточники и московскихъ купцовъ въ турецкихъ городахъ прямо грабили. Иванъ III писалъ по этому поводу жалобы въ Константинополь, но въ крайне вѣжливой формѣ, очевидно, отнюдь не желая ссориться; въ первой грамотѣ имя султана было поставлено прежде имени великаго князя—честь, которой не находили нужнымъ оказывать христіанскимъ сосѣдямъ московскаго государства. «Честь» султана, впрочемъ, и послѣ высоко расцѣнивалась при московскомъ дворѣ: ровнею для себя его соглашался признавать и Иванъ Грозный, тогда какъ претензіи шведскаго, напримѣръ, короля на равенство съ московскимъ царемъ признавались «такъ отстоящими отъ мѣры, какъ небо отъ земли».

Грозный былъ первымъ русскимъ царемъ, который какъ будто поддался вліянію не устававшей римской пропаганды въ пользу крестоваго похода на турокъ. Онъ чрезвычайно обрадовалъ Римъ своимъ заявленіемъ готовности стать вмѣстѣ съ папою и императоромъ противъ турецкаго султана. Но Иванъ IV былъ не менѣе хитеръ, чѣмъ его дѣдушка: ему нужна была помощь папы не противъ султана, а противъ польскаго короля Стефана Баторія, который когда-то былъ турецкимъ вассаломъ по воеводству седмиградскому, что дѣлало его въ глазахъ Грознаго совершеннымъ туркомъ, и даже много хуже; много хуже, потому что турки были далеко, и вреда отъ нихъ не было, а Баторій стоялъ подъ Псковомъ. Въ Римѣ едва ли не понимали своекорыстной подкладки крестоноснаго усердія, вдругъ овладѣвшаго мо-

сковскимъ царемъ,—но, какъ люди практическіе, рѣшили взять то, что есть. Въ Москву былъ отправленъ знаменитый Антоній Поссевинъ, при посредствѣ котораго и былъ заключенъ миръ съ Польшей. Послѣ этого, разумѣется, сейчасъ же оказалось, что московская армія слишкомъ утомлена войной, чтобы еще итти въ новый походъ. Римской куріи пришлось подождать, пока на московскомъ престолѣ оказался, волею случайностей, какихъ не выдумать ни одному бульварному романисту, настоящій католикъ. При Названномъ Димитріи (вѣроятно, скоро мы его будемъ называть просто Димитріемъ—теорія «самозванства» старѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ историковъ) приготовленія къ походу на Царьградъ пошли такъ живо, какъ только можно было ожидать отъ этого человѣка, который былъ слишкомъ хорошимъ военнымъ, чтобы быть удовлетворительнымъ царемъ для своего времени. Именно въ этихъ приготовленіяхъ московскій народъ и усмотрѣлъ нѣчто еретическое—вмѣсто крестоваго похода костями будущаго крестоносца выстрѣлили по направленію къ Риму. Вслѣдъ за тѣмъ вопросъ о войнѣ съ Турціей сошелъ съ очереди московской политики до той поры, когда турки сдѣлались нашими сосѣдями по Украинѣ, а московскій торговый капиталъ сталъ искать новыхъ дорогъ во всѣ стороны свѣта. Въ это время, во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, старая идеологія вселенскаго православія гибла на кострахъ съ послѣдними «расколоучителями»,—и скоро глава вселенскаго православія, вмѣсто того, чтобы благоговѣйно вести за поводъ «осля», на которомъ ѣхалъ святѣйшій патріархъ, сталъ провожать со своимъ дворомъ всешутѣйшаго патріарха «въ садъ набережной, къ погребу фряжскому» .. Секуляризованная Москва (дѣло было еще не въ Петербургѣ!) быстро обгоняла своихъ западныхъ учителей. Петръ охотно воевалъ съ турками (до прутскаго похода), но подводить его политику подъ категорію «крестоваго похода» было бы такъ же странно, какъ видѣть остатокъ крестоноснаго движенія въ экспедиціи Бонапарта въ Палестину.

Итакъ, что касается историческихъ фактовъ, доводы Достоевскаго являются, конечно, «неосновательными». Нужно сказать, что онъ не болѣе основателенъ и въ области фактовъ, ему современныхъ. Повѣрятъ ли читатели, что онъ надѣялся получить Константинополь—при помощи Германіи?! «Въ Европѣ есть Германія, и та на нашей сторонѣ». «Что Германіи дѣлить съ нами? объектъ ея—все западное человѣчество. Она себѣ предназначила западный міръ Европы, провести въ него свои начала вмѣсто римскихъ и романскихъ началъ и впредь стать предводительницею его, а Россіи она оставляетъ Востокъ. Два великіе народа такимъ образомъ предназначены измѣнить ликъ міра сего... Надо считать, что дружба Россіи съ Германіей нелицемѣрна и тверда и будетъ укрѣпляться чѣмъ дальше, тѣмъ больше, распространяясь и укрѣпляясь постепенно въ народномъ сознаніи обѣихъ націй, а потому, можетъ быть, даже не было и момента для Россіи выгоднѣе для разрѣшенія Восточнаго вопроса окончательно, какъ теперь». («Дневникъ Писателя», 1877 годъ, *ноябрь*). Это кажется теперь бредомъ; но не нужно забывать, что въ возможность добыть Константинополь при помощи Германіи тогда вѣрилъ и глава россійской дипломатіи, кн. Горчаковъ. «Бисмаркъ заявилъ (будто-бы, гр. Шувалову), что для поддержанія нашихъ претензій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію», писалъ передъ началомъ русско-турецкой войны 1877 г. Горчаковъ русскому послу въ Берлинѣ, Убри[1]). Достоевскій бредилъ

[1]) См. *Горянинова* «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 316 франц. перевода.

въ хорошей компаніи... А затѣмъ не нужно придираться къ фактической аргументаціи Достоевскаго—важна *схема*, а она гораздо шире этой аргументаціи въ своихъ основаніяхъ. Почему Германія поможетъ Россіи взять Константинополь? Потому что «истинному германцу болѣе всѣхъ ненавистенъ»—вы думаете, турецкій султанъ? Нѣтъ, «*соціализмъ*». Но какая же связь между борьбою противъ соціализма и отдачей Россіи Константинополя? Какъ же вы не знаете: вѣдь «соціализмъ есть чудовище, порожденное *католицизмомъ*». Теперь начинаете понимать? «Католичество умирать не хочетъ, соціальная же революція и новый соціальный періодъ въ Европѣ тоже несомнѣненъ: двѣ силы должны согласиться, два теченія слиться. Разумѣется, католичеству даже выгодны будутъ рѣзня, кровь, грабежъ и хотя бы даже антропофагія. Тутъ-то оно и можетъ надѣяться поймать на крючокъ въ мутной водѣ еще разъ свою рыбу...» А противъ католицизма и его исчадій какого же Германія можетъ найти союзника надежнѣе, чѣмъ православная Русь? И Достоевскій заранѣе торжествуетъ, предвидя «предрѣшенную Бисмаркомъ судьбу Франціи»—въ его глазахъ воплощенія католицизма и соціализма одновременно. «Францію ждетъ судьба Польши и политически жить она не будетъ»...

Но оставимъ эту новую бредовую картину, попробуемъ резюмировать *логику* аргументаціи Достоевскаго, не придираясь къ фактамъ, которые онъ, счастливо или несчастливо, приводитъ для иллюстраціи своихъ мыслей. Что все это значитъ? Россія должна получить Царьградъ, дабы Бисмаркъ («единственный политикъ въ Европѣ, проникающій геніальнымъ взглядомъ своимъ въ самую глубь фактовъ») могъ справиться съ Франціей и соціализмомъ («соціализмомъ проѣдена Германія»). Это—программа новаго «священнаго союза», какъ и священный союзъ 1815 г., направленнаго противъ революціи, тогда «якобинской», теперь соціалистической, но воплощавшейся и тогда, и теперь одинаково во Франціи. Для 1815 года воплощеніе было выбрано удачнѣе, чѣмъ для 1877 (не забудемъ все-таки, что эти годы, конецъ 70-хъ, были весной республиканскаго движенія, повалившаго Макъ-Магона, и что у всѣхъ была еще въ свѣжей памяти коммуна), но это опять литературная сторона дѣла: суть же его заключается въ томъ, что переходъ Константинополя въ руки Россіи являлся для Достоевскаго, частью *общеевропейской реакціонной программы*. Въ этомъ, конечно, ея *отличіе* отъ программы 1815 г.: тогда Россіи, за ея услуги дѣлу реакціи никто не думалъ отдавать въ награду Константинополь; напротивъ, фактическій вождь Священнаго союза, Меттерних, старался создать изъ этого союза непереходимую преграду между Россіей и Константинополемъ[1]). Но нужно сказать, что въ 1815 году найти реакціонеровъ было легко: если бы Бисмаркъ вздумалъ повторить Меттерниха (что въ трезвую голову вождя прусскаго юнкерства никогда не пришло бы), ему пришлось бы покупать себѣ союзниковъ болѣе дорогой цѣной. «Расчетецъ» Достоевскаго былъ тоньше, чѣмъ съ перваго взгляда кажется. Но дѣло опять-таки и не въ цѣлесообразности программы Достоевскаго. Дѣло въ ея идеологической подкладкѣ. Его ассоціація: реакція—русскій Царьградъ, есть ли это что-нибудь одинокое въ литературѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Эту тему развивалъ еще Погодинъ въ своихъ «Политическихъ письмахъ» 1854 года; очень

---

[1]) Великолѣпный матеріалъ для освѣщенія этой стороны Священнаго союза даетъ недавно опубликованная в. кн. Николаемъ Михайловичемъ переписка Меттерниха съ Лебцельтерномъ, австрійскимъ посломъ при Александрѣ I.

близко къ этой темѣ подходилъ Данилевскій, авторъ «Россіи и Европы», въ концѣ 60-хъ гг. Очень близко, но не вплотную все же: цитированная нами глава «Дневника Писателя» и посвящена дружеской полемикѣ именно съ Данилевскимъ (у котораго такъ много «превосходныхъ и вѣрныхъ разсужденій, напримѣръ, о томъ, что Константинополь по изгнаніи турокъ отнюдь не можетъ стать вольнымъ городомъ, въ родѣ, какъ, напримѣръ, прежде Краковъ, не рискуя сдѣлаться гнѣздомъ всякой гадости, интриги, убѣжищемъ всѣхъ заговорщиковъ всего міра, добычей жидовъ, спекулянтовъ и проч., и проч.»). Послѣдній, нѣсколько болѣе политическій человѣкъ и нѣсколько менѣе мечтатель, чѣмъ Достоевскій, не надѣялся, чтобы «Европа», которую онъ отъ всей души ненавидѣлъ, хотя бы даже въ образѣ Бисмарка, согласилась отдать Россіи Царьградъ въ единоличную собственность: онъ поэтому разсчитывалъ замаскировать главенство Россіи, предлагая сдѣлать Константинополь «общимъ городомъ всѣхъ восточныхъ народностей». Достоевскій, вѣрившій въ своего Бисмарка, не видѣлъ нужды въ подобномъ маскарадѣ, и возмущался имъ. Во всемъ остальномъ оба оппонента были совершенно согласны, какъ можно видѣть по приведенной цитатѣ о судьбѣ Константинополя—вольнаго города. Что же касается реакціонности, то въ этой области Данилевскій, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться почти офиціальнымъ идеологомъ Россіи Александра III (при Толстомъ и Деляновѣ «Россія и Европа» рекомендовалась, какъ настольная книга, всѣмъ студентамъ и преподавателямъ исторіи), конечно, не уступалъ автору «Братьевъ Карамазовыхъ». Самодержавная Россія стояла для него, какъ чистая дѣвственница, передъ запятнанною скверной всяческаго либерализма и демократизма Европой. Самодержецъ былъ для Данилевскаго не только полновластнымъ распорядителемъ судебъ своихъ подданныхъ: онъ былъ ихъ мозгомъ и сердцемъ, они думали его мыслями и двигались его волей. «Русскій народъ можетъ быть приведенъ въ напряженіе всѣхъ его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, въ состояніе, которое мы называемъ *дисциплинированнымъ энтузіазмомъ*, волею его государя, независимо отъ непосредственнаго возбужденія отдѣльныхъ единицъ—личностей, составляющихъ народъ, тѣмъ или другимъ интересомъ, событіемъ или вообще возбужденіемъ». Читатель, вы видали такую картину, не правда ли? Только вмѣсто «русскій народъ»—зачѣмъ же клеветать на рабочихъ и крестьянъ?—слѣдовало бы, конечно, поставить: «русская интеллигенція».

II.

Въ своей исторіи Россія три раза была близка къ Константинополю: при Екатеринѣ II, при Николаѣ I и, въ послѣдній разъ, при Александрѣ II, въ началѣ 1878 г. Предшествующіе русскіе походы на турокъ, Петра и Миниха, не ставили еще себѣ такой высокой цѣли; промежуточная война, турецкая война Александра I, была лишь аксессуаромъ внѣшней политики этого государя: Александръ I искалъ Царьграда, но искалъ его въ Эрфуртѣ, въ рукахъ Наполеона; его политика всегда и неизмѣнно была оріентирована на западъ, а не на югъ. Всѣ три устремленія къ Царьграду тѣсно связаны не только съ международной обстановкой своего времени, но, пожалуй, еще тѣснѣе и больше съ внутреннимъ состояніемъ Россіи въ данный моментъ. Всѣ знаютъ о «попыткахъ реформъ» или о «либеральныхъ настроеніяхъ» Екатерины II въ годы, предшествовавшіе первой турецкой

войнѣ: о «Комиссіи для сочиненія новаго уложенія», о «Наказѣ» Екатерины этой комиссіи и т. д. Для объясненія всего этого классическая русская исторіографія довольствовалась самымъ простымъ изъ субъективныхъ объясненій: Екатерина начиталась французскихъ книжекъ, она была неопытна, не знала жизни, она думала распланировать по книжкамъ свою политику—и разочаровалась въ этомъ; жизнь сдѣлала ее изъ мечтательницы дѣльцомъ, и первая турецкая война была началомъ ея «дѣловой» политики. Но Екатерина воспитывалась не въ институтѣ, а при дворѣ Елизаветы Петровны, въ обстановкѣ до того реальной, что о всѣхъ подробностяхъ этой обстановки даже и теперь [1]) писать нельзя. Кто читалъ «записки Екатерины», тотъ, вѣрно, согласится, что пятнадцатилѣтней дѣвочкой она была куда хитрѣе и житейски-опытнѣе своихъ позднѣйшихъ историковъ. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, давно пора покончить съ иллюзіей, будто Екатерина была полной хозяйкой своихъ политическихъ шаговъ. Ее посадилъ на престолъ кружокъ Орловыхъ. Какъ она относилась къ главѣ этого кружка, покажетъ одно письмо, очень позднее и тѣмъ болѣе любопытное. Когда Григорій Орловъ, въ 1772 г., ѣхалъ на Фокшанскій конгрессъ, Екатерина писала о немъ одной своей пріятельницѣ: «Гр. Орловъ, безъ преувеличенія, самый красивый человѣкъ своего времени... я готова биться объ закладъ, что онъ наружностью своею уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ. Это удивительный человѣкъ: природа была къ нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всемъ этомъ у него нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго, все природное, и, что очень важно, все хорошо...» Эти восторженныя строки (которыя мы не приводимъ всѣ цѣликомъ,—дальше тамъ еще есть комплименты уму и способностямъ Орлова) писались послѣ того, какъ авторъ письма прожилъ съ Орловымъ двѣнадцать лѣтъ: срокъ, послѣ котораго супруги относятся другъ къ другу, обыкновенно, весьма трезво. Можно себѣ представить, чѣмъ былъ Орловъ для Екатерины въ первые годы ихъ близости. Въ эти первые годы политика Екатерины была столько же, если еще не больше, политикой и Орлова: въ особенности внѣшняя политика. А Орловъ еще въ 1763 г., раньше всякихъ «разочарованій», посылалъ въ Грецію двухъ русскихъ офицеровъ греческаго происхожденія, которые доносили пославшему, «что если у Россіи съ турками будетъ война, то они всѣ (греки) единодушно встанутъ противъ Порты...» «По моему усердію», писалъ одинъ изъ нихъ, «смѣю представить о томъ, чтобъ отправить въ Средиземное море противъ турокъ 10 россійскихъ военныхъ кораблей и на нихъ нагрузить пушекъ довольное число; завидѣвши ихъ, греки бросились бы на соединеніе съ русскими; у грековъ есть свои немалыя суда, но ихъ надобно снабдить пушками, сами же греки—народъ смѣлый и храбрый». Это — готовый планъ морейской экспедиціи Алексѣя Орлова, 1769—70 гг.

Если политика, внѣшняя и внутренняя, первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II опредѣлялась чьими-нибудь субъективными настроеніями, то это были, конечно, не настроенія самой Екатерины, или даже Григорія Орлова—это были настроенія той силы, отъ которой зависѣли и Екатерина, и Орловы,—русскаго *дворянства*. А субъективность этого общественнаго класса, какъ и всякаго другого общественнаго класса, вездѣ и всегда опредѣлялась, въ свою очередь, объективными *экономическими* условіями. Въ 1760-хъ годахъ русское помѣщичье хозяйство переживало тяжелый кризисъ. Ему было тѣсно въ

[1]) Написано въ 1916 г.

тѣхъ границахъ, въ какія поставила его русская исторія предшествующаго столѣтія. «По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію (московскую петровскаго дѣленія,—которая включала въ себя будущія екатерининскія губерніи: калужскую, тульскую, владимірскую, ярославскую и костромскую, кромѣ самой московской—т.-е. охватывала собою почти всю Центральную Россію), многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать и для того принуждены другими работами оный сыскивать», писалъ кн. Щербатовъ немного позже этой эпохи и основываясь на данныхъ, ей современныхъ[1]). Въ началѣ второй половины 18-го вѣка въ Россіи, центральной, по крайней мѣрѣ (т.-е. коренной помѣщичьей Россіи, потому что въ Сѣверной Россіи крѣпостного права почти не было, а въ Поволожьѣ еще не закончилась колонизація), наблюдалось уже *перенаселеніе*. Не абсолютное, конечно, а весьма *относительное*, что Щербатовъ тутъ же и даетъ понять. Сказавъ, что въ Центральной Россіи «никакое прилежаніе» не можетъ дать достаточнаго для населенія количества хлѣба, онъ, очевидно, подразумѣвалъ «при данномъ уровнѣ хозяйства», потому что выше, говоря даже о сѣверной, «не столько плодородной», части этого пространства, онъ замѣчаетъ: «хотя есть ли бы всевозможное прилежаніе и въ сихъ провинціяхъ употреблено было о земледѣліи, то и тутъ не только довольное, но и излишнее пропитаніе могла бы земля дать, яко то видимъ по примѣру добрыхъ домостроителей Ярославскаго, Галицкаго и Костромскаго уѣздовъ, гдѣ иногда рожь въ восмеро (т.-е. самъ 8), а ячмень въ десятеро и въ двѣнадцатеро приходитъ». Такимъ образомъ, выходомъ изъ тупика являлась, прежде всего, *интенсификація хозяйства*. Но большинство тогдашнихъ помѣщиковъ предпочитало другой выходъ, какъ свидѣтельствуетъ показаніе другого знатока сельскаго хозяйства того времени, Болотова (автора знаменитыхъ мемуаровъ). Сообщая Вольному Экономическому обществу о положеніи дѣлъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Калужской губ., Болотовъ писалъ: «сколько я примѣтить могъ, то во многихъ мѣстахъ здѣшняго уѣзда болѣе способныхъ работниковъ, нежели земли, къ дѣланію способной. Почему многіе помѣщики отъ времени до времени вывозятъ крестьянъ своихъ въ Воронежскую и Бѣлогородскую губернію и селятъ *въ степныхъ уѣздахъ*». Кромѣ интенсификаціи хозяйства былъ, значитъ, и болѣе простой способъ бороться съ относительнымъ перенаселеніемъ: путемъ простого *расширенія площади хозяйства*. При этомъ *типъ хозяйства*, разумѣется, оставался бы старый. Первый способъ являлся, такимъ образомъ, прогрессивнымъ, съ экономической точки зрѣнія, второй—консервативнымъ.

Но проблема была сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. На кризисъ, созданный постепенно ростомъ населенія, кризисъ, такъ сказать, «нормальный», легъ другой кризисъ — болѣе экстренный и болѣе острый, созданный Семилѣтней войной. Здѣсь нѣтъ мѣста останавливаться на этомъ эпизодѣ русской внѣшней политики, а стоило бы: Семилѣтняя война показываетъ, что въ исторіи повторяются не только эволюціонные ряды (всякая новая страна, вступая на путь капиталистическаго развитія, повторяетъ, въ общихъ чертахъ, исторію своихъ предшественницъ),—но что исторіи иногда приходитъ

1) «Статистика въ разсужденіи Россіи», откуда я заимствую эту и слѣдующую цитаты, написана въ серединѣ 1770-хъ гг. Что данныя относятся къ предшествующему времени, показываетъ петровское раздѣленіе губерній: въ 1775 г. было уже екатерининское.

капризъ повторяться феноменологически, съ чисто внѣшней стороны. Иная статья «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1757 года, съ разсужденіями о «сущихъ варварахъ», именуемыхъ пруссаками, отлично могла бы подойти современной патріотической газетѣ — если бы не устарѣлый языкъ, а исторія нарушенія Фридрихомъ II нейтралитета Саксоніи точка въ точку напоминаетъ, и въ оправданіяхъ, и въ обвиненіяхъ, нарушеніе бельгійскаго нейтралитета въ іюлѣ 1914 г. Но сейчасъ для насъ интересны не обстоятельства возникновенія этой войны, а ея финансово-экономическіе результаты. Эти результаты, въ двухъ словахъ, хорошо охарактеризовалъ извѣстный «тайный секретарь» Петра III, Волковъ: «если бы паче чаянія и ожиданія надлежало войну еще нѣсколько лѣтъ продолжать, то въ государствѣ серебрянаго рубля не осталось бы». Можно сказать, что и такъ рублей оставалось немного: въ 1760 г. жалованье арміи платили мѣдной монетой, да и то въ половинномъ размѣрѣ — при чемъ и для этого пришлось расплавить нѣсколько старыхъ пушекъ. Помѣщики-офицеры, на долгіе годы оторванные отъ своихъ хозяйствъ и въ то же время пріобрѣтшіе въ заграничныхъ походахъ новые вкусы и потребности, были въ долгу, какъ въ шелку. Имъ нужны были деньги и для уплаты долговъ и процентовъ по нимъ, и на новую жизнь, болѣе «европейскую»,—то-есть, менѣе удовлетворяющуюся домодѣльнымъ и домотканнымъ. Откуда достать денегъ? Отвѣтъ на это давалъ тотъ же Волковъ: «Хлѣбный здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ», говорилъ онъ въ той же, цитированной нами, запискѣ 1760 г. «Хлѣбный торгъ производитъ Рига и великую полякамъ прибыль дѣлаетъ: то, мнѣ кажется, стыдно столь изобильной Россіи въ семъ торгу ничего не участвовать и весь свой хлѣбъ на одномъ винѣ пропивать». Вольное Экономическое общество сразу стало на ту же точку зрѣнія. «Большая часть полуденныхъ европейскихъ земель пшеницею питаются», писалъ секретарь общества, Клингштетъ, въ первомъ же томѣ его «Трудовъ»: «понеже многія изъ сихъ государствъ гораздо меньше у себя имѣютъ хлѣба, нежели къ содержанію ихъ жителей потребно, то цѣна пшеницы выше прочихъ родовъ хлѣба, и сей продуктъ долженъ быть сочтенъ продажнымъ во всякое время товаромъ». И отдѣльный дворянинъ, и дворянское государство искали денегъ, и оба находили: второе — выгодный торговый балансъ, первый — обезпеченный денежный доходъ въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства (кромѣ хлѣба, за границу шли ленъ, конопля и пенька, которые составляли очень видную статью русской отпускной торговли 1760-хъ гг.,—въ 1769 г., напр., льна и пеньки было вывезено почти на 50 милліоновъ теперешнихъ, 1916 года, рублей).

Второй кризисъ обострялъ первый,—а найденный выходъ, казалось, разрѣшалъ ихъ оба. Западно-европейскій рынокъ могъ поглотить сколько-угодно хлѣба,—не уставай только пахать, сѣять и жать. Избыточное населеніе изъ проклятія становилось благословеніемъ. Но тутъ вопросъ опять раздваивался: какъ утилизировать силы этихъ «лишнихъ людей»? Мы видѣли, что земля въ Центральной Россіи обрабатывалась далеко не такъ интенсивно, какъ могла бы: нельзя ли сдѣлать трудъ подмосковнаго крестьянина производительнѣе, и какъ? Съ другой стороны, необозримая площадь степного чернозема почти не видала еще работника; не проще ли передвинуть избытокъ сельскаго населенія туда, какъ это и дѣлали уже калужскіе помѣщики, по свидѣтельству Болотова? Выбиратъ тотъ или другой способъ приходилось не путемъ теоретическаго размышленія,—и тамъ, и тутъ помѣщикъ скоро натыкался на препятствія, которыхъ онъ не могъ преодолѣть средствами

частнаго хозяйства. Поперекъ дороги попыткамъ сдѣлать это хозяйство болѣе интенсивнымъ лежало *крѣпостное право:* барщинный трудъ былъ мало производителенъ, что отлично сознавалось тогдашними хозяевами-практиками. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Рычковъ, такъ изображалъ «пакости» лѣниваго и лукаваго раба, пахавшаго барскую землю: «когда пашутъ, то стараются сдѣлать недопашку и завалить ее пластомъ или рыхлою землею, когда сѣютъ, то зерно мечутъ непорядочно и дѣлаютъ обсѣвки, на которыхъ мѣстахъ хлѣба уже не родится и бываютъ прогалины. Во время полотья и жнитва очень много втаптываютъ въ землю хлѣба такъ, что плутовства ихъ распознать невозможно». Но и переселеніе въ степи не разрѣшило затрудненія, въ особенности съ точки зрѣнія новой постановки вопроса—производства хлѣба *для вывоза.* Корреспондентъ Вольнаго Экономическаго общества въ Слободской Украинской провинціи (нынѣшняя Харьковская губернія) писалъ, что въ его краяхъ «земледѣльцы не прилежатъ къ размноженію пшеницы, равно какъ и прочаго хлѣба»: сѣятъ «столько, сколько кому, по его семейству, на пропитаніе до новой жатвы стать можетъ». Причиной же было то, что «они не имѣютъ способа, куда оный (хлѣбъ) съ прибылью отпускать, потому что въ близости сихъ странъ никакого порта нѣтъ». Сѣверный берегъ Чернаго моря принадлежалъ Турціи.

Первое затрудненіе можно было преодолѣть *освобожденіемъ крестьянъ.* Второе—завоеваніемъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, т.-е. *войной съ Турціей.* Въ силу совершенно объективныхъ, неотвратимыхъ условій, война съ турками составляла неизбѣжный этапъ второго способа выйти изъ кризиса,—способа, который мы выше назвали консервативнымъ. Мы видѣли, что правительство, въ лицѣ Григорія Орлова, уже въ 1763 г. имѣло въ перспективѣ турецкую войну и готовилось къ ней. Но справедливость требуетъ упомянуть, что былъ испробованъ и первый путь,—и только, когда выяснились *политическія* неудобства и опасности этого пути для правительства, онъ былъ оставленъ. Съ этою цѣлью—найти прогрессивный выходъ изъ кризиса было основано Вольное Экономическое общество, первымъ президентомъ котораго былъ именно Гр. Орловъ. Не безъ его, по всей вѣроятности, участія обществомъ, скоро послѣ его основанія, была поставлена на конкурсъ тема объ освобожденіи крестьянъ, съ землею или безъ земли[1]). Увѣнчано преміей было сочиненіе Беарде-Делабэ, гдѣ говорилось, что Богъ далъ человѣку право на ту землю, которую онъ обрабатываетъ, и что «собственность не можетъ быть безъ вольности». Практически Беарде-Делабэ имѣлъ въ виду, кажется, что-то очень похожее на дѣйствительно осуществившееся въ реформѣ 1861 г.: осво-

1) «Что полезнѣе для общества,—чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его право на то или другое имѣніе простираться должно?» Хотя слово «освобожденіе» или «свобода» въ темѣ не стоитъ, но все дворянское общество сразу поняло, что дѣло идетъ объ освобожденіи крестьянъ,—доказательствомъ является извѣстное «возраженіе» Сумарокова, гдѣ онъ ставитъ вопросъ открыто: «потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода?» Исторія возникновенія темы окутана легендой, отводящей почетное мѣсто Екатеринѣ II (см. *В. И. Семевскій* «Крестьянскій вопросъ», I, стр. 46). Легенда, какъ всѣ легенды, отмѣчена бросающеюся въ глаза неправдоподобностью. Вольн. Экон. Общество (т.-е. Григ. Орловъ!) будто бы долго не могло догадаться, что письмо идетъ отъ императрицы,—которая, надобно думать, прежде всего показала его именно Орлову. Медленный ходъ дѣла (двѣ попытки, изъ нихъ первая неудачная) объясняется, скорѣе всего, тѣмъ, что Орловъ уже въ обществѣ встрѣтилъ тренія, какъ ни тщательно былъ подобранъ составъ общества. Это было плохое предзнаменованіе для дальнѣйшаго.

божденіе крестьянъ съ маленькимъ надѣломъ, что вынудило бы освобожденныхъ арендовать помѣщичьи земли; подразумѣвалось само собою, что трудъ вольныхъ арендаторовъ дастъ ренту гораздо выше той, которая получалась отъ барщины или оброка крѣпостныхъ крестьянъ. Если вспомнить, что все это писалось почти ровно за сто лѣтъ до 19 февраля, мы должны будемъ согласиться, что намѣреніе Екатерины и Орлова были весьма прогрессивныя. Въ объективной осуществимости реформы не могло быть сомнѣнія, самостоятельное крестьянское хозяйство было фактомъ на государственныхъ земляхъ, — и государственные крестьяне сплошь и рядомъ были сосѣдями крѣпостныхъ; никакой организаціонной или технической ломки для осуществленія проекта Вольнаго Экономическаго общества не требовалось. Но его нельзя было осуществить безъ согласія помѣщиковъ. Надо было, чтобы они нашли реформу не только осуществимой, но и для себя выгодной. Въ 1861 г. такъ именно и обстояло дѣло: реформа была необходима дворянству, и всѣ разговоры о томъ, будто помѣщики что-то «потеряли» съ освобожденіемъ крестьянъ, слѣдуетъ признать ни на чемъ не основанными; потеряли 19 февраля одни крестьяне. Потому что въ 1861 г. площадь крѣпостного хозяйства расширять было уже некуда,—оно достигло своихъ «естественныхъ» географическихъ границъ, Кавказа и Чернаго моря. Въ 1760-хъ годахъ было не такъ, было еще куда уйти, и для помѣщика представлялось выгоднѣе переселить своихъ крѣпостныхъ въ степи, нежели вовсе съ ними разстаться. Въ «Комиссіи 1767 г.» не нашлось ни одного сторонника того радикальнаго мѣропріятія, которое совѣтовалъ Беарде-Делабэ. Даже въ наказѣ самого Григорія Орлова (онъ былъ однимъ изъ депутатовъ) ничего не говорилось объ освобожденіи крестьянъ. Крайняя лѣвая «Комиссія» (Коробьинъ и Татищевъ) не шла дальше урегулированія закономъ крестьянскихъ повинностей. А когда Татищевъ въ преніяхъ позволилъ себѣ сказать, что освобожденія крестьянъ желаетъ сама императрица (фактъ былъ широко извѣстенъ), то маршалъ (предсѣдатель) Комиссіи, Бибиковъ, креатура Екатерины II, сурово его оборвалъ. Нечего было вспоминать о проектѣ, явно провалившемся — такими напоминаніями можно было только обидѣть иниціаторовъ проекта, а не польстить имъ.

Въ это время Екатерина и Орловъ могли уже охладѣть къ своимъ прогрессивнымъ начинаніямъ и по другимъ причинамъ. Всякая экономическая, всякая соціальная реформа неизбѣжно имѣетъ свое политическое отраженіе. Общество съ крѣпостнымъ правомъ, общество безъ крѣпостного права не могутъ быть политически организованы одинаково. Екатерина II и ея совѣтники, быть-можетъ, не вполнѣ отчетливо, но сознавали это. «Большой Наказъ» Комиссіи былъ попыткой европеизировать русскій государственный строй. Но это была европеизація чисто формальная. Превративъ выборки изъ Монтескье въ проектъ русскаго уложенія, Екатерина думала, что разрѣшила задачу. Примѣнять Монтескье на практикѣ должна была она и ея чиновники: дѣлиться съ кѣмъ-нибудь властью она совсѣмъ не предполагала. Дворянство было не прочь отъ Монтескье,—но оно находило, что, по Монтескье, именно оно, дворянство, и должно управлять. Великорусское дворянство, правда, не посягало болѣе, чѣмъ на мѣстное управленіе,—которое и пришлось отдать въ его руки; здѣсь еще можно было размежеваться. Но на Украинѣ и вопросъ о мѣстномъ управленіи былъ вопросомъ политическимъ: здѣсь это былъ вопросъ объ автономіи. Этотъ вопросъ всталъ во весь ростъ, какъ только малороссійское шляхетство приступило къ выборамъ депутатовъ въ Комиссію. «Многіе

истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей», писалъ Екатеринѣ Румянцевъ. «Простому народу, пользуясь его простотою, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ, всѣмъ искать надлежитъ». Шляхетство напоминало далекой наслѣдницѣ царя Алексѣя о «статьяхъ» Богдана Хмельницкаго и требовало вывода императорскихъ войскъ изъ Малороссіи. Румянцевъ въ одномъ донесеніи образъ мыслей украинскаго шляхетства назвалъ «республиканскимъ»,— и онъ не такъ уже пересаливалъ. Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подало челобитную, гдѣ просило: «Повелѣть вольными голосами, купно съ войскомъ Запорожскимъ, изобрать гетмана».

Но украинское дворянство болѣе, чѣмъ какое бы то ни было, было заинтересовано въ открытіи для русской торговли Чернаго моря. Гетмана оно не получило, а главное гнѣздо украинскаго «республиканизма», Запорожская Сѣчь, было и вовсе разорено. Но оно получило Херсонъ,—и это вовсе не былъ случайный подарокъ. Когда, въ сентябрѣ 1768 г., Турція, подъ давленіемъ французской дипломатіи, поставила Россіи ультиматумъ о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши (борьбу за свободу и цивилизацію временами вели и турки...), въ Петербургѣ въ засѣданіи Императорскаго совѣта Григ. Орловъ поставилъ вопросъ: «Къ какому концу вести войну и, въ случаѣ нашихъ авантажей, какія выгоды за полезнѣе положить?» Совѣтъ единогласно призналъ, что «при заключеніи мира надобно выговорить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ и для этого, еще во время войны, стараться объ учрежденіи порта и крѣпости...». Одновременно Орловъ предложилъ послать эскадру въ Средиземное море, т.-е. осуществить проектъ, лежавшій на его письменномъ столѣ уже съ 1763 года. Позднѣе Орловъ предлагалъ еще болѣе прямые пути къ цѣли: овладѣвъ Варною, «моремъ переѣхать къ самому Константинополю, чтобъ получить скорый и славный миръ». Но этотъ планъ нашли преждевременнымъ не только командовавшіе противъ турокъ генералы, Румянцовъ и П. Панинъ, а даже и члены Совѣта, засѣдавшаго въ Петербургѣ. Надо прибавить, что этотъ Совѣтъ, хотя и не былъ выборнымъ, считался,—по крайней мѣрѣ, самъ себя считалъ,—представителемъ россійскаго дворянства: когда въ немъ была прочитана жалованная грамота Екатерины II дворянству, Совѣтъ «изъявилъ ея императорскому величеству глубочайшую благодарность, какъ отъ себя, такъ и *отъ лица вообще всего дворянства*».

Мы не собираемся разсказывать о перипетіяхъ турецкихъ войнъ Екатерины II, ни касаться ихъ официальной идеологіи[1]). Но необходимо коснуться, хотя бы вкратцѣ, ихъ экономическихъ результатовъ. Русскій вывозъ черезъ черноморскіе порты составлялъ:

---

1) Тотъ же Совѣтъ, о которомъ говорилось выше, въ текстѣ, положилъ: «отправить въ Морею, къ Далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ нашего закона, живущимъ въ турецкихъ областяхъ, для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ турками за законъ». Главнокомандующій морейской экспедиціей, Алексѣй Орловъ, распространялъ манифесты Екатерины II «ко всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ», гдѣ обѣщалось возстановленіе политической независимости этихъ народовъ. Часто повторяя что-нибудь, мы незамѣтно сами начинаемъ этому вѣрить. Алексѣй Орловъ писалъ брату: «И если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ-подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ Петръ Первый сказалъ: а ихъ, невѣрныхъ магометанъ, сгнать въ поле и степи пустыя и песчаныя, на прежнія ихъ жилища».

Библіотека Института В. И. Ленина 1889/4.

въ 1764 г. (до первой турецк. войны). . . . . 59.097 руб.
» 1776 » (*послѣ* первой войны) . . . . . 369.823 »
» 1793 » (послѣ *второй* тур. в.) . . . . . 1.295.563 »

Въ теченіе только шести первыхъ мѣсяцевъ 1787 года изъ Марсели въ Херсонъ вышло 18 кораблей. Они везли французскіе мануфактурные товары, а возвращались, главнымъ образомъ, съ пенькою и пшеницей: но не съ однѣми ими: «со времени мира 1774 г. (Кучукъ-Кайнарджійскаго) Константинополь получаетъ черезъ Таганрогъ все потребляемое имъ *желѣзо*», говоритъ одинъ современный французскій авторъ[1]). Въ этомъ году общее число судовъ, участвовавшихъ въ черноморской торговлѣ, считалось уже сотнями, въ 1803 г. оно дошло почти до тысячи, въ 1817 почти до полуторы тысячи (1044 вошло въ Одессу, около 400 въ Таганрогъ). Въ 1815 г. вывозъ пшеницы черезъ порты Чернаго моря превысилъ милліонъ четвертей (1.112.000). Цѣны на пшеницу въ Западной Европѣ росли непрерывно до начала 1820 годовъ (въ 1701—99 гг. средняя цѣна квартера пшеницы въ Лондонѣ была 41 шиллингъ, въ 1801—1810—74 шиллинга, въ 1811—20—87,5 шилл.). Въ тактъ съ ними неуклонно росли хлѣбныя цѣны въ самой Россіи: въ Гжатскѣ въ 1773 г. можно было купить четверть ржи за 2 р. 19 коп.,—всего черезъ пятнадцать лѣтъ, въ 1788 г., та же четверть тамъ же стоила уже 7 рублей.

Помѣщикъ имѣлъ весь расчетъ превратить свое имѣніе въ «фабрику для производства хлѣба», какъ выразился потомъ одинъ публицистъ временъ императора Николая I. Объ освобожденіи крестьянъ, конечно, не было больше и рѣчи: пшеничныя плантаціи черноземныхъ губерній создали, наоборотъ, такой спросъ на бѣлыхъ рабовъ, что продажа крестьянъ безъ земли, «злоупотребленіе», участь котораго казалась рѣшенной уже въ Комиссіи 1767 г., не была запрещена и при Александрѣ I. Завоеваніе Новороссіи крѣпостнымъ хозяйствомъ имѣло для этого хозяйства тѣ же послѣдствія, какія имѣло бы открытіе западныхъ штатовъ для рабовладѣнія въ Америкѣ,—если бы междоусобная война 1861—65 гг. кончилась побѣдой Юга, а не Сѣвера. Естественнымъ послѣдствіемъ турецкихъ войнъ было не уничтоженіе или хотя бы стѣсненіе крѣпостного права, а его расширеніе, его экспансія на области, прежде для него закрытыя. Въ 1783 г. стали крѣпостными украинскіе крестьяне—давно, правда, фактически не свободные, но юридически до Екатерины II не составлявшіе еще собственности тѣхъ «республиканцевъ», которые требовали избранія гетмана «вольными голосами купно съ Сѣчью Запорожской». Украинскій дворянскій автономизмъ сразу погасъ, какъ только малороссійскіе помѣщики убѣдились на опытѣ, какая полезная вещь «московское» войско, удаленія котораго они, по неопытности, требовали. И упраздненіе Запорожской Сѣчи прошло передъ глазами «республиканцевъ» (въ 1775 г., годъ спустя послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира) безъ всякаго протеста съ ихъ стороны. Остается прибавить, что отъ завоеванія сѣвернаго берега Чернаго моря выиграли не одни черноземные помѣщики: мы видѣли, что и уральскіе горные заводы, типичнѣйшій образчикъ крѣпостной фабрики, нашли въ Константинополѣ новый рынокъ для своего товара. Всѣ человѣковладѣльцы могли быть довольны—благіе плоды войны «за законъ» никого не обошли.

---

[1]) Anthoine. «Le commerce et la navigation de la mer Noire». Мы пользовались *вторымъ* изданіемъ, 1820 г.,—первое вышло въ 1805. Авторъ, крупный марсельскій негоціантъ и бывшій мэръ Марсели, нѣсколько разъ былъ въ Россіи, въ первый разъ еще въ 1780 годахъ.

Преемники Екатерины II свято чтили ея традиціи и тщательно охраняли плоды ея завоеваній. Александру I принадлежитъ заслуга окончательной организаціи черноморской торговли [1]), и онъ не совсѣмъ случайно умеръ именно въ Таганрогѣ. Этотъ государь въ послѣдніе годы жизни съ крайнею враждой относился, какъ извѣстно, ко всякимъ проявленіямъ революціоннаго духа. Относя къ такимъ проявленіямъ греческое возстаніе, онъ не питалъ къ возставшимъ грекамъ никакой симпатіи. Иностранная, въ частности австрійская, дипломатія играла на этой стрункѣ и обыкновенно съ удачей. Но когда турки стали останавливать въ проливахъ русскія торговыя суда (экипажъ которыхъ почти поголовно состоялъ изъ грековъ), ища на нихъ военной контрабанды, настроеніе Александра I рѣзко измѣнилось, и австрійскій посланникъ въ Петербургѣ доносилъ, что поѣздка императора на югъ (Александръ ѣхалъ смотрѣть войска) можетъ оказаться прелюдіей къ русско-турецкой войнѣ «по причинѣ малой успѣшности переговоровъ въ Константинополѣ (относительно задержки судовъ) и *тѣхъ потерь, которыя терпятъ отъ этого южныя губерніи и торговля Одессы*» [2]). Александръ I не успѣлъ начать войны съ турками. Занявшій его мѣсто Николай Павловичъ былъ расположенъ къ грекамъ, если это возможно, еще менѣе своего покойнаго брата. Но когда ему посовѣтовали не вступаться въ турко-греческую распрю, предоставивъ съ ней возиться англичанамъ и австрійцамъ, Николай твердо отвѣтилъ, что «возстановленіе свободы торговли въ этихъ краяхъ—дѣло слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы можно было его довѣрить заботамъ англичанъ, или хотя бы друга Меттерниха» (письмо къ Константину Павловичу отъ 20 ноября 1827 г.). Его корреспондентъ пускалъ въ ходъ самыя страшныя слова, говорилъ даже о «республикѣ», появленію каковой, будто бы, способствуетъ восточная политика Николая,—на того ничто не дѣйствовало, разъ были затронуты интересы «свободной торговли» въ проливахъ. И онъ успокоился не прежде, чѣмъ адріанопольскій миръ, результаты котораго мы знаемъ, обезпечилъ эту свободу торговли разъ навсегда.

Но екатерининскія традиціи были не единственнымъ двигателемъ политики Николая I, и адріанопольскій трактатъ открылъ пути не только русской пшеницѣ. Другая сторона его восточной политики такъ хорошо охарактеризована самими дѣятелями николаевскаго царствованія, что я позволю себѣ привести ихъ подлинныя слова. Пожаловавшись на инертность русскаго купечества, «не обратившаго торговыхъ видовъ своихъ на Персію и Азіатскую Турцію въ томъ пространствѣ, какого требовала бы собственная наша польза», государственный Совѣтъ Николая Павловича продолжалъ разсуждать такъ: «отъ первоначальной мысли Петра В., обнаруженной покореніемъ Азова и Дербента, и отъ основанія Одессы до послѣднихъ столь важныхъ и обширныхъ пріобрѣтеній нашихъ за Кавказомъ, и столь выгодныхъ для насъ условій Туркманчайскаго и Адріанопольскаго трактатовъ, ясно видно мудрое намѣреніе нашихъ государей, наивящше еще раскрытое въ предшедшемъ и настоящемъ царствованіи, когда, *пролагая оружіемъ новые пути для торговли нашей на Востокъ,* въ то же время наше правительство постановляло внутреннія мѣры, дабы упрочить самобытность коммерческаго нашего сословія, возбудить въ немъ духъ предпріимчивости и торговаго честолюбія и утвердить независимость внѣшней торговли

[1]) См. Anthoine, въ разн. мѣстахъ.
[2]) Донесеніе Лебцельтерна Меттерниху отъ 13/1 іюня 1823.

нашей отъ иностранцевъ» [1]). Николаевское правительство не только вело «буржуазную» политику,—какъ пишущему эти строки уже неоднократно приходилось указывать,—но оно вело ее совершенно *сознательно*. Это не были случайныя мѣры, принимаемыя время отъ времени подъ давленіемъ обстоятельствъ—это была *система*. И каждый отдѣльный фактъ освѣщался съ точки зрѣнія этой системы. Разсуждая о закрытіи закавказскаго транзита, государственный совѣтъ находилъ «въ общемъ видѣ настоящаго дѣла, что вся сущность его состоитъ въ *открытомъ состязаніи европейской промышленности съ нашею собственною*» (журналъ 4 февр. 1832). Состязаніе это, поскольку рѣчь шла объ азіатскихъ рынкахъ, казалось государственному совѣту дѣломъ нетруднымъ. «Нѣтъ сомнѣнія,—думалъ совѣтъ,—что при настоящемъ усовершенствованіи фабрикъ и мануфактуръ издѣлія наши могутъ начинать соперничество съ иностранными, приготовляемыми собственно для азіатскаго торга, какъ въ добротѣ, такъ и въ цѣнѣ, имѣя въ послѣднемъ случаѣ на сторонѣ своей дешевизну собственныхъ, нашихъ матеріаловъ, рабочихъ рукъ и самаго провоза» (журн. 11 мая 1836 г.).

Во всемъ этомъ государственный совѣтъ *фактически* ошибался. Рабочія руки въ Россіи, благодаря крѣпостному праву, искусственно привязывавшему эти руки если не къ землѣ, то къ землевладѣльцу, были дороже, чѣмъ въ Западной Европѣ: *реальная* заработная плата въ 1830 годахъ въ Москвѣ была выше, чѣмъ въ Германіи, и не ниже, чѣмъ въ Англіи [2]). О «дешевизнѣ матеріала» не могло быть рѣчи, когда у Россіи не было ни собственнаго хлопка, ни собственныхъ красокъ. Что же касается качества товаровъ, то вкусы «азіатцевъ» не были такъ скромны, какъ думали въ Петербургѣ. Уничтоживъ закавказскій транзитъ, наводнявшій русское Закавказье иностранными товарами съ лейпцигской ярмарки, думали, по крайней мѣрѣ, здѣсь пріобрѣсти прочный рынокъ для отечественныхъ мануфактуръ: а въ дальнѣйшемъ льстили себя надеждою еще расширить этотъ рынокъ, заставивъ покупать наши товары и Персію, раньше получавшую заграничную мануфактуру черезъ русское Редутъ-Кале. Ни та, ни другая надежды не сбылись. Отвѣчая министерству финансовъ на вопросъ о причинахъ слабаго сбыта русскихъ товаровъ въ Закавказьѣ, кавказскій главнокомандующій бар. Розенъ писалъ: «Закавказскіе промышленники... говорятъ единогласно, что россійскіе товары всякаго сорта цѣнятся гораздо выше на мѣстѣ произведенія, нежели можно выручить за нихъ въ Азіи; затѣмъ расходы, перевозка и проценты потерянnаго на операцію времени возвышаютъ цѣну сему товару вдвое противъ его качествъ; средніе же и низкіе сорта россійскихъ товаровъ въ Персію вовсе почти не имѣютъ сбыта. Если же и есть требованіе на оные въ Закавказскомъ краѣ, то въ небольшомъ количествѣ, чему причиною легкость и непрочность матеріаловъ, слабый составъ красокъ и несоотвѣтственный азіатскому вкусу выборъ рисунковъ и узоровъ; тогда какъ германскія, французскія и англійскія мануфактурныя произведенія, сохранивъ возможную доброту матеріала, нарочито преимуществуютъ яркостью и прочностью красокъ и особо выборомъ рисунковъ, удовлетворяющихъ вкусу азіатцевъ, согласуясь съ ихъ обычаями и роскошью,

---

[1]) Журналъ Государств. Совѣта 11 мая 1836 г. Акты Кавказск. Археограф. Ком-іи, VIII, стр. 175.

[2]) См. «мнѣніе» одесскаго ген.-губернатора гр. Воронцова (Акты Кавк. Археогр. Ком-іи VIII, 148—149). Ср. *Туган-Барановскаго*, «Русская фабрика», стр. 205, 2-го изданія.

за всѣми описанными добрыми качествами сихъ товаровъ, цѣны на нихъ болѣе низки, нежели умѣренны, и болѣе прибыточны для сбыта» [1]). Въ то же время, оставивъ Редутъ-Кале, иностранные товары пробили себѣ новую дорогу въ Персію черезъ турецкія владѣнія, на Требизондъ и Эрзерумъ, — дорогу, сохранившую свое значеніе до нашихъ дней. Передъ русской политикой всталъ новый вопросъ о завладѣніи требизондской торговлей. Но шаги въ этомъ направленіи только обострили русско-англійскій конфликтъ (приведшій впослѣдствіи къ Севастополю), положительныхъ же результатовъ не дали.

«Пролагать оружіемъ» новые пути для недоразвившейся русской промышленности было тяжелой барщиной. Чтобы понять, зачѣмъ николаевское правительство взвалило ее на себя, намъ нужно отступить немного назадъ. Короткій франко-русскій союзъ при Александрѣ I (1807—1812, фактически онъ оборвался уже въ концѣ 1810) имѣлъ огромное значеніе въ исторіи русской обрабатывающей промышленности. Какъ союзница Наполеона I, Россія должна была примкнуть къ *континентальной блокадѣ*, которую современному читателю чрезвычайно легко себѣ представить, стоитъ только на мѣсто Германіи 1916 года поставить Англію 1806. Какъ и теперь, тогда это была попытка неэкономическими средствами добиться экономическихъ результатовъ: для Франціи тогда попытка была неудачна. Россія до континентальной блокады почти всю свою мануфактуру получала изъ Англіи. Запрещеніе торговли съ Англіей оказалось манной небесной для отечественной промышленности: фабрики стали расти, какъ грибы, ввозъ хлопка въ Россію увеличился за два года въ 18 разъ; впервые въ Россіи появились собственныя механическія прядильни—раньше пряжа была англійская. «Не только многіе богатые коммерсанты и дворяне, но и разнаго состоянія люди приступили къ устройству фабрикъ и заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и даже входя въ долги», говоритъ одна современная записка о второмъ десятилѣтіи XIX вѣка. Толчокъ, данный континентальной блокадой, продолжалъ оказывать вліяніе на русскую промышленность и долго послѣ разрыва съ Наполеономъ: блокады не было, но запретительные таможенные тарифы остались — попытка вернуться къ полусвободной торговлѣ (тарифъ 1819 года) продержалась всего три года. Въ 1812 г. въ Россіи считалось 2325 фабрикъ, въ 1816—3733, въ 1820—4558, въ 1824—5286. Этотъ *темпъ* развитія русской промышленности необходимо постоянно имѣть въ виду, когда мы говоримъ о проектахъ Сперанскаго и декабристовъ; первые совершенно непонятны безъ этого фона быстро растущей буржуазной Россіи—для Сперанскаго не даромъ «главнымъ предметомъ» главнаго министерства внутреннихъ дѣлъ являлась промышленность; «министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ управлять мануфактурами по ихъ уставу». Декабристы были сами дворяне, въ ихъ *психологіи* много феодальнаго,—но ихъ *идеологія* была буржуазной, и освобожденіе крестьянъ составляло неотъемлемую часть ихъ плановъ. Крѣпостная Россія съ насильственно задерживаемыми въ деревнѣ натурально-хозяйственными порядками не могла представить собою рынка для столь бурно развивавшейся промышленности: уже въ концѣ 20-хъ годовъ внутренній рынокъ считался исчерпаннымъ. Россія опять, какъ 1760 гг., стояла передъ дилеммой: или переходъ къ буржуазнымъ порядкамъ или кризисъ,—но на этотъ разъ кризисъ не помѣщичьяго хозяйства, а новорожденной промышленности.

---

1) Отношеніе отъ 24 окт. 1835 г. (Акты К. Арх. Комм.-VIII, 157 стр.).

Декабристы сочувственно относились къ положенію промышленности: нѣкоторые изъ нихъ шли такъ далеко, что раздѣляли даже тоску россійскихъ предпринимателей по запретительному тарифу (исчезавшему, мы знаемъ, подъ давленіемъ дворянскихъ интересовъ на три года). Штейнгель въ письмѣ изъ крѣпости къ Николаю Павловичу называлъ фритредерскій тарифъ 1819 г. «ошибкой» и приписывалъ ему разореніе не только купцовъ (что было отчасти правильно), но и «народа» (что было, конечно, преувеличеніемъ). Товарищи Штейнгеля, не оставляя «дворянской» точки зрѣнія—о преимуществахъ свободной торговли (т.-е. дешевыхъ заграничныхъ товаровъ для помѣщиковъ), въ этой самой свободѣ торговли видѣли средство поднять промышленность, при всемъ своемъ фритредерствѣ соглашаясь въ то же время, что отъ конкуренціи нѣкоторыхъ иностранцевъ, напримѣръ англичанъ, русское купечество все же должно быть ограждено, и что «шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ и испугала другихъ» [1]). Буржуазію декабристы считали на своей сторонѣ наравнѣ съ «профессорами, литераторами и журналистами». Среди заговорщиковъ купцовъ не было (только московскій типографъ Селивановскій оказался слегка прикосновеннымъ къ дѣлу). Но есть положительныя доказательства, и съ разныхъ сторонъ, что ихъ старались привлечь. Рылѣевъ показывалъ объ этомъ на слѣдствіи, прибавляя, что изъ его попытокъ ничего не вышло. Но мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, одного купца, который, если и не игралъ опредѣленной роли въ заговорѣ, во всякомъ случаѣ о немъ зналъ. Это былъ зять знаменитаго Ростовцева, Сапожниковъ. Наканунѣ 14 декабря у него былъ ужинъ; хозяинъ, угощая гостей шампанскимъ, говорилъ: «выпьемъ, неизвѣстно, будемъ ли завтра живы!» Существуетъ указаніе, что по совѣту именно Сапожникова Ростовцевъ подалъ Николаю свой доносъ на декабристовъ. Первая же русская революція отмѣчена «буржуазной измѣной'» [2]).

Насколько все это было серьезно? Въ случаѣ успѣха движенія мы едва ли бы увидали буржуазію только на роляхъ доносчиковъ. Наканунѣ сапожниковскаго ужина былъ обѣдъ у директора Россійско-Американской компаніи,—крупнѣйшаго торговаго предпріятія тогдашней Россіи,—и на этомъ обѣдѣ говорились самыя либеральныя рѣчи. Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ компаніи,—и едва ли либеральничающій директоръ не зналъ о радикализмѣ своего подчиненнаго. Во всякомъ случаѣ, правительство придавало этому серьезное значеніе. Показаніе Рылѣева о купцахъ было отвѣтомъ на прямой вопросъ, поставленный ему слѣдователями. Еще въ 1821 году Александру I доносили, что купцы петербургскаго гостинаго двора собираются группами, человѣкъ по восьми, съ газетами въ рукахъ и разсуждаютъ о необходимости конституціи [3]). А по мнѣнію декабриста Штейнгеля, хорошо знавшаго купеческую среду, газеты читали и разсуждали по поводу нихъ не только купцы, но и ихъ приказчики. При свѣтѣ всѣхъ этихъ фактовъ, и еще болѣе этихъ опасеній, своеобразное освѣщеніе получаютъ заботы Николая Павловича о «свободѣ» русской торговли—и прокладываніе вооруженною рукою новыхъ путей для этой послѣдней. Благонадежность, которой такъ прославилось россійское купечество девятнадцатаго вѣка, не пришла сама собой—объ этомъ нужно было похлопотать...

---

1) *Бороздинъ.* «Изъ писемъ и показаній декабристовъ», стр. 38.

2) См. объ этомъ «Общественныя движенія въ Россіи съ перв. полов. XIX в.», I, стр. 306, 440 и въ др. мѣстахъ.

3) Ibid., 301 прим.

Мы имѣли двѣ реакціи и два устремленія къ Константинополю. Николай Павловичъ былъ къ этому городу ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ его предшественниковъ и его преемниковъ. Въ 1833 г. русскій флотъ стоялъ на якорѣ въ Босфорѣ, а русская армія лагеремъ на ея берегахъ—все это, правда, пришло «защищать» султана, но безъ всякаго приглашенія со стороны послѣдняго. Хункіаръ-Искелесскій договоръ этого года, казалось, осуществлялъ мечту о проливахъ: султанъ обязался не пропускать черезъ нихъ ни одного иностраннаго военнаго судна—о русскихъ не было прямо упомянуто, но для наглядна доказательства, что на нихъ запрещеніе не распространяется, эскадра адмирала Рикорда, плававшая въ Архипелагѣ, черезъ Босфоръ и Дарданеллы прошла въ Черное море. Правда, прошла не сразу, и не въ томъ порядкѣ, какой приличествуетъ эскадрѣ, а по одному судну съ большими промежутками,— «чтобы не раздражить англичанъ». Повидимому, офиціально даже отрицали, что прошла *вся* эскадра: отсюда странное противорѣчіе между дипломатическими документами и очевидцами факта. Это было плохимъ предзнаменованіемъ: восемъ лѣтъ спустя Хункіаръ-Искелесскій договоръ смѣнился лондонской конвенціей 1841 г., закрывавшей проливы для *всѣхъ* военныхъ кораблей, т.-е. фактически именно для русскихъ,—ибо всѣ другіе не допускались уже по трактату 1833 г. А пятнадцать лѣтъ спустя русскій черноморскій флотъ вовсе пересталъ существовать по парижскому миру 1856 г. Судьба не была къ русскому дворянству 1850 годовъ такъ же милостива, какъ къ его дѣдамъ 1760 гг.: съ крѣпостнымъ правомъ приходилось разстаться. Ибо то, что защищалъ Николай I на Дунаѣ и въ Закавказьѣ, было въ конечномъ счетѣ именно крѣпостное право. Русская промышленность отлично могла бы развиваться безъ внѣшнихъ рынковъ, но для этого ей нужно было дать внутренній, а этого нельзя было сдѣлать по тому времени, не освободивъ крестьянъ.

Себя, впрочемъ, дворянство не обидѣло и въ 1861 г. Во-первыхъ, ему все-таки продолжало везти: какъ разъ ко времени реформы стали подниматься хлѣбныя цѣны, являвшіяся главнымъ экономическимъ препятствіемъ для нея въ 1820—40 годахъ. «Работа наемными людьми въ Россіи будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится», писалъ одинъ русскій агрономъ въ 1830 г. Въ 50-хъ годахъ это условіе было налицо: если мы примемъ цѣны 1820 гг. за 100, цѣны пятидесятыхъ будутъ 174 для пшеницы и 190 — для ржи. Это цѣны западноевропейскія (берлинская биржа). Но хлѣбный вывозъ былъ основой развитія русскаго аграрнаго капитализма, и европейскія цѣны быстро отражались на внутреннихъ: въ Петербургѣ четверть пшеницы за пятнадцатилѣтіе 1824—38 гг. стоила 4 р. 25 к., а уже въ концѣ 40-хъ гг. поднялась до 6 рублей. Во-вторыхъ, помѣщики, какъ всѣмъ извѣстно, совершили въ 1861 г. весьма выгодную операцію, продавъ крестьянамъ ихъ надѣлы гораздо дороже, чѣмъ они стоили. Мы не будемъ касаться другихъ подробностей крестьянской реформы—все это опять-таки слишкомъ хорошо извѣстно. Буржуазное хозяйство было допущено въ русскую деревню въ минимальныхъ размѣрахъ, и реформа, какъ-никакъ являвшаяся большимъ шагомъ впередъ по пути развитія русскаго капитализма, дала непосредственно крайне странный, съ этой точки зрѣнія, результатъ: производительность русской индустріи упала [1]). Замѣчательно, что шестидесятые годы были временемъ, когда

1) Количество переработаннаго хлопка съ 2.643 тыс. пуд. въ 1861 г. упало до 850 тыс. пуд. въ 1862 и даже въ 1865 вновь поднялось лишь до 1591 п. Количе-

восточный вопросъ тихо спалъ. Въ концѣ этого десятилѣтія знакомый намъ Данилевскій писалъ, что «война Россіи съ Турціей сдѣлалась невозможною и безполезною», а на лондонской конференціи 1871 г. турецкая дипломатія оказала русской очень серьезную дружескую услугу. Нехотя позволивъ Россіи возстановить черноморскій флотъ, Англія и Австрія очень старались, чтобы возродившійся русскій флотъ былъ наглухо запертъ въ Черномъ морѣ, и потому предложили такую формулу закрытія проливовъ, которая давала Турціи возможность пропустить черезъ Дарданеллы любой флотъ, кромѣ русскаго. Но турки только что, за три года передъ этимъ, почувствовали въ Россіи могучаго друга: во время критскаго возстанія 1867 г. Россія чрезвычайно способствовала успокоенію грековъ, стремившихся притти на помощь критянамъ. Турція оплатила услугу за услугой: по ея настоянію формула была такъ измѣнена, что султанъ могъ пропустить и дружественный ему русскій флотъ. Александръ II лично благодарилъ турецкаго посла въ Петербургѣ.

Но если бы дѣло замерло на такой мертвой точкѣ (я говорю, разумѣется, о русской промышленности, а не о восточномъ вопросѣ), это значило бы, что реформа 1861 г. потерпѣла окончательную неудачу. Такъ далеко дѣло не зашло. Къ началу 70-хъ годовъ русская промышленная летаргія кончилась [1]). Одновременно съ этимъ кончилась и русско-турецкая дружба. Этотъ фатальный конецъ русская дипломатія предвидѣла съ проницательностью, доходившей до чудеснаго. Въ январѣ 1875 г. на Балканскомъ полуостровѣ было спокойно (герцеговинское возстаніе началось только въ концѣ лѣта), а уже кн. Горчаковъ предвидѣлъ не только чрезвычайное осложненіе балканскихъ дѣлъ, но прямо войну и, со свойственною ему разговорчивостью, объяснялъ это иностраннымъ дипломатамъ [2]). А едва началось герцеговинское возстаніе (куда менѣе серьезное, чѣмъ критское 1867 г.), какъ въ Петербургѣ уже вѣрили, что «Оттоманская имперія погибнетъ въ этомъ пожарѣ», и рисовали планы *балканской федераціи*. Можно подумать, что весь хлопокъ русскихъ фабрикъ шелъ на изготовленіе хлопчатобумажнаго пороха: таково было его взрывчатое свойство!

На самомъ дѣлѣ повторялось знакомое намъ явленіе: развитіе капитализма наталкивалось на устарѣвшія соціальныя перегородки, которымъ въ благоустроенномъ буржуазномъ государствѣ быть не полагается. Противорѣчіе экономическое немногими сознавалось, но это не мѣшало всѣмъ его чувствовать. Отсюда чувство недомоганія въ буржуазныхъ, именно, кругахъ: среди крестьянства все было еще спокойно. Революціонное движеніе, поскольку оно было мѣстнымъ, а не интернаціональнымъ фактомъ (русскій бакунизмъ былъ отвѣтвленіемъ европейскаго) отражало собою именно это буржуазное недомоганіе, только благодаря ему движеніе въ этомъ періодѣ представляло

ство выплавленнаго чугуна съ 19.451 т. п. въ 1861 г. сошло до 15.268 т. п. въ 1862 г. (въ 1865—18.281 т. п.). Число суконныхъ фабрикъ съ 432 въ 1860 г. упало до 365 въ 1863, а производство ихъ съ 26¼ милл. р. до 26 ровно и т. д. См. Туганъ-Барановскій «Русская фабрика».

[1]) Года | Переработано: хлопка | пряжи (тысячи пуд.) | Выплавлено чугуна

1870	2801	254	21949
1873	3530	323	23484
1876	4708	340	26957

[2]) Франц. послу Лефло. См. Hanotaux «Histoire de la France contemporaine» VI, pp. 58—59.

собою какую-нибудь угрозу для правительства. Послѣднее хотѣло бы сдѣлать изъ революціонеровъ пугало для буржуазіи, выставляя ихъ врагами «государства и цивилизаціи», но это плохо помогало. Въ общемъ и цѣломъ сочувствіе буржуазнаго общества 70-хъ г. было на сторонѣ революціонеровъ. Изъ положенія надо было выйти, но самый проектъ выхода, завершеніе недоконченной реформы въ деревнѣ затрагивалъ дворянство,—а мы напрасно старались бы представить себѣ власть безъ классовой основы. Правительство 70-хъ годовъ было дворянскимъ правительствомъ ничуть не менѣе, чѣмъ правительство Николая I или Екатерины II. Выхода нужно было искать, не затрагивая сферы дворянскихъ интересовъ.

Послѣ относительной неудачи войны 1877—78 годовъ [1]) движеніе противъ «государства и цивилизаціи» вспыхнуло яркимъ пламенемъ—въ первый разъ со времени декабристовъ русская революція вышла изъ стадіи прокламацій. Достоевскій былъ совершенно правъ, когда съ побѣдой Россіи онъ связывалъ разгромъ соціализма, — правъ для Россіи, по крайней мѣрѣ, если не для Европы. Послѣ русской неудачи онъ на два года прекратилъ свой «Дневникъ Писателя». А русскую промышленность пришлось выводить изъ тупика героическими средствами. Начиная съ того же 1877 г., русскій таможенный тарифъ быстро возвращается къ запретительнымъ ставкамъ временъ Николая I. Это была жертва — тяжелая жертва, принесенная дворянствомъ, если не на алтарь самаго отечества, то на алтарь отечественной промышленности. Тѣмъ, кто говоритъ, что учрежденіемъ дворянскаго банка былъ сдѣланъ кому-то какой-то «подарокъ», не мѣшаетъ объ этомъ подумать. Сами же дворяне относились вполнѣ сознательно къ своей жертвѣ и подъ конецъ стали находить ее чрезмѣрной, несмотря на дворянскій банкъ. «Нашъ сельскохозяйственный кризисъ есть послѣдствіе колоссальнаго нарушенія равноправія между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, въ привиллегіяхъ первой и угнетеніи въ ея пользу второго», говорилось на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. Но зато буржуазія больше не аплодировала, когда «врагамъ государства и цивилизаціи» выносились оправдательные приговоры,—да некому было и выносить такіе приговоры.

Итакъ, вкратцѣ, какую же роль играло въ русской исторіи устремленіе къ Константинополю? Я позволю себѣ отвѣтить сравненіемъ: какую роль въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ играютъ переселенія въ Сибирь? Означаютъ ли они, что на старыхъ крестьянскихъ надѣлахъ нельзя вести болѣе интенсивнаго хозяйства? Отнюдь нѣтъ, но крестьяне *не могутъ* завести этого болѣе интенсивнаго хозяйства, оттого выселяются. Отчего русская промышленность ищетъ иностранныхъ рынковъ? Значитъ ли это, что внутренній рынокъ уже исчерпанъ? Отнюдь нѣтъ: этому внутреннему рынку мѣшаютъ развиваться устарѣлыя соціально-политическія условія, соотвѣтствующія устарѣлому складу помѣщичьяго хозяйства. Помѣщики *не хотятъ* разстаться съ этими условіями. Въ этомъ «могутъ» и «хотятъ», въ этомъ субъективномъ оттѣнкѣ вся разница. Объективно же и турецкія войны, и крестьянскія переселенія служили одной цѣли: поддержанію устарѣвшаго типа народнаго хозяйства. И тѣ, и другія служили орудіемъ экономическаго, а съ ними и всяческаго другого застоя. Теперь, чего требовалъ Достоевскій? Политическаго застоя. Читатель, не былъ ли онъ такъ же правъ, требуя и Константинополя?

М. Покровскій.

---

[1]) См. статью «Восточный вопросъ отъ Парижскаго мира до Берлинскаго конгресса».

Восточный вопросъ отъ Парижскаго мира до Берлинскаго конгресса.

I.

Парижскій миръ.

Севастопольская война началась изъ-за спора о «святыхъ мѣстахъ». Но мы тщетно стали бы искать «святыхъ мѣстъ» въ тѣхъ переговорахъ, которые привели въ 1856 г. къ заключенію мира. Въ основаніе этого мира легли такъ-называемыя «четыре гарантіи», выставленныя вѣнскими нотами 8 августа 1854 г. Лишь послѣдняя изъ этихъ гарантій касается вопроса, вызвавшаго войну, притомъ касается въ самой общей формѣ: рѣчь здѣсь идетъ о правѣ русскаго императора быть опекуномъ православныхъ подданныхъ султана. Главная же изъ «гарантій», третья, говоритъ о вопросѣ «святымъ мѣстамъ» и вообще религіи совершенно постороннемъ: о пересмотрѣ лондонскаго трактата 1841 г. касательно права плаванія въ *проливахъ*, Босфорѣ и Дарданеллахъ. Когда начинали войну, о проливахъ не говорили ни слова. Когда пришлось ее кончать, говорили только о нихъ и, по связи съ ними, о Черномъ морѣ, при чемъ разговоры оказались такими сложными, что миръ могъ быть заключенъ лишь спустя годъ послѣ того, какъ представители воюющихъ сторонъ впервые обмѣнялись своими мнѣніями объ условіяхъ этого мира.

Къ веснѣ 1855 г. и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, одинаково стали привыкать къ мысли, что война кончится, можетъ-быть, вничью. Осада Севастополя длилась уже шестой мѣсяцъ безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ. На парижскихъ бульварахъ громко говорили, что Севастополя «никогда не возьмутъ», и, чтобы прекратить эти разговоры, пришлось прибѣгать къ полицейскимъ репрессіямъ. Мира единодушно желали всѣ, а такъ какъ императора Николая I считали главнымъ виновникомъ войны и главной помѣхой миру, смерть этого государя вызвала въ Парижѣ необычайное ликованіе. Биржевые курсы, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ непрерывно падавшіе, отмѣтили это извѣстіе скачкомъ кверху, рѣдкимъ въ биржевыхъ лѣтописяхъ: рента выиграла въ одинъ день 3 франка, а Crédit mobilier—цѣлыхъ 52. Что въ основѣ настроенія лежали именно надежды на миръ, показываетъ одновременный подъемъ *русскихъ* цѣнностей. Всѣ и все покупали—никто не хотѣлъ продавать.

Въ этомъ настроеніи было много наивнаго. Прежде всего Николай I вовсе не былъ главнымъ препятствіемъ къ миру, какъ не былъ онъ и виновникомъ войны, по крайней мѣрѣ, непосредствен-

нымъ [1]). Уже 28 ноября предшествующаго 1854 года русское правительство выразило согласіе вести переговоры на основѣ «четырехъ гарантій». За нѣсколько дней до смерти Николай подписалъ полномочія русскихъ представителей на конференціи, которая должна была открыться въ Вѣнѣ, тогда юридически еще нейтральной, хотя уже съ декабря 1854 г. Австрія была связана съ осаждавшими Севастополь державами формальнымъ союзомъ. Инструкціи этихъ уполномоченныхъ, столь знаменитаго впослѣдствіи кн. А. М. Горчакова и Титова, не были измѣнены Александромъ II ни въ одномъ словѣ; переговоры должны были начаться на основаніяхъ, утвержденныхъ Николаемъ I. Но эти основанія отнюдь не гарантировали быстраго заключенія мира. Русское правительство соглашалось, правда, почти безъ споровъ на все—за исключеніемъ одного пункта: вопроса о проливахъ. Но его противники не собирались говорить ни о чемъ другомъ; все остальное въ ихъ глазахъ были мелочи. И въ то время, какъ въ Петербургѣ—на этотъ разъ наивность была съ его стороны—разсчитывали держаться въ вопросѣ о конвенціяхъ 1841 г. на оборонѣ, «морскія державы» твердо рѣшили вести въ этомъ пунктѣ самую энергичную дипломатическую атаку. Отказаться отъ *города* Севастополя, разъ онъ обходился черезчуръ дорого, это было возможно. Для поддержанія престижа власти можно было тащить въ судъ исправительной полиціи посѣтителей бульварныхъ кафе, сомнѣвавшихся въ конечномъ успѣхѣ французскаго оружія, но такія же точно сомнѣнія можно было встрѣтить въ дѣловой перепискѣ людей, заправлявшихъ внѣшней политикой Франціи, и даже въ частныхъ бесѣдахъ самого императора французовъ. Отъ военнаго тріумфа соглашались отказаться, но лишь въ обмѣнъ на полную дипломатическую побѣду. Городъ Севастополь могъ остаться въ русскихъ рукахъ и незапятнаннымъ вступленіемъ вражескихъ войскъ въ его стѣны. Но оставить на Черномъ морѣ флотъ, которому этотъ городъ служилъ базой, значило попросту признаться въ своемъ пораженіи, а союзники отнюдь еще не были въ такой крайности.

Къ мысли о крайности не хотѣли привыкнуть, однакоже, и въ Петербургѣ. Тому, кто диктовалъ инструкціи кн. Горчакову, очевидно, и въ голову не приходило, что Россіи придется уступать что-нибудь свое, кровное. При нѣкоторой внимательности, похоронный звонъ черноморскому флоту можно было услыхать еще за два мѣсяца до открытія вѣнскихъ конференцій, въ январѣ 1855 г. «Я не понимаю,—говорилъ тогда австрійскій премьеръ, гр. Буоль, тому же кн. Горчакову,—въ чемъ смыслъ того громаднаго флота, который вы держите на Черномъ морѣ? По трактатамъ, это море—закрытое озеро; это тюрьма для вашихъ кораблей и въ то же время это постоянная угроза Турціи и постоянный поводъ для недовѣрія къ вамъ со стороны Европы. Разъ вы не хотите завоевывать Турціи [2]), какой вамъ расчетъ держать безъ употребленія такія силы? Русскій императоръ, конечно, хозяинъ своего флота, онъ можетъ держать сколько ему угодно кораблей въ любомъ изъ своихъ портовъ, но не выгоднѣе ли было бы для него обезпечить своимъ военнымъ судамъ свободный проходъ черезъ Дарданеллы, а въ обмѣнъ на это успокоить опасенія Европы, возбужденной чрезмѣрнымъ скопленіемъ силъ въ Севастополѣ?» Въ

---

[1]) См. *Edm. Bapst.* «Les origines de la guerre de Crimée». Paris. 1912.

[2]) Тутъ было не безъ ироніи со стороны Буоля, конечно: имп. Николай постоянно съ аффектаціей заявлялъ, что у султана нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ Россія.

Петербургѣ услыхали изо всей этой тирады то, что желали слышать. Буоль предлагаетъ открыть проливы, закрытые лондонскими конвенціями 1841 г.? Отлично: Горчакову дается полномочіе согласиться на открытіе проливовъ для всѣхъ флаговъ, не исключая, понятно, и русскаго. Такъ какъ проливы принадлежали Турціи, то въ сущности это была торговля правами султана. Но не спрашиваться же этого послѣдняго, когда рѣчь идетъ объ интересахъ Россіи, съ одной стороны, Англіи и Франціи—съ другой? Когда Горчаковъ выступилъ на конференціи въ духѣ своихъ инструкцій, собесѣдники Россіи поняли, что она туга на ухо, и что съ нею нужно говорить громче и яснѣе. Болѣе другихъ живой и нетерпѣливый французскій уполномоченный произнесъ слова: «нейтрализація Чернаго моря». Горчакову и его товарищу это показалось шуткой—и такъ какъ не отставать же имъ было въ остроуміи отъ француза, они предложили со своей стороны нейтрализацію Средиземнаго моря. Видя такую непонятливость, подоспѣвшій тѣмъ временемъ на конференцію французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люи, заговорилъ языкомъ, почти уже не дипломатическимъ. «У васъ нѣтъ теперь флота на Черномъ морѣ,—говорилъ онъ.—Тамъ господствуемъ теперь мы. Отъ насъ зависитъ, позволимъ мы вамъ снова завести тамъ флотъ или нѣтъ и на какихъ условіяхъ». Горчаковъ отказался обсуждать подобный вопросъ, но телеграфировалъ въ Петербургъ о такомъ, совершенно неожиданномъ, по его мнѣнію, оборотѣ дѣла. Изъ Петербурга отвѣтили, что никакого умаленія державныхъ правъ россійскаго императора въ какой бы то ни было части его владѣній допущено быть, разумѣется, не можетъ. При этомъ вспомнили о традиціонной дружбѣ Россіи къ Турціи, хотя въ настоящую минуту она коварствомъ «морскихъ державъ» и была вовлечена въ войну съ Россіей, и указали на то, что нейтрализація Чернаго моря угрожаетъ великими бѣдами независимости султана. Логически обосновать этотъ послѣдній пассажъ—что отъ исчезновенія русскаго черноморскаго флота султану можетъ грозить бѣда—было бы, вѣроятно, не легко кн. Горчакову. Но его собесѣдники и не потребовали отъ него такого усилія. Услыхавъ петербургскій отвѣтъ, Друэнъ де-Люи заявилъ, что больше ему нечего дѣлать въ Вѣнѣ; и къ нему всецѣло присоединился его англійскій коллега, лордъ Россель. Кн. Горчаковъ внесъ еще нѣсколько проектовъ, но наслаждаться ихъ безподобной французской прозой (Горчаковъ, какъ стилистъ, высоко цѣнился въ тогдашнемъ дипломатическомъ мірѣ и еще выше самъ себя цѣнилъ) могли уже только австрійцы, въ качествѣ хозяевъ стѣснявшіеся уйти изъ комнаты раньше гостя. Горчаковъ долго надѣялся, что французы и англичане придутъ въ себя, поймутъ, какую они предлагали дикость, и заговорятъ разумно. Но время шло, и съ каждою недѣлей становилось все яснѣе, что Наполеонъ III окончательно оставилъ дипломатическую кампанію и съ удвоенной энергіей принялся за продолженіе военной. Вмѣсто Друэнъ де-Люи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ оказался генералъ Пелисье, въ концѣ мая овладѣвшій подступами къ Малахову кургану, а въ началѣ іюня штурмовавшій и самый курганъ, на первый разъ неудачно. Въ теченіе іюня вѣнскія конференціи умерли естественною смертью, а въ концѣ іюля другой кн. Горчаковъ, главнокомандующій въ Крыму, получилъ знаменитый приказъ: «сдѣлать что-нибудь рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ». Результатомъ было сраженіе на Черной рѣчкѣ (4 августа) и новый штурмъ Малахова кургана французами, на этотъ разъ для нихъ успѣшный (27 числа). Двѣ ночи

спустя, пассажиры поѣзда, шедшаго изъ Ліона въ Парижъ, были свидѣтелями рѣдкаго зрѣлища: они видѣли иллюминацію всей Франціи. Не было деревни, которая не зажгла бы плошекъ по случаю взятія Севастополя. Ужасная бойня кончилась въ августѣ тѣмъ, на что почти уже потеряли всякую надежду въ мартѣ: военной побѣдой союзниковъ. Новые мирные переговоры были неизбѣжны—за ликованіемъ французовъ опять скрывалась именно надежда на миръ. Но теперь они, очевидно, должны были принять другой оборотъ и иной характеръ.

Въ то время, какъ французы ликовали, исполненные радостной надежды на миръ, ихъ союзники по ту сторону Ламанша хмурились. Причиной было не только задѣтое военное самолюбіе: день 27 августа для англичанъ былъ несчастнымъ; «французы взяли Малаховъ и утвердились на немъ,—телеграфировалъ англійскій главнокомандующій,—мы атаковали Реданъ [1]), но были отбиты». Но еще за двѣ недѣли до этого событія лордъ Пальмерстонъ писалъ своему брату: «Паденіе Севастополя приближается. Когда это случится, возникнетъ новая опасность—*опасность мира, а не войны.* Австрія постарается навязать миръ недостаточный».

По обыкновенію англійскихъ государственныхъ людей, Пальмерстонъ лучше умѣлъ схватить положеніе, чѣмъ объяснить его. Опасность грозила не со стороны Австріи, она была ближе. Англіи нужно было уничтожить Россію, какъ морскую державу; всякій миръ, который, уничтоживъ черноморскій флотъ, оставилъ бы въ неприкосновенности балтійскій, былъ для нея «недостаточнымъ». Англійская свободная торговля и русскій протекціонизмъ сталкивались всюду, гдѣ была русская таможенная линія; нужно было, чтобы таможенный барьеръ былъ сломанъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно пониженъ, чтобы отношенія между двумя странами стали если не дружественными, то хотя бы сносными. Это потомъ и сдѣлалъ русскій тарифъ 1857 г., дипломатическая подготовка котораго совершенно не выяснена, но политическое значеніе внѣ сомнѣній. Интересы Франціи и Россіи сталкивались, наоборотъ, только на Ближнемъ Востокѣ; съ устраненіемъ этого конфликта (экономическія причины его мы увидимъ скоро ниже, въ другой связи), имъ нечего было больше дѣлать. Послѣ паденія Севастополя Россія не только переставала быть для Наполеона III врагомъ—она становилась желанной союзницей. А для того, чтобы она оставалась союзницей цѣнной, нужно было, чтобы она продолжала быть великой державой. Ее не только не нужно было добивать «до конца», ей нужно было предоставить всѣ средства оправиться. А приручивъ ее, сблизившись съ ней, можно было отказаться даже отъ тѣхъ требованій относительно Чернаго моря, на которыхъ именно Франція настаивала теперь такъ ультимативно (Англія соглашалась оставить Россіи нѣсколько военныхъ кораблей на Черномъ морѣ, но въ количествѣ совершенно безобидномъ даже для Турціи). «Часто бываетъ такъ, что именно то государство, которое потребовало ограниченія силъ, первое же потребуетъ потомъ и отмѣны этого ограниченія», писалъ Горчакову гр. Морни въ ноябрѣ 1855 г., черезъ своего корреспондента завлекая Александра II поскорѣе заключить миръ съ Франціей.

Гр. Морни этихъ дней былъ въ высшей степени символической фигурой. Офиціально онъ былъ вторымъ лицомъ въ имперіи; 2 декабря—фактически онъ былъ, пожалуй, первымъ. Гораздо болѣе умный,

---

[1]) «Реданомъ» союзники называли *третій* бастіонъ.

чѣмъ его братъ [1]), не связанный формально принадлежностью къ династіи Бонапартовъ (благодаря незаконности своего рожденія, онъ не былъ даже принцемъ), онъ служилъ для этой династіи прочной связью съ учрежденіемъ, уже тогда начинавшимъ играть роль мозга и сердца Франціи: парижской биржей. Характерно, что, какъ представитель биржевыхъ интересовъ, Морни былъ противъ Крымской войны. Парижская биржа уже тогда видѣла передъ собою перспективы гораздо болѣе широкія, чѣмъ отвоеваніе у Россіи какого-то турецкаго рынка. Наполеонъ III началъ эту войну вопреки *будущимъ*—и очень близкаго будущаго!—интересамъ французскаго банковаго капитала, отчасти потому, что ему приходилось выбирать между союзомъ съ Россіей и союзомъ съ Англіей, стоявшей наканунѣ войны съ Россіей уже 20 лѣтъ, отчасти подчиняясь традиціямъ французской торговли въ Левантѣ, уже тогда старѣвшимъ, но не устарѣвшимъ окончательно, однако, даже и теперь. Въ то время жизненность этихъ традицій достаточно подчеркивалась тѣмъ, что и Крымская война не положила предѣла французскому движенію на Ближній Востокъ: предѣльнымъ пунктомъ было прорытіе Суэцкаго канала. Предвидѣлъ ли Морни, что Россія когда-нибудь будетъ лучшимъ рудникомъ для французскаго капитализма, чѣмъ когда-либо была и могла быть левантская торговля? Слово «рудникъ» какъ разъ попадается въ его перепискѣ, но, правда, онъ говорилъ о рудникѣ дипломатическомъ. Не было, однако, необходимости видѣть на сорокъ лѣтъ впередъ, чтобы оцѣнить значеніе Россіи въ начинавшейся дипломатической игрѣ Франціи,—игрѣ широкаго стиля, вполнѣ заслуживавшей имени «имперіализма». Въ этой игрѣ конфликтъ съ Австріей можно было предвидѣть съ первыхъ же шаговъ, а конфликтъ съ Пруссіей составлялъ фонъ всей картины. Теперь не можетъ быть сомнѣнія—мы это увидимъ подробнѣе ниже,—что франко-прусская война была рѣшена въ Парижѣ уже въ 1863 г. Въ 1855 г. дѣло было далеко отъ такой степени зрѣлости, но чтобы видѣть впередъ на 8 лѣтъ, не нужно сверхъестественной дальнозоркости. Какъ бы то ни было, когда Горчаковъ, все еще не разставшійся со своею мыслью, что французы одумаются, нашелъ ходъ къ Морни и завязалъ съ нимъ переписку, его встрѣтили такъ любезно, какъ онъ даже и не ожидалъ. Правда, насчетъ черноморскаго флота не было болѣе никакихъ надеждъ, но вѣдь и самаго флота болѣе не существовало: другой Горчаковъ утопилъ послѣдніе его остатки, эвакуируя Севастополь. А на возрожденіе его въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ подавалъ надежды, какъ мы видѣли, самъ Морни. Во всякомъ случаѣ, въ союзѣ съ Франціей этого было легче добиться, чѣмъ противъ нея. Переписка, ведшаяся необыкновенно характерно, въ конвертахъ банкирскаго дома Эскелесъ, представлявшаго интересы французскаго капитала въ Австріи и связаннаго съ Морни именно черезъ парижскую биржу, была, повидимому, на превосходномъ пути. Такъ казалось и Горчакову. Но въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ, біеніе европейскаго пульса чувствовалось, очевидно, явственнѣе, чѣмъ «во глубинѣ Россіи», гдѣ былъ въ это время его государь. Когда пришли черезъ Горчакова предложенія Морни, Александръ Николаевичъ былъ въ Николаевѣ и смотрѣлъ свою южную армію. «Военная обстановка,—разсказываетъ дипломатическій историкъ этихъ событій,—поднила въ императорѣ воинственное одушевленіе». Тутъ же, кстати, пришло извѣстіе о взятіи русскими войсками Карса—первый крупный успѣхъ послѣ длиннаго

[1]) Морни былъ незаконнымъ сыномъ королевы Гортензіи, матери Наполеона III.

ряда неудачъ. Рѣшено было воевать «до конца». Переписка Морни съ Горчаковымъ продолжалась, но не имѣла уже болѣе вліянія на ходъ дѣла. Роль «кузнеца мира» досталась на долю Австріи.

Австрія такъ долго размахивала мечомъ, не вступая въ бой, что у всѣхъ, наконецъ, явилось убѣжденіе, что драться она вовсе не желаетъ и что мечъ—картонный. Правительство Франца-Іосифа время отъ времени давало осязательныя доказательства правильности этого взгляда, распуская резервистовъ—для того, чтобы снова ихъ созвать черезъ нѣсколько недѣль. Особенно глубоко было убѣжденіе въ безобидности воинственныхъ манифестацій Австріи у кн. Горчакова,— а въ ноябрѣ, когда наладилась его переписка съ Морни, онъ, можно сказать, и «думать забылъ», что Австрія вѣдь тоже союзница «морскихъ державъ». Это очень облегчало представителямъ послѣднихъ ихъ дипломатическіе ходы. Австріи миръ былъ нуженъ больше, чѣмъ кому бы то ни было, въ виду ея неустойчиваго финансоваго положенія: между тѣмъ постоянныя мобилизаціи и демобилизаціи стоили денегъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы убѣдить Австрію, что легче всего она можетъ добиться заключенія мира, объявивъ Россіи войну, или, по крайней мѣрѣ, серьезно пригрозивъ этимъ. Французскому посланнику въ Вѣнѣ, Буркенэ, и австрійскому въ Парижѣ, Гюбнеру, удалось, наконецъ, разъяснить вѣнскому кабинету, что настоящимъ образомъ воевать Австрію не заставятъ, что надо лишь со своимъ картоннымъ мечомъ подойти чуть-чуть поближе къ русской границѣ, дабы обратить на себя вниманіе. Когда Буоль и его государь это поняли, переговоры пошли болѣе ходко. Отъ кн. Горчакова они держались въ строжайшемъ секретѣ. Буоль занималъ его разговорами на общія темы, и Буркенэ ликовалъ въ своихъ донесеніяхъ парижскому двору: «Когда истина выйдетъ изъ облака, она явится ударомъ молніи для кн. Горчакова!» Нужно сказать, однако, что физикамъ едва ли когда приходилось наблюдать электрическій разрядъ такой медленности. Текстъ ультиматума, который Австрія должна была предъявить Россіи, былъ окончательно установленъ 14 ноября 1855 г. Австрійскій посланникъ, Эстергази, привезъ его въ Петербургъ 27 декабря, а срокъ, въ немъ поставленный, истекалъ 18 января 1856 г. [1]). Уже одна эта медленность должна была бы показать русскому правительству, что дѣло не такъ серьезно, какъ кажется. Объявлять войну за мѣсяцъ до возможнаго начала военныхъ дѣйствій, это почти то же, что заблаговременно извѣщать объ имѣющемъ на-дняхъ быть пожарѣ, какъ требовалъ одинъ петербургскій полицмейстеръ XVIII вѣка. Но квіетизмъ, въ который впалъ петербургскій кабинетъ именно относительно Австріи, сдѣлалъ то, что въ первую минуту Петербургъ растерялся отъ неожиданности. Роль же рѣшительнаго удара сыгралъ даже не столько австрійскій ультиматумъ, сколько письмо прусскаго короля къ Александру II, полученное послѣднимъ за день, за два до офиціальнаго обсужденія ультиматума. Письмо не оставляло сомнѣній, что Пруссія—единственная, на кого еще можно было разсчитывать— не только не окажетъ поддержки Россіи, но даже едва ли сохранитъ дружественный Россіи нейтралитетъ. Послѣ этого на семейномъ совѣтѣ у императрицы-матери рѣшено было подчиниться ультиматуму. Знаменитое совѣщаніе $^{3}/_{15}$ января лишь офиціально закрѣпило это рѣшеніе.

---

[1]) Всѣ числа по новому стилю.

Австрійскій ультиматумъ содержалъ въ себѣ упоминавшіяся выше „четыре гарантіи“: 1) замѣна русскаго „покровительства“ Сербіи и Молдо-Волахіи международнымъ; 2) свобода плаванія по Дунаю, устья котораго тогда принадлежали еще Россіи; 3) нейтрализаціи Чернаго моря, какъ говорили теперь уже откровенно, взамѣнъ прежняго иносказанія „пересмотръ трактатовъ 1841 г.“; 4) отказъ Россіи отъ исключительнаго права покровительствовать православнымъ подданнымъ султана, съ замѣной опять-таки этого спеціально русскаго „покровительства“ международнымъ, но съ двумя отягчающими условіями. Въ Вѣнѣ до паденія Севастополя никто не посягалъ на неприкосновенность русской территоріи: теперь отъ Россіи требовали уступки части Бессарабіи, именно той, которая прилегала къ Дунаю, Молдавіи. Не довольствовались *обѣщаніемъ* Россіи не мѣшать плаванію по Дунаю, хотѣли поставить ее въ *фактическую* невозможность чинить этому плаванію какія-либо препятствія. А во-вторыхъ, сверхъ всѣхъ этихъ опредѣленныхъ условій, воюющія съ Россіей державы выговаривали себѣ право предъявить на конгрессѣ новыя, опредѣлить которыя онѣ теперь затруднялись. Этотъ послѣдній пунктъ звучалъ особенно грозно. Принять его значило, въ сущности, сдаться на милость и немилость побѣдителя—притомъ побѣдителя, не одержавшаго еще ни одной побѣды надъ русскими войсками. Подчиненіе Россіи даже и этому пункту лучше всего характеризуетъ то душевное смятеніе, въ которое былъ повергнутъ Петербургъ письмомъ прусскаго короля еще гораздо болѣе, чѣмъ австрійскимъ ультиматумомъ. Надъ головой Россіи былъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ. Какъ бы далеко ни пошла она въ своихъ уступкахъ, въ послѣднюю минуту могло быть выдвинуто условіе, абсолютно непріемлемое, и война началась бы снова. Очевидно, что этотъ пунктъ могъ быть вставленъ лишь людьми, мира, въ сущности, не желавшими. Такъ оно и было: „пятый“ пунктъ, какъ его обычно называли (хотя по счету онъ, собственно, шестой) былъ внесенъ по настоянію Англіи, не представлявшей себѣ мира, пока былъ цѣлъ балтійскій флотъ. Но воспользовался этимъ англійскимъ изобрѣтеніемъ исключительно въ свою пользу Наполеонъ III.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, Наполеонъ имѣлъ твердое намѣреніе не только заключить миръ, но и сдѣлать Россію своей союзницей. Еще въ ноябрѣ ему случилось обмолвиться въ одномъ интимномъ разговорѣ, что онъ охотно отдалъ бы четыре пальца своей руки для достиженія этой цѣли. Теперь ему не нужно жертвовать даже мизинцемъ—его игра была выиграна. На парижскомъ конгрессѣ, который открылся 13—25 февраля 1856 г., императоръ французовъ вполнѣ опредѣленно взялъ себѣ роль адвоката Россіи. Когда русскіе уполномоченные, гр. Орловъ и бар. Бруновъ, явились въ Парижъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ петербургской паники и заранѣе терроризованные грознымъ „пятымъ пунктомъ“, они испытали пріятнѣйшее въ мірѣ разочарованіе. Тотъ, кто держалъ въ рукахъ громы войны, чья армія взяла Севастополь, не только не былъ расположенъ „унижать“ и „грабить“ Россію, но, наоборотъ, шелъ къ ней навстрѣчу съ распростертыми объятіями. Безъ всякихъ затрудненій онъ объявилъ Орлову, что идетъ съ англичанами лишь до извѣстнаго предѣла, и предѣлъ этотъ оказался весьма близкимъ. Какъ только англичане начинали жать русскихъ, Орловъ бѣжалъ въ Тюильри, получалъ „частную аудіенцію“, и на другой же день предсѣдательствовавшій на конгрессѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Валевскій, оказывался „болѣе русскимъ, чѣмъ самъ Орловъ“, какъ съ негодованіемъ отмѣчалъ австрійскій посланникъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что, заручившись высокимъ покровительствомъ, Орловъ обращался съ австрійцами болѣе чѣмъ безцеремонно. Теперь, разъ война не грозила, надо имъ было „дать почувствовать“. Въ результатѣ, страшный „пятый пунктъ“ свелся къ запрещенію Россіи воздвигать укрѣпленія на Аландскихъ островахъ... А послѣ конгресса, давая Орлову прощальную аудіенцію, Наполеонъ III „со слезами на глазахъ“ говорилъ ему, что за всѣ свои услуги онъ проситъ одного: „дружбы императора Александра“; таково „желаніе его сердца“.

Англичане остались умѣренно довольны парижскимъ трактатомъ 18—30 марта 1856 г. Они громко выражали свое сожалѣніе, что не согласились на предложеніе австрійцевъ—устроить конгрессъ въ Вѣнѣ. Но „дружба“ съ императоромъ Александромъ II формально вовсе не упразднила англо-французскаго союза. Напротивъ, исторія этого союза, всего двѣ недѣли спустя послѣ подписанія мирнаго договора, обогатилась новымъ документомъ. 3—15 апрѣля Франція, Австрія и Англія подписали соглашеніе, которымъ онѣ сообща гарантировали неприкосновенность Оттоманской имперіи и заявляли, что будутъ считать casus belli всякую попытку Россіи нарушить парижскій трактатъ. Въ Петербургѣ были очень обижены этой конвенціей и видѣли въ ней доказательства неискренности Наполеона III. На самомъ дѣлѣ тутъ отражалась лишь внутренняя противорѣчивость франко-англійскихъ отношеній на Ближнемъ Востокѣ. Именно то, что дѣлало Францію союзницей Англіи въ этихъ мѣстахъ, составляло подводный камень, который постоянно угрожалъ англо-французскому союзу, какъ бы ни лавировала около этого камня англо-французская дипломатія.

Мы до такой степени привыкли видѣть во Франціи прежде всего банковую страну, промышленный вывозъ которой ничтоженъ и во внѣшней политикѣ которой интересы обрабатывающей промышленности играютъ ничтожную роль, что намъ нужно нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы представить себѣ имперію Наполеона III въ дни ея расцвѣта. Нѣсколько цифръ помогутъ намъ въ этомъ случаѣ. Вотъ какъ развивался вывозъ Франціи въ турецкія владѣнія въ теченіе XIX в.:

Десятилѣтія	Средн. годичн. вывозъ въ милліон. франковъ:
1827—36	22,2
1847—56	80,9
1867—76	233,1

За пятьдесятъ лѣтъ французскій экспортъ въ Турцію выросъ слишкомъ въ 10 разъ! При этомъ за первое двадцатилѣтіе онъ увеличился почти въ четыре раза, за второе менѣе, чѣмъ втрое. Потомъ онъ совсѣмъ пересталъ расти, и десятилѣтіе 1887—1896 гг. даетъ намъ въ среднемъ всего 159, 8 милл. фр., въ полтора раза почти меньше средней 1867—76 гг. Но въ 60 годахъ вывозъ Франціи не только абсолютно для нея самой, но и относительно, рядомъ съ другими странами, занималъ очень видное мѣсто. Въ 1863 г. Англія ввезла въ Турцію товаровъ на 130 милл. фр., Франція—на 90, Австро-Германія (тогда существовалъ вѣдь еще Германскій союзъ)—на 32, Голландія—на 30, остальныя европейскія страны не болѣе, чѣмъ на 10[1]). *Соперницею Англіи на турецкомъ рынкѣ была, такимъ образомъ, не Австро-Германія, какъ*

1) Цифры взяты нами изъ книги *A. Martineau.* «Le commerce français dans le Levant» Paris—Lyon. 1902, pp. 23 et 27.

въ настоящее время[1]), *но Франція*. Это объясняетъ намъ, почему Франція не могла отнестись равнодушно къ наступленію русскаго имперіализма на Константинополь при Николаѣ Павловичѣ, и почему не только Наполеонъ III долженъ былъ явиться непремѣннымъ участникомъ Крымской войны, но уже и представители монархіи Людовика-Филиппа всегда занимали въ Константинополѣ позицію рѣзко-враждебную Россіи (напр., адмиралъ Руссэнъ въ 1833 г.). Но это же объясняетъ намъ и ту ревнивую подозрительность, которая окрашиваетъ всѣ отношенія двухъ „союзницъ“ и до, и послѣ, и даже во время Крымской кампаніи. Яркимъ примѣромъ служитъ исторія крупнѣйшаго и тѣсно связаннаго съ только что отмѣченными экономическими фактами предпріятія Франціи на Востокѣ—*Суэцкаго канала*.

Первые практическіе шаги къ осуществленію грандіознаго плана Фердинанда Лессепса падаютъ, какъ разъ на самый разгаръ севастопольской осады. Въ маѣ 1855 г., когда Пелисье готовился брать Камчатскій люнетъ, Лессепсъ могъ отмѣтить первый успѣхъ своего дѣла въ Константинополѣ: этимъ успѣхомъ было паденіе англофильскаго великаго визиря Решидъ-паши, орудія англійскаго посланника, Стрэтфорда Редклифа. И на этотъ разъ, какъ подъ Севастополемъ, французамъ везло больше, чѣмъ англичанамъ. Предварительныя техническія изысканія были окончены почти одновременно съ подписаніемъ парижскаго мира. Весною слѣдующаго года Люссепсъ рѣшилъ поставить дѣло уже на коммерческую почву и обратился съ воззваніемъ по этому поводу, между прочимъ, и къ англійскому купечеству. Рядъ англійскихъ торговыхъ палатъ (Манчестера, Бирмингама, Ньюкэстля, Ливерпуля и др.) рѣшили оказать поддержку иниціативѣ французскаго инженера. Но глава англійскаго кабинета, лордъ Пальмерстонъ, говорилъ въ парламентѣ 17 іюля 1857 г.: „Правительство ея величества, разумѣется, не можетъ предоставить свое вліяніе на султана въ распоряженіе тѣхъ, кто хотѣлъ бы понудить этого послѣдняго дать согласіе на постройку канала: такъ какъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ правительство ея величества все вліяніе, какимъ оно пользуется въ Константинополѣ и Египтѣ, употребляло на то, чтобы помѣшать этому проекту осуществиться“. Когда, несмотря на столь опредѣленную „волю Англіи“, компанія все же образовалась и началась подписка на акціи (осень 1858 г.), офиціозъ англійскаго кабинета „Globe“ такъ изображалъ это событіе: „главными подписчиками были гарсоны изъ кафе, соблазненные газетами, которыя у нихъ постоянно подъ руками, и приказчики мелочныхъ лавокъ, привыкшіе читать рекламы на обложкѣ своихъ пакетовъ. Сильно пострадало и духовенство. 3.000 носильщиковъ также сложились, чтобы купить акціи. Все это дѣло не что иное, какъ явное обкрадываніе простаковъ“... Но этими натянутыми шутками напрасно хотѣли скрыть чувства, не имѣющаго ничего общаго съ веселостью. 6 мая 1861 г. лордъ Карнарвонъ говорилъ въ верхней палатѣ: „Тѣмъ не менѣе (несмотря на сопротивленіе Порты), г. де-Лессепсъ и его компанія продолжаютъ свое дѣло и получили концессію, которая ихъ уполномочиваетъ не только построить каналъ, но и завладѣть полосой земли шириною отъ одной до полуторы мили въ обѣ стороны. Такимъ образомъ, иностранная компанія и *иностранное правительство, дѣйствующее черезъ посредство этой компаніи*, могутъ стать собственни-

---

[2]) Въ 1908—9 гг. Англія ввезла въ Турцію на 214 милл. фр., Австро-Венгрія—на 94 милл. фр., Германія—на 44, Франція—на 79. См. *Vehab*. «Situation économique de la Turquie d'Europe». Lille. 1912.

ками широкой полосы земли въ сердцѣ Египта, и такъ какъ эта часть Египта лишена всякихъ укрѣпленій, работы надъ каналомъ, предпринятыя теперь съ чисто коммерческой цѣлью, легко могутъ получить важное стратегическое значеніе". Рѣчь произвела огромное впечатлѣніе, и другой лордъ, Элленборо, уже не обинуясь, заявилъ, что такъ называемые „французскіе рабочіе" въ Суэцѣ это просто-напросто французскій десантный корпусъ, имѣющій задачей отрѣзать сообщенія Англіи съ Индіей.

Послѣднія слова легко могутъ показаться бредомъ, но на общемъ фонѣ преній они производятъ только впечатлѣнія самой рѣзкой, крикливой ноты — не больше того. Вся дальнѣйшая политика Великобританіи показала, что съ *возможностью* событій, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорили лорды Карнарвонъ и Элленборо, считались всѣ англійскіе политическіе дѣятели, не исключая Гладстона, горячаго защитника идеи Суэцкаго канала. Именно Гладстонъ оккупаціей Египта въ 1882 г. положилъ конецъ страхамъ по поводу „стратегическаго значенія" канала и довершилъ этимъ дѣло своего предшественника и политическаго противника Дизраэли, сдѣлавшаго Англію экономически хозяйкой канала, путемъ скупки акцій (въ 1877 г.). Имп. Александръ II и кн. Горчаковъ, по словамъ ихъ французскаго историка, „ничего такъ не боялись, какъ возобновленія англо-французскаго союза". Ихъ опасенія были напрасны. Союзъ обѣихъ странъ сталъ снова возможенъ лишь тогда, когда у обѣихъ явился снова общій политическій противникъ, но этотъ противникъ былъ въ то же время противникомъ и Россіи.

II.

Берлинскій конгрессъ.

Итакъ, Крымская война должна была послужить прологомъ къ франко-русскому союзу. Что касается *русской* стороны этого новаго союза, партнеру Россіи было не на что пожаловаться. Миссія Морни къ Петербургѣ и въ Москвѣ (онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ для присутствованія на коронаціи Александра II) заслуживала бы пары страницъ: болѣе характерной *бытовой* дипломатической картинки мы не встрѣтимъ въ русской исторіи. Въ нашемъ, по необходимости сжатомъ, изложеніи для этой картинки нѣтъ мѣста: отсылаемъ читателя къ спеціальной работѣ по франко-русскимъ отношеніямъ 50—60 годовъ[1]). Достаточно указать на тотъ фактъ, что, вопреки всякому дипломатическому мѣстничеству, посолъ Наполеона III оказался старѣйшиной иностраннаго дипломатическаго корпуса въ Россіи, для чего использовали даже такую случайность, какъ то, что австрійскій посолъ забылъ свои вѣрительныя грамоты въ Вѣнѣ, и процитировать одинъ отзывъ Морни объ имп. Александрѣ II. «Между нами сказать, нельзя быть любезнѣе этого государя. Все, что я узнаю о немъ, объ его семейныхъ отношеніяхъ, объ его друзьяхъ и, я долженъ сказать объ актахъ его внутренняго управленія, запечатлѣно характеромъ честности, справедливости и даже рыцарскаго духа. Онъ не помнитъ зла, онъ полонъ уваженія къ старымъ слугамъ своего отца, своей династіи, даже, когда они служили плохо. Онъ никого не оскорбляетъ, онъ чрезвычайно вѣ-

[1]) Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III». Paris. 1913. Сюда относится 2-я книга «La mission Morny».

ренъ своему слову, въ высшей степени добръ; невозможно не подружиться съ нимъ". А кн. Горчаковъ не находилъ конца изліяніямъ, какъ только передъ нимъ былъ французъ; онъ всѣхъ случайно попадавшихся ему на дорогѣ французскихъ дипломатовъ подробно посвящалъ въ свою политическую программу, такъ что даже надоѣлъ имъ. А съ Морни онъ бесѣдовалъ не какъ министръ съ посланникомъ (въ качествѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ смѣнилъ Нессельроде тотчасъ послѣ подписанія парижскаго мира), а „какъ два друга", по опредѣленію Морни. Впрочемъ, легкій налетъ ироніи чувствуется на петербургскихъ донесеніяхъ этого представителя династіи Бонапартовъ при парижской биржѣ—или парижской биржи при династіи Бонапартовъ: трудно это опредѣлить точно.

Но если въ Петербургѣ не помнили зла (то-есть Малахова кургана), то тамъ все время твердо держали въ памяти парижскій трактатъ и еще болѣе твердо—давнее обѣщаніе Морни, что Франція первая заговоритъ объ отмѣнѣ этого трактата, какъ только „добрыя намѣренія" Россіи будутъ внѣ сомнѣнія. Пока дѣло шло о практическомъ выполненіи договора, начатая на парижскомъ конгрессѣ игра продолжалась безукоризненно. Въ октябрѣ 1856 г. англійскій посолъ въ Парижѣ офиціально жаловался Валевскому, что „во всѣхъ спорахъ, мелкихъ или крупныхъ, которые возникаютъ по поводу примѣненія парижскаго трактата, правительство императора (Наполеона III) всегда оказывается на сторонѣ Россіи". Но стоило „восточнымъ дѣламъ" появиться на сценѣ не въ видѣ дипломатическихъ бумагъ, а въ болѣе конкретномъ образѣ, картина мѣнялась. Уже въ январѣ слѣдующаго (1857 г.) возникло *черногорское дѣло*. На парижскомъ конгрессѣ русскіе уполномоченные, стремясь прежде всего доказать своимъ новымъ друзьямъ „благія намѣренія" Россіи, заявили, что эту страну связываютъ съ Черногоріей только „узы взаимной симпатіи" и ни что болѣе. Но «владыка» и его потомки привыкли жить подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ. Сто лѣтъ они жили подъ покровительствомъ Россіи. Уже наканунѣ Крымской войны они должны были почувствовать, что это покровительство не особенно надежно: въ 1853 г. отъ турецкаго нашествія спасли Черную гору австрійцы, а не русскіе. Теперь эти послѣдніе формально заявляли, что, кромѣ симпатіи, невѣсомой и ни къ чему не обязывающей, они къ Черногоріи ничего не чувствуютъ. Тогда князь Данило отправился на поиски новаго покровителя. Сначала онъ оставался въ колеѣ вѣковыхъ черногорскихъ традицій: коли не русскій царь, такъ турецкій султанъ. Онъ выразилъ согласіе признать сюзеренитетъ Турціи. Но онъ тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что во дворецъ султана можно теперь пробраться только съ разрѣшенія и при помощи французовъ. Посредникомъ между нимъ и Портой явился французскій консулъ въ Скутари Экаръ, а въ Константинополѣ о «дѣльцѣ» кн. Данилы хлопотали, втроемъ, посланники Франціи, Англіи и Австріи, отнюдь не посвящая въ свои разговоры посланника Россіи. Тогда князь Данило понялъ, что, чѣмъ блуждать по проселочнымъ дорогамъ, лучше итти прямо къ цѣли—и, благо онъ лично былъ большимъ поклонникомъ французскаго языка и французской культуры, отправился въ Парижъ искать покровительства непосредственно у Наполеона III.

Извѣстіе о желаніи черногорцевъ „потурчиться" произвело въ Петербургѣ необыкновенно тягостное впечатлѣніе. Впервые въ разговорахъ Горчакова и Морни вмѣсто меда почувствовалась желчь. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ вспоминалъ даже Петра Великаго: и тогда будто бы Черногорія была уже подъ протекторатомъ Россіи.

Правда, спѣшилъ оговориться собесѣдникъ Морни, протекторатъ этотъ не политическій, а „скорѣе религіозный или даже рыцарскій (!)“, но, тѣмъ не менѣе, мѣнять одного покровителя на другого Черногорія никакъ не должна безъ согласія прежде всего Россіи: такова была основная мысль Горчакова. Но изъ-подъ этой частной мысли проглядывала болѣе общая. «Вы стараетесь держать насъ въ сторонѣ отъ турецкихъ дѣлъ“, говорилъ онъ Морни. Парижскій трактатъ лишилъ насъ возможности оказывать *матеріальное* давленіе на Турцію силою черноморскаго флота: теперь насъ хотятъ отрѣзать отъ Турціи и *дипломатически*—и хотятъ тѣ самые люди, которые и относительно матеріальной стороны договора 1856 г. намекали, что она не вѣчна. Какая же тутъ возможна дружба?

Наполеонъ III не очень дорожилъ такими новыми кліэнтами, какъ князь Данило. Когда въ Парижѣ выяснилась петербургская точка зрѣнія, кн. Данилу встрѣтили въ Тюльерійскомъ дворцѣ какъ нельзя болѣе холодно, и это сразу же подняло до нормальной температуры русско-французскія отношенія. Новое разграниченіе между Черногоріей и Турціей было произведено при ближайшемъ участіи Россіи. Исторія умалчиваетъ, были ли этимъ разграниченіемъ довольны черногорцы, но кн. Горчаковъ былъ доволенъ въ высшей степени. Первый подводный камень на фарватерѣ новаго союза былъ благополучно обойденъ,—бѣда въ томъ, что это былъ *первый* и что за нимъ слѣдовала цѣлая цѣпь рифовъ. Тутъ особенно важенъ одинъ текстъ, который даетъ возможность прямо и непосредственно связать политику первыхъ лѣтъ царствованія Александра Николаевича съ имперіалистическими тенденціями политики его отца. «Вотъ вы приготовляете, сообща съ Англіей, экспедицію противъ Китая,—говорилъ Горчаковъ Морни въ одну изъ послѣднихъ ихъ бесѣдъ:—*у насъ тоже есть очень важныя торговыя отношенія въ той сторонѣ*, и мы были бы очень рады, если бы вы посвятили насъ въ ваши проекты и пригласили насъ къ сотрудничеству, въ интересахъ какъ обѣихъ нашихъ странъ, такъ и всѣхъ вообще. Намъ было жаль, что вы не нашли удобнымъ сообщить намъ объ этомъ. Что касается *персидскихъ* дѣлъ, гр. Валевскій постоянно говорилъ гр. Киселеву (русскому послу въ Парижѣ), что ваше правительство всегда будетъ строго нейтрально въ вопросѣ, гдѣ не замѣшанъ никакой его интересъ: и, однако, вы все-таки вмѣшались, офиціозно, положимъ, но вмѣшались въ переговоры объ англо-персидскомъ трактатѣ, и использовали все свое вліяніе на Ферукъ-хана (персидскаго уполномоченнаго) въ интересахъ англичанъ. И здѣсь намъ тоже было бы пріятно не остаться въ сторонѣ. *У насъ въ Персіи интересы очень жизненные*, мы ей близкіе сосѣди, и мы не можемъ быть равнодушны къ независимости этой страны. Учрежденіе консульствъ (англійскихъ) на Каспійскомъ морѣ есть для насъ вопросъ очень важный и деликатный, и относительно котораго съ нами нужно было бы посовѣтоваться. Впрочемъ, англійское правительство предупредило всякій возможный протестъ съ нашей стороны, предложивъ столковаться съ нами относительно выполненія тѣхъ пунктовъ трактата, которые насъ касаются. Но мы предпочли бы видѣть такую внимательность съ *вашей* стороны».

Имперіализмъ въ одиночку оказался рискованнымъ и привелъ къ неудачѣ. Но отчего же Россіи не предлагаютъ, по крайней мѣрѣ, вступить въ имперіалистическую ассоціацію «Франція—Англія?» Обѣ эти страны собираются, выражаясь мягко, извлекать пользу изъ Китая. Но почему же Россіи не даютъ ея доли? Они уже извлекли кое-какую

пользу изъ Персіи. Но гдѣ опять интересы Россіи? А главные интересы Россіи были, конечно, на турецкомъ востокѣ: какъ же можно «держать Россію въ сторонѣ отъ турецкихъ дѣлъ?» Желаніе вступиться снова въ турецкія дѣла проявлялось Горчаковымъ поминутно, и въ такой иногда формѣ, что результаты получались только отрицательные. Въ 1860 г. произошелъ рядъ, обычныхъ для Турціи, христіанскихъ погромовъ въ различныхъ пунктахъ Оттоманской имперіи, въ Босніи, Болгаріи и въ Сиріи, въ Ливанскихъ горахъ. Для православныхъ мѣстностей державы ограничились требованіемъ разслѣдованія: но ливанскіе христіане, марониты, были католики, и Франція нашла нужными мѣры болѣе серьезныя. Въ Сирію долженъ былъ отправиться французскій экспедиціонный корпусъ; Англія на это была согласна. Горчаковъ сейчасъ же выступилъ съ предложеніемъ—обобщить это рѣшеніе и посылать военные отряды всюду, гдѣ только турки обижаютъ христіанъ. Повидимому, Россія не ожидала возраженій,—на южной границѣ началась концентрація военныхъ силъ, сейчасъ же обратившая на себя вниманіе англичанъ. Англійскій посолъ въ Петербургѣ офиціально напомнилъ Горчакову о существованіи парижскаго трактата, гарантирующаго неприкосновенность Турціи. Горчаковъ очень обидѣлся, но ничего не нашелся возразить по существу. Французская экспедиція была этимъ инцидентомъ отсрочена на нѣсколько мѣсяцевъ; въ этомъ и былъ единственный результатъ выступленія Россіи. Для положенія вещей, сложившагося на Ближнемъ Востокѣ въ результатѣ Крымской кампаніи, въ высшей степени характерно, конечно, что принципъ неприкосновенности Турціи обнаруживалъ такую эластичность, въ зависимости отъ вѣроисповѣданія подданныхъ султана: разъ это были католики, «неприкосновенность» толковалась крайне либерально, но коль скоро рѣчь шла о православныхъ, «неприкосновенность» тотчасъ же снова принимала неумолимо пуританскій характеръ. Православные, однако, лишь чувствовали на своей спинѣ то «реальное соотношеніе силъ», которое вскрылось подъ Севастополемъ и вылилось въ парижскій трактатъ. Кн. Горчаковъ ставилъ себѣ въ заслугу, что ни разу, за всѣ 60-е годы, онъ не поставилъ на очередь отмѣны этого трактата или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе стѣснительныхъ для Россіи его статей; онъ ждалъ, чтобы иниціативу проявили обѣщавшіе ее когда-то французы. Но къ 1870 году онъ долженъ былъ убѣдиться, что съ этого придется все же начать, а лондонскія конференціи 1871 г. должны были убѣдить его, далѣе, что, разъ начавъ, придется пройти и черезъ попытку—возстановить соотношеніе силъ, нарушенное Севастополемъ. Но тутъ «восточный вопросъ» становится совершенно непонятнымъ безъ «вопроса западнаго»—внѣ общей картины международныхъ отношеній Европы 60—70-хъ годовъ. О ней необходимо сказать нѣсколько словъ.

Франція 50 и начала 60-хъ гг.,—приходится еще разъ это повторить,—даетъ намъ картину *быстро развивающейся промышленной страны*. Если мы возьмемъ экспортъ французскихъ продуктовъ за пятнадцатилѣтіе 1847—1861 гг., эта истина встанетъ передъ нами весьма рельефно:

СТРАНЫ:	Вывозъ франц. продуктовъ (милліон. фун. ст.).		
	1847	1859	1861
Германск. таможен. союзъ	1,75	5,75	6,5
Россія	0,6	1,25	1,25
Бельгія	2,0	6,75	6,25
Швейцарія	1,25	4,5	5,5

СТРАНЫ:	Вывозъ франц. продуктовъ (милліон. фун. ст.).		
	1847	1859	1861
Италія	2,25	7,25	7,25
Турція	0,5	1,5	1,25
Франц. колоній	4,25	9,25	8,75

Таблица [1]) показываетъ намъ, какія огромныя завоеванія дѣлала французская промышленность въ окружающихъ Францію странахъ, не исключая и Германіи. Не исключая даже и Англіи: въ 1859 г. эта послѣдняя ввезла во Францію всего на 16,25 милл. фун. ст., а Франція экспортировала въ Соединенное Королевство въ томъ же году на 23,5 милл. фун. ст. Мы видѣли, кстати, и какую ничтожную, относительно, роль въ этихъ завоеваніяхъ играла левантская торговля (разница въ цифрахъ съ приведенными на стр. 33 объясняется тѣмъ, что тамъ рѣчь шла о французской *торговлѣ*, т.-е. объ общей суммѣ товаровъ, ввезенныхъ французами, хотя бы эти товары были и не французскаго происхожденія,—а здѣсь о національной продукціи Франціи). Главную массу французскаго экспорта составляла *мануфактура*: шелковыя и шерстяныя матеріи (въ меньшей степени бумажныя) и полотно. Металлургія была развита слабѣе (хотя зато въ началѣ 60-хъ гг. развивалась она очень быстро: количество переработаннаго во Франціи желѣза всѣхъ сортовъ увеличилось съ 1859 по 1862 г. на 33%). Но для фабрикъ, какихъ бы то ни было, необходимъ былъ *уголь*. Его добыча во Франціи росла съ большой быстротой (съ 5,2 милл. метрич. квинталовъ въ 1847 г. до 9,4 милл. въ 1861 г.), но *спросъ на уголь во Франціи обгонялъ добычу угля*. Все больше и больше его приходилось покупать за границей: въ 1865 г. Франція ввезла изъ-за границы (главнымъ образомъ изъ Бельгіи) угля на 103 милл. фр., въ 1867 г. уже на 127 милл. Вопросъ объ «угольномъ питаніи» французской промышленности становился все острѣе,—и тутъ не могъ не обратить на себя вниманіе тотъ фактъ, что богатѣйшіе угольные районы континентальной Европы лежатъ совсѣмъ рядомъ съ французской границей. Не говоря уже о сейчасъ упомянутой нами Бельгіи, бросался въ глаза бассейнъ Саары въ юго-западномъ углу рейнскихъ провинцій Пруссіи, нѣкоторыя шахты котораго заходили подъ тогдашнюю французскую территорію. Нѣмецъ копалъ нѣдра Франціи... А немного дальше лежалъ Руръ-Дюссельдорфскій бассейнъ, содержавшій въ себѣ запасы драгоцѣннаго топлива, по вычисленіямъ тогдашнихъ статистиковъ, ни болѣе, ни менѣе какъ на 5.000 лѣтъ! Нужно было быть очень стойкимъ, чтобы не поддаться искушенію при подобныхъ условіяхъ.

Документы, недавно опубликованные краковскимъ университетомъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ III такимъ стойкимъ не былъ. Эти документы—секретная переписка англійскихъ представителей за границей съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Росселемъ, лишь въ наименѣе существенной своей части опубликованная въ свое время въ парламентскихъ «синихъ книгахъ»—относятся къ эпохѣ польскаго возстанія 1863 г., т.-е. къ критическому моменту русско-французскихъ отношеній. Обычная схема этого момента такая: Наполеонъ III хотѣлъ возстановить Польшу, но возстановилъ лишь противъ себя Россію; этимъ воспользовалась Пруссія: въ

1) Она заимствована нами изъ «The Statesman's Jearbook», за 1864 г.—перваго появившагося въ свѣтъ тома этого изданія.

критическій для Россіи моментъ она предложила послѣдней свои услуги по части подавленія возстанія и гарантію противъ иностраннаго вмѣшательства. Такимъ ловкимъ пріемомъ Бисмаркъ разорвалъ русско-французскій союзъ и замѣнилъ его русско-прусскимъ, который позволилъ Пруссіи вести войну 1866 и 1870—71 гг. и превратиться въ Германскую имперію. При этомъ нѣмецкіе историки выдвигаютъ на первое мѣсто услугу, оказанную Бисмаркомъ Россіи въ 1863 г., а русскіе—услугу Россіи Пруссіи въ 1870 г., и обѣ стороны обвиняютъ другъ-друга въ «неблагодарности». Бывшія до сихъ поръ тайными депеши англійскаго посла въ Парижѣ, лорда Коулея, окончательно рѣшаютъ этотъ споръ въ пользу Россіи, давая въ то же время совершенно новое освѣщеніе всему конфликту. Коулей отмѣчаетъ, что польскими дѣлами и польскимъ возстаніемъ въ первыя недѣли его существованія Парижъ интересовался чрезвычайно мало. Лишь когда пришло извѣстіе о «конвенціи Альвенслебена», т.-е. о русско-прусскомъ соглашеніи, направленномъ противъ повстанцевъ, въ концѣ февраля, и въ салонахъ, и въ печати, и на трибунѣ законодательнаго корпуса разомъ дружно заговорили объ угнетеніи поляковъ Россіей. А затѣмъ выступила и французская дипломатія: не могла же она сопротивляться «единодушному порыву общественнаго мнѣнія»... Англійскій дипломатъ выводитъ изъ этого справедливое заключеніе, что Наполеона III интересовали, собственно, вовсе не поляки, а сближеніе Пруссіи съ Россіей; а это послѣднее интересовало его потому, что онъ, по словамъ Коулея, носился въ это время съ планомъ *завоеванія рейнской Пруссіи*. Въ личномъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Наполеонъ энергически отрекался отъ такого намѣренія, но это едва ли убѣдило его собесѣдника, и еще менѣе можетъ убѣдить историковъ. Но даже и въ этомъ личномъ разговорѣ онъ считалъ войну возможной, если иниціативу нападенія на Россію возьметъ на себя Австрія, при чемъ поддержка этой послѣдней Франціей разумѣлась сама собой,—и не менѣе сама собой вытекала изъ этой комбинаціи франко-прусская война. На отказѣ Австріи принять на себя какую бы то ни было иниціативу и сорвалось все дѣло. Формальной отговоркой для австрійскаго правительства послужило то, что независимость русской Польши можетъ вызвать сепаратистскія стремленія у австрійскихъ поляковъ. Въ дѣйствительности же Австрія, по всей вѣроятности, предвидѣла, что послѣ войны Франція захочетъ помириться съ Россіей на ея, Австріи, спинѣ, давъ русскимъ, наконецъ, удовлетвореніе въ восточномъ вопросѣ. Вялость Франціи въ вопросѣ объ этомъ удовлетвореніи тѣмъ и объясняется, что для реальныхъ уступокъ она ожидала отъ Россіи реальныхъ услугъ на Западѣ. Отмѣна парижскаго трактата была бы своего рода преміей за выдачу Россіей Пруссіи, а интересы разныхъ православныхъ обитателей Турецкой имперіи—своего рода мелкой монетой, которой предполагалось расплачиваться за услуги второго сорта. Это съ особенной рельефностью обозначилось на вопросѣ, который, къ удивленію читателя, приходится назвать *критско-бѣлыйскимъ*; какъ сейчасъ читатель увидитъ, вопросъ этого названія вполнѣ заслуживаетъ [1]).

Волненія въ христіанскихъ областяхъ Турціи тянулись черезъ всѣ шестидесятые годы, временами обостряясь, временами затихая,

---

1) Упоминавшаяся выше англ. секретн. переписка издана г. *Т. Филипповичемъ*. «Confidential correspondence of the british government resp. the Insurrection in Poland: 1863». Paris. 1914.

но никогда не прекращаясь совершенно. Во второй половинѣ этого десятилѣтія наиболѣе острымъ моментомъ было критское возстаніе 1866—67 гг. Русская ближне-восточная политика находилась тогда въ «греческомъ», если можно такъ выразиться, фазисѣ своего развитія. Какъ въ серединѣ 70-хъ годовъ наибольшее вниманіе Россіи, изъ восточныхъ христіанъ, привлекали къ себѣ сербы, въ 80 г.—болгары, такъ въ концѣ 60 г. это почетное мѣсто занимали греки. Внѣшнимъ выраженіемъ этого «греческаго» направленія русской политики послужило превращеніе одной изъ русскихъ великихъ княженъ въ королеву эллиновъ, случившееся именно въ 1867 г. Когда вспыхнуло критское возстаніе, Горчаковъ, естественно, выразилъ пожеланіе, чтобы инцидентъ былъ разрѣшенъ присоединеніемъ Крита къ Греціи. Послѣ всего предшествующаго, русскій дворъ былъ немало — и пріятно — удивленъ, когда Наполеонъ III въ личномъ разговорѣ съ русскимъ посломъ Будбергомъ сталъ обѣщать гораздо больше, чѣмъ у него просили. Не только Критъ нужно присоединить къ Греціи, но и вообще возстановить эту послѣднюю въ ея «естественныхъ границахъ». А притомъ зачѣмъ же и Сербію забывать? Она должна быть сдѣлана вполнѣ независимой, по крайней мѣрѣ, фактически: турецкіе гарнизоны должны быть выведены изъ сербскихъ крѣпостей. Но въ обмѣнъ на все это Россія должна занять положеніе «откровенно сочувственное» (francheme̊nt sympatique) по отношенію къ «интересамъ Франціи на Западѣ». Въ чемъ состоятъ, въ данную минуту, эти интересы, императоръ французовъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ скромно молчали. Роль невиннаго дитяти, высказывающаго вслухъ то, о чемъ взрослые молчатъ, взялъ на себя Будбергъ. Соперникъ кн. Горчакова, стремясь поскорѣе привести къ благополучному концу дѣло, такъ удачно имъ же и начатое, добился отъ главы французской дипломатіи, по крайней мѣрѣ, отрицательнаго опредѣленія «интересовъ Франціи»—какъ «не противорѣчащихъ (по тогдашнимъ понятіямъ) интересамъ Пруссіи и вообще Германіи». Значитъ, рѣшилъ онъ про себя, о рейнской Пруссіи болѣе не думаютъ. А вслухъ прибавилъ: «что же касается *Бельгіи*, то если вы хотите ее взять, это дѣло между вами и Англіей» [1]).

Французскій дворъ ликовалъ. Слово «Бельгія» было произнесено,—и произнесли его не французскія уста. Будбергъ угадалъ правильно. На другой день послѣ Кёниггреца, когда у всѣхъ въ ушахъ стоялъ еще трескъ игольчатыхъ ружей, приходилось пока позабыть о «рейнской границѣ». Сначала необходимо было перевооружить французскую пѣхоту (что къ 70 году и было выполнено). А уголь былъ нуженъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было: Методомъ исключенія французское «экономическое расширеніе» получило, какъ свой единственный объектъ,—Бельгію. Съ Пруссіей объ этомъ уже велись тайные переговоры. Позиція, которую займетъ Россія, была на континентѣ, можно сказать, рѣшающей: давленію со стороны Франціи и Россіи одновременно Пруссія, вѣроятно, не нашла бы силы противиться. О самой Бельгіи и ея нейтралитетѣ никто, разумѣется, не думалъ: по крайней мѣрѣ, во всѣхъ выдержкахъ изъ дипломатическихъ документовъ, приводимыхъ цитируемымъ нами авторомъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы у кого-нибудь были малѣйшіе упреки совѣсти по этому поводу. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы побудить Россію занять положеніе, «откровенно сочувственное» задуманному предпріятію. Въ Петербургѣ дѣло пошло отнюдь не такъ гладко, какъ позволяли на-

[1]) Roux, цит. соч., p. 414.

дѣяться разговоры съ Будбергомъ. Уже въ первой же бесѣдѣ съ французскимъ посломъ Горчаковъ далъ понять, что отмѣна нейтрализаціи Чернаго моря—такіе пустяки, о которыхъ онъ даже не думаетъ. Чего же хотѣла Россія въ обмѣнъ на свою «откровенную симпатію?» Нужно ли было за Бельгію отдать ей Константинополь? Но и слово «Бельгія» не такъ легко было выжать изъ Горчакова, какъ изъ Будберга. Попытка французскаго дипломата прибѣгнуть къ сократическому методу дала самый комическій результатъ—Горчаковъ притворился, что онъ совершенно забылъ географію (мы увидимъ, что ему это было и легче, чѣмъ кому бы то ни было), и собесѣдники завязли въ... Пиренеяхъ. Французу пришлось объяснять, что дѣло идетъ «о Люксембургѣ или его окрестностяхъ» (!). На этотъ разъ Горчаковъ не сталъ притворяться, что онъ думаетъ, будто рѣчь идетъ о парижскомъ Люксембургѣ, но сдѣлался сухъ и холоденъ. Мѣсяцъ спустя посолъ засталъ его «опредѣленно враждебнымъ» французскому проекту. Очевидно, въ промежуткѣ прошли оживленные переговоры съ Берлиномъ, и выяснилось, что аннексіи Бельгіи Франціей въ Берлинѣ не желаютъ.

Въ отчаяніи Франція ухватилась, дѣйствительно, за Люксембургъ—и даже изъ-за этого франко-прусская война едва не вспыхнула на три года раньше. Сильная именно русской дружбой, Пруссія чувствовала себя настолько прочно въ сѣдлѣ, что не шла ни на какія уступки. Это соотношеніе было совершенно отчетливо охвачено Талейраномъ (франц. посломъ въ Россіи) тотчасъ послѣ перваго разговора съ Горчаковымъ. «Между Россіей и Пруссіей,—писалъ онъ,—должны существовать извѣстныя моральныя обязательства». Но Талейранъ ошибался, выдвигая на первый планъ, какъ основу этихъ «обязательствъ», «симпатію между государями» Пруссіи и Россіи. Другая его гипотеза—о «политической необходимости», которой онъ не хочетъ подробно обсуждать, ближе къ цѣли. А еще ближе будетъ сказать, что русско-прусскій союзъ опирался на необходимость экономическую—подобно франко-англійскому союзу 1850 годовъ. Между Россіей и Германіей складывались въ 1860 годахъ отношенія, чрезвычайно напоминающія русско-англійскія самаго начала вѣка: Германія, и въ частности именно Пруссія, была главною потребительницей русской *ржи* [1]), вытѣсняя въ то же время Англію съ русскаго рынка, какъ главную поставщицу продуктовъ обрабатывающей промышленности [2]). За трехлѣтіе 1873—75 гг. англійскій ввозъ составлялъ 32% всего русскаго импорта, а германскій—40%. Россію и Германію поссорили въ послѣдней четверти XIX в., во-первыхъ, аграрный кризисъ 80—90 годовъ, воздвигшій между двумя странами стѣну германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, да бурный расцвѣтъ за то же время русской промышленности, оплодотворенной, преимущественно, французскими капиталами, и сейчасъ же закрывшейся отъ заграничной конкуренціи тарифомъ, пожалуй, еще болѣе запретительнымъ, чѣмъ были германскія хлѣбныя пошлины.

---

[1]) Ввозъ въ Германію ржи (почти исключительно русской).

ГОДА.	Тысячи метрич. центнеровъ.
1861	1360
1871	4180
1875	7000
1880	6896

[2]) Въ 1870 г. Россія вывозила въ ... ввозила изъ

Великобританію	на	24.294	тыс. ф. ст.	Великобританіи	на	15.268	тыс. ф. ст.
Германію	»	10.867	» » »	Германіи	»	19.489	» » »
Францію	»	4.878	» » »	Франціи	»	2.732	» » »

Пока двухъ этихъ условій не было налицо, русско-прусскій союзъ казался несокрушимымъ, и не дипломатическимъ тонкостямъ Наполеона III было его разорвать. Когда императоръ французовъ подписывалъ седанскую капитуляцію, ему и въ голову не приходило, конечно, что въ основѣ всей катастрофы можетъ лежать какой-то черный хлѣбъ, котораго не сталъ бы ѣсть его послѣдній придворный, но очень еще охотно ѣлъ прусскій рабочій. И еще меньше это приходило въ голову кн. Горчакову. Но что четыреугольникъ: Франція—Пруссія—Россія—восточный вопросъ былъ связанъ какою-то *необходимой* связью, что перемѣщеніе одного его угла должно перевернуть всю фигуру, это хотя, быть-можетъ, и не вполнѣ отчетливо, сознавалъ и Горчаковъ: не даромъ Седанъ былъ для него сигналомъ новаго выступленія какъ-разъ по восточному вопросу.

Островъ Критъ исчезъ изъ дипломатической исторіи Европы вмѣстѣ съ „Люксембургомъ и его окрестностями". Чрезвычайно характерно, что всего основательнѣе забыли его, кажется, сами русскіе. По крайней мѣрѣ, въ знаменитой циркулярной депешѣ кн. Горчакова (отъ 19—31 октября 1870 г.), открывшей новую фазу въ исторіи восточнаго вопроса, о греческихъ дѣлахъ нѣтъ ни слова. Депеша эта посвящена всецѣло той статьѣ парижскаго трактата, которая запрещала Россіи держать военный флотъ на Черномъ морѣ, и о которой въ 1867 г. Горчаковъ, что называется, и думать забылъ. Это—простой вопросъ самолюбія,—говорилъ онъ тогда. Теперь изъ-за этого „вопроса самолюбія" поставили вверхъ дномъ дипломатическія традиціи всего міра, одностороннимъ актомъ, своего рода указомъ русскаго правительства, отмѣнивъ важнѣйшее международное соглашеніе, какое только видѣла Европа со времени Вѣнскаго конгресса. Не только сопоставленіе фактовъ и хронологическихъ датъ, но и совершенно прямыя текстуальныя указанія не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ существованіи прямой причинной связи между выступленіемъ Россіи и пораженіемъ Франціи. Исторія съ обѣщаніями Наполеона III послужила урокомъ—и съ Пруссіи потребовали уплаты по векселю немедленно по наступленіи срока, не давая даже граціонныхъ дней. Русская депеша застала прусское правительство еще въ Версалѣ, у воротъ Парижа, который только что начинали осаждать. Туда же, въ Версаль, направила и Англія своего уполномоченнаго—объясняться съ Бисмаркомъ по поводу инцидента, созданнаго кн. Горчаковымъ. Послѣдній въ это время, измѣнивъ родному для него французскому языку, объяснялся Бисмарку въ любви по-нѣмецки [1]). Нельзя было разобрать, гдѣ кончается Берлинъ и начинается Петербургъ. Энергическое выступленіе Англіи и Австріи положило конецъ этой путаницѣ племенъ и нарѣчій. Пруссія вовсе не хотѣла разрывать съ Австріей изъ-за русскихъ интересовъ на Черномъ морѣ. Изъ Версаля дано было понять въ Вѣну, что, считая требованія Россіи справедливыми по существу, тамъ вовсе не склонны разсматривать дѣло, какъ конченное, а въ Петербургѣ, что завязанное на европейскомъ конгрессѣ можетъ быть развязано только, по крайней мѣрѣ, на общеевропейской конференціи. Лондонскія конференціи января—марта 1871 г. оформили отмѣну нейтрализаціи Чернаго моря [2]). Исто-

---

[1]) См. Горяиновъ. «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 163, франц. изданія.

[2]) Подробное изложеніе хода конференцій см. въ цитир. кн. г. *Горяинова*, гл. XII, популярн. очеркъ, на основаніи, главн. образомъ, этой книги, данъ въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», т. VI, стр. 7—13. Въ виду распространенности этой послѣдней книги нѣтъ надобности его повторять.

рія ихъ могла послужить контръ-урокомъ, напомнивъ, что, во-первыхъ, не слѣдуетъ спѣшить, а во-вторыхъ, что у Пруссіи есть связи и обязательства не только въ сторону Россіи. Но въ Петербургѣ попрежнему, какъ и въ 1855 г., слышали только то, что желали слышать. Безкровная ошибка 1870 г. была повторена en grand въ 1876—78, при чемъ на этотъ разъ она стоила много русской крови.

Въ первую минуту могло показаться, что изъ урока кое-что все же усвоено. Было совершенно ясно, что стыдомъ лондонской конференціи Россія обязана не столько Англіи, которая, какъ всегда, безъ континентальныхъ союзниковъ была безсильна на континентѣ, сколько Австріи. И вотъ, соглашеніе именно съ Австріей является первымъ шагомъ петербургскаго кабинета послѣ того, какъ ему удалось такъ или иначе добиться права вновь построить черноморскій флотъ. Осенью 1872 г., на свиданіи въ Берлинѣ Александра II, Вильгельма I и Франца-Іосифа, возникъ такъ-называемый „союзъ трехъ императоровъ". Въ дипломатической плоскости берлинское свиданіе было прежде всего встрѣчей Горчакова съ новымъ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши. Горчаковъ былъ—или дѣлалъ видъ, что былъ—очарованъ новымъ знакомствомъ. Андраши, котораго русская дипломатія и вдохновляемая ею публицистика пять лѣтъ спустя всюду ославила, какъ величайшаго въ мірѣ интригана, показался ему чрезвычайно порядочнымъ человѣкомъ, а Австрія безкорыстнѣйшей державой. Заключено было соглашеніе, на первый взглядъ чрезвычайно странное: суть его сводилась къ тому, что обѣ стороны обязывались не помогать Турціи въ подавленіи возстанія ея христіанскихъ подданныхъ, буде таковыя возстанія имѣли бы мѣсто. Какой-нибудь смыслъ ставить такое условіе былъ лишь въ томъ случаѣ, если можно было предвидѣть, что возстанія вскорѣ начнутся... Впрочемъ, въ вопросѣ о балканскихъ возстаніяхъ кн. Горчаковъ вообще обнаруживалъ чрезвычайно подозрительную проницательность—и, напримѣръ, въ *январѣ* 1875 г., *за шесть мѣсяцевъ* до герцеговинскаго возстанія, онъ предвидѣлъ не только чрезвычайное осложненіе балканскихъ дѣлъ, не и прямо войну, какъ она разразилась въ 1877 г.[1]). Мы можемъ только догадываться, что на берлинскомъ свиданіи 1872 г. говорились вещи болѣе серьезныя, чѣмъ тѣ, что оставили слѣдъ въ дипломатическихъ документахъ. Это, впрочемъ, достаточно ясно даетъ понять и самъ Горчаковъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ свиданіи съ Андраши: «То было дѣло мира и согласія; *ни бумагомаранія, ни протоколовъ*; никакого положительнаго обязательства, которое бы стѣсняло свободу нашихъ дѣйствій,—словомъ, ничего для дипломатическихъ архивовъ, но моральный результатъ громаденъ»[2]).

Читатель догадывается, какіе сюрпризы и опасности сулила подобная манера договариваться именно при извѣстной намъ особенности петербургскаго кабинета—слушать только то, что нравится. Четыре года спустя послѣ свиданія, давшаго столь громадные моральные результаты, Бисмаркъ получилъ отъ германскаго военнаго уполномоченнаго при русскомъ дворѣ телеграмму, гдѣ отъ имени Александра II

---

1) См. цитаты изъ его разговора съ Лефло (франц. посланникъ въ П-гѣ) у Hanotaux, «Histoire de la France contemporaine» IV, pp. 58—59.

2) Кн. Горчаковъ въ этомъ пунктѣ оказался хорошимъ ученикомъ Талейрана, учившаго, что языкъ данъ дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли: на самомъ дѣлѣ, изъ переговоровъ 1872 г., несомнѣнно, вышла *секретная военная конвенція* между Россіей и Германіей, подписанная въ слѣдующемъ году и *не опубликованная доселѣ*.

канцлера Германской имперіи запрашивали: останется ли Германія нейтральной, въ случаѣ войны между Россіей и Австріей?..

Всего за годъ до этого, заключенное въ 1872 г. «моральное согласіе» казалось болѣе несокрушимымъ, чѣмъ когда бы то ни было. Когда, въ іюлѣ 1875 г., вспыхнуло герцеговинское возстаніе, одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ дипломатовъ говорилъ о совмѣстномъ дѣйствіи Россіи, Австріи и Германіи и о томъ, что выполненіе общихъ рѣшеній надо будетъ довѣрить Австріи, «по своему географическому и политическому положенію заинтересованной болѣе, чѣмъ другія, въ возстановленіи порядка» на Балканскомъ полуостровѣ. Вмѣсто географіи и политики было бы болѣе кстати опять-таки говорить объ *экономикѣ*. У Австріи на Ближнемъ Востокѣ были громадные «пріобрѣтенные интересы». Въ промышленную страну она превращалась въ 50-хъ—60-хъ гг. немногимъ менѣе быстро, чѣмъ Франція[1]). При этомъ главная масса австрійскаго вывоза направлялась въ Турцію. Въ 1874 г. австрійскій экспортъ въ одни турецкія владѣнія достигъ 5 милл. фунт. ст. (при ввозѣ изъ Турціи 3 милліона ф.). Послѣ торговли Австріи съ Германіей, австро-турецкая торговля шла на первомъ мѣстѣ, Италія и Россія занимали четвертое, но лишь послѣ большого промежутка. Что касается самой Турціи, то въ ней Австро-Венгрія занимала *второе* мѣсто послѣ Англіи, которая ввезла, однако, лишь немногимъ больше (на 7 милл. фунтовъ—весь турецкій ввозъ оцѣнивался въ $18^1/_2$ милл.). Уступка Австріи перваго, между тремя восточноевропейскими имперіями, мѣста при водвореніи порядка въ турецкихъ владѣніяхъ соотвѣтствовала, такимъ образомъ, экономической логикѣ. Этой же логикѣ соотвѣтствовало и то, что вмѣшательство Австріи должно было встрѣтить *Англію* поперекъ своей дороги. Россія въ этомъ случаѣ готова была поддержать свою сосѣдку и союзницу: «*Россія и Австрія* убѣждены, что Англія будетъ неизмѣнно и систематически въ оппозиціи къ нимъ въ Константинополѣ», писалъ въ августѣ 1875 г. генералъ Лефло. Россія и Австрія союзницы противъ Англіи! Чье бы воображеніе могло представить себѣ такую картину въ дни берлинскаго конгресса?

Но вотъ проходитъ всего два мѣсяца, и смѣнившій на время ген. Лефло въ Петербургѣ Лабулэ «въ одномъ словѣ» такъ резюмируетъ положеніе: «петербургскій кабинетъ чувствуетъ, что судьбы Россіи связаны съ освобожденіемъ славянъ; но эта именно возможность составляетъ, наоборотъ, предметъ величайшихъ опасеній кабинета вѣнскаго». И дѣйствительно, какъ было послѣднему не испугаться, если бы онъ увидѣлъ картину, смѣлой кистью набросанную передъ глазами французскаго уполномоченнаго тѣмъ самымъ русскимъ дипломатомъ (бар. Жомини), который два мѣсяца назадъ такъ великодушно предоставлялъ Австріи представительство «союза трехъ императоровъ» на Балканахъ. На палитрѣ Жомини была только одна краска—красная. Къ будущей веснѣ герцеговинскіе безпорядки превратятся въ поголовное возстаніе всѣхъ турецкихъ христіанъ (Жомини особенно выдѣлялъ, по старой памяти, о. Критъ и Эпиръ). Оттоманская имперія погибнетъ въ этомъ пожарѣ: надо позаботиться объ ея *наслѣдникахъ*. Это

---

[1]) Австрійскій экспортъ:

Года.	Милл. флориновъ.
1851	136
1856	263
1862	334

будетъ, конечно, *балканская федерація*, а Константинополь станетъ, разумѣется, вольнымъ городомъ,—какъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, напримѣръ. Все это говорилось, когда налицо былъ, отъ всей «федераціи», пока только Пеко Павловичъ, съ четою въ двѣсти человѣкъ благополучно взявшій пару турецкихъ блокгаузовъ, въ каждомъ изъ которыхъ сидѣло по двѣ дюжины оборванныхъ «аскеровъ». Французскій историкъ, у котораго мы заимствуемъ эти цитаты, не находитъ образу дѣйствій русской дипломатіи въ начинавшемся кризисѣ иного объясненія, кромѣ античнаго: ихъ увлекала ихъ судьба,—говоритъ онъ. Иначе пришлось бы предположить у нихъ недостатокъ освѣдомленности и предусмотрительности[1]).

Онъ бы сдѣлалъ лучше, припомнивъ родную французскую поговорку: «аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой». Аппетитъ росъ въ такихъ размѣрахъ, что сотрапезники Россіи почувствовали страхъ. И тотъ же французскій дипломатъ въ то же время имѣлъ случай сообщить изъ Петербурга: «я узналъ сейчасъ, что гр. Андраши высказался противъ вооруженнаго давленія (на Турцію) по ту сторону австрійской границы (т.-е. въ Герцеговинѣ и Босніи); такое вмѣшательство было бы совершенно противно его намѣреніямъ». Создавать балканскую федерацію въ планъ Австріи отнюдь не входило...

Еще два мѣсяца спустя, въ декабрѣ 1875 г., самъ императоръ Александръ II нашелъ нужнымъ объясниться съ Европой по поводу намѣреній Россіи. Посредникомъ былъ выбранъ опять французскій дипломатъ—все тотъ же ген. Лефло, пользовавшійся при петербургскомъ дворѣ большими симпатіями. Императоръ сказалъ, что всѣ его—и, онъ надѣется, Европы, включая и Англію—усилія клонятся къ тому, чтобы поддержать на Востокѣ status quo «не столько изъ любви къ Турціи, сколько потому, что ее нечѣмъ было бы замѣнить». Ни онъ самъ, ни его отецъ никогда не хотѣли завладѣть Константинополемъ: ихъ оклеветали. «Но Россія никогда не потерпитъ, чтобы какая-нибудь другая великая держава, *въ особенности Англія*, утвердилась въ Царьградѣ, ни чтобы вновь возникла византійская, т.-е. *греческая*, имперія». «Я на это уже давно указывалъ греческому королю,—прибавилъ Александръ Николаевичъ.—Я хочу жить съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Мои симпатіи на сторонѣ эллиновъ: но нужно, *чтобы они оставались въ Аѳинахъ*»[2]).

Это было явное предостереженіе «морскимъ державамъ», въ число которыхъ, несмотря на королеву эллиновъ изъ дома Романовыхъ, попадала теперь и Грецiя. Перемѣна въ отношеніи къ послѣдней нашла себѣ чрезвычайно рѣзкое выраженіе два съ половиною года спустя, на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ русскіе собирались совсѣмъ замолчать греческій вопросъ, и защиту эллинскихъ интересовъ должна была взять на себя Франція. Россія, такимъ образомъ—какъ это справедливо отмѣчаетъ и цитируемый нами историкъ—съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, защиты интересовъ православія, переходила на этнографическую—защиты интересовъ славянства. Но на этомъ пути—за это можно было ручаться—Россія должна была столкнуться не только съ Австріей, а и съ Германіей. Порывая съ «морскими державами» на вопросѣ о Константинополѣ, Россія рвала теперь и со своими континентальными союзницами на вопросѣ о славянствѣ. Получалась та абсолютная изоляція Россіи, которая стоила ей въ свое время парижскаго мира. Какъ, ка-

---

[1]) *Hanotaux*, цит. соч., p. 67.
[2]) *Hanotaux*, цит. соч., p. 72.

залось бы, было не понять и не предвидѣть этого? Но мы имѣемъ документальное доказательство того, что глава русской дипломатіи, кн. Горчаковъ, этого не понималъ и не предвидѣлъ. 20 марта 1876 г. онъ писалъ русскому послу въ Берлинѣ Убри: „Бисмаркъ увѣрилъ Шувалова, что если между нами и Австріей возникнетъ разногласіе на почвѣ восточнаго вопроса, мы можемъ безусловно разсчитывать на Германію. Пруссія,—сказалъ Бисмаркъ,—должница Россіи за поддержку, оказанную ей послѣдней въ 1866 и 1870 гг. Расплатиться за это для Пруссіи—долгъ чести. Вотъ почему, *какъ дворянинъ, а не какъ канцлеръ имперіи* (!), онъ объявилъ, что для поддержанія нашихъ требованій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію; онъ сдѣлалъ это заявленіе не какъ канцлеръ, потому что въ своихъ политическихъ выступленіяхъ онъ оставляетъ за собою право выражаться менѣе прямо»[1]).

Былъ ли Бисмаркъ просто не понятъ Шуваловымъ или онъ сознательно толкалъ Россію въ авантюру, гдѣ ея положеніе, онъ зналъ, было бы безвыходнымъ? Русская дипломатія впослѣдствіи всегда предпочитала послѣднюю версію, не оставлявшую сомнѣнія въ «вѣроломствѣ» германскаго канцлера. Но сопоставленіе фактовъ показываетъ, что Горчаковъ *не могъ* остаться подъ впечатлѣніемъ «дворянской» бесѣды. Въ маѣ того же 1876 г. онъ былъ въ Берлинѣ, гдѣ они съ Бисмаркомъ и Андраши сообща занимались выработкой «меморандума» для представленія Турціи отъ имени европейскаго концерта (это было продолженіе кампаніи, начатой Австріею еще въ концѣ предыдущаго года: Андраши тогда требовалъ отъ Турціи ряда уступокъ возставшимъ христіанамъ и административныхъ реформъ въ возмутившихся областяхъ). На французскаго посла въ Берлинѣ кн. Горчаковъ произвелъ впечатлѣніе человѣка «скованнаго», хотя оковы его и покрыты цвѣтами. Эта «скованность» нашла себѣ очевиднѣйшее выраженіе въ *рейхштадскомъ* соглашеніи между Россіей и Австріей, состоявшемся 26 іюня ст. ст. 1876 г. Сущность этого соглашенія заключалась въ томъ, что Россія заранѣе отказывалась отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Европейской Турціи. Въ случаѣ успѣшной войны она могла разсчитывать на аннексіи въ М. Азіи (именно, на Батумъ) и на возвращеніе Бессарабіи, принадлежавшей въ данный моментъ Румыніи, а не Турціи. Изъ освобожденныхъ славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ должно было быть образовано *нѣсколько* самостоятельныхъ государствъ—непремѣнно «нѣсколько», ибо Австрія прямо заявила, что образованія *одного* большого государства на Балканахъ она не допуститъ. За то сама Австрія должна была получить прилегающую къ ея границамъ часть Босніи и Герцеговины. Такъ какъ Бисмаркъ писалъ объ «округленіи» Австріи съ этой стороны еще въ декабрѣ 1875 г.[2]), то эту идею безъ всякихъ натяжекъ можно считать германской. Это былъ первый ударъ въ спину «панславизму». Вмѣсто объединенія славянъ большой кусокъ славянства доставался «наслѣдственному врагу».

Но Бисмаркъ готовъ былъ ударить не только по новой схемѣ русской дипломатіи,—той, въ центрѣ которой стояло «славянство».

---

[1]) *Горяиновъ*, франц. изд., p. 316. Упомянутая выше (стр. 44) секретная русско-германская конвенція вполнѣ объясняетъ ослѣпленіе Горчакова; если въ перепискѣ съ Убри онъ ссылался не на этотъ документъ, то, очевидно, потому, что послѣдній былъ секретомъ и для Убри.

[2]) См. Горяиновъ, ibid., 314.

Онъ не прочь былъ нанести ударъ и старой схемѣ, опиравшейся на православіе. Если первая схема ставила Россію во главѣ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова, то вторая вела ее къ Константинополю: вотъ почему, усвоивъ первую, русская дипломатія отнюдь не думала оставлять второй. Осенью того же 1876 г. уполномоченный англійскаго кабинета, лордъ Салисбери, подготовляя константинопольскую конференцію, которою Англія надѣялась предупредить вооруженное вмѣшательство Россіи въ балканскія дѣла, объѣзжалъ европейскія столицы и былъ, между прочимъ, въ Берлинѣ. Послѣ свиданія съ нимъ Бисмаркъ нашелъ нужнымъ подѣлиться впечатлѣніями съ французскимъ посломъ (французы и съ этой стороны оказались посредниками). Германскій канцлеръ остался чрезвычайно доволенъ настроеніемъ, которое онъ нашелъ у англійскаго министра. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что теперь все кончится мирно—но, на всякій случай, если бы русская армія все-таки вторглась въ Болгарію, онъ, Бисмаркъ, подалъ Салисбери мысль, чтобы Англія «ограничилась военной манифестаціей». Въ чемъ же могла бы состоять эта «манифестація»? Бисмаркъ не оставилъ своего собесѣдника въ неизвѣстности на этотъ счетъ. Я думаю,—сказалъ онъ,—что *Англія ограничится занятіемъ Константинополя.*

Если германскій канцлеръ хотѣлъ, чтобы дѣло ни въ какомъ случаѣ не кончилось мирно, онъ, конечно, не могъ бы подать лучшей мысли англійскому кабинету. Отношеніе Англіи къ восточному вопросу сполна исчерпывается словами Дизраэли, сказанными именно въ эту пору (августъ 1876): «Мы всегда думали, что Средиземное море—одна изъ большихъ дорогъ, ведущихъ къ нашей индійской имперіи, и что это море, точно такъ же, какъ и тѣ, которыя съ нимъ связаны, должно быть свободно и безопасно. Наша политика заключается въ томъ, чтобы обезпечить этотъ результатъ». Мы видѣли, что Александръ II, съ русской точки зрѣнія, не допускалъ, чтобы англичане могли утвердиться въ Константинополѣ. Но съ англійской точки зрѣнія то же самое было недопустимо по отношенію къ Россіи, и англійскія газеты говорили это совершенно открыто. «Standart» писала: «Что мы должны заявить, это, что Россія никогда не утвердится ни на Босфорѣ, ни въ Дарданеллахъ, и къ счастію, мы можемъ помѣшать этому безъ чьей бы то ни было помощи». Восточный вопросъ для Англіи въ 1870 гг. былъ *индійскимъ* вопросомъ, если смотрѣть географически и съ англійской стороны, и *среднеазіатскимъ*, если смотрѣть со стороны русской. Англія видѣла въ завоеваніи Россіей Средней Азіи приступъ къ походу на Индію: и эта точка зрѣнія англійскихъ публицистовъ (главнымъ образомъ, Раулинсона) настолько совпадала съ точкою зрѣнія русскихъ практиковъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, что, напримѣръ, Скобелевъ находилъ совершенно, въ сущности, безполезными какія бы то ни было операціи на Дунаѣ, и предлагалъ начать съ удара прямо въ центръ, т.-е. съ экспедиціи черезъ Афганистанъ въ Индію[1]). На счастье—Индіи ли или Скобелева, теперь не скажешь—въ Петербургѣ смотрѣли на дѣло иначе. Сообщая своему брату, Николаю Николаевичу (старшему), что онъ назначается главнокомандующимъ противъ турокъ, государь, на вопросъ великаго князя, въ чемъ состоитъ задача его арміи, отвѣтилъ однимъ словомъ: «Константинополь»[2]).

---

1) Подробнѣе объ этой сторонѣ восточнаго вопроса, а также связи ея съ русско-прусскимъ союзомъ см. въ *послѣднемъ* томѣ «Русской исторіи съ древн. временъ» пишущаго эти строки.

2) Hanotaux, цит. соч., p. 121.

При свѣтѣ этихъ двухъ разговоровъ, Бисмарка съ Салисбери и императора Россіи съ главнокомандующимъ русской арміей (оба разговора падаютъ на одно и то же время, позднюю осень 1876 г.), совершенно новое освѣщеніе получаетъ и Константинопольская конференція декабря 1875—января 1876 г. Освобожденію балканскихъ славянъ стояла поперекъ, главнымъ образомъ, Англія, въ первое время настаивавшая, чтобы Турція возможно скорѣе подавила возстаніе. Но Англичане опасались, конечно, не сербовъ или болгаръ: они опасались вмѣшательства Россіи. Поэтому, когда Турція, въ отвѣтъ на англійскіе совѣты ничего не сумѣла устроить, кромѣ новыхъ христіанскихъ погромовъ, своей безсмысленной жестокостью возстановившихъ противъ нея—а, косвенно, значитъ, и противъ министерства Дизраэли—добрую долю даже самого англійскаго общества (агитація Гладстона), въ Лондонѣ рѣшено было это дѣло изъ рукъ турокъ взять. Въ Константинополѣ Салисбери выступилъ съ проектомъ автономной Болгаріи отъ Дуная до окрестностей Адріанополя и отъ Чернаго моря до Албаніи. Въ смыслѣ «освобожденія славянъ отъ турецкаго ига» это не оставляло желать ничего большаго. Но русская политика уже давно эволюціонировала за предѣлы этой скромной цѣли, если даже она когда-нибудь и ограничивала себя ею. Уже съ весны 1876 г. велась, если не очень тонкая, то очень смѣлая двойная игра. Въ то время, какъ «скованный» Горчаковъ заключалъ разнаго рода соглашенія съ Австріей, русскій посолъ въ Константинополѣ, гр. Игнатьевъ, отъ котораго эти соглашенія, по крайней мѣрѣ, офиціально, скрывались, чтобы не связывать ему рукъ, съ лихорадочной энергіей работалъ надъ грандіознымъ планомъ—поднять всѣхъ турецкихъ славянъ и, поставивъ Европу передъ «совершившимся фактомъ» всебалканскаго пожара, сдѣлать русское вмѣшательство и морально, и даже матеріально совершенно неизбѣжнымъ. Параллельно съ нимъ и не менѣе энергически въ Москвѣ работалъ славянскій комитетъ, создавая «неудержимый порывъ русскаго общественнаго мнѣнія»... Почти одновременно съ Рейхштадтомъ удалось осуществить первую часть плана—поднять Сербію. Уже для этого Игнатьеву пришлось впасть въ явное противорѣчіе съ офиціальными заявленіями своего правительства. Но что это не былъ актъ его личной политики, а опредѣленная политическая линія, имѣвшая прочную базу въ Петербургѣ, доказывается фактомъ, который сохранили воспоминанія русскаго консула въ Бѣлградѣ, Карцова. Уѣзжая изъ Эмса, куда онъ ѣздилъ къ имп. Александру II и Горчакову за распоряженіями, Карцовъ получилъ «категорическую» инструкцію—не допускать Сербію до войны. Прощаясь, кн. Горчаковъ ослабилъ значеніе этой инструкціи, добавивъ. «При всемъ томъ, не забывайте, что если государь противъ войны, его сынъ, наслѣдникъ престола (Александръ Александровичъ), стоитъ во главѣ движенія»[1]).

Когда планъ уже на Сербіи потерпѣлъ крушеніе, сербская армія, предводимая знаменитымъ покорителемъ бухарцевъ и кокандцевъ, ген. Черняевымъ, была разбита турками, положеніе Россіи стало безвыходнымъ. Бросить балканскихъ славянъ въ такую минуту значило вернуться къ разбитому корыту парижскаго мира, при чемъ не было,

---

[1]) *Русская Старина* (1908, апрѣль, стр. 70). Г. Ганото эта сторона событій осталась, повидимому, неизвѣстной: русскіе источники, опубликованные вдобавокъ въ одномъ году съ его книгой, не были ему доступны, а съ французскими дипломатами, повидимому, не всегда откровенничали.

для утѣшенія, даже Наполеона III съ его обѣщаніями. Сначала, повидимому, было принято героическое рѣшеніе—вмѣшаться просто, не стѣсняясь никакими соглашеніями съ Австріей и никакими угрозами со стороны Англіи. Къ этому моменту относится знакомая намъ телеграмма Бисмарку относительно нейтралитета Германіи. Отвѣтъ Бисмарка не подавалъ никакихъ надеждъ. Можно себѣ представить. какой взрывъ негодованія вызвало въ Петербургѣ „коварство“ германскаго канцлера! Но, разъ насъ обманываютъ, будемъ и мы обманывать. Австрія была успокоена секретной конвенціей, помѣченной 3 января 1877 года, но заключенной. на самомъ дѣлѣ, въ мартѣ этого года: въ ней повторялись обѣщанія Рейхштадтскаго соглашенія—главнымъ образомъ, не устраивать на балканскомъ полуостровѣ *одного* большого славянскаго государства. Кромѣ того, Россія обязалась не переносить военныхъ дѣйствій въ западную часть полуострова: сербы болѣе были не нужны теперь, послѣ ихъ неудачи, за которую имъ публично было выражено высочайшее неблаговоленіе. Константинопольская конференція не удалась, а дальнѣйшіе переговоры были попросту „сорваны“ Игнатьевымъ, поставившимъ туркамъ абсолютно непріемлемое требованіе: чтобы переговоры объ обоюдной демобилизаціи, русской и турецкой, велись въ Петербургѣ, куда султанъ долженъ былъ послать спеціальнаго посла для этой цѣли [1]). Турки, только что побѣдившіе на полѣ сраженія, не видѣли никакихъ основаній становиться на колѣни передъ Россіей. Но, взорвавъ контръ-миной планъ Салисбери, не поскупились на обѣщанія и передъ Англіей. Было формально гарантировано, что русскія войска не займутъ Константинополя, и даже что они не перейдутъ Балканъ, если султанъ обратится съ просьбою о мирѣ ранѣе, чѣмъ они успѣютъ это сдѣлать. Обставивъ себя всѣми этими ограниченіями, Россія 12 апрѣля 1877 года объявила войну Турціи.

Какъ ограниченія понимались Россіей, можно было видѣть на практикѣ очень скоро. Мы не переходимъ Балканъ, если султанъ попроситъ мира ранѣе? Такъ не дадимъ ему времени для этого! Тотчасъ послѣ перехода черезъ Дунай особый легкій отрядъ генерала Гурко форсированными маршами двигается впередъ и не столько переходитъ, сколько перелетаетъ балканскій хребетъ, ранѣе, чѣмъ не только были разбиты главныя турецкія силы въ сѣверной Болгаріи, но ранѣе даже, чѣмъ тамъ было дано хотя бы одно серьезное сраженіе. Англичане забезпокоились, но не надолго. Разбрасываніе русскихъ силъ привело только къ ряду неудачъ, одна тяжелѣе другой, и скоро стало казаться, что Россія не нарушитъ принятыхъ на себя обязательствъ просто по физической невозможности это сдѣлать. Но это былъ самообманъ. На русско-турецкой войнѣ оправдывалось общее правило *длительныхъ* военныхъ конфликтовъ: та сторона, которая располагаетъ большими экономическими и военными рессурсами, должна побѣдить, каковы бы ни были ея частичныя неудачи. Какъ ни было расшатано государственное хозяйство Россіи, все же она была во много разъ богаче Турціи и деньгами, и людьми. Рано или поздно это должно было сказаться. 28 ноября пала Плевна, неожиданно для обѣихъ сторонъ ставшая главнымъ центромъ турецкаго сопротивленія. Немедленно же въ Порадимѣ подъ Плевной вырабатываются основныя условія будущаго мира: это былъ, если можно такъ выразиться, расширенный плагіатъ проекта Салисбери—создавалась Болгарія, но протягиваншаяся на югъ уже до

---

[1]) Напотаих, цит. соч., 135.

Эгейскаго моря, и притомъ не Болгарія—провинція Оттоманской имперіи, хотя бы и автономная, а Болгарія—вассальное турецкое княжество, фактически зависѣвшее не отъ Турціи, а отъ Россіи. А какъ же русско-австрійское соглашеніе, по которому изъ русскихъ завоеваній не могло быть образовано *одного* государства? Австрію хотѣли поставить передъ совершившимся фактомъ... Въ то же время, вторично перейдя Балканы въ декабрѣ 1877 года, русская армія неудержимымъ потокомъ стремится къ Константинополю и проливамъ. Войска идутъ безъ сапогъ, безъ патроновъ, теряя 50% больными и отсталыми, но идутъ безостановочно, идутъ брать Царьградъ. А какъ же соглашеніе съ Англіей? Англію хотятъ поставить передъ совершившимся фактомъ...

Но если кого трудно поставить передъ совершившимся фактомъ, то это англичанъ. Уже со времени первой экскурсіи Гурко за Балканы, въ іюлѣ, они были насторожѣ. Теперь, въ январѣ, русскіе разъѣзды, увидавъ на горизонтѣ минареты Константинополя, должны были увидать и британскій флотъ, стоявшій на якорѣ у Принцевыхъ острововъ. Царьградъ былъ прикрытъ пушками англійскихъ броненосцевъ. Досадѣ Петербурга, воплямъ о „коварствѣ“ и „вѣроломствѣ“ не было конца.

Является вопросъ—не о томъ, какъ согласовать образъ дѣйствій Россіи съ данными ею обѣщаніями: совершенно ясно, что обѣщанія эти считались вынужденными и, какъ всякія подъ угрозой данныя обѣщанія, не имѣющими силы. Но является вопросъ: почему русской дипломатіи не пришло въ голову раздѣлить противниковъ? Почему изъ двухъ схемъ, „вѣроисповѣдной“ и „этнографической“, не остановились на какой нибудь одной? Либо Царьградъ и крестъ на св. Софіи, либо „великая Болгарія“. Въ первомъ случаѣ, по отношенію къ Австріи, былъ бы лишь вопросъ о размѣрахъ „отступного“. Оно было бы громадно, конечно,—пришлось бы поступиться не однѣми Босніей и Герцеговиной, а всей западной половиной Балканскаго полуострова: но и русскій успѣхъ былъ бы не меньше. Во второмъ случаѣ легко было бы столковаться съ Англіей—одна же Австрія, по компетентному заявленію Бисмарка, войны съ Россіей вести не рѣшилась бы. Почему нашли нужнымъ „объять необъятное“ и вызвать къ жизни англо-австрійскую коалицію, передъ которой—это знали заранѣе—придется сдаваться? Отвѣтъ на эту дипломатическую загадку приходится, кажется, искать во внутренней политикѣ. Передъ войной Игнатьевъ не скрывалъ даже отъ иностранныхъ дипломатовъ, что у Россіи нѣтъ выхода[1]). Нуженъ былъ возможно болѣе блестящій миръ, хотя бы только на бумагѣ—для того, чтобы состоялось примиреніе „общества“ съ „правительствомъ“. Пусть потомъ Европа отниметъ у Россіи реальные плоды этого мира—это даже имѣетъ свою хорошую сторону. „Общество“ заглядывается именно въ сторону Европы; пусть полюбуется, каковъ его идолъ... Націонализмъ всегда считался средствомъ противъ революціи.

Такова если не исторія, то психологія Санъ-Стефанскаго трактата 19 февраля 1878 г. Турки приняли его безропотно. У нихъ не было болѣе арміи, чтобы защищаться; къ тому же и они, вѣроятно, отлично понимали, что *такой* трактатъ останется мертвой буквой. Дѣйствительно, настоящіе переговоры пришлось вести съ Англіей и съ Австріей. Первая была очень довольна тѣмъ, что Константинополя взять русскимъ не удалось, и потому оказалась податливой гораздо болѣе, чѣмъ отъ нея ожидали. Она милостиво санкціонировала ту

---

[1]) «Изъ двухъ бѣдъ, которыми болѣетъ Россія, война—меньшая». Hanotaux цит. соч., p. 133.

часть рейхштадтской сдѣлки, которой Россіи предоставлялся Батумъ. Но Англія должна была теперь считаться и съ интересами своей новой союзницы, Австріи, а затѣмъ она на опытѣ видѣла, какъ легко русскіе переходятъ Балканы. Поэтому, хотя переговоры съ русскимъ посломъ Шуваловымъ велъ именно первоисточникъ „великой Болгаріи", Салисбери, ставшій теперь министромъ иностранныхъ дѣлъ, „великая Болгарія" была кассирована. Княжество не должно было итти на югъ далѣе балканскаго хребта, часть Болгаріи къ югу отъ него (Вост. Румелія) стала лишь автономной провинціей, а Македонія не получила даже и автономіи. Секретной конвенціей съ Англіей (май 1878 г.) дѣло въ сущности было рѣшено—несравненно болѣе удовлетворительно для Россіи, чѣмъ можно было ожидать. Вернувъ себѣ Бессарабію (въ обмѣнъ на нее румыны получили Добруджу), пріобрѣтя чрезвычайно важные для нея пункты въ азіатской Турціи (Батумъ и Карсъ), она ко всему этому получила еще и „задунайскую губернію" до Балканъ. Удержать эту послѣднюю въ русскихъ рукахъ было уже дѣломъ дипломатическаго искусства русскаго правительства. Послѣднее этого искусства не обнаружило, и Болгарія ушла изъ русскихъ рукъ, но этому уже не могли помочь никакія международныя конвенціи.

Берлинскій конгрессъ (іюнь—іюль 1878 г.) только оформилъ, согласіемъ всей Европы, результаты русско-англійской сдѣлки. Того значенія, которое приписывало этому конгрессу русское общественное мнѣніе, не посвященное въ тайну англо-русскихъ переговоровъ, онъ не имѣлъ. Онъ интересенъ лишь, какъ яркая бытовая картинка изъ жизни не только русской, но и европейской дипломатіи. Чего стоитъ, напримѣръ, хотя бы воспроизведенный въ запискахъ Шувалова разговоръ Дизраэли (тогда уже лорда Биконсфильда) съ кн. Горчаковымъ о русско-турецкой границѣ въ М. Азіи. Первый изъ собесѣдниковъ, по авторитетному заявленію его коллеги, Салисбери, никогда въ жизни не видалъ карты М. Азіи; второй, при равномъ невѣжествѣ въ географіи, былъ, кромѣ того, чрезвычайно разсѣянъ. Онъ ориентировался по *секретной* картѣ русскаго главнаго штаба—гдѣ были нанесены максимальные предѣлы русскихъ уступокъ—и, позабывъ объ ея секретности, далъ ее „на часокъ" англичанамъ. Когда послѣдніе потомъ съ необычайной мѣткостью стали нажимать всюду до максимума, Горчаковъ былъ въ отчаяніи и громко вопіялъ объ „измѣнѣ". Къ счастью, Биконсфильдъ и послѣ этого остался столь же невиненъ въ географіи, и происшедшій между нимъ и Горчаковымъ архи-комическій споръ далъ поводъ для германскаго вмѣшательства. При помощи нѣмцевъ, турокъ все же удалось оттѣснить отъ „максимальной" границы. Не давъ ничего новаго, берлинскій конгрессъ, какъ и предшествовавшая ему англо-русская сдѣлка, оставилъ открытымъ главный вопросъ, около котораго вертится вся исторія русско-турецкихъ войнъ со времени Екатерины II,—вопросъ о Константинополѣ и проливахъ. Въ *этомъ* вопросѣ война 1877—78 гг. осталась лишь порывомъ—и не послѣднимъ.

Въ томъ видѣ, какъ они изображены выше, эти порыванія могутъ показаться дѣломъ отдѣльныхъ личностей. Но мы видѣли уже много разъ, что за личной политикой всегда скрывается объективная историческая необходимость,—необходимость экономическая. Странно было бы, если бы русская политика на Ближнемъ Востокѣ представляла собою исключеніе. Но разбирать этотъ вопросъ во всей его широтѣ здѣсь нѣтъ мѣста: онъ вывелъ бы насъ далеко за хронологическія рамки настоящей статьи, заставилъ бы спуститься въ прошлое до царствованія Николая I и подняться въ будущее до нашихъ дней. До-

статочно сказать, что имперіалистическія порыванія къ Ближнему ли или къ Дальнему Востоку всегда предшествовались, какъ вѣрнымъ симптомомъ, расцвѣтомъ русской обрабатывающей промышленности[1]). Схема явленія въ сущности очень проста. Развивающаяся промышленность предполагаетъ рынокъ: но внутренній рынокъ былъ скованъ сначала прямо крѣпостными, позже полукрѣпостными, соціальными отношеніями. Измѣненіе этихъ отношеній было, одновременно, въ интересахъ народнаго хозяйства въ его цѣломъ и народной массы, но не въ интересахъ господствующаго класса, крупнаго землевладенія. Сопротивленіе этого класса было всегда непреодолимой преградой для русской буржуазіи: поставленная между демократіей и дворянствомъ, она всегда клонила въ сторону послѣдняго. „Невозможность“ расширить внутренній рынокъ заставляла искать внѣшнихъ: при чемъ расширеніе, естественно, шло въ направленіи странъ, одновременно щедро надѣленныхъ природой и менѣе культурныхъ, чѣмъ Россія. Отсюда захватъ азіатской Турціи, Персіи или Манчжуріи казался условіемъ sine qua non дальнѣйшаго развитія русскаго капитализма. Дворянство охотно брало на себя роль „бронированнаго кулака“ въ этомъ случаѣ, но его боевой готовности оказывалось мало. Искусственная задержка въ развитіи внутреннихъ отношеній фатально отражалась на боевыхъ качествахъ народной массы. Крѣпостной или полу-крѣпостной мужикъ, казалось бы, отличный матеріалъ для солдата, но арміямъ изъ такихъ мужиковъ никогда не везло. Неудачная, или какъ это было въ 1878 г., не вполнѣ удачная война вновь ставила вопросъ о внутреннихъ реформахъ,—а неудача въ разрѣшеніи этого вопроса вызывала новую серію имперіалистическихъ потугъ. Только вторая русская революція, разъ навсегда покончивъ какъ съ русскимъ дворянствомъ, такъ и съ русскимъ имперіализмомъ, положитъ конецъ и этой сказкѣ про бѣлаго бычка.

---

[1]) Для періода, непосредственно предшествующаго русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг., мы имѣемъ такія данныя:

ГОДА	Вновь основано акціон. к-ій.	Переработано иностр. хлопка, пряжи.		Выплавлено чугуна.
			Тысячи	Пудовъ.
1870	33	2801	254	21949
1873	106	3530	323	23484
1876	41	4708	340	26957

Цифры взяты у *Туганъ-Барановскаго* «Русская фабрика».

Польша и Европа послѣ Вѣнскаго конгресса.

«Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истиннѣ того, что ихъ страна была захвачена, а не завоевана императрицей Екатериной, во время трехъ раздѣловъ, произведенныхъ среди мира, безъ объявленія войны, при помощи средствъ самыхъ постыдныхъ, способныхъ возмутить всякую честную душу. *Одно царство Польское—честная добыча* (*de bonne prise*), *санкціонированная трактатами, послѣ войны, при заключеніи мира.* Это почувствовали всѣ, во всемъ мірѣ, завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ есть постыдное грабительство, которое рано или поздно отзовется на самомъ захватчикѣ».

Въ этихъ словахъ цесаревича Константина Павловича[1]) дана не только точка зрѣнія поляковъ на раздѣлы Польши, но и точка зрѣнія русскаго правительства, современнаго образованію Царства Польскаго, на юридическое положеніе этого послѣдняго. Это—добыча Отечественной войны, закрѣпленная за Россіей вѣнскими трактатами 1815 г. Безъ войны не было бы добычи, безъ трактатовъ это былъ бы простой захватъ. Цесаревичъ повторялъ тутъ только мысли своего старшаго брата, высказывавшіяся въ самый моментъ дѣйствія. «Для Россіи—герцогство Варшавское»,—записалъ Александръ I въ коротенькомъ конспектѣ будущихъ вѣнскихъ переговоровъ (въ августѣ 1814 г.), «Въ крайнемъ случаѣ я согласенъ уступить полько Познань...» «У меня двѣсти тысячъ человѣкъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, пусть же меня выгонятъ», говорилъ Александръ Талейрану въ Вѣнѣ. А когда Талейранъ, дѣлавшій видъ, что онъ очень безпокоится о независимости Польши, на дѣлѣ же отстаивавшій интересы Саксоніи противъ Пруссіи, предложилъ Александру взамѣнъ Саксоніи «дать пруссакамъ побольше изъ герцогства Варшавскаго», русскій императоръ нашелъ предложеніе «страннымъ»: «Вы хотите, чтобы я взялъ у себя, чтобы дать имъ»[2]). «Честная добыча» принадлежала тому, кто ее взялъ. Это нисколько не помѣшало, разумѣется, призвать поляковъ «къ защитѣ отечества», когда на «добычу» явились другіе соискатели[3]). Нѣтъ ничего сложнѣе понятія «отечества» въ примѣненіи къ самодержавной монархіи...

Но Александръ, какъ говорятъ, именно не хотѣлъ быть «самодержавнымъ монархомъ» въ Польшѣ. Онъ далъ ей конституцію.

---

1) Письмо къ имп. Николаю I 30 ноября (12 декабря) 1827 г. Сбор. Русск Истор. Общ. т. 131-й, стр. 205.

2) Шильдеръ «Александръ I», III, стр. 537, 282, 298.

3) Приказъ Константина Павловича по польской арміи 29 ноября (11 декабря) 1814, выдержка тамъ же, стр. 299. Цѣликомъ напечатанъ (во французскомъ переводѣ) у Ангеберга «Recueil», стр. 636.

Другіе говорятъ: «обязался дать». Юридическую базу для политической свободы Царства Польскаго 1815 г. хотятъ видѣть опять-таки въ вѣнскихъ трактатахъ. Этотъ мотивъ игралъ такую роль въ дальнѣйшихъ перипетіяхъ дипломатической исторіи Польши, съ другой стороны, возникновеніе польской конституціи такъ тѣсно связано именно съ *международнымъ* положеніемъ монархіи Александра I, что на вопросѣ необходимо нѣсколько остановиться. «Заключительный актъ» Вѣнскаго конгресса (подписанный 9 іюня 1815 г.) дѣйствительно говоритъ о «конституціи» русской Польши, но совсѣмъ въ особенномъ смыслѣ: «герцогство Варшавское», читаемъ здѣсь, «своей конституціей будетъ безвозвратно присоединено къ владѣніямъ императора всероссійскаго»[1]). Отсюда можно вывести лишь одно заключеніе: унія Россіи и Польши мыслилась авторами трактата, какъ не только *личная*, и даже не только, какъ династическая—кто бы ни стоялъ во главѣ Россійской имперіи, но императоръ всероссійскій, такъ сказать, автоматически становился съ тѣмъ вмѣстѣ и королемъ (или, по-русски, «царемъ») польскимъ. Эту теорію подробно—и очень логично—развилъ впослѣдствіи Николай Павловичъ, когда зашла рѣчь о его коронаціи—вторичной,—въ Варшавѣ. Николай упорно отказывался разсматривать эту вторую коронацію, какъ особый, самостоятельный актъ: царь польскій былъ коронованъ въ Москвѣ, въ особѣ русскаго императора; въ Варшавѣ можетъ быть лишь «повтореніе церемоніи для поляковъ»[2])... Съ точки зрѣнія «заключительнаго акта» Николай былъ, повторяемъ, послѣдователенъ. Но читатель уже достаточно видитъ, что къ «конституціи» въ обычномъ смыслѣ этого слова данная фраза «акта» не имѣетъ никакого отношенія. По части внутренняго управленія «актъ» не гарантируетъ царству Польскому ничего больше «особой администраціи» (administration distincte). Странная, но неоспоримая вещь: поляки литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, присоединенныхъ къ имперіи при Екатеринѣ II, получили отъ Вѣнскаго конгресса, въ смыслѣ гарантій, *больше,* нежели населеніе самой Польши. «Поляки, подданные соотвѣтственно Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ представительство и національныя учрежденія», говоритъ «заключительный актъ» — правда, съ оговоркой: «согласованныя съ той формой политическаго бытія, какую сочтетъ полезнымъ и приличнымъ даровать имъ ихъ правительство». Гарантировался лишь *принципъ* автономіи—не ея форма: но ясно все-таки что это была автономія («représentation et constitutions *nationales*»), а не что другое, для царства же не было гарантировано даже и принципа.

Чѣмъ объясняется такое странное раздѣленіе, оставлявшее правительству «самостоятельной» Польши руки болѣе свободными, чѣмъ у правительства, которымъ поляки «принадлежали» («заключительный актъ» такъ и говоритъ: «au quels ils appartiennent») въ силу раздѣловъ конца XVIII вѣка? Кое-какія откровенности «возстановителя», императора Александра I, яркимъ свѣтомъ освѣщаютъ то, что этимологическій анализъ Вѣнскаго трактата даетъ только предчувствовать. «Я замѣтилъ, въ 1814 году, что нужно польстить ихъ (поляковъ) національному самолюбію, чтобы они оставались спокойными», говорилъ Александръ австрійскому генералу гр. Вальмодену (въ октябрѣ 1816 г.).

---

[1]) «Le duché de Varsovie est réuni... à l'Empire de Russie. Il y sera lié irrevocablement par sa constitution, pour être possédé par S. M. l'Empereur de toutes les Russies»...

[2]) Сборникъ Русск. Ист. О-ва, ibid, 335 и сл.

«Если бы они остались на положеніи завоеванной провинціи, это былъ бы вѣчный очагъ недовольства и интригъ: а такъ они довольны и слишкомъ хорошо знаютъ границы, которыя я имъ поставилъ, въ моемъ интересѣ, чтобы пытаться перейти ихъ. Обращаясь съ ними такъ, какъ я обращался до сихъ поръ, я сдѣлаю изъ нихъ русскихъ, тогда какъ они будутъ считать себя поляками (!). Нужно было также *создать изъ этого многочисленнаго воинственнаго населенія значительную армію*, чтобы пріучить его къ суровой дисциплинѣ... Мой братъ вначалѣ былъ съ ними немного крутъ, но это было необходимо, чтобы заставить ихъ забыть революціонный духъ, которымъ они заразились во Франціи. Теперь они довольны—они что-нибудь значатъ, возрождаются ихъ богатство и блескъ» [1]). Эти слова даютъ не нуждающійся въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ комментарій къ другимъ словамъ того же Александра Павловича, сказаннымъ другому нѣмецкому генералу, принцу гессенскому, по поводу надѣлавшей такого шума тронной рѣчи при открытіи польскаго сейма: «Это одна комедія. Комедія, конечно, не настоящее слово, вы это понимаете, но, однимъ словомъ, это для показу (un apparat)» [2]). А подчеркнутый нами мотивъ относительно польской арміи нашелъ себѣ очень полное развитіе въ одной, давно уже опубликованной, но мало обратившей на себя вниманіе, собственноручной запискѣ Николая Павловича, написанной очень скоро послѣ возстанія 1830 — 31 гг. Перечисляя благодѣянія Россіи Польшѣ, авторъ записки говоритъ: «...Армія, организованная по образцу Императорской, была всѣмъ снабжена со стороны Россіи; арсеналы были богато надѣлены всѣми запасами безъ всякаго обремененія страны какими-либо жертвами на этотъ предметъ. Благодаря также нашимъ усиліямъ, армія достигла рѣдкаго совершенства и была организована настолько, что могла составить кадры для ста тысячъ человѣкъ. Въ такомъ духѣ было создано Царство Польское цѣною величайшихъ жертвъ со стороны Имперіи... Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Россія не скупилась ни на какія жертвы для поддержанія польской арміи, для снабженія ея всѣмъ нужнымъ и для вооруженія крѣпостей Царства. Даже на ея иждивеніи содержались русскія войска, служившія для образованія польскихъ войскъ» [3]).

Стратегическое значеніе будущаго Царства Польскаго было по достоинству оцѣнено ближайшими наблюдателями ранѣе, чѣмъ это царство успѣло юридически образоваться. Въ меморандумѣ, который представилъ Александру I лордъ Кестльри въ октябрѣ 1814 г., говорилось, что «продвиженіе Россіи съ Нѣмана въ сердце Германіи, переходъ въ ея руки всѣхъ крѣпостей герцогства (Варшавскаго) открываетъ для нападенія столицы Австріи и Пруссіи, лишенныя какой-либо линіи обороны или границы» [4]). Приведенныя сейчасъ слова двухъ русскихъ государей позволяютъ дополнить эту характеристику: не только въ руки императора Россіи должны были перейти цѣликомъ «тѣ позиціи, которыя Бонапартъ постоянно стремился отнять у сосѣднихъ государствъ, чтобы держать подъ шахомъ Австрію и Пруссію», но населеніе этихъ «позицій» должно было составить авангардъ той арміи, которая каждую минуту была готова спуститься съ привислян-

---

[1]) В. кн. Николай Михайловичъ «Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ, Лебцельтерна». Спб. 1913, стр. 7.

[2]) Ibid, стр. 46.

[3]) Мартенсъ: «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей», III, 178.

[4]) «Recueil» Ангеберга, 610.

скаго дебаркадера въ самую середину Центральной Европы. Польское войско спеціально берегли для этой роли. Его не взяли ни для дунайскихъ операцій въ 1828 году, ни для забалканскаго похода 1829 года. Но едва на горизонтѣ всталъ призракъ войны въ Западной Европѣ—въ связи съ іюльской революціей,—поляковъ мобилизовали въ первую голову. Общеевропейское значеніе польской революціи 17—29 ноября 1830 г. въ томъ и состояло, что она разрядила на голову Польши тучу, которая неслась, чтобы разразиться надъ Франціей. Дѣйствительность давала кое-какія опорныя точки для «мессіанистской» теоріи польскихъ писателей 30—40-хъ годовъ, изображавшихъ Польшу жертвой, павшей во искупленіе народовъ. Конечно, для іюльской монархіи слишкомъ большая честь отожествлять ея дѣло съ дѣломъ общеевропейской свободы, но Луи-Филиппъ едва ли могъ бы относиться съ такимъ же философскимъ спокойствіемъ къ гнѣвнымъ выпадамъ Николая Павловича, если бы воинственный жаръ послѣдняго не подвергся чувствительному охлажденію на берегахъ Вислы.

Итакъ, «возстановленіе Польши» въ 1815 г. не было результатомъ ни «сантиментальныхъ увлеченій» Александра I (сантиментальность составляла, вообще, наименьшій грѣхъ этого чрезвычайно трезваго политика), ни даже «соображеній государственной мудрости» въ широкомъ смыслѣ. Съ этой послѣдней стороны Царство Польское представляло порядочную обузу для Имперіи, уже хотя бы по одному тому, что сразу же возникъ вопросъ о согласованіи интересовъ только что народившейся русской промышленности съ гораздо болѣе зрѣлой польской: и рѣшался онъ сначала не безъ ущерба для отечественныхъ фабрикантовъ (см. ту же записку Николая I). Польскую конституцію, какъ это ни кажется парадоксально съ перваго взгляда, приходится сопоставлять, въ причинномъ ряду, съ военными поселеніями. И эти послѣднія, и «самостоятельная» Польша служили одной цѣли—сохраненію за Александромъ Павловичемъ той роли «Агамемнона Европы», которую онъ сталъ играть послѣ катастрофы Великой арміи въ русскихъ снѣгахъ, такъ же неожиданно для себя и для другихъ, какъ неожиданна была катастрофа. Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ онъ убѣдился, что оставленное Наполеономъ мѣсто никогда не можетъ быть занято, что рухнуло не только личное могущество его главнаго соперника, но рухнула вообще вся система, позволявшая управлять Европой изъ одного центра. Когда онъ это понялъ, онъ сталъ очень сильно интересоваться Константинополемъ и весьма мало поляками. «Ни въ чемъ императоръ не разстался такъ полно со своей старой системой и со своими прежними мнѣніями, какъ въ отношеніи къ Польшѣ», писалъ изъ Петербурга австрійскій посланникъ Лебцельтернъ лѣтомъ 1822 г. «Недоброжелательство, царствующее во многихъ классахъ, несмотря на великодушіе, съ какимъ его величество обошелся съ этой страной, тайныя общества, образовавшіяся тамъ подъ разными наименованіями, тщеславіе и безпокойный, ненадежный характеръ жителей послѣдовательно способствовали этой перемѣнѣ въ настроеніи государя... Онъ почти всецѣло оставилъ управленіе царствомъ своему августѣйшему брату»[1])... Въ другомъ мѣстѣ Лебцельтернъ гораздо правильнѣе не охарактеризовалъ, а предсказалъ подкладку перемѣны, тогда еще только возможной: это тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что Россія, почувствовавъ себя исключенной изъ Европы, бросится на Турцію [2]). «Неблаго-

[1]) Изданіе В. Кн. Николая Михайловича, стр. 101—102.
[2]) Рапортъ Меттерниху 7 апрѣля 1818 г., post-scriptum тамъ, стр. 23.

дарность» поляковъ была тутъ ни при чемъ. «Августѣйшій братъ», которому приходилось имѣть съ ними дѣло непосредственно и который началъ съ выступленій истинно-гатчинскихъ, въ родѣ ареста офицеровъ, осмѣлившихся критиковать состоявшую подъ его особымъ покровительствомъ актрису, подъ конецъ сдѣлался довольно сноснымъ конституціоннымъ государемъ Польши: трогательно видѣть, какъ Константинъ въ своей перепискѣ съ Николаемъ пытается объяснить послѣднему, что въ Варшавѣ все же нельзя дѣлать кое-чего, кажущагося вполнѣ нормальнымъ въ Петербургѣ. Поляки были и въ 1822 г. такими же, какъ въ 1816, но ось внѣшней политики Александра I передвинулась больше, чѣмъ на девяносто градусовъ—раньше она упиралась въ Парижъ, а теперь въ Царьградъ. Тогда были нужны поляки, теперь понадобились греки...

Развернутая логически до конца, новая точка зрѣнія должна была привести къ знаменитому заявленію Николая I, «что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ была такъ очевидна, что истинные ея интересы требуютъ установить и утвердить свою границу по Вислѣ и Нареву, что она предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ей, своимъ союзникамъ, которые могутъ сдѣлать изъ него все, что имъ покажется нужнымъ...» [1]). На счастье Николая Павловича, возлѣ него не было Бисмарка, который подхватилъ налету подобное же заявленіе Александра II, сдѣлавъ его исходнымъ пунктомъ цѣлаго политическаго плана—въ общемъ удавшагося, хотя не такъ, какъ мечталось автору. Мыслей Николая I, повидимому, никто не прочелъ въ свое время, кромѣ Нессельроде—послѣдняго человѣка, который пошелъ бы на дипломатическую революцію, предлагавшуюся ему его государемъ. Этому идеальному тормазу удалось остановить разбѣгъ политической логики, внѣшняя же обстановка начала 30-хъ годовъ была совсѣмъ не такова, чтобы Россіи представлялась практическая необходимость усиливать ея «союзниковъ», не вполнѣ заслуживавшихъ этого названія даже и при Александрѣ I. Часто говорятъ о «солидарности» Россіи, Австріи и Пруссіи, созданной общимъ обладаніемъ кусками разорванной Польши. Это «общее обладаніе» было въ гораздо меньшей степени литературной метафорой въ первой половинѣ XIX в., чѣмъ можетъ показаться современному читателю. Нашему поколѣнію казалось своего рода закономъ природы, возвращаясь изъ Западной Европы, натыкаться на таможенный кордонъ тамъ, гдѣ кончались Австрія и Пруссія, гдѣ начинались земли россійской короны. Но этотъ законъ природы, юридически, не старше конца царствованія Николая I. Вѣнскіе трактаты, раздѣливъ Польшу *политически*, сдѣлали попытку сохранить ея *экономическую* цѣльность, невольно проговорившись, что дѣло шло не о размежевкѣ территорій, которыя могутъ быть комбинируемы потомъ въ любомъ порядкѣ, а о разрѣзѣ на куски живого государственнаго организма, который погибъ бы, если бы кто-нибудь сразу захотѣлъ довести эту операцію до конца. Политическій трактатъ точно устанавливалъ границы «позицій», точно намѣчалъ линіи, по которымъ будутъ разставлены часовые, будутъ ѣздить патрули: а экономическія соглашенія, заключенныя раньше этого трактата и имъ предполагавшіяся, разсматривали «всю землю, составлявшую часть бывшаго королевства Польскаго послѣ 1772 года, и заключающуюся

---

[1]) Продолженіе цитированной выше собственноручной записки. Мартенсъ, VIII стр. 81.

между Двиной, Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ и моремъ со включеніемъ и Восточной Пруссіи», какъ одно цѣлое [1]). На этомъ пространствѣ договаривающіяся стороны желали установить «въ областяхъ бывшей Польши самую неограниченную свободу торговли», доходя (въ русско-прусской конвенціи) до установленія, на случай надобности, двойного подданства для тѣхъ поляковъ, которые по экономическимъ мотивамъ вынуждены будутъ проживать не въ той части «бывшей Польши», къ какой они принадлежали по рожденію. Но именно этотъ экономическій консерватизмъ и былъ первымъ источникомъ раздоровъ между «союзниками»: фактически онъ дѣлалъ господиномъ на всемъ пространствѣ «бывшей Польши» тотъ изъ «союзныхъ» капитализмовъ, который былъ зрѣлѣе, а это давало явный перевѣсъ Пруссіи. «Чѣмъ болѣе актъ 7/19-го декабря продолжаетъ дѣйствовать, чѣмъ болѣе начала, имъ провозглашенныя, получаютъ развитіе, тѣмъ болѣе въ Россіи и въ Польшѣ сельская и мануфактурная промышленность не только останавливаются въ своемъ развитіи, но даже приближаются къ неминуемой гибели», писалъ Александръ I прусскому королю уже въ 1822 г. [2]). На «предметномъ урокѣ» русская дипломатія училась понимать неотдѣлимость экономики и политики... «Общее обладаніе» приводило не къ «солидарности», а къ прямо противоположному.

Но усвоеніе урока потребовало много времени—только черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ цитированнаго сейчасъ письма Александра I Россія рѣшилась инкорпорировать Царство Польское въ русскую таможенную систему. «Солидарность» же начала трещать гораздо раньше: и если мы припомнимъ, вкратцѣ намѣченную выше, исторію возникновенія «царства», мы безъ труда поймемъ, почему. Если Россіи привислянскія «позиціи» служили своего рода трамплиномъ для прыжка въ центръ Европы, «центральнымъ державамъ» то, что имъ досталось отъ Польши, естественно, должно было представляться ближайшей оборонительной позиціей. За укрѣпленіе ея онѣ и принялись тотчасъ же. «Вы будете включены въ мою монархію, не имѣя надобности отказываться отъ вашей національности», торжественно обѣщалъ Фридрихъ Вильгельмъ III познанскимъ полякамъ 15 мая 1815 г. «На васъ распространятся благодѣянія конституціи, которую я намѣренъ дать моимъ вѣрнымъ подданнымъ, и вы получите, какъ и другія провинціи моего королевства, областную конституцію» [3]). И что всего любопытнѣе, вѣрнымъ-то подданнымъ пришлось своей конституціи подождать, а познанскіе поляки свои областныя привилегіи получили немедленно. Во главѣ новой провинціи былъ поставленъ намѣстникъ изъ поляковъ, кн. Радзивиллъ, всѣ низшіе административные посты были заняты мѣстными уроженцами, польскій языкъ сталъ офиціальнымъ, и только въ округахъ съ преобладаніемъ нѣмецкаго населенія допускалось употребленіе въ судахъ нѣмецкаго языка. Польскіе помѣщики, которые тогда были главнымъ офиціальнымъ воплощеніемъ польской національности, получили въ своихъ имѣніяхъ тѣ полицейскія права, какими пользовались помѣщики коренной Пруссіи. И только опасеніе раздражить могущественнаго сосѣда, повидимому, удержало

---

[1]) Мы беремъ формулировку русско-прусской торговой конвенціи 7/19 декабря 1818 г. (Мартенсъ, II, 332), какъ самую короткую и отчетливую, но по существу то же сказано и въ русско-прусской конвенціи 21 апр./3 мая 1815 г. (ст. XXVIII—XXIX) и въ русско-австрійской того же числа (ст. XXIV—XXVIII).

[2]) Мартенсъ, VIII, 5. О всѣхъ перипетіяхъ русско-прусскаго таможеннаго конфликта см. нашу статью въ «Голосѣ Минувшаго» 1916, мартъ, перепечатываемую ниже, стр.

[3]) Переводимъ по тексту сборника Ангеберга (Ходзько), стр. 189.

правительство короля Фридриха-Вильгельма отъ попытки довести подражаніе этому сосѣду до конца: національная польская армія великаго герцогства познанскаго не вышла изъ стадіи проектовъ [1]). О вліяніи всего этого на поляковъ русскихъ «позицій», пользовавшихся милостями Александра I, какъ мы видѣли, весьма недолгое время, пусть разскажетъ намъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. «Учащаяся молодежь съ нѣкотораго времени усвоила себѣ крайне неблагонадежное направленіе,—писалъ онъ своему младшему брату въ мартѣ 1829 г.— Я склоненъ думать, что ею руководятъ извнѣ, а именно, изъ герцогства Познанскаго и изъ Франціи... Что касается купечества и мѣщанства (bourgeoisie et habitants), то это чистое золото; къ нимъ же я причисляю помѣщиковъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ. Самые упорные тѣ, которые имѣютъ связи съ герцогствомъ Познанскимъ и съ Франціей, словомъ, калишскіе и краковскіе братцы (confrères), вмѣстѣ съ Силезіей...» «Калишъ и Познань отвратительны и поддерживаютъ другъ-друга» (письмо отъ 23 февр./7 марта 1827 г.). «Вся эта клика мелкихъ прусскихъ чиновниковъ, черезъ которую приходится дѣйствовать, отвратительна въ высшей степени, я сегодня же отправляю вамъ черезъ гр. Нессельроде образчикъ того, что я имѣю въ виду... Познанскій президентъ Бауманъ—гнусная личность, на него нельзя положиться; быть можетъ, онъ просто дуракъ, тогда, во всякомъ случаѣ, нужно назначить на это мѣсто другого, если только прусское правительство хочетъ итти вмѣстѣ съ нами...» (4 марта 1826 г.). Но это-то и было сомнительно: «во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ прусское правительство дѣйствуетъ недобросовѣстно, несмотря на всѣ мои представленія», жаловался Константинъ по поводу бѣгства въ Познань одного изъ членовъ тайныхъ обществъ; самыя общества онъ, не обинуясь, возводилъ къ тому же источнику: «это зло пришло къ намъ изъ Познани» (7 января 1826 г.) [2]). Чрезвычайно характерно, что «это зло» пережило даже великое испытаніе революціи 1830—31 гг., въ корнѣ измѣнившей, какъ мы скоро увидимъ, отношеніе прусскаго правительства къ познанскимъ полякамъ. «Въ мартѣ 1832 г.,—разсказываетъ проф. Мартенсъ,—вице-канцлеръ гр. Нессельроде поручилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ сдѣлать прусскому правительству предложеніе объ учрежденіи близъ русской границы особеннаго «бюро высшей полиціи» съ назначеніемъ слѣдить за агитаціей польскихъ революціонеровъ, которые провозятъ въ Царство Польское порохъ, оружіе и другіе предметы военной контрабанды. Польскіе бунтовщики,— писалъ вице-канцлеръ,—находятся въ тѣсномъ союзѣ съ революціонерами всѣхъ европейскихъ странъ и находятъ особенную поддержку въ Германіи. Слѣдить за этой агитаціей и предупредить исполненіе подготовляемыхъ заговоровъ—въ интересахъ обоихъ правительствъ. Поэтому прусское правительство должно учредить это бюро, при которомъ долженъ находиться командированный русскимъ правительствомъ чиновникъ для сношеній съ русско-польскими властями. Прусское правительство положительно отказалось исполнить это желаніе русскаго правительства, и бюро не было учреждено». Въ слѣдующемъ году, правда, берлинскій кабинетъ подъ давленіемъ Австріи присоединился къ т.-наз. «Мюнхенгрецской конвенціи»: но и въ «картелѣ» о выдачѣ дезертировъ и преступниковъ, подписанномъ 8/20 мая 1844 г., было

[1]) О прусскихъ порядкахъ въ Познани между 1815 и 1830 гг., см. Geffcken «Preussen, Deutschland u. d. Polen». Berlin. 1906, I глава. Проектъ познанской арміи ген. Косинскаго см. у Ангеберга, 702—704.

[2]) Сборникъ Русск. Истор. Общ., т. 131-й, стр. 27 сл., 29, 58 сл., 119, 323 сл.

спеціально оговорено, что картель «не будетъ распространяться на политическихъ преступниковъ, выдача коихъ составляетъ предметъ особыхъ постановленій». Основываясь на этомъ, прусское правительство наотрѣзъ отказывалось выдавать, какъ политическихъ преступниковъ, такихъ лицъ, виновность которыхъ не доказана никакими судебными актами. Когда въ апрѣлѣ 1846 г. кн. Паскевичъ потребовалъ выдачи 23 поляковъ, которые, по его мнѣнію, должны были быть выданы на основаніи Мюнхенгрецской конвенціи 1833 г., прусское правительство отказало на томъ основаніи, что «государство, къ которому обращаются съ требованіемъ выдачи, не обязано его исполнить, если оно не сопровождается актами, свидѣтельствующими о виновности требуемаго лица или о состоявшемся обвинительномъ приговорѣ». Между тѣмъ, кн. Паскевичъ никакихъ доказательствъ въ пользу виновности требуемыхъ лицъ не предъявилъ» [1]).

Какое сравненіе этого «явно недобросовѣстнаго» поведенія съ образомъ дѣйствій, хотя бы, сосѣдней Австріи, которая еще въ 1860 году не отказывалась заключить съ Россіей спеціальный договоръ о выдачѣ именно политическихъ преступниковъ [2]). Можно подумать, вотъ разительный образчикъ вліянія политическаго строя: реакціонная Австрія ни на минуту не задумывается оказать своей, еще болѣе реакціонной, сосѣдкѣ услугу, передъ которой останавливается прогрессивная Пруссія. Но, помимо того, что Пруссія 1832—46 годовъ была самодержавной монархіей не менѣе Австріи и Россіи, вернемся опять къ цесаревичу Константину Павловичу и посмотримъ, что разсказываетъ онъ объ австрійской Галиціи. «Перехожу теперь къ фактамъ болѣе серьезнымъ; дѣло идетъ объ Австріи, которая съ нѣкотораго времени дѣлаетъ все возможное, чтобы пріобрѣсти расположеніе галиційцевъ и поляковъ. Нѣтъ авансовъ, которые бы она имъ не дѣлала, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ этихъ краяхъ всѣ пришли къ убѣжденію, что благія намѣренія покойнаго, безсмертной памяти, императора не найдутъ себѣ осуществленія; къ этому присоединяются наши отношенія къ туркамъ и грекамъ, война съ Персіей и потомъ, можетъ быть, не совсѣмъ заглохшія воспоминанія о Наполеонѣ, сынъ котораго въ рукахъ австрійцевъ и, несмотря на то, что ему всего 16 лѣтъ, обѣщаетъ нѣчто выдающееся. Все это—побужденія, съ которыми трудно бороться въ нашъ вѣкъ, когда всѣ умы направлены къ освобожденію народовъ и борьбѣ за національность. Прилагаю: 1) замѣтку о политическихъ слухахъ въ Галиціи и о фактахъ, тамъ имѣвшихъ мѣсто; 2) литографированный портретъ кн. Лобковица, губернатора этой области, въ польскомъ костюмѣ, съ титуломъ «воеводы» или «палатина», какъ подтвержденіе мною сообщаемаго... Въ Галиціи болѣе всего гордятся тѣмъ, что не нашлось ни одного человѣка изъ туземцевъ, замѣшаннаго въ тайныхъ патріотическихъ обществахъ и т. д., и что это—единственная область изъ четырехъ кусковъ раздѣленной Польши, гдѣ не было ни слѣдствій, ни судовъ. Они могутъ говорить, что угодно—я убѣжденъ, что при другихъ обстоятельствахъ тѣ трое, на которыхъ донесъ Яблоновскій, были бы допрошены, передопрошены, суждены и осуждены, но политика взяла верхъ, они отпущены, какъ совершенно невинные, и звонятъ объ этомъ очень громко. Но довольно этихъ новостей...» (письмо Николаю отъ 26 мая/7 іюня 1827 г.). «Что касается извѣстій изъ Галиціи, они

---

[1]) Мартенсъ, VIII, стр. 228 и 359—362.
[2]) См. тамъ же, IV, 2, стр. 732 сл.

продолжаютъ быть въ томъ же духѣ, и что бы ни говорилъ Татищевъ (русскій посолъ въ Вѣнѣ) о выговорѣ, полученномъ кн. Лобковицемъ за польскій костюмъ, всѣмъ извѣстно, что онъ поощряетъ поляковъ носить его и самъ имъ подаетъ примѣръ... Австрійцы, кромѣ того, распространяютъ здѣсь слухи, что они не интересуются болѣе Галиціей, такъ какъ она слишкомъ близка къ Россіи, и что если бы Польша смогла вернуть себѣ независимость, они охотно уступили бы эту провинцію. Вотъ послѣднія мои новости, вскружившія голову нѣкоторымъ туземцамъ. Кн. Лобковицъ всячески разсыпается передъ поляками и на всѣ лады ласкаетъ ихъ; еще недавно, объѣзжая свою область, и пріѣхавъ въ Подгорскъ, напротивъ Кракова, онъ поспѣшилъ отправиться въ этотъ городъ, сдѣлалъ визитъ президенту сената и имѣлъ съ нимъ двухчасовое совѣщаніе» (письмо отъ 12/24 августа того же г.) [1].

Немудрено, что Николай Павловичъ, получая подобныя извѣстія, отдавалъ распоряженія насчетъ маневра, которымъ командуемая Константиномъ польско-литовская армія должна была быть готова *встрѣтить* австрійцевъ, при чемъ не исключалась возможность и внезапнаго, т.-е. безъ объявленія войны, нападенія съ ихъ стороны, что однако же Николай называлъ «совершенно невѣроятнымъ». «Если же событія заставятъ насъ, по силѣ трактатовъ, *помогать* Австріи или Пруссіи—дѣло также очень мало вѣроятное—вы будете точно такъ же готовы выступить—сдовомъ, во всѣхъ случаяхъ, это великолѣпная центральная позиція» [2]. Но именно это-то значеніе Польши, какъ «великолѣпной центральной позиціи», и должно было неизбѣжно давать у «союзницъ» стратегическое эхо, переводившееся дипломатіей, пока еще не наступила очередь «стратегіи самой въ себѣ», въ акты, на французскомъ языкѣ носящіе учтивое названіе «мало дружественныхъ» (peu amicales). Естественнымъ состояніемъ трехъ «союзницъ», подѣлившихъ между собою Рѣчь Посполитую, если бы ихъ не связывали никакія отношенія и соображенія, кромѣ вытекавшихъ изъ этого раздѣла, былъ бы постоянный глухой антагонизмъ, прерываемый открытыми ссорами. Въ послѣднихъ и не было недостатка, и отношенія къ Пруссіи въ 1849 г.—непосредственно изъ-за прусско-датской войны—къ Австріи въ 1854—56 гг.—непосредственно въ связи съ Крымской кампаніей—достигали, какъ всѣмъ извѣстно, крайней напряженности. Если въ промежуткѣ между этими вспышками мы встрѣчаемъ координированныя дѣйствія этихъ трехъ державъ на почвѣ именно польскихъ дѣлъ, дающія оправданіе обычному представленію о «солидарности», то это потому, что Россія, Пруссія, Австрія и Польша не были изолированнымъ островомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ океаномъ, что у нихъ были и другія границы, и отношенія на этихъ другихъ границахъ складывались иногда такъ, что усиленіе русской «центральной позиціи» на Вислѣ оказывалось подчасъ даже выгодно, даже, пожалуй, необходимо для ближайшихъ западныхъ сосѣдей Россіи. Если къ востоку отъ этихъ послѣднихъ была Польша, которую удалось раздѣлить, къ западу отъ нихъ была *Франція*, которая не только не поддавалась раздѣлу, но не переставала быть великой военной державой, несмотря на Ватерлоо и двукратное вступленіе союзниковъ въ Парижъ. При чемъ два центральныхъ союзника не могли не понимать, что это счастливое событіе случилось только

---

[1] Сборникъ Русск. Истор. Общ., ibid., стр. 140 сл., 144, 159 сл.
[2] Письмо отъ 23 апр./5 мая 1828 г., ibid., 223.

благодаря *союзу*, въ который входили Англія, съ одной стороны, Россія,—съ другой: не могли не помнить, что, когда они дѣйствовали враздробь, не австрійскія и прусскія войска вступали въ Парижъ, а французы ходили въ Берлинъ и Вѣну, какъ къ себѣ домой. Намъ теперь, привыкшимъ къ существованію Германской имперіи, да еще связанной узами прочнѣйшаго союза съ Австро-Венгріей, нѣсколько трудно представить себѣ соотношеніе силъ, существовавшее три четверти вѣка назадъ, когда на мѣстѣ Германіи и Австро-Венгріи былъ «Германскій союзъ»—куча маленькихъ государствъ, между которыми и изъ-за которыхъ грызлись двѣ болѣе крупныхъ, но все же не безспорно «великихъ» державы, Австрія и Пруссія. Ударъ съ запада или съ востока по этому хаосу могъ имѣть опасныя послѣдствія: Австрія, подъ конецъ, могла убѣдиться въ этомъ опытнымъ путемъ, въ 1859 г. Соединеніе же запада и востока могло имѣть послѣдствія роковыя—хаосъ могъ быть сплющенъ, и его западная граница могла оказаться на Рейнѣ, лѣвый берегъ котораго и былъ уже въ чужихъ рукахъ, между Страсбургомъ и Базелемъ, а восточная—на Одерѣ и Карпатахъ. При чемъ и относительно независимости того, что осталось бы въ промежуткѣ между этими линіями, прогнозъ могъ быть лишь самый сомнительный. И вотъ, какъ разъ Польша давала великолѣпный матеріалъ для того, чтобы сохранять постоянно въ свѣжемъ видѣ другой антагонизмъ, болѣе старый и болѣе глубокій, чѣмъ русско-прусскій и русско-австрійскій изъ-за Польши: антагонизмъ Россіи и Франціи. Пушкинское «Клеветникамъ Россіи» является не только памятникомъ плохо направленнаго патріотизма, но и яркимъ свидѣтельствомъ того, до чего еще поколѣніе 30-хъ годовъ жило впечатлѣніями наполеоновскихъ войнъ. Эти впечатлѣнія почти пережили Николая; не даромъ еще въ 1854 г. гвардейскіе казаки шли на Дунай съ пѣсней, начинавшейся словами: «Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ насъ прославили отцы...» Нуженъ былъ Севастополь, чтобы старыя ассоціаціи окончательно потускнѣли—и французы въ Москвѣ, русскіе въ Парижѣ изъ живого воспоминанія стали историческимъ фактомъ.

Призракъ русско-французскаго союза долженъ былъ появиться на горизонтѣ, какъ только русская внѣшняя политика окончательно усвоила себѣ царьградскую оріентацію. Уже въ Наваринской битвѣ (8/20 октября 1827 г.) французы дрались бокъ о бокъ со своими противниками Лейпцига и Ватерло: „морскія державы“ оказались ближе къ Россіи въ греческомъ вопросѣ, чѣмъ Пруссія—и тѣмъ болѣе, чѣмъ Австрія. Что касается послѣдней, то есть всѣ основанія думать, что ея „интриги“ въ Галиціи тѣснѣйшимъ образомъ связаны именно съ новой оріентировкой русскаго дипломатическаго наступленія. Даты писемъ в. кн. Константина—май-августъ 1827 г.—и русско-англо-французское соглашеніе по греческому вопросу (24 іюня 6 іюля 1827 г.) слишкомъ рѣшительно совпадаютъ, чтобы нужно было искать другого объясненія. А когда началась русско-турецкая война, то даже и прусскій король сталъ находить, что „потрясеніе, которое произведетъ неминуемымъ образомъ взятіе Константинополя, будетъ настолько сильно, что трудно опредѣлить его послѣдствія“. Его министръ иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ прямо называлъ эти послѣдствія „самыми ужасными“[1]). Ясное дѣло, что если Николай Павловичъ хотѣлъ найти помощниковъ для совершенія этого „ужаснаго“ дѣла, онъ долженъ былъ ихъ искать не въ Берлинѣ и ужъ, конечно, не въ Вѣнѣ. Лондонъ исклю-

1) Мартенсъ, VIII, 120.

чался категорическимъ—тогда—нежеланіемъ Англіи терпѣть на Босфорѣ и Дарданелахъ какого бы то ни было хозяина, кромѣ Турціи[1]). Оставался Парижъ—и существуютъ доказательства, что Николай туда именно и обратился. Планъ совмѣстныхъ дѣйствій Франціи и Россіи противъ Турціи—фрагментомъ котораго, съ французской стороны, явилась алжирская экспедиція—достигъ значительной степени зрѣлости, и правительство Карла X быстро шло на встрѣчу новому союзу. И было почему: кромѣ сѣверно-африканскихъ владѣній Турціи, представлявшихъ для французовъ во всякомъ случаѣ, второстепенный интересъ, Николай обѣщалъ своей союзницѣ восточный берегъ Рейна[2]). Либо очень трудно было его положеніе, либо—все это было лишь ловкимъ маневромъ, чтобы напугать своихъ ближнихъ „союзниковъ“. Если справедлива эта послѣдняя догадка, маневръ оказался очень ловкимъ: поставленный между перспективами „ужаснаго событія“—взятія русскими Царьграда, съ одной стороны, и событія, конечно, еще болѣе ужаснаго, потери лѣваго берега Рейна, съ другой, берлинскій кабинетъ рѣшился энергическимъ образомъ вмѣшаться въ дѣло, добившись отъ Турціи удовлетворенія основныхъ требованій Россіи (которая Константинополя и проливовъ пока еще не требовала). При посредствѣ прусскаго генерала Мюффлинга былъ заключенъ адріанопольскій миръ—и что посредничество, несмотря на побѣды Дибича, было отнюдь не лишнимъ, показываетъ письмо Николая I къ Фридриху-Вильгельму III, гдѣ говорилось: „Ваше величество будете раздѣлять мое счастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы въ особенности примите выраженіе живой моей признательности за ваше искреннее и добросовѣстное содѣйствіе. Я не могу, государь, достаточно часто повторять вамъ, насколько это чувство глубоко запало въ моемъ сердцѣ“[3]).

Когда правительство Карла X пало жертвою іюльской революціи, негодованіе Николая отражало собою не только оскорбленныя легитимистскія чувствованія: онъ терялъ если не союзника, то средство пріобрѣтать союзниковъ, что, можетъ быть, еще лучше... Въ его мысли—немедленно летѣть въ Парижъ съ польской арміей въ авангардѣ, съ русской гвардіей въ видѣ главнаго резерва, возстановлять старшую линію Бурбоновъ, было такъ же мало сантиментальной наивности, какъ и въ „возстановленіи“ Польши Александромъ I. Но спасти Бурбоновъ было не такъ легко: ни польскій авангардъ, ни русскія главныя силы не могли притти на Рейнъ, не спросивъ позволенія у Пруссіи, черезъ владѣнія которой лежалъ ихъ путь. А въ Берлинѣ іюльской революціей, втайнѣ, должны были быть довольны по той же самой причинѣ, по которой она привела въ отчаяніе Петербургъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III отнесся въ высшей степени холодно къ проектамъ, сообщеннымъ ему фельдмаршаломъ Дибичемъ—котораго Николай послалъ уговариваться съ пруссаками насчетъ экспедиціи противъ французовъ. Берлинскій кабинетъ оставался холоденъ и тогда, когда выяснилось, что революція не ограничится предѣлами Франціи: 25 августа Брюссель возсталъ противъ нидерландскаго правительства. Для Николая

---

[1]) Съ большой проницательностью, Константинъ Павловичъ предсказывалъ это своему брату еще въ самомъ началѣ—въ мартѣ 1826 г. «Англичанѣ всегда будутъ противъ васъ; я допускаю, что ваша черноморская торговля возстановится и достигнетъ Константинополя—но достигнете ли вы этимъ цѣли. Я не думаю, такъ какъ англичанѣ запрутъ ей выходъ въ Архипелагъ». Сборникъ 7. 131, стр. 59.

[2]) См. Ern Daudes. «Histoire diplomatiene de l'alliance francorusse». Paris 1894, pp. 23—25.

[3]) Мартенсъ, VIII, 121, Переводъ Мартенса.

это было явнымъ доказательствомъ, что необходимо спѣшить: но его тесть и тутъ не увидалъ повода для вмѣшательства. Дальнѣйшіе переговоры были прерваны появленіемъ революціи уже во владѣніяхъ самого Николая Павловича: 29 ноября возстала Варшава. Горѣла уже собственная крыша, и некогда было думать о сосѣднихъ домахъ. Но тѣмъ болѣе настойчивымъ становился вопросъ: пошевелятся ли хоть теперь сосѣди и „союзники“? А рядомъ съ нимъ возникалъ, конечно, другой: какъ будутъ дальше себя вести парижскіе поджигатели?

Поведеніе послѣднихъ, въ первую минуту и по внѣшности, вполнѣ, какъ будто, отвѣчало представленію о дѣлѣ императора Николая—которому воцареніе „волею народа“ Луи-Филиппа представлялось „ужаснымъ примѣромъ, ниспровергающимъ всякій порядокъ и подкапывающимъ наше собственное существованіе“ [1]). Судя по тому, что было видно на поверхности, отъ Франціи нельзя было ожидать ничего другого, какъ энергической поддержки польской революціи. „Что касается Польши, господа, какимъ образомъ французскій народъ могъ бы не питать къ ея дѣлу живѣйшей симпатіи?“ говорилъ Лафайетъ въ палатѣ депутатовъ (засѣданіе 15 января 1831). „Не только потому, что первый раздѣлъ былъ стыдомъ для Франціи; не только даже ради тѣснѣйшихъ узъ, связывающихъ поляковъ и французовъ, ради нашего долга признательности и любви къ этому храброму народу, такъ щедро, такъ великодушно проливавшему свою кровь въ войнахъ Франціи: но въ особенности ради одного факта, котораго никто не опровергнетъ здѣсь—потому что у насъ есть матеріальныя доказательства. Господа, противъ насъ готовилась война; Польша должна была составить авангардъ; авангардъ возсталъ противъ главныхъ силъ: можно ли удивляться, что все наше сочувствіе, вся наша признательность, всѣ наши симпатіи принадлежатъ этому авангарду? Можно ли удивиться, что мы считаемъ себя обязанными ему? Дѣло Польши—дѣло всѣхъ народовъ Европы, говорилъ генералъ Ламаркъ (засѣданіе 27 января): такъ какъ Польша—оплотъ всей западной культуры. Русскій колоссъ вовсе не такъ страшенъ, такъ какъ его со всѣхъ сторонъ окружаютъ мстительные враги, и безъ помощи Англіи онъ безсиленъ. Англія и Франція, одинаково заинтересованныя въ спасеніи Польши, должны энергично вмѣшаться и послать флотъ въ Черное море, чтобы захватить Севастополь и Одессу. Въ началѣ марта (н. ст.), послѣ гроховской битвы, которая была понята въ Парижѣ такъ, какъ ее толковали изъ Петербурга, т. е. какъ разгромъ польской арміи,—на улицахъ французской столицы были грандіозныя манифестаціи, закончившіяся выбитіемъ стеколъ въ русскомъ посольствѣ. Уже то, какъ отнеслись къ этой манифестаціи оффиціальныя парижскія сферы—Луи Филиппъ и наслѣдникъ престола немедленно прислали къ Поццо-ди-Борго своихъ адъютантовъ, съ изъявленіями сожалѣнія о случившемся, въ то же время всѣ министры побывали у русскаго посла съ тою же цѣлью, и послѣдній могъ сообщить Николаю, что ему дано столь полное удовлетвореніе, какого только можно желать—отвѣты оффиціальныхъ ораторовъ на рѣчи Лафайета, Ламарка, Биньона, Могэна и другихъ—Ламарку, напримѣръ, министръ иностр. дѣлъ Себастіани прямо отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно о враждебныхъ намѣреніяхъ Николая противъ іюльской монархіи—уже эта оффиціальная сторона дѣла не должна была внушать полякамъ слишкомъ большой надежды на помощь со стороны новой французской династіи и ея правительства. У тѣхъ, кто имѣлъ

[1]) Письмо къ Константину 17/29 августа 1839, Сб. Р. И. О. т. 132, стр. 45.

случай бесѣдовать съ представителями послѣдняго болѣе интимнымъ образомъ, иллюзій могло быть еще меньше. Несмотря на перемѣну знамени, объективное международное положеніе Франціи оставалось абсолютно то же, какимъ оно было при Карлѣ X, и первымъ движеніемъ Луи-Филиппа было попытаться возстановить союзъ, такъ хорошо—казалось въ Парижѣ—налаживавшійся два года тому назадъ. Въ Петербургъ былъ отправленъ бывшій посланникъ Карла X при дворѣ Николая, герцогъ Мортемаръ, которому, между прочимъ, поручено было замолвить словечко и за Польшу. Зная объ этомъ, польское правительство послало къ герцогу своего уполномоченнаго, который долженъ былъ инструировать французскаго дипломата насчетъ этой стороны предстоявшей ему задачи. Мортемаръ былъ очень учтивъ—но относительно польскихъ дѣлъ имѣлъ совершенно сложившееся мнѣніе: Польша, во что бы то ни стало, должна помириться съ Николаемъ. Этому чрезвычайный посолъ Луи Филиппа готовъ былъ содѣйствовать: на большее онъ самымъ настоятельнымъ образомъ не совѣтовалъ разсчитывать. Польскій собесѣдникъ его долженъ былъ признаться, что какъ разъ для такого исхода едва ли есть еще почва—сеймъ со дня на день долженъ былъ провозгласить низложеніе династіи Романовыхъ (провозглашеніе послѣдовало на другой же день). На это Мортемаръ съ еще большею настойчивостью повторилъ, что ни о какой войнѣ Франціи съ Россіей изъ за Польши не можетъ быть рѣчи—для этого нѣтъ ни силъ, ни средствъ, ни даже серьезной охоты у кого бы то ни было. Недѣлей раньше самъ Луи Филиппъ категорически заявилъ то же самое сардинскому посланнику, изобразивъ весь шумъ, поднятый въ Парижѣ по польскому вопросу, личной фантазіей Лафайэта, котораго нужно же чѣмъ-нибудь занять[1]). Когда поляки, отчасти не знавшіе объ этомъ, отчасти не хотѣвшіе вѣрить собственнымъ ушамъ (разговоръ съ Мортемаромъ былъ, конечно, немедленно же сообщенъ варшавскому правительству), сдѣлали попытку завязать непосредственныя сношенія съ Парижемъ, ихъ представителямъ пришлось услышать то же самое уже оффиціально. „Вы должны воспользоваться первымъ же успѣхомъ, чтобы завязать непосредственные переговоры съ императоромъ Николаемъ,—говорилъ Себастіани гр. Платеру.—Вы можете утѣшать себя иллюзіями, но никакое посредничество сосѣднихъ державъ вамъ не поможетъ[2]). Если онѣ за это возьмутся, то въ своихъ собственнымъ интересахъ, чтобы угодить Россіи и къ вашей невыгодѣ". На возраженіе, что вотъ однако же, отъ Франціи-то и можно было бы ожидать вмѣшательства безкорыстнаго и сочувственнаго, полякамъ послѣдовалъ отвѣтъ: „Франція искренно предана вамъ, но она не можетъ выступить посредницей, если ее не пригласитъ сама Россія. Всякая попытка Мортемара будетъ понята, какъ интрига, и совершенно не достигнетъ цѣли. Все, что объ этомъ говорятъ или пишутъ—вздоръ. Державы заинтересованы только въ сохраненіи Царства на условіяхъ Вѣнскаго трактата. Я вамъ говорю откровенно: вы должны вступить въ прямые переговоры съ Россіей". Николай Павловичъ не очень ошибался, когда, поговоривъ съ Мортемаромъ, началъ разсматривать побѣду Луи-Филиппа надъ „якобинцами", т. е. укрѣпленіе

---

1) См. для всѣхъ этихъ фактовъ сводную работу Thadd. Jungfer, «Die Beziehungen d. Julimonarchie zum Königreich Polen» (Lissa 1909), вышедшую изъ семинарія Шимана.

2) То былъ, по всей вѣроятности, намекъ на попытки главнокомандующаго Скржинецкаго добиться вмѣшательства Австріи, черезъ эрцгерцога Карла.

«столь ненавистнаго орлеанскаго правительства, какъ лучшій залогъ благополучнаго для Россіи исхода борьбы»[1]).

По свѣдѣніямъ русскаго императора, не больше поляки имѣли успѣха и въ Лондонѣ—и тутъ онъ опять не ошибся. Англія, правда, сдѣлала попытку напомнить Николаю мемуары, подававшіеся лордомъ Кестльри Александру I передъ вѣнскимъ конгрессомъ, насчетъ общеевропейскаго значенія знаменитыхъ привислянскихъ «позицій». Но, пересылая британскому представителю въ Петербургѣ соотвѣтствующіе документы, Пальмерстонъ настойчиво предостерегалъ его отъ увлеченія этими историческими воспоминаніями. «Ваше лордство, разумѣется, не сдѣлаете никакого шага, который могъ бы повести къ непріятнымъ спорамъ съ русскимъ правительствомъ,—писалъ онъ лорду Гетсбери.—Болѣе чѣмъ когда-либо правительство его величества желаетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ сохранить съ нимъ отношенія самой тѣсной дружбы» [2]). «Настоящія обстоятельства» заключались въ томъ, что Англіи было очень важно добиться отказа Николая отъ вмѣшательства въ бельгійскія дѣла, къ чему тотъ такъ страстно стремился, какъ мы видѣли, пока у него не было на рукахъ поляковъ. Когда французское правительство, по иниціативѣ Талейрана (придумавшаго геніальный планъ—привлечь на сторону поляковъ Пруссію, посадивъ на польскій престолъ одного изъ сыновей Фридриха-Вильгельма), рѣшилось все же предпринять нѣкоторые дипломатическіе шаги въ пользу послѣднихъ, Пальмерстонъ отказался присоединиться къ кампаніи, мотивируя это именно тѣмъ, что «Россія выполнила по отношенію къ Англіи всѣ обязанности доброй и вѣрной союзницы, и въ послѣднихъ, столь трудныхъ переговорахъ, по вопросу о соглашеніи между Бельгіей и Голландіей, она съ совершенной лойяльностью содѣйствовала четыремъ остальнымъ державамъ» [3]). Напоминаніе о вѣнскомъ трактатѣ сдѣлалось, правда, своего рода «малой эктеньей», стереотипно повторявшейся въ инструкціяхъ представителямъ сентъ-джемскаго кабинета при русскомъ дворѣ до 1832 г.; но мы видѣли, что текстъ этого трактата давалъ русскому правительству великолѣпное средство парировать всѣ удары съ *этой* стороны. Въ самомъ дѣлѣ, что обѣщалъ русской Польшѣ этотъ трактатъ? «Особую администрацію»—но Органическій Статутъ 14/26 февраля 1832 г., которымъ Николай замѣнилъ польскую конституцію 15/27 ноября 1815 г., октроированную Александромъ I, удовлетворялъ этому условію. Польша не превратилась въ рядъ русскихъ губерній, какъ Литва, Бѣлоруссія или Украина; она осталась особымъ «царствомъ», только царство это было теперь такое же самодержавное, какъ и русское царство, а не конституціонное. «По этому вопросу будетъ трудно спорить, въ случаѣ, если бы иностранныя державы захотѣли дѣлать представленія (русскому правительству) по этому поводу,—писалъ Пальмерстону лордъ Гетсбери,—такъ какъ, повидимому, никакая особая форма конституціи не гарантирована Польшѣ вѣнскимъ трактатомъ» [4]).

Оставались «позиціи»—и забота о равновѣсіи силъ между Россіей, Пруссіей и Австріей; но тутъ двѣ послѣднія такъ рѣшительно измѣнили «морскимъ державамъ», что всѣ пути—повторять полемику лорда Кестльри съ Александромъ I—оказывались совершенно отрѣзан-

---

[1]) Schiemann. «Geschichte Russlands unter Nikolaus I», III. прилож. 2-е, стр. 414. Письмо Николая I къ Константину отъ 31 янв. 1831, Сборникъ, 132, стр. 118.

[2]) Депеша 22 марта 1831—выдержки у Ангеберга, стр. 806.

[3]) Тамъ же, 840—841.

[4]) Ibid., 812.

ными. Точка зрѣнія Меттерниха на вопросъ хорошо резюмирована однимъ его заявленіемъ, правда, нѣсколькими годами позже описываемыхъ событій, но нѣтъ основаній думать, чтобы за эти годы онъ измѣнилъ свои взгляды. «Императоръ Александръ I,—разсуждалъ Меттернихъ,—возстановивъ въ 1815 г. Польское королевство и устроивъ его, даровалъ ему учрежденія. Устройство этого королевства и его учрежденія были поставлены этимъ же самымъ монархомъ подъ нравственную гарантію акта Вѣнскаго конгресса. Въ 1831 г царство Польское возстало и, провозгласивъ отреченіе своего царя, оно уничтожило въ то же время конституцію, данную Александромъ. Успѣхъ не былъ на сторонѣ этого предпріятія. Борьба началась на полѣ сраженія, и императоръ Николай остался побѣдителемъ. *Въ качествѣ побѣдителя, его величество сдѣлался рѣшителемъ судьбы этой страны.* Который же изъ двухъ, царь или Польша, разорвалъ актъ Вѣнскаго конгресса? Очевидно, это была Польша. Каковымъ же представляется въ виду этихъ событій законное положеніе подписавшихъ этотъ актъ? Въ качествѣ гарантовъ, они обязаны были оказать свою помощь и содѣйствіе царю, подвергшемуся нападенію. Но защищать теперь устройство, дарованное въ 1815 г. императоромъ Александромъ, это значило бы, съ ихъ стороны, защищать претензію нелѣпую и потому несостоятельную передъ судомъ простого здраваго смысла... Это было бы все равно, что положительно утверждать, что нарушеніе однимъ изъ контрагентовъ договора нисколько не развязываетъ руки другому» [1]). Итакъ, Вѣнскій трактатъ былъ договоромъ между Россіей и Польшей. Можно было бы спросить кн. Меттерниха, кто же именно представлялъ Польшу на Вѣнскомъ конгрессѣ. Но спрашивать было некому—для насъ же важна не теоретическая основательность взглядовъ австрійскаго канцлера, а то, что именно этими взглядами онъ руководился въ своихъ практическихъ шагахъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Франціи принять участіе въ дипломатическомъ выступленіи по польскому вопросу, вѣнскій кабинетъ отвѣтилъ, что предпринимаемая Франціей попытка безнадежна, такъ какъ голымъ сохраненіемъ «самостоятельности» не удовольствуются поляки,—а на большее не пойдетъ императоръ Николай. По другому поводу австрійское правительство заявило, что оно разсматриваетъ свое положеніе въ русско-польскомъ конфликтѣ не какъ «нейтральное», а какъ «пассивное»: поясненіемъ различія могло служить предложеніе австрійской осадной артиллеріи для бомбардировки Замостья, сдѣланное императору Николаю Франц[illegible] I. Гораздо дальше пошло прусское правительство. Оно не только отказалось вступить въ какіе бы то ни было переговоры съ польскими «мятежниками», съ которыми австрійцы, хотя и частнымъ образомъ, все-таки разговаривали [2]),—но «по требованію гр. Алопеуса (русскаго посланника) король повелѣлъ конфисковать всѣ денежныя суммы, которыя агентъ Варшавскаго банка въ Берлинѣ отправлялъ въ Польшу» [3]). Уже это былъ актъ не только «мало дружественный», а прямо враждебный; но Пруссія косвенно приняла участіе и въ

---

[1]) Депеша Татищева отъ 14/26 февраля 1840 г. у Мартенса, IV, стр. 528.

[2]) Въ послѣднюю минуту польское правительство обратилось въ Вѣну съ предложеніемъ польской короны одному изъ эрцгерцоговъ. Меттернихъ, разумѣется, отказалъ, но не отказался отъ посредничества между поляками и имп. Николаемъ, и далъ въ этомъ смыслѣ письмо польскому уполномоченному, гр. Андрею Замойскому. Тѣмъ временемъ пала Варшава, и Замойскому не удалось воспользоваться письмомъ. См. Metternich, «Memoires», V, 205 пр.

[3]) Мартенсъ, VIII, 172.

военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ поляковъ. Главнокомандующій польской арміей, ген. Скржинецкій, такъ резюмировалъ это участіе, приписывая пруссакамъ кое-что, чего они, можетъ-быть, не дѣлали, но зато умалчивая, по невѣдѣнію, кое о чемъ, несомнѣнно имѣвшемъ мѣсто, такъ что въ общемъ картина получается близкая къ дѣйствительности: «1) Прусскія власти снабжаютъ русскихъ провіантомъ изъ магазиновъ Торна и окрестностей; 2) въ русскую армію были посланы прусскіе артиллеристы, чтобы служить противъ насъ; 3) русская армія получаетъ боевые припасы изъ прусскихъ крѣпостей; 4) въ Пруссіи шили мундиры для нѣсколькихъ русскихъ полковъ; 5) одинъ прусскій инженеръ изъ Маріенвердера строилъ мостъ на Вислѣ для перехода русскихъ; необходимые матеріалы были, равнымъ образомъ, доставлены изъ Пруссіи» [1]).

Нельзя не замѣтить, что въ 1831 году уже намѣчалась въ общихъ чертахъ та комбинація международныхъ отношеній, которая окончательно сложилась въ 1854 году и нашла себѣ выраженіе въ Крымской войнѣ. Только за четверть столѣтія, наполненную царствованіемъ Николая Павловича, вся система сдвинулась влѣво, если такъ можно выразиться. Въ 1831 году Англія и Франція занимали по отношенію къ Россіи позицію «враждебнаго нейтралитета» [2]), въ 1854 г. они были въ открытой войнѣ съ нею. «Пассивная» въ 1831 г., Австрія перешла на положеніе враждебнаго нейтралитета, Пруссія же въ 1854 г. была нѣсколько «лѣвѣе» австрійской «пассивности» 1831 г. [3]). И эта эволюція влѣво началась очень скоро послѣ торжества Николая Павловича надъ польской революціей. Уже въ 1833 г. русскій посланникъ въ Пруссіи, Рибопьеръ, ставилъ прусскимъ министрамъ «вопросъ»: что они думаютъ насчетъ положенія Пруссіи, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей на Востокѣ. Оба прусскіе министра (Ансильонъ и кн. Витгенштейнъ) отвѣтили весьма уклончиво, и посланникъ пришелъ къ заключенію, что «Пруссія сохранитъ вполнѣ пассивный нейтралитетъ» (Мартенсъ, VII, 202). Англо-русское обостреніе было связано, ближайшимъ образомъ, съ дальнѣйшей интенсификаціей намѣтившагося еще при Александрѣ I, и не ликвидированнаго адріанопольскимъ миромъ, стремленія Россіи къ Царьграду и проливамъ: въ 1833 г. и тотъ и другіе едва не перешли фактически въ русскія руки среди полнаго мира, когда русская армія и черноморскій флотъ явились на Босфоръ «защищать» султана отъ его мятежнаго вассала, египетскаго паши (Хункіаръ-Искелесскій договоръ Россіи съ Турціей 26 іюня/8 іюля 1833 г.). Уже около этого времени императоръ Николай опредѣленно зондировалъ почву въ Вѣнѣ на предметъ раздѣла Турціи, и получилъ отъ Меттерниха рѣшительный отказъ дать что-нибудь при этомъ раздѣлѣ непосредственно Россіи, менѣе всего Константинополь (хоть бы подъ маскою «возстановленія греческой имперіи»—формула, пущенная въ ходъ императоромъ въ его разговорѣ съ австрійскимъ посломъ). Австрія шла лишь на образованіе, изъ обломковъ Оттоманской имперіи ряда мелкихъ государствъ, представляя себѣ карту Балканскаго полуострова приблизительно въ томъ видѣ, какой она получила теперь. Вынужденная опереться хотя бы на Австрію

---

1) Angeberg, 826. Письмо Скржинецкаго къ Фридриху-Вильгельму III.

2) «Англійскіе министры, отъ времени до времени, возвращались къ польскимъ дѣламъ въ своихъ разговорахъ съ (русскимъ) посломъ и всегда высказывали свое сочувствіе къ полякамъ» (письмо кн. Ливена Нессельроде 7/16 апрѣля 1831 г. Мартенсъ, XI, 458).

3) См. «Голосъ Минувшаго» 1916, мартъ.

въ своемъ спорѣ съ Англіей, Россія временно отказалась отъ своей программы-maximum и удовольствовалась минимумомъ, продиктованнымъ Меттернихомъ, и нашедшимъ себѣ выраженіе въ мюнхенгрецской секретной конвенціи по восточному вопросу (18 сентября 1833 г.); суть этой конвенціи заключалась въ томъ, что Россія и Австрія дали другъ-другу обязательство «дѣйствовать только въ согласіи и въ духѣ совершенной солидарности въ отношеніи всего, что касается учрежденія новаго порядка дѣлъ, имѣющаго замѣнить существующій въ настоящее время», подъ каковой туманной формулой разумѣлся раздѣлъ Турціи [1]). Установившійся такимъ образомъ modus vivendi, въ общихъ чертахъ дожившій до крымской войны, немедленно отразился на польскихъ дѣлахъ возстановленіемъ «солидарности» уже разлагавшейся въ 1820 годахъ, но фактически снова скрѣпленной событіями 1831 года. Памятникомъ этой, вновь укрѣпившейся, солидарности явились мюнхенгрецско-берлинская конвенція 1833 г. о совмѣстномъ дѣйствіи трехъ «сѣверныхъ» дворовъ противъ поляковъ, и ликвидація послѣдняго остатка независимой Польши, краковской республики, въ 1846 году. Судьба Польши была снова и снова только составной частью общеевропейской комбинаціи—и даже шире, чѣмъ общеевропейской, потому что главной ареной англо-русскаго конфликта была Азія.

Мюнхенгрецско-берлинское соглашеніе было дружеской услугой, оказанной австрійскимъ правительствомъ русскому столько же противъ поляковъ, сколько противъ Пруссіи, и даже, можетъ-быть, больше противъ послѣдней, чѣмъ противъ первыхъ. По мѣрѣ того, какъ опасность русско-французскаго союза отодвигалась въ прошлое, съ укрѣпленіемъ англо-французской солидарности въ восточномъ вопросѣ (во время кризиса 1833 года французскій посланникъ въ Константинополѣ, адмиралъ Руссэнъ, проявлялъ даже наиболѣе рѣзко—во всякомъ случаѣ, наиболѣе шумно—враждебность къ Россіи, оставляя въ тѣни самихъ англичанъ), Пруссія все рѣшительнѣе возвращалась къ своей старой политикѣ—использованія своего участка польскихъ «позицій» противъ своей восточной сосѣдки. Экономической подкладкой тутъ, конечно, являлся, прежде всего, таможенный конфликтъ между прусской промышленностью и русскимъ протекціонизмомъ [2]). Отказъ отъ «покровительства» польскимъ національнымъ стремленіямъ былъ на прусской удочкѣ приманкой, при помощи которой надѣялись уловить отказъ Россіи отъ черезчуръ заботливаго покровительства «отечественной промышленности». Но поскольку таможенный конфликтъ могъ перейти въ открытую вражду, являлась забота и объ укрѣпленіи «позицій», какъ таковыхъ, съ чисто стратегической точки зрѣнія. И тутъ борьба изъ-за «расположенія» поляковъ была тѣмъ легче для берлинскаго кабинета, чѣмъ хуже было положеніе русской Польши подъ тяжелой ботфортой Паскевича. Новая эра прусскаго владычества въ Познани,—эра, связанная съ именемъ президента Флотвеля, смѣнившаго «гнусную личность» Баумана,—какъ небо отъ земли отличалась отъ режима, существовавшаго до 1830 г., при Радзивиллѣ. Польскій языкъ уже не былъ исключительно господствующимъ въ судахъ—онъ только «допускался»—началась рѣшительная германизація польской школы, имѣли уже мѣсто и первыя попытки прусской «колонизаціи» въ чисто польскихъ уѣздахъ—проданныя за

[1]) Конвенцію и предыдущіе переговоры см. у Мартенса, IV, 435—449.

[1]) У насъ нѣтъ здѣсь времени подробно останавливаться на этомъ конфликтѣ, мы можемъ только снова отослать читателя къ цитированной уже статьѣ «Россія и Пруссія наканунѣ Крымской войны» («Голосъ Минувшаго», 1916, мартъ). См. ниже, стр.

долги имѣнія резервировались нѣмцамъ, при чемъ, характерно для Пруссіи до 1848 г., «колонистами» являлись не крестьяне, какъ впослѣдствіи, при Бисмаркѣ, а помѣщики: имѣнія продавались нѣмецкимъ владѣльцамъ цѣликомъ, а не вразбробь. Теперешніе нѣмецкіе «ура-патріоты» вспоминаютъ «эру Флотвеля» съ теплой симпатіей, противопоставляя ее позднѣйшему—послѣ 1848 г.—«ослабленію» прусскаго режима въ Познанскомъ герцогствѣ. Но крутой на западно-европейскій образецъ режимъ казался чуть не царствомъ свободы, сопоставленный съ дикимъ разгуломъ солдатчины по ту сторону границы: при всей громадности *абсолютной* перемѣны, совершившейся въ прусской Польшѣ, *отношеніе* между прусскими и русскими порядками, пожалуй, даже выиграло въ пользу прусскихъ. Мы уже видѣли, какъ культивировало прусское правительство зарождавшіяся на этой почвѣ симпатіи, явно аффишируя свое нежеланіе содѣйствовать произволу Паскевича. Надо было пруссаковъ «призвать къ порядку» — и въ этомъ помогли австрійцы. Удовлетворенный Россіей въ восточномъ вопросѣ, Меттернихъ съ большою готовностью поприжалъ сѣвернаго сосѣда въ угоду восточному. Напрасно прусскій король и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Ансильонъ, немножко подѣтски, уклонялись отъ путешествія въ Мюнхенгрецъ, гдѣ должно было состояться соглашеніе. Состряпанную на австрійской территоріи бумагу привезли къ нимъ, въ Берлинъ, и Ансильонъ долженъ былъ поставить свою подпись подъ обязательствомъ помогать русскому правительству противъ поляковъ. Правда, кое-что онъ все-таки выигралъ: берлинская конвенція лишь въ самыхъ общихъ чертахъ формулировала обязанность взаимопомощи трехъ совладѣльцевъ Польши. Болѣе конкретное соглашеніе, которымъ «договаривающіяся державы» обязывались выдавать по первому требованію другъ другу политическихъ преступниковъ, «подчинить особому надзору лицъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ смутахъ въ Польшѣ», «не дозволять у себя образованія такъ называемыхъ патріотическихъ обществъ», наконецъ, «сообщать обоюдно всѣ свѣдѣнія, которыя могли бы имѣть интересъ по отношенію къ безопасности и спокойствію ихъ владѣній», имѣетъ на себѣ подписи лишь Меттерниха, Нессельроде и Татищева, подписи Ансильона на немъ нѣтъ, такъ что, когда Паскевичъ ссылался на «мюнхенгрецскую конвенцію» въ своихъ претензіяхъ къ *прусской* администраціи, онъ обнаруживалъ или не полную освѣдомленность относительно заключенныхъ Россіей съ ея сосѣдками соглашеній или—послѣднее вѣрнѣе—естественную у «отца-командира» беззаботность по части международнаго права [1]).

Но даже и австрійское правительство не спѣшило навстрѣчу Николаю Павловичу. Въ проектѣ конвенціи, составленномъ именно Паскевичемъ въ 1832 г., наряду съ пунктами, нашедшими свою дипломатическую формулировку въ Мюнхенгрецѣ, былъ еще одинъ, реализовавшійся,—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ европейской публики,—лишь четырнадцатью годами позже. Этотъ пунктъ гласилъ: «Краковъ необходимо занять войсками трехъ державъ, безъ чего невозможно оградить спокойствіе въ Польшѣ» [2]) Чтобы понять существованіе этой аномаліи, Краковской вольной «республики» рядомъ съ царствомъ Польскимъ, между императорской Галиціей и королевско-прусской Познанью, необходимо вернуться къ исходной точкѣ настоящаго очерка—тѣмъ военнымъ потребностямъ, которыя обусловили «возстановленіе само-

---

[1]) Объ конвенціи и исторію ихъ возникновенія см. у Мартенса, IV, стр. 449—462.
[2]) Мартенсъ, цит. соч, стр. 450.

стоятельной Польши» Александромъ I. Въ стратегическомъ отношеніи старая польская столица была однимъ изъ четырехъ сильнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ линіи Вислы: тремя другими были Торнъ, Модлинъ (теперешній Новогеоргіевскъ) и Замостье на верхнемъ Вепржѣ, нынѣ утратившее свое значеніе и разоруженное. Александръ хотѣлъ сначала удержать въ своихъ рукахъ всѣ четыре[1]; ибо они всѣ входили въ составъ Варшавскаго герцогства. Но Торнъ слишкомъ врѣзывался въ прусскую территорію, отрѣзывая Кенигсбергъ и Данцигъ отъ Силезіи: Александру, который въ концѣ 1814 года не могъ разсчитывать на другихъ союзниковъ, кромѣ Пруссіи, пришлось сразу поступиться Торномъ. Краковъ врѣзывался въ австрійскія владѣнія не менѣе глубоко, чѣмъ Торнъ въ прусскія, отрѣзывая Галицію отъ австрійской Силезіи. Пришлось поступиться и имъ, но такъ какъ Австрія была не союзникъ тогда, а соперница, такъ какъ къ тому же Пруссія была всѣми силами противъ того, чтобы Краковъ превратился въ австрійскую крѣпость, то его рѣшено было нейтрализовать—подобно Швейцаріи, поставивъ подъ «покровительство» всѣхъ трехъ совладѣльцевъ Польши. Какъ ни слабо было «національное» краковское правительство, не имѣвшее въ своемъ распоряженіи ни вооруженной силы, ни денегъ, державы-«покровительницы» предусмотрительно воспротивились устройству въ Краковѣ банка, но раздоры «союзницъ» позволяли уцѣпиться даже и за него въ борьбѣ за возстановленіе независимой Польши. Послѣ 1831 г. нейтральная территорія сдѣлалась ближайшимъ убѣжищемъ польскихъ эмигрантовъ—продолжайся раздоры, Краковъ могъ бы стать маленькой Женевой. На бѣду «вольнаго города», Россія и Австрія, какъ мы видѣли, быстро между собой столковались, а заинтересованная въ независимости Кракова, хотя бы отъ австрійцевъ, Пруссія была русско-австрійскимъ соглашеніемъ оттерта на задній планъ. При такихъ условіяхъ оставалось бы, повторяемъ, удивляться, что краковская «вольность» только двухъ лѣтъ не дожила до 1848 года—да и тогда скончалась, если вѣрить Меттерниху, исключительно отъ случайныхъ причинъ и по собственной винѣ краковяковъ, бросившихся «безъ всякаго побужденія извнѣ, въ бездну огромнаго заговора, имѣвшаго цѣлью возстановить древнюю Рѣчь Посполитую, а изъ Кракова сдѣлать временную столицу революціоннаго правительства, долженствовавшаго руководить осуществленіемъ этого предпріятія»[2]. На самомъ дѣлѣ, познанско-галиційскія волненія 1846 года, въ Галиціи выразившіяся, главнымъ образомъ, въ истребленіи русинскими крестьянами польскихъ помѣщиковъ, не безъ подстрекательства со стороны австрійскихъ властей, были самое большое предлогомъ для инкорпорированія Кракова во владѣнія Габсбурговъ. Документъ, скрѣпленный подписями Нессельроде, Меттерниха и Ансильона и помѣченный «Берлинъ 2/14 октября 1835 г.»—хотя увидѣвшій свѣтъ лишь въ наши дни[3]—устанавливаетъ неопровержимо, что присоединеніе Кракова «къ владѣніямъ его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества» было рѣшено за 11 лѣтъ до «заговора», въ который, по увѣренію Меттерниха, впали краковяки. Очень скоро послѣ этого соглашенія (въ февралѣ 1836 г.) Краковъ и былъ оккупированъ австрійскими, русскими и прусскими войсками—на десять лѣтъ окончательное завершеніе дѣла оттянула обструкція Пруссіи, еще и въ

---

[1] См. цитиров. въ началѣ собственноручную записку, приведенную Шильдеромъ.
[2] «*Mémoires*», VII, 281-2.
[3] Впервые напечатанъ въ сборникѣ Мартенса, *ibid.*, 472 сл.

1845 г. пледировавшей противъ превращенія «вольнаго города» въ австрійскую крѣпость и включенія его территоріи въ австрійскую таможенную черту[1]). Подъ конецъ, послѣднее было, кажется, для пруссаковъ важнѣе всего.

Сдѣлавъ угнетеніе Польши частью желѣзнаго инвентаря восточно-европейской реакціи, русско-австрійскія соглашенія 1832 и 1835 гг. должны были сдѣлать освобожденіе Польши интегральной частью либеральной программы всюду, гдѣ эта программа опиралась на сколько-нибудь широкія массы. Уже въ 1831 г. полонофильскія стремленія очень сильно сказывались не только въ германской литературѣ—тутъ съ ними были связаны такія имена, какъ Уланда и Платена,—но и въ «большой публикѣ». Въ Майнцѣ буржуазныя барышни щипали корпію для польскихъ раненыхъ, въ Баваріи и въ Баденѣ на банкетахъ, устраивавшихся въ честь поляковъ, можно было видѣть офицерскіе мундиры. Польскія пѣсни всюду распѣвались на улицахъ — и когда, послѣ взятія Варшавы, волна польской эмиграціи хлынула черезъ южную Германію, вчерашнихъ бойцовъ Грохова и Остроленки принимали, какъ героевъ. Даже прусское правительство, при всемъ добромъ желаніи, не сочло возможнымъ трактовать ихъ, какъ «государственныхъ преступниковъ»—къ чрезвычайно непріятному разочарованію правительства русскаго, только что на рядѣ примѣровъ убѣдившагося въ полномъ казалось бы возстановленіи русско-прусской «солидарности». Пруссаки старались только какъ можно скорѣе освободить прусскую территорію отъ обломковъ польской революціи—но не дѣлая имъ никакихъ препятствій въ ихъ движеніи дальше на западъ. Въ глазахъ южной Германіи и того, что Пруссія уже сдѣлала для подавленія возстанія, было бы достаточно, чтобы на долгіе годы занести королевство Гогенцоллерновъ въ «черную книгу» нѣмецкаго либерализма — и такой трезвый нѣмецкій патріотъ, какъ Пауль Пфицеръ, съ грустью долженъ былъ признать, что объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи надолго сдѣлала непріемлемымъ для южныхъ нѣмцевъ политика Фридриха-Вильгельма III въ польскомъ вопросѣ. Этой политики стыдился даже наслѣдный принцъ прусскій, на котораго, говорили тогда, чрезвычайно сильное впечатлѣніе произвело страстное воззваніе къ нему Платена въ пользу «изгнанныхъ и гонимыхъ героевъ». Вообще, въ польскомъ вопросѣ общественное мнѣніе Берлина было никакъ не на сторонѣ своего правительства: характерно, что берлинская биржа аккуратно отмѣчала повышеніемъ всякую польскую побѣду и пониженіемъ — всякую русскую. По мѣрѣ приближенія къ «безумному году» полонофильскія тенденціи только росли, вмѣстѣ съ ростомъ буржуазнаго либерализма и радикализма, — и неудачная познанская вспышка 1846 г. дала поводъ къ одной изъ берлинскихъ манифестацій 1848 года: торжественному освобожденію, берлинскими студентами, Мѣрославскаго и его товарищей, изъ моабитской тюрьмы, куда они были заключены за познанское возстаніе (20 марта 1848 г.). Одной изъ первыхъ «уступокъ» прусскаго правительства народному движенію было назначеніе въ Познань комиссаромъ генерала ф. Вилизена, въ 1831 г. въ своихъ статьяхъ дававшаго наставленія польскимъ генераламъ, какъ имъ вести кампанію противъ русскихъ. Правда, познанское чиновничество въ союзѣ съ прусскимъ офицерствомъ познанскихъ гарнизоновъ встрѣтило генерала столь дружнымъ бойкотомъ, что онъ долженъ былъ черезъ три недѣли подать въ от-

[1]) *Ibid.*, 525 ссл.

ставку—и это было однимъ изъ симптомовъ возрождавшейся реакціи. Но германская демократія оставалась вѣрна лозунгу польской независимости, до предѣловъ, едва понятныхъ знающимъ только современную Германію: во Франкфуртскомъ парламентѣ, въ іюлѣ 1848 г., лѣвое крыло, съ Арн. Руге и Роб. Блюмомъ во главѣ, рѣшительно отказывалось допустить депутатовъ отъ познанскихъ нѣмцевъ, аргументируя тѣмъ, что Познань есть часть Польши, и вопросъ о ней не можетъ рѣшаться германскимъ народнымъ собраніемъ. То, что «умѣренное» большинство не пошло въ этомъ вопросѣ за радикалами, было опять-таки, однимъ изъ признаковъ спада революціонной волны[1]).

Въ послѣдующую реакціонную эпоху лозунгъ польской независимости становится все болѣе и болѣе составною частью крайней лѣвой программы, одинаково принимавшейся и марксистами, и бакунистами, даже и послѣ того, какъ между этими двумя теченіями послѣдовалъ полный разрывъ. Но, побѣдивъ демократическую революцію, реакціонныя правительства не имѣли духа начисто отказаться отъ наслѣдства—и Вторая французская имперія, наравнѣ со всеобщей подачей голосовъ, унаслѣдовала отъ 1848 года интересъ къ Польшѣ. Во Франціи не приходится отмѣчать тѣхъ волнообразныхъ колебаній въ польскомъ вопросѣ, которыя заставляютъ остановиться на германскомъ полонофильствѣ — то теченіе, которое въ 1831 г. представлялъ Лафайетъ, неуклонно занимало позицію, на которую сталъ онъ, находя, по крайней мѣрѣ, теоретическую поддержку у всей либеральной буржуазіи: все царствованіе Луи-Филиппа, неизмѣнно, палата включала въ адресъ королю протестъ противъ уничтоженія польской конституціи Николаемъ I. Это настроеніе пережило 2-е декабря, и еще въ началѣ 60-хъ годовъ французское общественное мнѣніе представляло собою въ польскомъ вопросѣ тотъ же «сомкнутый фронтъ», что и въ 1831 г. Мы можемъ процитировать здѣсь мнѣніе автора, *враждебнаго этому настроенію,* и потому наименѣе подозрительнаго. «Подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ (польской пропаганды), вліявшимъ сразу со всѣхъ сторонъ, образовалось своего рода единодушіе въ пользу возстанія. Консерваторы защищали его, потому что имъ руководили дворяне, католики—потому что ему благопріятствовало духовенство, революціонеры — изъ удовольствія произвести безпорядокъ, гдѣ бы то ни было. Монталамберъ говорилъ съ тѣмъ же одушевленіемъ (о полякахъ), какъ Гарибальди и Кошутъ; одни и тѣ же пожеланія можно было услыхать въ салонахъ и въ кабакахъ, въ церковныхъ ризницахъ и въ тайныхъ обществахъ. Тѣ, кто проклялъ итальянское движеніе, потому что оно было анти-католическимъ, соединялись съ тѣми, кто превозносилъ до небесъ движеніе польское, несмотря на то, что оно было католическимъ; Дюпанлу и Кинэ яростно оспаривали другъ у друга привилегію быть поляками»[2]). Если «бѣлые» — аристократическое теченіе среди польской эмиграціи—все свое упованіе возлагали на личныя симпатіи къ польскому дѣлу Наполеона III, они жесточайшимъ образомъ заблуждались: какъ разъ лично глава Второй имперіи былъ въ этомъ вопросѣ несравненно прохладнѣе своихъ подданныхъ. Самое большее, если въ немъ иногда говорила вѣрность династическому преданію—какъ никакъ, герцогство Варшавское возникло изъ обломковъ раздѣ-

---

[1]) Для фактической стороны см. Geffcken, цит. соч., особенно III отдѣлъ, стр. 140 ссл.

[2]) Em. Ollivier, «L'Empire libéral», VI, 99. Дюпанлу — епископъ орлеанскій, извѣстный клерикальный писатель своего времени. Другія имена, думается, не нуждаются въ поясненіяхъ.

ленной Польши, благодаря Наполеону I—да нежеланіе отрекаться отъ выступленій своей молодости: въ 1831 г принцъ Людовикъ-Наполеонъ, какъ и всѣ, былъ за поляковъ. Но тридцать лѣтъ спустя дипломатическія соображенія говорили гораздо громче.

Вопросъ о Польшѣ появился въ кругу этихъ дипломатическихъ соображеній въ первый разъ во время такъ называемыхъ «вѣнскихъ конференцій»—первой, и неудачной, попытки ликвидировать крымскую кампанію, которая начинала тяготить союзниковъ послѣ того, какъ Севастополь не удалось взять не только въ шесть недѣль, но и въ шесть мѣсяцевъ. Императоръ Николай успѣлъ подписать инструкцію русскому уполномоченному на «конференціяхъ», кн. Горчакову, но фактически переговоры пришлось вести уже правительству Александра II. На вѣнскихъ конференціяхъ впервые были выдвинуты знаменитые «4 пункта», легшіе потомъ въ основу Парижскаго мира,— но, какъ выяснилось изъ документовъ, оглашенныхъ лишь 8 лѣтъ спустя, французское правительство не прочь было прибавить къ нимъ пятый, касавшійся Польши. Возобновляя старую тему лорда Кестльри о «грозныхъ позиціяхъ въ сердцѣ центральной Европы», французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друенъ-де-Люи, предлагалъ далекому наслѣднику Кестльри, лорду Кларендону, настаивать на возстановленіи въ полной силѣ трактатовъ 1815 года, «запрещавшихъ (Россіи) обладать царствомъ Польскимъ иначе, какъ въ качествѣ особаго государства» [1]). Мы знаемъ, что юридически эту тезу англійская дипломатія признавала незащитимой уже въ 1831 г.—и она была, конечно, совершенно права: *буквы* вѣнскихъ трактатовъ «Органическій Статутъ» 1832 года далъ достаточное удовлетвореніе, что не мѣшало Польшѣ не имѣть никакой конституціи и управляться Паскевичемъ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ управлялъ въ Тифлисѣ. Но Кларендонъ не сталъ повторять аргументовъ Тетсбери: англійскій министръ откровенно заявилъ французскому послу въ Лондонѣ — имъ былъ какъ разъ Валевскій—что поднимать польскій вопросъ сейчасъ неудобно, потому что это значило бы дать русскимъ уполномоченнымъ поводъ «отдѣлить отъ насъ Австрію и направить на насъ Германію». Между тѣмъ—этого лордъ Кларендонъ, изъ деликатности, не сказалъ, но это разумѣлось само собой—австрійская армія теперь, послѣ неудачной попытки Канробера взять Севастополь, была нужна болѣе, чѣмъ когда бы то ни было—и болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, важенъ былъ хотя бы дружественный нейтралитетъ Пруссіи. Тѣмъ временемъ вѣнскія конференціи оборвались уже на четвертомъ пунктѣ— вопросѣ о нейтрализаціи Чернаго моря,—такъ что выдвигать пятый не нашлось даже формальнаго повода. Франція повела осаду Севастополя съ утроенной энергіей, и новому главнокомандующему, Пелисье, удалось быть счастливѣе своего предшественника: 27 августа/8 сентября 1855 г. былъ взятъ Малаховъ курганъ. Ровно черезъ недѣлю послѣ этого событія Валевскій, который теперь самъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, писалъ своему преемнику въ Лондонѣ, Персиньи, приглашая его «обратить вниманіе правительства ея британскаго величества на вопросъ, который справедливо озабочиваетъ императора, и къ которому не съ меньшимъ интересомъ относится, конечно, и британскій кабинетъ. Дѣло идетъ о Польшѣ». Аргумента-

---

[1]) Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland 1863, ed. Filippowiz, Paris 1914, pp. 205—6, письмо Друэнъ-де-Люи 26 марта 1855 г.

ція Валевскаго ни чѣмъ не отличается отъ доводовъ его предшественника, но сравнивая тонъ его депеши съ тономъ бумаги Друенъ-де-Люи, вы чувствуете огромную разницу, и ее нельзя, конечно, объяснить только тѣмъ, что теперь писавшимъ былъ полякъ—и сынъ Наполеона I, въ то же время. Читая депешу Валевскаго, вы видите на горизонтѣ дымъ взорваныхъ укрѣпленій Севастополя, павшаго подъ ударами именно французскаго оружія (для англичанъ, какъ извѣстно, и послѣдній штурмъ былъ неудаченъ). И тѣмъ удивительнѣе, послѣ этого страстнаго тона, читать коротенькую и безцвѣтную «расписку въ полученіи», которой, мѣсяцъ спустя, тотъ же Валевскій отвѣчалъ на новый отказъ британскаго кабинета впутать съ дѣло вѣнскіе трактаты 1815 г.,—отказъ гораздо менѣе категорическій, гораздо болѣе сконфуженный, чѣмъ полгода тому назадъ. Теперь-то, казалось бы, и настаивать, когда англичане, видимо, начинали подаваться. Но Морни уже началъ свои частные переговоры съ Горчаковымъ, въ перспективѣ рисовался не только миръ, а и союзъ съ Россіей — и передъ этимъ огромнымъ для Второй имперіи успѣхомъ стушевывался маленькій польскій вопросъ. Чуть ли не воскресали дни «дѣлежа вселенной» въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ—поляки могли и подождать. Ко времени Парижскаго конгресса союзъ былъ уже налаженъ окончательно, и у гр. Орлова, когда съ нимъ заговорили о Польшѣ, руки были совершенно развязаны. Не заговорить послѣ всей предшествовавшей англо-французской переписки было прямо неловко: но характерно, что Валевскій офиціально все же не сталъ говорить самъ, а послалъ Кларендона. Тонъ отвѣта Орлова былъ «дружескій» до фамильярности. Онъ почти хлопалъ по плечу англійскаго министра, одобряя его за то, что тотъ заговорилъ о Польшѣ все-таки внѣ конгресса: иначе онъ, Орловъ, былъ бы поставленъ въ печальную необходимость огорчить англичанина прямымъ отказомъ его выслушать. А о Польшѣ небрежно было сказано, что вотъ при предстоящей коронаціи Александра II она получитъ «милости»—но эффектъ ихъ могъ бы быть только испорченъ иностраннымъ вмѣшательствомъ. «Въ этихъ обстоятельствахъ,—почти жалобно заканчиваетъ свой рапортъ Пальмерстону лордъ Кларендонъ,—мы съ гр. Валевскимъ рѣшили, что всего благоразумнѣе будетъ не возбуждать на конгрессѣ вопроса» о Польшѣ [1]). «Милости» ограничились, какъ извѣстно, довольно скупой амнистіей — и фактическимъ смягченіемъ паскевичевскаго режима, смягченіемъ, ничѣмъ, пока, не гарантированнымъ и обусловленнымъ «благоразуміемъ» поляковъ. При чемъ этимъ послѣднимъ было сказано совершенно ясно и опредѣленно, что «всякія мечты о независимости» они должны оставить. «Не мечтать!» (Point de rêveries!) было рефреномъ знаменитой варшавской рѣчи Александра II (11 мая 1856 г.). «Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей имперіи,— сказалъ императоръ.— То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло» [2]).

Когда началась вторая польская революція, опасенія за прочность русско-французскаго союза были, кажется, первымъ чувствомъ Наполеона III. Единодушіе общественнаго мнѣнія Франціи въ польскомъ вопросѣ не позволяло ея правительству просто смолчать, когда этотъ вопросъ снова появился на сценѣ. То, что *Moniteur* въ отвѣтъ на варшавскіе разстрѣлы февраля—марта 1861 года нашелся только на-

[1]) Ibid., 210—11.
[2]) Татищевъ, «Александръ II», I, 212—213.

помнить о «благородныхъ идеяхъ, одушевленіе которыми императоръ Александръ не переставалъ обнаруживать со времени своего вступленія на престолъ» и которымъ манифестаціи «мѣшаютъ» проявиться въ полной мѣрѣ (предполагаемый носитель этихъ идей только что отдалъ приказаніе своему намѣстнику «въ случаѣ нужды бомбардировать Варшаву изъ цитадели»)— было почти предѣломъ приличія при данномъ настроеніи французскаго общества. Но такъ какъ это могло разгнѣвать Зимній дворецъ, туда было отправлено конфиденціальное письмо, гдѣ говорилось о «пятилѣтнемъ искреннемъ и вѣрномъ союзѣ» Россіи съ Франціей,— союзѣ, который злые люди (Наполеонъ III имѣлъ въ виду, конечно, пруссаковъ — но Александръ Николаевичъ предпочиталъ думать объ англичанахъ) пытаются разстроить. На сопровождавшіяся эти дружескія изліянія робкія попытки «замолвить словечко» о полякахъ тѣмъ легче было отвѣтить, что революція сразу заставила дать то, о чемъ европейская дипломатія на парижскомъ конгрессѣ не осмѣлилась просить: съ 14 марта русская Польша имѣла то, что ей формально обѣщали вѣнскіе трактаты, самостоятельную національную администрацію съ назначеннымъ, разумѣется, государственнымъ совѣтомъ изъ поляковъ во главѣ. Это была уже не писаная бумага «Органическаго Статута»— это былъ фактъ, и на него съ гордостью было указано въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, герцогомъ Монтебелло. «Я не возьму назадъ того, что я далъ; обѣщанныя учрежденія честно будутъ осуществлены въ жизни, такъ какъ я обѣщалъ, только бы сама Польша не помѣшала исполненію моихъ намѣреній» [1]). Монтебелло могъ бы на это отвѣтить, что французское правительство уже, не дожидаясь этихъ словъ, осудило «интриги» поляковъ, формально заявивъ объ этомъ почти оффиціальному, представителю въ Парижѣ, кн. Чарторыйскому. Каждая мелочь, касавшаяся подготовки вооруженнаго возстанія, въ родѣ слуха о томъ, что въ Парижѣ шьютъ мундиры для польскихъ легіоновъ, немедленно вызвала тщательное разслѣдованіе со стороны французскихъ властей. Дошло до того, что польское революціонное правительство прямо обвиняло Францію въ неуспѣхѣ своей первой попытки начать вооруженную борьбу съ Россіей. «Центральный національный Комитетъ,—заявляло оно,—все приготовилъ, чтобы помѣшать рекрутскому набору, но онъ встрѣтилъ препятствія, которыхъ онъ не могъ предвидѣть, именно со стороны французскаго правительства, осуждающаго наше движеніе и мѣшающаго ему не меньше, чѣмъ русскіе жандармы. Оно задержало ввозъ въ Польшу оружія въ количествѣ, достаточномъ для немедленнаго возстанія» [2]).

Оставленные Франціей поляки, повидимому, не могли разсчитывать и на другую свою «заступницу» 1831 года — на Англію. Россель заявлялъ въ парламентѣ 26 марта 1862 года, что «никогда никакому англійскому государственному человѣку, занимавшему постъ перваго министра, не приходило въ голову оказать *матеріальное* содѣйствіе полякамъ — никогда ни одинъ министръ не думалъ, чтобы мы были обязаны вмѣшиваться (въ польскій вопросъ) какъ-нибудь иначе, чѣмъ путемъ простого выраженія своего мнѣнія». А Пальмерстонъ, не хуже Наполеона III, совѣтовалъ полякамъ вмѣсто манифестацій прибѣгнуть къ «добротѣ и гуманности» Александра II. Словомъ, польское движеніе оставалось мѣстнымъ, внутренне-русскимъ дѣломъ, до 27 января (8 фе-

[1]) Ollivier, «L'Empire Libéral» VI, 105.

[2]) Ibid. 109, прим. Какъ извѣстно, сигналомъ къ возстанію послужилъ «рекрутскій наборъ» 2 января 1863 г., фактически имѣвшій цѣлью освободить Царство отъ «неблагонадежныхъ элементовъ», путемъ отдачи послѣднихъ въ солдаты.

враля) 1863 г. когда была заключена русско-прусская конвенція по поводу совмѣстныхъ дѣйствій русскихъ и прусскихъ войскъ противъ возставшихъ, — такъ-называемая «конвенція Альвенслебена», по имени прусскаго генерала, привезшаго проектъ конвенціи въ Петербургъ. Значеніе «конвенціи Альвенслебена», какъ coup de théâtre, сразу измѣнившаго международную обстановку польскаго дѣла, давно установлено въ литературѣ [1]). Оставалось не вполнѣ ясной только подкладка этого театральнаго эффекта — она не была до конца вскрыта даже мемуарами Бисмарка (легшими въ основу всѣхъ новѣйшихъ изображеній этого эпизода), и лишь опубликованные цѣликомъ только въ самое послѣднее время — въ 1914 году — англійскіе секретные дипломатическіе документы по поводу возстанія 1863 г. дали исчерпывающее объясненіе событіямъ. Благодаря донесеніямъ, главнымъ образомъ, британскаго представителя при дворѣ Наполеона III, лорда Каули, мы знаемъ, что отраженіемъ подписанной въ Петербургѣ конвенціи былъ крутой поворотъ внѣшней политики французскаго императора — отъ союза съ Россіей противъ Австріи къ союзу съ Австріей, если нужно, и противъ Россіи, но, въ первую голову, *противъ Пруссіи*. Британская дипломатія великолѣпно использовала эту — быть можетъ, и преходящую вспышку гнѣва обиженнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ «вѣрнаго союзника» Александра II, чтобы вбить глубокій и твердый клинъ въ путавшую англійскія карты на Востокѣ франко-русскую дружбу. Въ тѣсномъ единеніи съ австрійцами, англичане повернули дѣло такъ, что Наполеонъ III, сначала собиравшійся воевать на Рейнѣ съ пруссаками, быть можетъ, не безъ тайной надежды даже на поддержку Россіи (именно эта, хорошо извѣстная въ Берлинѣ, надежда и заставила Бисмарка «навязать» Россіи конвенцію, которая русскимъ отнюдь не была необходима и отъ которой съ одинаковымъ усердіемъ отпихивались и кн. Горчаковъ въ Петербургѣ, и правительство в. кн. Константина Николаевича въ Варшавѣ), очутился лицомъ къ лицу со своимъ вчерашнимъ русскимъ союзникомъ, въ положеніи безвыходнаго дипломатическаго конфликта, котораго нельзя было разрѣшить даже оружіемъ, ибо, доведя бумажную ссору до возможной остроты, и Австрія, и Англія одинаково рѣшительно отказали Тюльирійскому кабинету въ матеріальной поддержкѣ, оставивъ мечущагося въ отчаяніи «союзника» съ безумными мыслями о вооруженной помощи хотя бы Швеціи, что, конечно, могло свидѣтельствовать только о глубинѣ отчаянія...

Поскольку вся эта эволюція связана съ мечтами Наполеона III о рейнской границѣ, она разобрана нами въ другомъ мѣстѣ [2]). Въ этомъ аспектѣ — исторически самомъ главномъ — она входитъ въ составъ дипломатическаго четыреугольника: Россія — Пруссія — Австрія — Франція, и можетъ быть разсматриваема, какъ эпизодъ изъ исторіи русско-германскихъ или франко-германскихъ отношеній, лишь попутно задѣвавшій Польшу, которая могла бы остаться имъ не задѣтой, или могла бы оказаться задѣтой совсѣмъ въ другой связи. Послѣднее случилось бы, напримѣръ, если бы Александръ II осуществилъ мысль, мимолетно высказанную имъ Бисмарку, но твердо засѣвшую у того въ головѣ: очистить польскую территорію къ сѣверу отъ Нарева и къ западу отъ Вислы, кромѣ Варшавы, предоставивъ брошенное за-

[1]) См., напр., вышедшую лѣтъ 25 назадъ книгу извѣстнаго польскаго журналиста Козмяна — «1863 годъ». Конвенція Альвенслебена и созданная ею перипетіи подробно освѣщены пишущимъ эти строки въ «Голосѣ Минувшаго», 1917 г. См. ниже, стр.

[2]) См. сейчасъ названную статью въ «Голосѣ Минувшаго».

нять «кому угодно». Представитель этого «кого угодно» стоялъ въ эту минуту передъ русскимъ императоромъ во плоти. Когда началось возстаніе, Бисмаркъ явно сталъ разсчитывать на еще большее, на то, что русскіе совсѣмъ очистятъ «Царство» — и нѣсколько недѣль носился съ грандіознымъ планомъ возстановленія Польши руками Пруссіи[1]). Чтобы понять, какимъ образомъ эта мысль могла сочетаться въ головѣ Бисмарка съ другою, часто ему приписываемою, — дѣйствительно, иногда имъ высказывавшейся — что «возстановленіе Польши было бы гибелью Пруссіи», надо на минуту остановиться на этой послѣдней мысли. Ее дважды, и Бисмаркъ, и его государь, имѣли случай высказать не только въ видѣ краткаго афоризма, но, съ мотивировкой, въ которой все дѣло. «Если бы польскому народу удалось возстановить свое независимое королевство — *къ чему, какъ думаютъ, подстрекаетъ поляковъ Австрія, и если бы послѣдней удалось поставить во главѣ Польши эрцгерцога,* это было бы серьезной угрозой существованію Пруссіи,— говорилъ англійскому послу Вильгельмъ I, — такъ какъ новое государство прежде всего постаралось бы вернуть себѣ Данцигъ». А Бисмаркъ говорилъ тому же сэру А. Бьюкенену, что англійская политика «можетъ *отдать въ распоряженіе Франціи* стотысячную армію на Вислѣ, такъ какъ если бы Польша даже стала (формально) независимой, ея армія всегда была бы въ распоряженіи французскаго правительства»[2]). Подчеркнутыя слова ясно показываютъ, что въ Берлинѣ признавалась опасной не самостоятельная Польша, какъ таковая, а Польша, возстановленная Австріей (не забудемъ, что дѣло было до 1866 года!) или Франціей. Но однимъ изъ средствъ предупредить обѣ эти непріятныя возможности и было возстановленіе Польши самой Пруссіей. Тѣ, для кого манифестъ 5 ноября (н. ст.) 1916 года, былъ неожиданностью, недостаточно принимали во вниманіе эту логику. Основная мысль этого манифеста могла отпраздновать свой полувѣковой юбилей за три года до его обнародованія, а многіе и до сихъ поръ готовы считать его исторической случайностью, объясняемой «просто» тѣмъ, что у Германіи нехватило солдатъ, и ей нужно было найти благовидный предлогъ вербовать въ свою армію поляковъ. Не всегда простота есть признакъ истины!

Немедленно поднявъ вопросъ — по поводу конвенціи Альвенслебена — о дипломатическомъ протестѣ противъ Пруссіи, Наполеонъ III по отношенію къ Россіи старался дѣлать видъ, какъ-будто ничего не произошло. Было написано еще одно конфиденціальное письмо самаго мирнаго характера, взывавшее къ снисхожденію и милосердію. Когда польскій вопросъ былъ поднятъ въ стѣнахъ Законодательнаго Корпуса, интерпелянтамъ была дана суровая отповѣдь ораторомъ министерства, а тому изъ нихъ, кто находился въ предѣлахъ досягаемости, пройдя на выборахъ, какъ правительственный кандидатъ (это былъ Гюйаръ-Делалэнъ: другой Жюль Фавръ, былъ изъ непримиримой оппозиціи), было объявлено высочайшее неудовольствіе. Но англичане не дали «заснуть» дѣлу: 2 марта (н. ст.) Россель съ истинно-британской

---

[1]) Въ случаѣ, если возстаніе разрастется, пруссаки, объяснялъ Бисмаркъ значеніе конвенціи вице-президенту ландтага Беренду, могутъ двинуться въ Царство и занять его. «Если эта возможность осуществится, не невѣроятной была бы и постоянная оккупація... Россія рада была бы отдѣлиться отъ Польши, только бы та попала въ надежныя руки. Въ этомъ случаѣ Польша, однако, не будетъ управляться, какъ прусская провинція, а *составитъ отдѣльное государство,* связанное съ Пруссіей только личною уніей». («Confidencial Correspondence, 69»).

[2]) Ibid., 78—9 и 164.

практичностью, позабывъ всѣ антецеденты и нисколько не стѣсняясь дипломатической логикой, поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Непиру, напомнить русскому правительству трактаты 1815 года, сдѣлавъ изъ нихъ тѣ самые выводы, непослѣдовательность которыхъ англичане сами признали еще въ 1831 году. Послѣдняя услуга, которую могъ оказать петербургскому кабинету парижскій союзникъ, заключалась въ томъ, что депеша Росселя черезъ французовъ стала извѣстна Горчакову раньше, чѣмъ Непиръ предъявилъ ее официально [1]). Горчаковъ имѣлъ, такимъ образомъ, время «подумать» надъ отвѣтомъ—и придумалъ нѣчто, ему самому, должно быть, казавшееся чрезвычайно макіавелистическимъ: онъ заявилъ Непиру, что польское возстаніе есть «демократическое и антисоціальное движеніе», стремящееся къ возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 г. Это анархисты задумали возродить Рѣчь Посполитую! Къ несчастію для англичанъ, суть дѣла была не въ этой, въ высшей степени субъективной, соціологіи, а въ трактатахъ 1815 г., а тутъ русскій вице-канцлеръ могъ отвѣчать «безъ подготовки», и отвѣтилъ, конечно, то же, что говорилось въ этомъ случаѣ всегда: что никакой опредѣленной конституціи полякамъ Вѣнскій конгрессъ не обезпечилъ, а что «особая администрація» у нихъ есть и теперь не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ. Все это говорилось весьма «дружественно»—терминъ, употребленный Непиромъ въ его первой, коротенькой телеграммѣ о свиданіи съ Горчаковымъ. Тѣмъ болѣе, что и разговоръ-то, въ сущности, началъ послѣдній: еще раньше, чѣмъ до Непира дошла депеша Росселя, Горчаковъ заговорилъ съ англійскимъ посломъ о польскомъ возстаніи, жалуясь на «звѣрства», учиняемыя инсургентами, инсинуируя, что польская революція—дѣло иностранныхъ внушеній, но явно извиняясь въ то же время за нѣкоторые подвиги русскихъ военныхъ властей (по части грабежа польскихъ усадебъ и т. под.), и соглашаясь даже, что устроенный Велепольскимъ рекрутскій наборъ былъ мѣрой «неполитичной». На Непира этотъ разговоръ произвелъ впечатлѣніе, «что русское правительство чрезвычайно боится вмѣшательства въ дѣло западныхъ державъ; что оно употребитъ всѣ усилія, чтобы потушить возстаніе возможно скорѣе, дабы избѣжать этой возможности, и что императорское правительство *больше досадуетъ на Францію, чѣмъ на Англію,* по поводу этого дѣла» [2]).

Польша оказалась оселкомъ русско-французской дружбы, какъ справедливо выразился позже Бисмаркъ... Какимъ образомъ въ Петербургѣ могли разсчитывать, что Наполеонъ III въ польскомъ вопросѣ, окажется противъ поляковъ и за русское правительство, на это трудно отвѣтить людямъ, руководствующимся въ своихъ сужденіяхъ «простыми правилами здраваго смысла и логики». И здравый смыслъ и логика должны были бы подсказывать, что императоръ французовъ не можетъ же итти совершенно на перерѣзъ «общественному мнѣнію» Франціи и традиціямъ династіи Бонапартовъ: притомъ, со стороны тюльирійскаго кабинета все было сдѣлано; все дипломатически мыслимое, чтобы дать понять русскимъ дѣйствительное направленіе атаки. Не могъ же Наполеонъ III вслухъ сказать, что Польша для него служитъ лишь предлогомъ, чтобы напасть на Пруссію. Остается одно разумное предположеніе: въ центрѣ вниманія петербургскихъ дипломатовъ были не субъективныя намѣренія Наполеона, но объективный фактъ:

---

[1]) Бьюкененъ Росселю 16 марта 1863. *Confident. Correspond*, 228.
[2]) Непиръ Росселю 3 марта 1863; «*Confid. Corresp.*», 173.

фактъ завязывавшагося союза Франціи съ Австріей. Что послѣдняя будетъ имѣть глупость не принять протянутой ей руки и использовать весь эпизодъ для своихъ мелкихъ, внутри-германскихъ расчетовъ, этого въ Петербургѣ не ожидали. Изъ объективнаго факта франко-австрійскаго союза, такъ круто нарушавшаго равновѣсіе силъ въ восточной Европѣ, вытекала, казалось, только одна объективная необходимость: чтобы Россія, хочетъ она или не хочетъ (кн. Горчаковъ, несомнѣнно, не хотѣлъ), протянула руку Пруссіи. Бисмаркъ угадалъ и моментально использовалъ эту объективную необходимость, въ чемъ и выразилась его дипломатическая проницательность. Несостоявшійся франко-австрійскій союзъ родилъ очень прочный, продержавшійся болѣе 15 лѣтъ (по 1879 годъ) союзъ русско-прусскій.

Такъ какъ Англія до сихъ поръ изъ-за восточныхъ дѣлъ шла рука объ руку съ Австріей, для петербургской дипломатіи оставалась теперь одна задача: отдѣлить Англію отъ франко-австрійскаго блока. Но тутъ въ рукахъ у Горчакова была прекрасная игра. Несравненно болѣе равнодушная, чѣмъ даже Наполеонъ III, собственно къ польскому вопросу, британская дипломатія была въ высшей степени неравнодушна къ планамъ этого императора относительно рейнской границы. Петербургскій кабинетъ очень ловко игралъ на этой слабой струнѣ англичанъ. Непиру «изъ самаго достовѣрнаго источника» давали знать, что Наполеонъ носится съ планами «смѣлыхъ предпріятій», отъ которыхъ его удерживаетъ только вліяніе русскаго посланника Будберга [1]). Мало-по-малу въ Лондонѣ складывалось настроеніе, не безъ юмора описанное Мериме, находившимся тогда въ англійской столицѣ. «Лордъ Россель говорилъ со мною о полякахъ, какъ о самыхъ невыносимыхъ попрошайкахъ на земномъ шарѣ; лордъ Пальмерстонъ говоритъ о нихъ такъ, какъ говорили о грекахъ въ дни нашей юности. Онъ, однако, не болѣе, чѣмъ его коллега, (т.-е. Россель) расположенъ обнажать мечъ изъ-за ихъ прекрасныхъ глазъ: я думаю только, что онъ охотно насъ послалъ бы въ этотъ крестовый походъ. Что касается публики, она считаетъ за несомнѣнное, что императоръ хочетъ не освободить Польшу, но завоевать лѣвый берегъ Рейна, и для этого придирается къ Пруссіи» [2]). Это письмо, написанное уже въ августѣ 1863 г., въ сущности, резюмировало всю картину «дипломатическаго вмѣшательства», разыгравшагося между мартомъ и іюлемъ этого года, «вмѣшательства», куда Бисмарку и Горчакову удалось вколотить клинъ не менѣе прочный и глубокій, чѣмъ тотъ, что англичане вогнали въ русско-французскую дружбу. Какъ часто бываетъ, публика слѣдила съ интересомъ за перипетіями пьесы, развязка которой давно уже совершилась за кулисами. Когда, къ началу апрѣля 1863 г., Англія, Австрія и Франція столковались, наконецъ, между собой относительно формы ихъ дипломатическаго выступленія въ Петербургѣ, Наполеонъ уже зналъ, что Австрія отнюдь не склонна къ «смѣлымъ предпріятіямъ», а британское правительство,— что война изъ-за Польши такъ же мало вѣроятна, какъ изъ-за Сандвичевыхъ острововъ. Но всѣ участники серьезно продѣлали свою маленькую комедію и, кажется, даже на минуту смутили Петербургъ своей безупречной игрой: за нѣсколько дней до офиціальнаго врученія запад-

[1]) Императоръ французовъ—«tres travaillé dans le sens des entreprises aventureuses». Непиръ Росселю 11 марта 1863 г.

[2]) Отрывокъ изъ неизданнаго письма къ Кузену у Ollivier, l. c. 305.

Въ подлинникѣ непереводимый каламбуръ: en cherchant une querelle d'allemand à la Prusse.

ными державами ихъ нотъ (5/17 апрѣля 1863) Александръ II даровалъ амнистію всѣмъ инсургентамъ, которые положатъ оружіе до 1 мая (высочайшій манифестъ 31 марта 1863 г.). Никто, какъ извѣстно, оружія не сложилъ, но Горчакову еще легче было разговаривать теперь съ «западными державами». Особенно вѣжливо и подробно отвѣтили Англіи. Русскій вице-канцлеръ и тутъ не воздержался отъ повторенія своего любимаго мотива насчетъ того, что польское возстаніе есть дѣло рукъ «партіи всесвѣтной революціи, всюду стремящейся къ низверженію порядка и нынѣ идущей къ той же цѣли не въ одной только Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ». Только интригами этой «партіи безпорядка» объясняется то, что данныя Польшѣ учрежденія—областныя и муниципальныя, которыя были «исходною точкой величія и благосостоянія самой Англіи»—не получили до сихъ поръ должнаго развитія. Но, несмотря на эти интриги, дарованное ни въ какомъ случаѣ не будетъ взято назадъ. Отвѣты тюльирійскому и вѣнскому кабинетамъ были гораздо короче и суше. Въ первомъ было не безъ насмѣшки: Горчаковъ заявлялъ, что русское правительство признаетъ вполнѣ тотъ принципъ «коллективнаго дѣйствія» въ польскомъ вопросѣ, который составлялъ юридическій базисъ выступленія трехъ западныхъ державъ. Основываясь на этомъ принципѣ, петербургскій кабинетъ и ожидаетъ, что Наполеонъ III окажетъ Россіи полное содѣйствіе въ дѣлѣ подавленія польскаго возстанія.

Недостатокъ реальной силы всегда стараются замаскировать шумомъ: желая придать своему выступленію характеръ «призыва къ порядку», обращеннаго къ русскому правительству «всей Европой», французскій императоръ повелъ съ собою въ дипломатическій походъ нѣчто въ родѣ «двунадесяти языковъ». Одновременно съ тремя великими державами въ Петербургѣ сдѣлали представленія въ пользу Польши Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и Турція. Наиболѣе логично было участіе послѣдней,—никогда не признававшей польскихъ раздѣловъ и въ свое время объявившей Россіи войну, формально, за первый изъ нихъ. Наиболѣе серьезно было выступленіе Швеціи, по англійскимъ свѣдѣніямъ, предлагавшей Наполеону 100.000 человѣкъ для высадки въ Курляндіи: именно враждебными намѣреніями Швеціи были, будто бы, обусловлены такія оборонительныя мѣры Россіи, какъ укрѣпленіе Кронштадта и т. п. [1]). Вполнѣ возможно, что Швеція дѣйствительно мечтала вновь подхватить возможность реванша Россіи за 1809 годъ,—возможность, упущенную ею во время Крымской войны, гдѣ она могла принять лишь платоническое участіе по совершенной своей военной неготовности [2]). Но ни она, ни Турція сами по себѣ не были страшны для политической комбинаціи, имѣвшей на своей сторонѣ, кромѣ реорганизованной послѣ Севастополя русской арміи, еще 250.000 прусскихъ штыковъ. Вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшался въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ, можетъ-быть, и хотѣли еще войны, но, во всякомъ случаѣ, не съ Россіей. Въ Лондонѣ также отнюдь не желали войны съ Россіей, но стремились какъ можно дальше завести ссору этой послѣдней съ Франціей. Россель предложилъ послать въ Петербургъ еще одну ноту съ болѣе конкретными требованіями, благоразумно отказываясь, въ то же время

---

[1]) См. Confidential Correspondence, стр. 278, 295, 315 и 336.

[2]) Трактатъ 21 ноября 1855 г. о союзѣ между Швеціей, Франціей и Англіей (каковой союзъ, впрочемъ, шведское правительство поспѣшило истолковать, какъ оборонительный) остался мертвой буквой.

связать себя, по отношенію къ тексту этой ноты, круговой порукой съ Франціей. Друэнъ-де-Люи (министромъ снова былъ онъ) настаивалъ на *тождественной* нотѣ всѣхъ трехъ «западныхъ державъ»: англичане согласились лишь на *одновременное* выступленіе съ австрійцами и французами, предоставивъ себѣ опредѣлить его форму, поскольку дѣло шло о нихъ. Смыслъ этого дипломатическаго трюка былъ въ томъ, чтобы позволить Россіи и отвѣтить отдѣльно каждой «противницѣ»,—что оказалось такъ удобно Горчакову въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Новая нота, переданная петербургскому кабинету 5/17 іюня 1863 г., предлагала созывъ конференціи державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ для рѣшенія польскаго вопроса на основѣ этого послѣдняго. Программу конференціи «западныя державы» резюмировали въ «шести пунктахъ»: первымъ изъ этихъ пунктовъ была *всеобщая амнистія*, пункты 2-й и 5-й сводились въ существѣ дѣла къ возстановленію конституціи Александра I, наконецъ, 6-й предусматривалъ отказъ русскаго правительства отъ рекрутскихъ наборовъ того типа, который послужилъ поводомъ къ возстанію (мотивъ, который англичане выдвигали съ самаго начала наравнѣ съ вѣнскими трактатами). Предварительнымъ условіемъ конференціи было прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Польшѣ путемъ заключенія перемирія, что подразумѣвало, конечно, признаніе инсургентовъ воюющей стороной. Такъ какъ это послѣднее было очевидно непріемлемо для русскаго правительства, то на этомъ пунктѣ англичане особенно настаивали: для нихъ самихъ отказъ Россіи былъ въ высокой степени безразличенъ, Францію же онъ ставилъ въ положеніе, при которомъ ни о какой «дружбѣ» съ Россіей болѣе не могло быть и рѣчи. Ожиданія Росселя вполнѣ сбылись. Ему Горчаковъ отвѣтилъ пространно по обыкновенію и по обыкновенію же вѣжливо: вся желчь излилась въ депешу къ русскому послу при тюльирійскомъ дворѣ. Въ этой депешѣ Парижъ прямо объявлялся уже центромъ и польской, и всесвѣтной революціи. Отвѣтомъ на «шесть пунктовъ» былъ категорическій отказъ: Россія соглашалась обсуждать польскій вопросъ только съ участницами дѣлежа, Австріей и Пруссіей. Въ частномъ разговорѣ съ французскимъ посломъ Александръ II пошелъ еще дальше,—повторивъ и передъ нимъ слова Николая I, которыя онъ когда-то вспоминалъ при Бисмаркѣ: «Почему бы намъ не избавиться отъ Польши, удержавъ за собой линію Вислы и бросивъ все остальное?» Франціи давалось понять, что если ей не нравится русская Польша, она можетъ получить прусскую, но независимой Польши она не увидитъ [1]).

Послѣдній отвѣтъ Горчакова Франціи, повидимому, нашли въ Лондонѣ достаточно удовлетворительнымъ. Отвѣтъ самой Англіи на русскую депешу былъ простой «распиской въ полученіи», указывавшей на явное нежеланіе «продолжать разговоръ», становившійся рѣшительно скучнымъ. Двумя мѣсяцами позже Россель сказалъ это всѣми словами: «Правительство ея величества не имѣетъ желанія продолжать переписку по этому вопросу изъ одного удовольствія спорить,—писалъ онъ Непиру 20 октября 1863 г.—Правительство ея величества удовлетворено увѣреніемъ императора Россіи, что онъ остается неизмѣнно доброжелательнымъ къ Польшѣ и примирительно настроеннымъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ». Передъ этимъ онъ

---

1) Разговоръ императора съ Монтебелло воспроизведенъ у Оливье, цит. соч., стр. 323—325 и у г. Charles-Roux «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III», pp. 355—356.

заявилъ публично, что, по его мнѣнію, котораго онъ всегда держался, «ни обязательства Англіи, ни ея честь не требуютъ, чтобы она вела войну изъ-за Польши». Дипломатическая кампанія кончилась тогда, когда она дала результаты, желательные или нежелательные, но единственно важные для ея участницъ: когда Франція убѣдилась, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ съ нею противъ Пруссіи— и потому стала усиленно, и не безъ потерь для собственнаго достоинства, искать дружбы этой послѣдней; когда для Англіи стало очевидно, что русско-французскаго союза болѣе не существуетъ и что франко-австрійскій не торопится занять его мѣсто. На ходъ польскаго возстанія весь этотъ бумажный шумъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія, при чемъ не приходится дѣлать исключенія даже для конвенціи Альвенслебена: дѣло было рѣшено исключительно соотношеніемъ матеріальныхъ силъ русской арміи, съ одной стороны, польскихъ «бандъ»,—съ другой. И если даже регулярная польская армія 1831 года послѣ геройскаго сопротивленія должна была положить оружіе, можно ли было ожидать для «бандъ» лучшей участи? Ихъ могло спасти только одно изъ двухъ—или революція въ Россіи, или вооруженное вмѣшательство Западной Европы. Польская демократія больше надѣялась на первую, аристократическіе «революціонеры поневолѣ» всего ждали отъ второго: обмануты были ожиданія и «красныхъ», и «бѣлыхъ». Наполеонъ III до конца былъ окруженъ извѣстнымъ ореоломъ въ глазахъ нѣкоторой части польской эмиграціи, воспринявшей вѣсть о Седанѣ, какъ вѣсть о *своемъ* окончательномъ пораженіи. Но если въ такомъ пониманіи дѣла было нѣчто исторически-чуткое, то эта чуткость выразилась въ правильномъ угадываніи связи между судьбами Польши, съ одной стороны, перипетіями «большой» европейской политики,—съ другой. Съ этой точки зрѣнія глубоко невѣрно ходячее опредѣленіе, что послѣ 1863 г. польскій вопросъ изъ международнаго становится «внутреннимъ дѣломъ Россіи, Австріи и Пруссіи». Если подъ «польскимъ вопросомъ» разумѣть отношеніе соотвѣтствующихъ правительствъ къ ихъ подданнымъ польскаго происхожденія, то это, конечно, такъ, и то съ оговорками, какъ сейчасъ увидимъ. Но и въ этомъ смыслѣ 1863 г. не составляетъ какой-либо грани, ибо Николай I считалъ свое отношеніе къ полякамъ, конечно, внутреннимъ русскимъ дѣломъ, какъ для Фридриха-Вильгельма III оно было внутреннимъ прусскимъ, для Меттерниха — внутреннимъ австрійскимъ. Если же разумѣть подъ «польскимъ вопросомъ» судьбы польскаго народа, то и послѣ 1863 года, какъ до него, опредѣляющимъ моментомъ для этихъ судебъ осталось *международное положеніе* восточной Европы въ первую голову, всей Европы вообще, въ концѣ-концовъ. Событія зимы 1916 — 1917 годовъ поставили эту истину внѣ всякаго спора, но на мелочахъ ее можно было бы демонстрировать и гораздо раньше. Въ исторіи познанскихъ поляковъ послѣ 1863 г. давно принято различать «эру Бисмарка» примѣрно 1873—1890 года отъ слѣдующей за нею «эры Каприви» (1890—1894): первая характеризуется попытками германизаціи, самыми упорными и «грандіозными», какія видала Познань съ начала вѣка, не исключая и «эры Флотвеля»; вторая въ глазахъ прусскихъ патріотовъ осталась синонимомъ «слабости» и торжества «польской интриги». Нужно сказать, что и та и другая подверглись огромному публицистическому преувеличенію на страницахъ соотвѣтствующей германской прессы. Колонизаціонныя попытки Бисмарка почти допускаютъ сравненіе съ русской «колонизаціей» въ Туркестанѣ, напримѣръ, если сравнивать достигнутые результаты, а не затраченныя

средства. На основаніи проведеннаго Бисмаркомъ закона 26 апрѣля 1886 г. перешло въ нѣмецкія руки по конецъ 1890 г. около 50 тысячъ гектаровъ польской земли, на которыхъ возникло около 1.000 новыхъ нѣмецкихъ хозяйствъ, что составляетъ около $^1/_{60}$ всей площади Познани и немного болѣе $^1/_{100}$ нѣмецкаго населенія провинціи, а стоила эта забава болѣе 30 милліоновъ марокъ [1]). Другія мѣры—главнымъ образомъ изгнаніе польскаго языка изъ народной школы—носили болѣе характеръ тупого національстическаго издѣвательства, нежели серьезной политической мѣры. Никогда Бисмаркъ не опускался ниже, какъ въ тѣ минуты, когда онъ шелъ въ фарватерѣ классовой юнкерской политики. Тѣмъ не менѣе, послѣдующая эпоха все же является отчетливымъ шагомъ назадъ на этомъ пути, былъ онъ разуменъ и достигалось на немъ что-либо или нѣтъ,—все равно. Если въ промежуткѣ 1886—88 годовъ «колонизаціонная комисеія» покупала ежегодно въ среднемъ по 11.000 гектаровъ польской земли,—къ 1895 году эта средняя упала до 911 гект. Наличность «уступокъ» въ другихъ областяхъ признаютъ и польскіе писатели. «Правительство Каприви,—говоритъ г. Дмовскій,—вступило по отношенію къ нимъ (полякамъ) на путь политики примиренія, и Вильгельмъ II сталъ стараться очаровать ихъ лично. Гнѣзно-Познанскимъ архіепископомъ былъ назначенъ полякъ, аббатъ Стаблевскій (на мѣсто умершаго Диндера, перваго нѣмецкаго епископа Познани); въ школахъ были сдѣланы кое-какія уступки польскому языку, и кондуктора стали по-польски выкрикивать названія желѣзнодорожныхъ станцій» («Польскій вопросъ», франц. изданіе, стр. 91). И причину этого цитируемый авторъ опредѣляетъ совершенно правильно: «Германія, — говоритъ онъ, — такъ *вѣрила въ возможность близкой войны*, что она считалась съ нею и начинала обнаруживать большую мягкость въ отношеніи къ полякамъ... Само собою разумѣется, что этотъ періодъ флирта былъ очень коротокъ; онъ кончился, какъ только улучшились немного отношенія къ Россіи». Г. Дмовскій удивляется, что Россія въ этомъ случаѣ не подражала Пруссіи: но именно поведеніе Россіи Александра III и служитъ превосходнымъ «контрольнымъ опытомъ». Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ эти годы (1891—94) угрозой европейскому миру былъ вопросъ о русско-французской военной конвенціи, долженствовавшей дать практическую форму франко-русскому, пока только принципіальному, соглашенію (27 августа 1891 г.). И вотъ, въ то время, какъ французское правительство всячески торопило съ этой конвенціей, прибѣгая даже къ совсѣмъ интимнымъ путямъ, въ родѣ хлопотъ черезъ Рачковскаго, Александръ III оставался твердъ и не спѣшилъ связать себя опредѣленными обязательствами, пока длился русско-германскій таможенный конфликтъ. Только когда отношенія къ Германіи снова наладились, и *реальный* поводъ для войны исчезъ, конвенція была подписана [2]). Россія *не* хотѣла воевать и знала, что пока она не хочетъ, войны не будетъ; Германія же, цѣня слишкомъ высоко силу французскаго вліянія въ Петербургѣ, къ войнѣ готовилась.

Въ іюлѣ 1914 года грозовая туча, четверть столѣтія висѣвшая надъ Европой, наконецъ, разразилась. Зная предыдущее, можно было

---

[1]) Geffcken, цит. соч., стр. 114. Всего съ 1886 по 1911 г. въ Познани было экспропріировано около 112 тыс. гект. польской земли, а число колонистовъ дошло до 150.000, но они были поселены б. ч. *на нѣмецкихъ же* земляхъ. См. Бюловъ—«Герм. политика» (франц. изд.), стр. 306.

[2]) Обо всемъ этомъ подробно разсказалъ Фрейсинэ. См. его Souvenirs (1878—1893), 4-me édit, глава XV.

бы удивляться, если бы польскій вопросъ не возникъ съ первымъ же ударомъ грозы. Кое въ чемъ онъ явился даже ея предвѣстникомъ: исторія съ польскимъ языкомъ въ мѣстномъ самоуправленіи русской Польши почти до фотографичности напоминаетъ «эру Каприви» въ сосѣдней Познани. Но судьба вопроса зависѣла отъ того, въ чьихъ рукахъ окажутся «грозныя позиціи». Переходъ ихъ къ Германіи автоматически воскрешалъ проектъ Бисмарка 1863 года, ибо объективное положеніе вещей оставалось то же самое. Аннексія 10 милліоновъ поляковъ «Царства» означала созданіе въ прусскомъ ландтагѣ—и въ германскомъ рейхстагѣ—огромнаго польскаго крыла: своего рода превращенія Пруссіи въ Австрію. Но примѣръ австрійскаго рейхсрата былъ слишкомъ живъ передъ глазами, чтобы какому-нибудь разумному человѣку могла явиться мысль о повтореніи опыта. «Особое королевство» представлялось единственнымъ выходомъ: и подражаніе Александру I пошло такъ далеко, что дѣло сейчасъ же не обошлось и безъ «авангарда», только тогда онъ смотрѣлъ на западъ, а теперь на востокъ.

Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній.

I. Россія и Пруссія передъ Крымской войной.

I.

Германская политика Николая I, обыкновенно, менѣе всего останавливала на себѣ вниманіе русскихъ историковъ. Въ центрѣ этого вниманія всегда стояли ближневосточныя отношенія Николая Павловича. Предпочтеніе совершенно естественное: восточный вопросъ является становымъ хребтомъ всей внѣшней политики этого царствованія, начавшагося Наваринской битвой и Адріанопольскимъ миромъ и окончившагося Силистріей и Севастополемъ. Естественно было все, что находится въ промежуткѣ, разсматривать, какъ послѣдствіе первыхъ и подготовку послѣднихъ. Лишь постепенно должно было выясниться, что Востокъ былъ только театромъ конфликта, главнымъ же антагонистомъ николаевской Россіи была самая западная изъ европейскихъ державъ, Англія, столкновеніе съ которой могло такъ же удобно произойти по поводу Аѳганистана, какъ и по поводу Турціи. Нѣтъ сомнѣнія, что Николай желалъ овладѣть Константинополемъ, но это вовсе не означало, что военныя дѣйствія, направленныя къ этой цѣли, должны были вестись непремѣнно на Балканахъ. Двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти этого государя, талантливѣйшій изъ русскихъ генераловъ второй восточной войны находилъ, что путь къ Цареграду всего удобнѣе искать черезъ Гиндукушъ, ибо, увидавъ русскихъ на границахъ Индіи, Англія отдастъ не только Константинополь, а и гораздо болѣе. Восточная политика Николая Павловича была лишь однимъ изъ аспектовъ его *экономической* политики, которая давала одинаковые результаты всюду, гдѣ она примѣнялась: на берегахъ Вислы и Нѣмана точно такъ же, какъ на берегахъ Дуная или Чернаго моря. Названіе «русско-прусскій конфликтъ при Николаѣ I» показалось бы слишкомъ страннымъ читателю, воспитанному на общихъ схемахъ русской дипломатической исторіи: только это и помѣшало намъ поставить его въ заголовкѣ настоящей статьи. Но тѣ, кто дочитаетъ ее до конца, согласятся, вѣроятно, что оно не было бы ни слишкомъ смѣлымъ, ни слишкомъ новымъ; нужно прибавить: вопросъ былъ уже достаточно освѣщенъ въ книгахъ, вышедшихъ въ 90-хъ, отчасти даже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Обычная схема русско-прусскихъ отношеній 30—50-хъ гг. такова: какъ на востокѣ главнымъ объективомъ политики Николая I былъ Константинополь, такъ на западѣ такимъ былъ Парижъ, не потомъ

что бы наслѣдникъ Александра I хотѣлъ повторить завоевательный походъ 1814 г., а потому, что въ Парижѣ, то слабо тлѣя, то ярко вспыхивая, но никогда не угасая вполнѣ, горѣлъ огонь всеевропейской революціи; а борьба съ революціоннымъ пожаромъ была главной изъ задачъ, доставшихся въ наслѣдство Николаю отъ его предшественника. Союзницами русскаго императора въ его борьбѣ со зловреднымъ «духомъ времени» были консервативныя державы центральной Европы, Австрія и Пруссія, особенно Пруссія, отношенія съ которою были исключительно тѣсными и близкими, благодаря родственнымъ связямъ царствующихъ домовъ: русская императрица была дочерью и сестрой прусскаго короля. Въ пользу такого пониманія русско-прусскихъ отношеній можно привести сколько угодно цитатъ, самыхъ подлинныхъ, какихъ только можно пожелать. Въ 1850 г., послѣ двадцати пяти лѣтъ царствованія, Николай писалъ своему шурину, Фридриху Вильгельму IV: «Оставаясь вѣрнымъ началамъ въ Бозѣ почившаго моего брата, императора Александра, и его вѣрнаго друга, покойнаго короля — Вашего отца, я... ничего болѣе не дѣлалъ, какъ—*продолжалъ*». А о своихъ отношеніяхъ къ этому покойному королю, своему тестю, Николай Павловичъ, за семнадцать лѣтъ передъ этимъ, однажды выразился такъ: «Король знаетъ мои къ нему чувства; они составляютъ въ продолженіе двадцати лѣтъ мою жизнь и мое счастье; онъ *мой отецъ* и *я его сынъ*. Вотъ въ одномъ словѣ все, что я могу сказать ему наиболѣе сильнаго и наиболѣе искренняго» [1]).

Казалось бы, что можетъ быть убѣдительнѣе? И, однако же, въ промежуткѣ между двумя этими изъявленіями чувства и мыслей, столь категорическими, мы встрѣчаемъ слова, вышедшія изъ-подъ того же пера (или карандаша: Николай, съ характерной для него стремительностью, чаще пользовался послѣднимъ) и дающія, какъ французы выражаются, «другой звукъ колокола». «Дѣла въ Пруссіи идутъ такъ, что невозможно ни понять ихъ, ни угадать, что изъ этого выйдетъ,—писалъ императоръ Паскевичу 26 дек. 1842 г.—Безпорядокъ, путаница и противорѣчія достигаютъ крайняго предѣла. Зависть или ревность по отношенію къ намъ увеличиваются ежедневно. Словомъ, крайне тяжело слышать, что говорится, и читать объ этомъ. *Болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо имѣть съ ними* (пруссаками) *возможно меньше сношеній*, но въ тоже время нужно быть готовыми ко всему, избѣгая того, что можетъ ихъ раздражить». «Удвоенная ненависть нѣмецкой печати къ Россіи,—писалъ онъ же недѣлей позже,—вызвана необъяснимымъ поведеніемъ Пруссіи. Ея непослѣдовательность, ея легкомысліе, ея непонятныя противорѣчія всѣхъ приводятъ въ отчаяніе! Спрашиваешь себя, куда это приведетъ?..» Но когда писались эти письма [2]), могутъ намъ возразить, на прусскомъ престолѣ сидѣлъ уже Фридрихъ Вильгельмъ IV, не пользовавшій довѣріемъ своего зятя именно со стороны прочности консервативныхъ убѣжденій: а это было самое главное! Притомъ же отрицательные отзывы относятся не къ человѣку, а къ заведеннымъ имъ порядкамъ. Можно любить и даже уважать кого-нибудь, и все же находить поступки даннаго лица нераціональными: хотя, нужно прибавить, трудно уважать человѣка, по отношенію къ которому рекомендуешь тактику психіатрической лѣчебницы. Характернѣе, что и личныя отношенія, притомъ въ предыдущее

[1]) «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключ. Россіей съ иностр. державами», т. VIII, предисл. Ф. Мартенса, стр. V и III.

[2]) *Щербатовъ*, «Ген.-фельдм. кн. Паскевичъ», т. V стр. 204 и 215 франц. перевода.

царствованіе, когда на прусскомъ престолѣ былъ еще тотъ, кого Николай I называлъ своимъ «отцомъ», далеко не отличались интимностью, и въ особенности взаимнымъ довѣріемъ. Когда (все въ томъ же 1833 г., къ которому относится знакомое намъ изъявленіе сыновнихъ чувствъ) Николай Павловичъ ѣхалъ въ Австрію, въ Мюнхенгрецъ, подновлять священный союзъ, сильно нуждавшійся въ ремонтѣ, онъ заѣзжалъ въ гости къ своему тестю, въ Шведтъ. Задушевной мыслью императора было устроить съѣздъ всѣхъ трехъ государей, охранявшихъ «традиціи законности» отъ «духа времени». Но прусскій король заблаговременно уклонился отъ этого съѣзда, выставивъ предлогъ, въ глазахъ его зятя несокрушимый: необходимость присутствовать именно въ это самое время на маневрахъ. Уважая силу этого аргумента, русскій государь не могъ, однако же, вполнѣ освободиться отъ нѣкоторыхъ подозрѣній, и въ Шведтѣ потребовалъ, чтобы его сопровождалъ въ Австрію, по крайней мѣрѣ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, къ маневрамъ отношенія не имѣющій. Каково же было его удивленіе, когда этотъ министръ, Ансильонъ, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, мотивировавъ послѣдній тѣмъ, что поѣздка въ Мюнхенгрецъ представителя Фридриха Вильгельма III «несовмѣстима съ достоинствомъ прусской короны». Трудно изобразить негодованіе Николая Павловича, когда онъ услыхалъ подобныя вещи. Сомнѣваться въ недоброжелательствѣ прусскаго кабинета болѣе не было возможности. Оставалось выяснить, пользуется ли этотъ кабинетъ довѣріемъ своего государя. Но это было не такъ-то легко. Король—тесть «избѣгалъ всякихъ серьезныхъ разговоровъ съ императоромъ, встрѣчался съ нимъ только въ семейномъ кругу и, обнаруживая по отношенію къ нему самыя нѣжныя отеческія чувства, тщательно уклонялся отъ бесѣдъ на политическія темы». Николай былъ такъ огорченъ всѣмъ этимъ, что даже захворалъ. А, вернувшись въ Россію, при первомъ же случаѣ показалъ, что онъ помнитъ пережитыя огорченія. Когда, за парадnымъ обѣдомъ въ день рожденія одного изъ членовъ прусской королевской фамиліи, пили за здоровье послѣдняго, Николай обернулся къ сосѣднему рядомъ съ нимъ Орлову и громко сказалъ: «А я, генералъ, пью за ваше здоровье». У императрицы Александры Ѳедоровны слезы навернулись на глазахъ... [1]).

Слуги часто обнаруживаютъ чувства своихъ господъ гораздо рѣзче, чѣмъ сами эти послѣдніе. Десять лѣтъ спустя послѣ этой сцены, именно Орловъ, вновь сопровождавшій своего государя въ одной изъ безчисленныхъ его поѣздокъ въ Берлинъ, писалъ оттуда Паскевичу: «Имѣю честь вамъ доложить, что насъ осыпаютъ любезностями и приглашеніями; по внѣшности все превосходно, но я не отвѣчаю за то, что есть на сердцѣ: они, кажется, боятся, какъ бы мы ихъ не бросили совсѣмъ(!). Вчера былъ смотръ, сегодня ученье. Имъ нечему насъ учить, ихъ новая форма театральна, настоящій маскарадъ... Съ упраздненіемъ прежняго мундира исчезли послѣднія воспоминанія объ ихъ славѣ» [2]). Разсужденія этого человѣка, отождествлявшаго военную славу съ покроемъ мундира, можно счесть простодушными: нужно, однако, вспомнить, что не кто другой, какъ Орловъ, заключалъ Хункіаръ—Искелесскій договоръ, едва не отдавшій столь знаменитые нынѣ проливы въ руки Россіи, и что онъ же представлялъ потомъ Россію на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., гдѣ его можно было обвинить въ чемъ угодно,

---

[1]) Schiemann, Geschichte Russlands u. Kaiser Nikolaus I, B. III. S. 233—4 и 243.
[2]) *Щербатовъ*, ibid. 224—5.

только не въ простодушіи. Но у насъ есть гораздо болѣе систематическія изъявленія чувствъ того же рода, вышедшія изъ-подъ пера человѣка, если и не геніальнаго, то ужъ, конечно, не простодушнаго: министра иностранныхъ дѣлъ Николая I, гр. Нессельроде. Письма этого послѣдняго къ бар. Мейендорфу, когда тотъ былъ посломъ въ Берлинѣ [1]), представляютъ собою въ высшей степени любопытную коллекцію отзывовъ и характеристикъ, какія давалъ этотъ довѣреннѣйшій человѣкъ русскаго императора ближайшимъ «друзьямъ» Россіи. Одно изъ первыхъ же писемъ въ этомъ ряду сообщаетъ намъ, какъ нѣчто «безспорное и неподлежащее сомнѣнію», что «пруссаки имѣютъ особенный талантъ портить самыя лучшія дѣла; имъ нельзя даже сдѣлать подарокъ, —они и тутъ найдутъ средство принять его съ надутымъ видомъ и подлить уксусу даже туда, гдѣ медъ течетъ черезъ край» (письмо отъ 21 іюля 1842 г.). Одно изъ позднѣйшихъ говоритъ объ августѣйшемъ шуринѣ его императорскаго величества: «Нашъ добрый прусскій король не перестаетъ дѣлать, говорить и писать глупости, отравляя тѣмъ существованіе намъ обоимъ—и мнѣ, и императору» (письмо отъ 25 ноября 1850 г.) Въ промежуткѣ мы узнаемъ, что «наши пруссаки, какими бы архи-интеллигентными они себя ни считали, въ дѣйствительности замѣчательно неловки и абсолютно лишены такта»; что они «гроппевяки (grippe-sous)», неспособные оцѣнить благородства русскаго государя, и что съ ними нужно «торговаться, какъ съ евреями»; что ихъ надменность «не знаетъ болѣе границъ»; то же самое, ядовито прибавляетъ Нессельроде, «было наканунѣ Іены». Все это достойно завершается вздохомъ сожалѣнія, что въ Петербургъ не ѣдетъ ни одинъ изъ австрійскихъ генераловъ (дѣло было послѣ Венгерской кампаніи, —Мейендорфъ былъ въ это время посломъ уже въ Вѣнѣ). «Мы видимъ, увы! только пруссаковъ; вотъ еще какой-то генералъ Грабовъ пріѣхалъ поздравлять съ юбилеемъ» (двадцатипятилѣтіемъ царствованія Николая Павловича—письмо отъ 19 дек. 1850 г.).

Чтобы воспроизвести этотъ тонъ, пришлось бы дѣлать выписки чуть не изъ каждаго письма; онъ выдержанъ безподобно—совершенно ясно, что все это шло отъ души: притворяться нужда заставляла иногда въ противоположномъ направленіи. Если бы переписка Нессельроде съ Мейендорфомъ попала въ руки человѣка, ничего не знающаго о «традиціонной дружбѣ» Россіи и Пруссіи, онъ неизбѣжно заключилъ бы, что рѣчь идетъ о самомъ непріятномъ сосѣдѣ имперіи Николая I. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ»,—говоритъ пословица. Какъ относился самъ этотъ сосѣдъ къ Россіи? Мы видѣли, что Орловъ не чувствовалъ никакого довѣрія къ прусскимъ симпатіямъ. Нессельроде въ одномъ изъ писемъ идетъ гораздо дальше: *«ненависть противъ насъ Пруссіи* дошла до размѣровъ настоящаго безумія» (est devenue un veritable vertige), читаемъ мы въ письмѣ къ Мейендорфу отъ 14 января 1843 г. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ Австрія «изумила міръ неблагодарностью» въ 1854 г. Далеко менѣе широко извѣстно, что Пруссія имѣла всѣ шансы

---

[1]) «Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode (1760—1856), extraits de ses archives etc. avec une introduction par le comte A. de Nesselrode», Paris (sans année), A. Lahure, edit. vol. I—IX. Фактически изданіе выходило между 1908—1912 гг. И рецензенты, и самъ издатель согласны въ томъ, что изданіе не сообщило ни одного факта, абсолютно новаго: что и неудивительно, ибо Нессельроде передъ смертью передалъ хранившіяся у него секретныя политическія бумаги изъ рукъ въ руки имп. Александру II. Оставшаяся частная переписка (изъ которой опять-таки кое-что было сожжено старымъ канцлеромъ передъ смертью, а кое-что и гораздо ранѣе, немедленно по прочтеніи) даетъ, тѣмъ не менѣе, драгоцѣнный матеріалъ для характеристики *настроеній* николаевской дипломатіи.

«изумить міръ» лишь чуть-чуть въ болѣе слабой степени, если бы были опубликованы нѣкоторые документы, секретные въ свое время, и до сихъ поръ извѣстные лишь изъ вторыхъ рукъ. Уже въ самомъ началѣ кризиса, приведшаго къ Севастополю, у Нессельроде являлись сомнѣнія относительно политической позиціи, которую займетъ Пруссія. «Если Австрія выступитъ, въ самомъ дѣлѣ, противъ насъ, писалъ онъ 3 марта 1854 г., надо посмотрѣть, что сдѣлаетъ Пруссія. Тамъ противъ насъ сильная партія, во главѣ которой находится принцъ прусскій [1])» (horreur des horreurs! не могъ онъ не прибавить: такъ чудовищна ему показалась эта комбинація — брата русской императрицы во главѣ сторонниковъ войны съ Россіей). «Король, Герлахъ, армія превосходны» успокаиваетъ себя глава русской дипломатіи: «и даже Мантейфель (прусскій министръ иностр. дѣлъ) лучше, чѣмъ его изображаетъ Будбергъ» (русскій посолъ). Но относительно Мантейфеля черезъ недѣлю пришлось разочароваться: «Мантейфель сдѣлался по отношенію въ намъ хуже, чѣмъ Буоль (австрійскій министръ). Что вы хотите: неблагодарность на очереди дня...» (9 марта того же г.). Въ европейской литературѣ давно уже имѣются сообщенія, что послѣдній ударъ Россіи, заставившій ее пойти въ Парижъ просить прощенія у Европы, нанесла, собственно, не столько Австрія, сколько Пруссія. Австрійскій ультиматумъ, быть можетъ, былъ бы еще отвергнутъ, если бы одновременно съ нимъ не явилось въ Петербургъ частное письмо Фридриха Вильгельма IV имп. Александру II, неоставлявшее надежды не только на поддержку, но даже на нейтралитетъ Пруссіи. Изложимъ дѣло словами одного автора, уже весьма не новаго (его книга вышла, первымъ изданіемъ, въ 1888 г.), но имѣющаго ту цѣну, что онъ былъ почти очевидцемъ событій. «Кризисъ приближался къ концу. Языкъ, которымъ говорили гр. Эстергази и, въ особенности, лордъ Блумфильдъ (австрійскій и англійскій послы въ Берлинѣ), произвелъ свое дѣйствіе. Король былъ чрезвычайно встревоженъ; онъ видѣлъ уже Пруссію изолированной, блокированной, исключенной изъ числа державъ, которыя воспользуются благами мира, онъ не могъ утѣшиться, что послушался совѣтниковъ, рекомендовавшихъ ему держаться въ сторонѣ. Психологическій моментъ наступилъ, министръ (Мантейфель) на лету схватилъ случай устранить послѣднія сомнѣнія своего государя и доставить торжество идеѣ вмѣшательства. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ героическое рѣшеніе: онъ написалъ настоятельное письмо императору Александру и приказалъ своему послу оффиціально объявить гр. Нессельроде, что, если Россія отвергнетъ формулированныя Австріей условія мира, онъ (прусскій посолъ) будетъ поставленъ въ печальную необходимость уѣхать изъ Петербурга. Всѣ шансы новаго поворота счастья, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, исчезли для Россіи...» [2]).

Русскій историкъ событій, проф. Мартенсъ [3]), категорически опровергаетъ эту версію; но его главный доводъ — отсутствіе въ доступномъ *ему* матеріалѣ соотвѣтствующаго документа — есть явное недоразумѣніе: странно было бы искать интимной переписки государей въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Авторъ же выписанныхъ выше строкъ былъ во время Крымской войны секретаремъ французскаго посольства въ Берлинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошимъ личнымъ знакомымъ Мантейфеля, — стало быть, имѣлъ всю возможность знать то, о чемъ говорилъ.

---

1) Будущій императоръ Вильгельмъ I.
2) G. Rothan. «La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée», p. 240.
3) См. Собраніе трактатовъ etc., т. VIII, стр. 458.

Онъ не ограничивается приведенной нами общей характеристикой; онъ приводитъ детали, отчасти опирающіяся на документы, и въ томъ числѣ такую, какъ выработка прусскимъ штабомъ, совмѣстно съ австрійскимъ, плана кампаніи противъ Россіи [1]). Правда, за слишкомъ большую конкретизацію этого плана (были намѣчены командующіе генералы, сплошь изъ анти-русской партіи) военный министръ фон-Бонинъ получилъ отставку: нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ IV все время подвергался давленію съ двухъ сторонъ. Но что въ концѣ 1855 г. надъ нимъ взяла верхъ сторона враждебная Россіи, это подтвердили новѣйшія разысканія во французскихъ архивахъ. Франція была очень недовольна тѣмъ, что Пруссія не согласилась формально выступить, какъ ея союзница, подобно Австріи (проектъ союзнаго франко-прусскаго договора былъ готовъ уже въ январѣ 1855 г.), отсюда отношеніе французской дипломатіи къ прусской было чрезвычайно скептическое. Тѣмъ цѣннѣе указаніе, находящееся въ одной депешѣ французскаго посла въ Берлинѣ, маркиза Мустье, что, по оффиціальному заявленію, сдѣланному послу Мантейфелемъ, въ Петербургъ было отправлено письмо «очень энергичное, совсѣмъ не въ томъ тонѣ, котораго мы обычно держимся» [2]). Мустье этого было мало—ему нужно было, чтобы не письмо Фридриха-Вильгельма пошло въ Петербургъ, а его армія пошла къ русской границѣ. Но въ Петербургѣ считали себя въ правѣ разсчитывать на появленіе прусской арміи на Рейнѣ, противъ Франціи—и «слишкомъ слабое», по мнѣнію французовъ, письмо могло произвести въ русскихъ сферахъ впечатлѣніе громового удара.

Изъ воспоминаній Бисмарка мы знаемъ, что партія, подъ вліяніемъ которой находился будущій Вильгельмъ I, имѣла въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ раздѣлъ Россіи. Никогда не имѣла такого жгучаго интереса эта страница воспоминаній, какъ въ наши дни. Россія должна была потерять «остзейскія губерніи, со включеніемъ Петербурга,—онѣ должны были отойти къ Пруссіи и Швеціи,—всю область бывшей польской республики въ ея максимальныхъ предѣлахъ, при чемъ оставшееся должно было быть раздѣлено на двѣ части—Великоруссію и Малороссію» [3]). Самъ Вильгельмъ представлялъ себѣ задачи прусскаго вмѣшательства иначе. Онъ говорилъ Бисмарку, вызванному изъ Франкфурта въ Берлинъ въ роли какъ бы третейскаго судьи между антирусской и руссофильской партіями: «выскажитесь такъ, какъ требуетъ не только европейское положеніе, но и правильно понятая дружба къ Россіи. Россія вызываетъ противъ себя на бой всю Европу и въ концѣ-концовъ погибнетъ. Всѣ эти великолѣпныя войска (это было послѣ неудачныхъ для русскихъ сраженій подъ Севастополемъ), всѣ наши друзья, которые тамъ остались, были бы еще живы, если бы мы во-время вмѣшались и принудили Россію къ миру». «Можетъ кончиться тѣмъ, что Россія, нашъ старый другъ и союзникъ, будетъ уничтожена или пострадаетъ. Задача, возложенная на насъ провидѣніемъ, состоитъ въ томъ, чтобы властно (dictatorisch) возстановить миръ и спасти нашего друга, хотя бы противъ его воли» [4]). Но не нужно забывать, что Бисмаркъ былъ однимъ изъ столповъ руссофильской политики, и что принцу прусскому трудно было бы привлечь его на свою сторону проектами разгрома и раздѣла Россіи. сколько было въ словахъ Вильгельма искренности и

[1]) см. Rothan. p. 126.
[2]) Fr. Charles-Roux. «Alexandre Cortchakoff et Napoléon III»; P. 1913, P. 69.
[3]) «Gedanken u. Erinnerungen» I, 110.
[4]) Ibid. 113—4.

сколько дипломатіи, рѣшить не такъ легко. Бисмаркъ даетъ понять, что подъ его вліяніемъ антирусская интрига потерпѣла крушеніе (передъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франкфуртѣ онъ выставлялъ свою заслугу еще опредѣленнѣе, чѣмъ сдѣлано это въ мемуарахъ). Эта самооцѣнка будущаго канцлера вполнѣ, и даже не безъ жара, подтверждается русскимъ историкомъ событій: изъ обнародованныхъ донесеній Бисмарка, говоритъ проф. Мартенсъ, «видно, что представитель Пруссіи энергическимъ образомъ боролся противъ австрійскаго вліянія и поддерживалъ постоянно интересы Россіи» [1]). За свой образъ дѣйствій Бисмаркъ удостоился оффиціальнаго выраженія «искренней признательности» еще со стороны императора Николая I. Тѣмъ любопытнѣе посмотрѣть, что же именно этотъ патентованный руссофилъ предлагалъ своему королю вмѣсто войны съ Россіей. Когда Пруссія и Австрія заключили между собою оборонительный союзъ (20 апрѣля 1854 г.),—направленный противъ Россіи, само собою разумѣется,—«я,—разсказываетъ Бисмаркъ, считалъ возможнымъ сосредоточить въ Силезіи не 66.000 чел. (цифра, условленная договоромъ), а 100 или даже 200 тысячъ, такъ, чтобы наши войска были въ состояніи съ одинаковою легкостью перейти русскую или австрійскую границу». «Съ 200.000 чел. его величество моментально сталъ бы хозяиномъ всего европейскаго положенія, продиктовалъ бы условія мира и доставилъ бы Пруссіи достойное ея положеніе въ Германіи». Бисмаркъ совершенно опредѣленно подчеркиваетъ далѣе, что стать на сторону Россіи или на сторону Австріи вполнѣ зависѣло бы отъ обстоятельствъ: «обѣ арміи (австрійская и русская) уравновѣшивали другъ-друга, и для Пруссіи было возможно своимъ содѣйствіемъ дать перевѣсъ той или другой изъ нихъ». По словамъ автора мемуаровъ, Фридрихъ Вильгельмъ былъ живо затронутъ убѣжденнымъ тономъ своего совѣтника, но основное качество этого государя—нерѣшительность—взяло верхъ. Выслушавъ до конца, онъ разсмѣялся и сказалъ на берлинскомъ діалектѣ: «Все это прекрасно, милый мой, только мнѣ не по карману. Такіе удары могъ бы наносить Наполеонъ, а не я» [2]). Если бы добродушный король дожилъ до нашихъ дней, онъ убѣдился бы, что вовсе не нужно быть Наполеономъ, чтобы торговать своимъ нейтралитетомъ. Но въ 1854 г. люди были еще наивны.

Мы видимъ, что если русское правительство оффиціально восхваляло потомъ поведеніе прусскаго во время севастопольской войны [3]), то это было не столько данью исторической истинѣ, сколько результатомъ того, необычайно тугого, положенія, въ какое попала Россія въ 1856 г. Нужно было сохранить для себя—и другихъ—иллюзію, что у насъ все же есть «вѣрные союзники» Но сами «вѣрные союзники» были свободны отъ всякихъ иллюзій. «Я, какъ и вы, убѣжденъ, что Россія не дѣлаетъ никакихъ серьезныхъ усилій,чтобы обезпечить наше участіе въ конференціи»,—писалъ Бисмаркъ Мантейфелю по поводу допущенія Пруссіи на Парижскій конгрессъ (письмо отъ 16 февраля 1856 г.). «Изъ разговоровъ съ Бруновымъ (русскимъ уполномоченнымъ) я вижу, что наше исключеніе было бы болѣе на руку русской дипломатіи, чѣмъ наше допущеніе». Оффиціальный историкъ этой дипломатіи можетъ сколько угодно возмущаться «мнѣніемъ» французскихъ авторовъ, аналогичнымъ мнѣнію Бисмарка: фактъ, что Пруссія попала въ 1856 г. въ Парижъ по приглаше-

[1]) «Собраніе Тракт. и Конвенцій». VIII 4400 сл. Какъ извѣстно, изданные въ этомъ сборникѣ документы сопровождаются обширными комментаріями проф. Мартенса.
[2]) «Gedanken u. Erinnerungen», 97 и сл.
[3]) Мартенсъ, ibid. с. VIII.

нію, весьма сухому сначала, позже слегка подсахаренному, Франціи, а не Россіи. И не менѣе фактъ, что тотчасъ послѣ конгресса «руссофилъ» Бисмаркъ, не устававшій научать своего короля энергической внѣшней политикѣ, предлагалъ начать новую эру съ самаго энергическаго натиска въ сторону Даніи, съ цѣлью отобрать у послѣдней Голштинію и Шлезвигъ: т.-е. съ продолженія того, что едва не довело Россію и Пруссію до войны въ 1848—50 г.[1]).

Датско-прусскій споръ 1848—1850 г. по формѣ возникъ изъ государственно-правового кризиса, вопроса, во-первыхъ, о престолонаслѣдіи, во-вторыхъ, о конституціи въ самой Даніи, съ одной стороны, въ династически связанныхъ съ датскою короной Шлезвигѣ и Голштиніи—съ другой. По существу это было столкновеніе двухъ національностей, одинаково выросшихъ на почвѣ движенія, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго была германская революція 1848 г. Объектомъ борьбы былъ Шлезвигъ, когда-то безусловно датскій, въ концѣ среднихъ вѣковъ сильно колонизованный нѣмцами, но сохранившій мѣстами сплошное датское населеніе, на сѣверѣ даже преобладавшее. Непосредственнымъ конкурентомъ Даніи была, сплошь нѣмецкая, Голштинія, но на сторонѣ послѣдней было общественное мнѣніе всей Германіи, уже за нѣсколько лѣтъ до открытаго конфликта высказывавшееся весьма опредѣленно (резолюція баденскихъ палатъ въ 1846 г.). Соціальный строй Голштиніи, подобно всѣмъ сѣверо-нѣмецкимъ землямъ, былъ аристократическій: во главѣ анти-датскаго движенія были старые сословные «чины». Въ Даніи, наоборотъ, рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ буржуазіи, и датская конституція 1848 г., которую датскіе націоналисты твердо рѣшили провести и въ Шлезвигѣ, носила опредѣленно выраженный демократическій отпечатокъ. Императору Николаю I, повидимому, должны были быть одинаково антипатичны оба движенія: нѣмецкое, потому что оно являлось отзвукомъ «преступной идеи», какъ выражалась одна тогдашняя оффиціальная бумага,—идеи объединенія Германіи; датское, потому что оно было буржуазно-демократическимъ. Онъ, казалось бы, долженъ былъ занять по отношенію къ спору нейтральное положеніе, болѣе дружественное въ сторону нѣмцевъ, во-первыхъ, въ силу своихъ прусскихъ симпатій, во-вторыхъ, потому, что здѣсь были, какъ-никакъ, дворяне, а тамъ адвокаты и лавочники. На самомъ дѣлѣ, Николай сталъ рѣшительно на сторону датчанъ, оказавъ имъ вооруженную поддержку на морѣ, и не оказавъ на сушѣ только въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ: тогда какъ вождя голштинскихъ «инсургентовъ», бывшаго прусскаго генерала фонъ-Виллизена, онъ очень желалъ видѣть повѣшеннымъ; поддержка же, оказанная «инсургентамъ» Пруссіей, едва не повела къ русско-прусской войнѣ.

Чтобы объяснить такую, далеко не само собою разумѣющуюся, позицію русскаго правительства въ шлезвигъ-голштинскомъ кризисѣ 1848—50 гг., русскій историкъ довольствуется обычнымъ клише: Николай Павловичъ видѣлъ въ голштинцахъ «бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ законнаго своего государя, короля датскаго» [2]). О стоявшей за спиной этого короля датской буржуазіи, съ ея демократическими настроеніями, русскій государь, какъ-будто, такимъ образомъ, ничего не вѣдалъ; о конституціонномъ спорѣ, породившемъ въ свое время цѣлую литературу, онъ не подозрѣвалъ, и ему казалось, должно быть, не вызывающимъ сомнѣній, что «право» именно

---

[1]) Мартенсъ, ibid. 458; Rothan, гл. XXV—XXVIII и приложеніе p. 391.
[2]) Мартенсъ, цит. соч., стр. 374.

на сторонѣ копенгагенскихъ революціонеровъ. Такое объясненіе годится болѣе для дипломатически-канцелярской отписки, нежели для ученаго трактата, имѣющаго что-то доказать и въ чемъ-то убѣдить своихъ читателей. Своего рода двойникъ проф. Мартенса, полуофиціальный историкъ возникновенія Германской имперіи, справедливо усмотрѣлъ вопросъ тамъ, гдѣ для его русскаго предшественника все было ясно само собою. Онъ признаетъ колоссальное значеніе датскаго кризиса для русско-прусскихъ отношеній тѣхъ дней, неоднократно возвращается къ этой темѣ, но, кромѣ трафарета «законности», умѣетъ прибавить лишь одинъ мотивъ: династическіе интересы русскаго дома, разсчитывавшаго, будто бы, путемъ нѣкоторыхъ комбинацій, если не вернуть себѣ давно утраченную Голштинію, то, по крайней мѣрѣ, приблизить ее къ себѣ [1]). Въ перепискѣ Нессельроде встрѣчаются указанія на этотъ династическій вопросъ; два раза тамъ упоминается о возможной кандидатурѣ на датскій престолъ родственника русской царской фамили, герцога Ольденбургскаго (точнѣе, его сына, наслѣднаго принца). Чрезвычайно характерно, что въ первый разъ (письмо отъ 20 октября 1849 г.) принцъ Ольденбургскій является передъ нами въ качествѣ *англійскаго* кандидата: былъ, значитъ, пунктъ, гдѣ интересы вѣчныхъ, казалось, соперниковъ, императора Николая I и Англіи Пальмерстона, могли сойтись! Но Нессельроде, должно быть, именно поэтому кандидатъ показался подозрительнымъ, несмотря на его родственныя связи,—онъ рѣшительно предпочиталъ принца Христіана Глюксбургскаго (который впослѣдствіи и занималъ датскій престолъ съ именемъ Христіана IX). Тогда, однако, русскій канцлеръ не затрогивалъ еще этого вопроса въ разговорахъ со своимъ императоромъ (письмо отъ 7 ноября): когда дѣло дошло до Николая, послѣдній отдалъ предпочтеніе своему родственнику—англійскія симпатіи его не оттолкнули (письмо 9 янв. 1850). Что, однако же, и Николай Павловичъ капитальнаго значенія вопросу не придавалъ, показываетъ та легкость, съ какою русское правительство поспѣшило признать Христіана Глюксбургскаго, разъ на немъ стали настаивать сами датчане: Россія опередила въ этомъ отношеніи всѣ европейскія державы (русское признаніе состоялось 5 іюля 1851 г., другія державы присоединились къ нему только въ маѣ слѣдующаго года). Едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно мотивовъ, какими руководился здѣсь русскій дворъ: будущій Христіанъ IX былъ единственнымъ нѣмецкимъ принцемъ, который въ кризисѣ 1848—50 гг. остался на *датской* сторонѣ и даже во время датско-прусской войны продолжалъ носить датскую форму. Принцъ глюксбургскій былъ внѣ подозрѣній по отношенію къ «преступной идеѣ»—это въ личномъ вопросѣ было главное. Но уже Мартенсъ даетъ текстъ, позволяющій намъ подойти гораздо глубже всяческихъ личныхъ вопросовъ. Когда прусская армія, разбивъ датчанъ въ Шлезвигѣ, готовилась вступить на коренную датскую территорію, русскій посланникъ въ Берлинѣ заявилъ прусскому правительству, что дальнѣйшее движеніе прусскихъ войскъ «*нанесетъ тяжелый ударъ интересамъ всѣхъ прибрежныхъ на Балтійскомъ морѣ державъ* и нарушитъ послѣдствіями вторженія политическое равновѣсіе, установленное трактатами на всемъ сѣверѣ Европы. Россія не можетъ допустить такой случайности» [2]). Тогда именно Пруссіи и дано было

[1]) Sybel. «Die Begründung der Deutschen Reiches durch Wilhelm I» passim, особ. 386 стр. I т.

[2]) *Мартенсъ.* Ibid., 375. Французскій оригиналъ депеши гораздо грамотнѣе и выразительнѣе русскаго перевода.

понять самымъ яснымъ образомъ, что переходъ собственно датской границы Россія будетъ разсматривать, какъ casus belli.

Упоминаніе объ «интересахъ балтійскихъ державъ» отнюдь не было дипломатической фразой, благовиднымъ прикрытіемъ мотивовъ совершенно иного рода. Просматривая *частную* переписку Нессельроде, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что «балтійскій вопросъ» дѣйствительно стоялъ въ центрѣ всей датской политики Россіи во время кризиса: оттого и оказывалось возможно въ отдѣльные моменты совпаденіе взглядовъ Пальмерстона и Николая I. И для Россіи, и для Англіи одинаково было важно, чтобы проливы, соединяющіе Балтійское море съ Сѣвернымъ, были въ рукахъ одной изъ *мелкихъ* европейскихъ державъ; переходъ ихъ въ руки великой военной державы, какой уже и тогда была Пруссія, отдавалъ балтійскую торговлю Англіи на жертву прусскому произволу, а для сѣверной Россіи, съ Петербургомъ во главѣ, означалъ возможность быть отрѣзанной въ любой моментъ отъ Западной Европы; желѣзные пути были тогда въ зачаткѣ, да и вели они черезъ ту же Пруссію. «Датскій вопросъ становился крайне стѣснительнымъ для насъ,—писалъ Нессельроде Мейендорфу 27 апрѣля 1848 г.—*Не въ нашемъ интересѣ допустить разгромъ датской монархіи у нашихъ дверей.* А если мы примемъ сильныя мѣры, чтобы энергично поддержать Данію, въ родѣ, напримѣръ, появленія нашего флота у прусскихъ береговъ, мы рискуемъ поднять противъ себя всю Германію и *снова разбудить симпатіи къ Польшѣ*, которыя только что едва угасли». Въ рѣдкомъ документѣ можно найти такой клубокъ основныхъ линій николаевской политики! Цѣпи, надѣтыя на Польшу, держали сторожей не менѣе крѣпко, чѣмъ саму узницу. Но о Польшѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить. Какъ ни опасался Нессельроде послѣдствій появленія русскаго флота у береговъ Пруссіи, этотъ критическій моментъ быстро приближался. «Вел. кн. Константинъ сѣлъ на корабль вчера и отправляется въ Стокгольмъ»,—сообщаетъ одно изъ писемъ мая 1848 г. «Одна изъ дивизій нашей эскадры встала подъ паруса въ Ревелѣ и будетъ крейсировать въ Балтійскомъ морѣ. Кн. Меньшиковъ сопровождаетъ великаго князя на случай, если бы морское вмѣшательство съ нашей стороны въ шлезвигскомъ дѣлѣ стало неизбѣжнымъ». «Я все еще надѣюсь,—успокаиваетъ себя Нессельроде,—что до этого не дойдетъ, и что въ Берлинѣ послушаются».

Оффиціальный историкъ русской дипломатіи хотѣлъ бы, чтобы послушаніе было немедленнымъ—и тотчасъ же послѣ «серьезныхъ заявленій» русскаго правительства—прусское у него заключаетъ перемиріе съ Даніей въ Мальмё. Но достаточно сблизить даты (*апрѣль* и *августъ* 1848 г.), чтобы увидать, что дѣло шло не такъ просто и гладко. До какого глубокаго отчаянія доходили въ Петербургѣ въ промежутки между этими датами, показываетъ одно изъ писемъ Нессельроде, относящееся къ концу этого промежутка, когда дававшіяся имъ впечатлѣнія достигли максимальнаго напряженія. «Съ своей стороны я уговариваю, насколько могу, датчанъ и шведовъ подождать,—писалъ канцлеръ Мейендорфу 12 августа 1848 г.,—но у меня часто нехватаетъ аргументовъ, чтобы доказать имъ, въ особенности, что Пруссія дѣйствуетъ добросовѣстно и не ведетъ двойной игры...» Приведя пару примѣровъ, подозрительныхъ въ этомъ отношеніи, Нессельроде продолжаетъ: «Вы все это знаете лучше меня, и если я привожу эти сплетни, то только, чтобы показать вамъ, какъ раздражены съ той стороны. Императоръ раздраженъ не менѣе. Онъ думаетъ, и, мо-

жетъ быть, не безъ основанія, что ничего добраго не будетъ, пока царствуетъ король (Фридрихъ Вильгельмъ IV): *онъ видитъ спасеніе для Пруссіи только въ его отреченіи.* Многіе разумные люди въ Берлинѣ думаютъ то же самое; но какъ добиться этого отреченія? Одинъ Богъ это знаетъ; я не могу себѣ позволить имѣть мнѣніе по такому поводу. По доброй волѣ король этого не сдѣлаетъ, а принудить его силой,—значитъ прибѣгнуть къ революціоннымъ путямъ, отъ которыхъ въ ужасѣ отшатнется всякая честная душа. Необходимость воевать съ Пруссіей изъ-за Шлезвига очень тяжела, но я не вижу, какъ мы ея избѣжимъ...» [1]). До сихъ поръ было извѣстно, что Николай I уговаривалъ одного изъ прусскихъ корпусныхъ командировъ, гр. Дона, пойти со своимъ корпусомъ на Берлинъ и разогнать тамъ ландтагъ; Николай обѣщалъ гр. Дона въ случаѣ надобности поддержку четырехъ русскихъ корпусовъ. Но что въ иныя минуты для него дѣло шло не объ одномъ ландтагѣ, это мы едва ли не впервые узнаемъ изъ переписки Нессельроде. И, несомнѣнно, отъ него мы узнаемъ если не фактъ, то связь фактовъ другого рода. Что Николай Павловичъ, вопреки своей репутаціи, очень благосклонно отнесся ко второй французской республикѣ, это теперь можно считать твердо установленнымъ [2]). Поэтому, когда Нессельроде пишетъ, что «Ламартинъ дѣлаетъ намъ большіе авансы и *здѣсь ихъ не отвергаютъ*» (письмо отъ 8 мая 1848 г.; подчеркнуто въ оригиналѣ), онъ опять-таки еще не сообщаетъ намъ ничего абсолютно новаго. Но прочтите предыдущія строки. «По вашимъ (Мейендорфа) послѣднимъ письмамъ я вижу, что въ Берлинѣ начинаются побаиваться Франціи. *Это чувство можетъ быть спасительно*, такъ какъ оно должно внушить желаніе поскорѣе развязаться съ Даніей». Николай I, ждущій на помощь противъ своего шурина французскую республику, едва успѣвшую очистить улицы Парижа отъ февральскихъ баррикадъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе далекое отъ традиціонной схемы?

Воевать съ Пруссіей Россіи не пришлось, но Россія,—это опять давно и хорошо извѣстно,—была главной виновницей того безкровнаго пораженія Пруссіи, которое стоило проигранной войны и которое носитъ названіе «ольмюцкихъ пунктацій». У Пруссіи былъ конфликтъ не только съ Россіей изъ-за Даніи, но и съ Австріей, формально изъ-за Гессена, фактически изъ-за попытки пруссаковъ объединить подъ своей гегемоніей всю конституціонную Германію. Возникшій на вѣнскомъ конгрессѣ «Германскій союзъ» палъ подъ ударами революціи 1848 г. Передъ Пруссіей была, такимъ образомъ, «чистая доска», на которой и должна была возникнуть новая Германія, не феодально-реакціонная, подъ главенствомъ Австріи, а національно-либеральная, съ Пруссіей во главѣ. Зачаткомъ ея служила «Унія» или «Союзъ трехъ королей» (Пруссіи, Саксоніи и Ганновера), возникшая 26 мая 1849 г. и объединившая около себя постепенно большую часть государства бывшаго Германскаго союза; къ ней отказались примкнуть Баварія и Вюртембергъ. Характерными признаками Уніи 26 мая было конституціонное устройство—наличность союзнаго народнаго представительства, организованнаго весьма недемократически—и исключеніе изъ состава «Германіи» Австріи, съ которою «Унія» въ цѣломъ предполагала заключить особое союзное соглашеніе. Австрія тогда,—это былъ моментъ максимальнаго развитія венгерскаго возстанія,—казалась

---

[1]) Lettres et papiers, IX, pp. 142—3.
[2]) См. Edm. Bapst. «Les origines de la guerre de Crimée» Paris 1912.

совершенно разлагающейся. Обѣ основныя черты Уніи не могли быть симпатичны Николаю Павловичу, но особенно, повидимому, вторая; еще до возникновенія Уніи, при первыхъ извѣстіяхъ о новыхъ планахъ, бар. Мейендорфу поручено было заявить, что, по русскому представленію, «нѣтъ Германіи безъ Австріи» [1]). Случайно или нѣтъ, но объединительныя стремленія прусскаго правительства совпали съ обостреніемъ его отношеній къ Даніи: прусскій оккупаціонный корпусъ въ Голштиніи получилъ значительныя подкрѣпленія, а затѣмъ мальмёсское перемиріе было нарушено, и военныя дѣйствія начались снова (апрѣль 1849 г.). Вздохъ облегченія, вырвавшійся у императора Николая при извѣстіи о заключеніи перемирія («Уфъ! однимъ меньше!»), оказался, такимъ образомъ, преждевременнымъ. Приходилось начинать сызнова. Въ Берлинъ было отправлено энергическое собственноручное письмо (историкъ русской дипломатіи о немъ не упоминаетъ, но мы знаемъ объ этомъ отъ Нессельроде), и еще болѣе энергическія слова были сказаны прусскому посланнику въ Петербургѣ, Ф. Рохову. «Тѣмъ не менѣе, я думаю, что мы выждемъ отвѣта на настоящую депешу, прежде чѣмъ занять враждебное положеніе относительно Пруссіи и Германіи,—писалъ по этому поводу Нессельроде Мейендорфу [2]).— Пока флотъ готовится выйти и оказать Даніи всѣ возможныя услуги для защиты острововъ, не прибѣгая, однако, къ прямой блокадѣ германскихъ портовъ. Сказать вамъ правду, я думаю, что морскими операціями и должна будетъ ограничиться на первое время наша поддержка Даніи. Атаковать Пруссію и Германію на сухомъ пути было бы неблагоразумно въ такую минуту, когда у насъ на рукахъ настоящая война въ Венгріи». Прежде, чѣмъ бить «врага», необходимо было выручить изъ бѣды союзника: читатель согласится, что это письмо бросаетъ нѣсколько новый свѣтъ на происхожденіе Венгерской кампаніи 1849 г. Венгерцы оказались гораздо менѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ ожидали послѣ первыхъ неудачъ слабыхъ русскихъ отрядовъ, посланныхъ въ Трансильванію. Уже 16 августа того же 49 г. Нессельроде—еще въ концѣ іюля боязливо предвѣщавшій долгую и скучную кампанію и причитавшій объ «упорствѣ» венгерскихъ инсургентовъ—могъ возвѣстить россійскимъ представителямъ заграницей, что «венгерская война окончена». Пока она шла, относительно Пруссіи строго выдерживалась политика игнорированія. «Мы не будемъ ея раздражать,—писалъ Нессельроде въ маѣ 49 г.— Мы не примемъ противъ нея никакой прямо враждебной мѣры ни на сушѣ, ни на морѣ. Мы будемъ молча ее наблюдать и посмотримъ позже, что нужно будетъ сдѣлать. Придетъ время, мы еще ей понадобимся...» Но чего стоила эта сдержанность имп. Николаю и его дипломатамъ! Въ частной бесѣдѣ, въ интимной перепискѣ клокотавшія чувства иногда прорывались наружу. Прочтите конецъ предыдущаго письма Нессельроде къ Мейендорфу (которому приказано было уѣхать изъ Берлина въ продолжительный отпускъ «по болѣзни»). «Отвѣтъ (Фридриха Вильгельма IV) на офиціальное письмо императора есть совершенный вздоръ, соединенный съ видомъ собственнаго достоинства, совсѣмъ неумѣстнымъ въ такой моментъ, когда для Пруссіи дѣло идетъ о «быть или не быть». Частное письмо короля есть чистѣйшая безсмыслица; онъ утверждаетъ, что было бы постыдно приказать вой-

---

[1]) *Мартенсъ*, с. 378.

[2]) Письмо отъ 10 мая 1849 г., ошибочно помѣченное въ цитируемомъ изданіи 1848 г. Ср. стр. 95—97 и 233—235 IX тома.

скамъ отступать изъ Шлезвига передъ разбитымъ врагомъ. Мой Богъ, если есть позоръ и глупость во всемъ этомъ, они падаютъ на отвѣтственность прусскаго правительства, которое сперва начало эту несправедливую войну въ 1848 г., а потомъ допустило ея возобновленіе въ 1849 г.» [1]).

Сдавая венгерскую армію Паскевичу, Гёргей отдавалъ Пруссію въ руки ея враговъ. Съ Пруссіей заговорили тѣмъ языкомъ, какого она заслужила. «Пруссія, — говорилъ выздоровѣвшій бар. Мейендорфъ прусскому премьеру, гр. Бранденбургу, — не имѣетъ права стать во главѣ Германіи, и такая претензія въ сущности совершенно несостоятельна какъ по праву, такъ и фактически и даже противна собственнымъ интересамъ Пруссіи, которые только требуютъ такого вліянія на сѣверѣ Германіи, которое было бы достаточно сильно, для предупрежденія революціи» [2]). Люди только что написали все-германскую конституцію — а имъ презрительно указывали «ихъ мѣсто», мѣсто городового, да и то не во всей Германіи, а только въ сѣверной. Попытка Пруссіи быть хотя бы городовымъ для всей Германіи и дала поводъ ее окончательно «раздавить и уничтожить». Покончивъ русскими штыками съ Венгріей, Австрія тоже поспѣшила вернуться на «свое мѣсто» — и въ маѣ 1850 г. возстановила Германскій союзъ. Пруссія отказалась признать воскресшаго мертвеца; но ея союзницы уже бросили ее: Саксонія и Ганноверъ вышли изъ союза «трехъ королей» и соединились со стоявшими подъ австрійскимъ вліяніемъ Вюртембергомъ и Баваріей. Созванный пруссаками въ Эрфуртѣ «все-германскій» парламентъ (въ мартѣ 1850 г.) былъ распущенъ самой Пруссіей ранѣе окончанія его занятій. Съ появленіемъ вновь Австріи на сценѣ, дуновеніе реакціи пронеслось по всей Германіи — и курфюрстъ гессенскій поспѣшилъ воспользоваться воскресеніемъ «Бундестага», чтобы обратиться къ нему за помощью противъ своихъ подданныхъ, которые, правда, не возставали противъ него, но онъ противъ нихъ возсталъ, отмѣнивъ самодержавнымъ декретомъ конституцію, существовавшую въ Гессенѣ съ 1831 г. Черезъ Гессенъ проходили военныя дороги, связывавшія восточную и западную (при-рейнскую) половины тогдашней монархіи: это дало поводъ прусскимъ войскамъ, «для поддержанія порядка» въ столь важномъ для Пруссіи пунктѣ, войти въ гессенское курфюршество, — гдѣ, впрочемъ, по заявленію весьма консервативнаго прусскаго историка, никакого нарушенія порядка, если не считать поведенія самого курфюрста, найти было нельзя [2]). Пруссаковъ населеніе приняло даже не безъ восторга — въ массахъ вѣра въ «освободительную миссію» Пруссіи продолжала еще жить долго послѣ того, какъ само прусское правительство забыло и думать объ этой миссіи. Уже это не могло понравиться Австріи; а затѣмъ, гессенскій курфюрстъ обратился за помощью, вѣдь, не къ Пруссіи, а къ Бундестагу. Отъ прусскаго правительства потребовали удаленія его войскъ изъ курфюршества, куда должны были вступить австрійскія и баварскія войска — не менѣе энергично, чѣмъ Николай Павловичъ, годъ назадъ, требовалъ удаленія прусскихъ войскъ изъ Шлезвинга. Но тогда прусскій король могъ написать въ отвѣтъ «совершенную глупость» и продолжать войну съ Даніей; теперь времена были не тѣ. Пруссія была совершенно изолирована — мѣрой ея отчаянія служитъ тотъ фактъ, что въ Берлинѣ была пріемлемой мысль о союзѣ даже съ «наслѣдствен-

[1]) Lettres et papiers, IX, 240.
[2]) Ср. Sybel. 1, 410.

нымъ врагомъ» — съ Франціей. Нессельроде находилъ, что «это свидѣтельствуетъ объ утратѣ уже всякаго чувства собственнаго достоинства» прусскимъ правительствомъ [1]). Свой собственный флиртъ съ Ламартиномъ онъ успѣлъ, очевидно, забыть, а, быть-можетъ, тутъ говорила и ревность... Относительно настроенія Россіи у пруссаковъ не могло быть никакихъ иллюзій. «Отъ Австріи зависитъ увлечь насъ на путь, которому она будетъ слѣдовать по отношенію къ Пруссіи, — говорилъ Мейендорфъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, Радовицу. — Вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи — возможность, которую Пруссія должна имѣть въ виду. Въ противномъ случаѣ для Пруссіи приготовятъ такой же сюрпризъ, какимъ былъ походъ русскихъ войскъ въ Венгрію для многихъ венгерцевъ [2])». Тѣмъ временемъ австро-баварцы шли въ Гессенъ, какъ-будто никакихъ прусскихъ войскъ тамъ не было — и уже слышались выстрѣлы, жертвою которыхъ, впрочемъ, на первый случай стала только лошадь прусскаго трубача.

Поѣздка гр. Бранденбурга въ Варшаву, гдѣ тогда (въ октябрѣ 1850 г.) находился Николай I, была послѣдней попыткой добиться для Пруссіи хотя бы почетной капитуляціи. Николай отнюдь не кричалъ и не топалъ на прусскаго премьера, какъ разсказывали непосвященные люди и, съ ихъ словъ, легковѣрные историки. Онъ былъ, напротивъ, чрезвычайно милостивъ, — Бранденбургъ, одинъ изъ реакціоннѣйшихъ государственныхъ людей Пруссіи, лично пользовался всѣми его симпатіями, — и пожаловалъ прусскому министру орденъ Андрея Первозваннаго. Но онъ рѣшительно отказался вмѣшиваться въ распрю, ссылаясь на то, что это — дѣло Австріи; Россія тутъ не при чемъ... Пруссіи дали понять, что она должна сдаться безъ условій. Если Бранденбургъ по возвращеніи изъ Варшавы умеръ отъ нервной горячки, у него были для этого достаточныя основанія — хотя «грубость» его высокаго собесѣдника и относится къ области легендъ. Въ маѣ 1849 г. въ той же Варшавѣ австрійскій премьеръ, кн. Шварценбергъ, съ тоскою искалъ у Николая и Нессельроде помощи и совѣта, ѣхать ему въ Берлинъ на поклонъ къ Бранденбургу, или нѣтъ. Ему отсовѣтовали, въ виду безнадежности шага при тогдашнихъ условіяхъ. Въ ноябрѣ 1850 г. преемникъ Бранденбурга, Мантейфель, съ неменьшею тоскою искалъ у русскаго посланника содѣйствія, чтобы быть допущеннымъ передъ лицомъ того же Шварценберга. Въ Берлинѣ сильно боялись, что «не приметъ». Мейендорфъ, который былъ теперь въ Вѣнѣ, не отказалъ въ услугѣ старымъ знакомымъ. Онъ представилъ Мантейфеля Шварценбергу и могъ быть свидѣтелемъ, что австріецъ принялъ пруссака даже «весьма учтивымъ образомъ» (какъ нашелъ нужнымъ отмѣтить самъ Мейендорфъ въ своемъ донесеніи). Затѣмъ онъ оставилъ новыхъ знакомыхъ однихъ: Россія, вѣдь, «не вмѣшивалась»... Вернувшись черезъ три часа, онъ нашелъ собесѣдниковъ въ тупикѣ. Мантейфель никакъ не могъ разстаться съ мечтой о «почетѣ», хотя бы гомеопатическомъ. Онъ не отказывался вывести прусскія войска изъ Гессена, но желалъ, чтобы это было *послѣ* подписанія прусско-австрійскаго соглашенія; чтобы свѣтъ видѣлъ, что съ Пруссіей все-таки «резонятся», что она тоже можетъ ставить свои условія. Но Шварценбергъ непремѣнно хотѣлъ поставить пруссаковъ передъ всей Европой въ положеніе мальчиковъ, высѣченныхъ за дерзость: для престижа

---

[1]) Lettres et papiers, IX 279—80.
[2]) *Мартенсъ*, 381.

Австріи въ Германіи (онъ теперь далеко не былъ вещью, само собою разумѣющейся!) Шварценбергу непремѣнно нужна была картина отступленія прусскихъ войскъ передъ австрійскими и баварскими *безъ всякихъ условій*. Онъ настаивалъ, чтобы эвакуація Гессена — и оккупація его войсками бундестага — была не *результатомъ* соглашенія, а его *постулатомъ*. Раньше этого онъ не соглашался ни о чемъ разговаривать. Мейендорфъ долженъ былъ слегка нажать плечомъ. Онъ представилъ свой проектъ соглашенія, лишній разъ показавшій прусскому министру, что пути Россіи и Австріи тождественны. На другой день «ольмюцкій позоръ» Пруссіи былъ скрѣпленъ подписью ея министра. А 11 декабря 1850 г. Нессельроде могъ писать Мейендорфу: «Два дня спустя послѣ полученія вашей депеши, Будбергъ (русскій посланникъ при прусскомъ дворѣ) извѣстилъ насъ о возвращеніи Мантейфеля въ Берлинъ и о ратификаціи соглашенія, состоявшагося въ Ольмюцѣ, несмотря на оппозицію принца прусскаго (Вильгельма) и Ладенберга» (послѣдняго изъ «либеральныхъ» министровъ, уцѣлѣвшихъ въ прусскомъ кабинетѣ): Само собою разумѣется, что всѣ симпатіи русскаго канцлера были на сторонѣ Шварценберга, уступчивости и мягкости котораго онъ не находилъ похвалъ. «Если эти уступки (!) обезпечиваютъ намъ сохраненіе мира и прекращеніе гессенскихъ и *датскихъ* осложненій, результатъ ихъ (уступокъ) будетъ громаденъ; въ противномъ случаѣ, и если война все-таки вспыхнетъ, несмотря на всѣ усилія ее избѣжать, образъ дѣйствій австрійскаго кабинета, столь умѣренный, столь миролюбивый, прибавитъ прекрасную страницу къ его манифесту» [1]). «Датскій» уголъ зрѣнія, такимъ образомъ, во всемъ этомъ дѣлѣ былъ для русской дипломатіи обязательнымъ, — что Нессельроде и высказалъ всѣми словами два мѣсяца спустя. Посѣтовавъ на то, что и послѣ даннаго имъ урока пруссаки все же продолжаютъ говорить и писать глупости, канцлеръ прибавляетъ: «въ данную минуту мы должны удовольствоваться радостью по поводу благопріятнаго разрѣшенія датскаго вопроса, — *единственнаго, въ которомъ мы прямо заинтересованы*» (письмо къ Мейендорфу отъ 25 февр. 1851 г.). Когда въ Берлинѣ это не сразу поняли, и пригласили Россію разоружиться немедленно послѣ подписанія ольмюцкаго соглашенія, это было разъяснено и Мантейфелю. «Императоръ, я надѣюсь, уполномочитъ меня отвѣтить, — писалъ Нессельроде, — что наше разоруженіе послѣдуетъ лишь тогда, когда голштинскій вопросъ будетъ разрѣшенъ согласно съ правами Даніи, и авторитетъ законнаго государя будетъ окончательно возстановленъ въ обоихъ герцогствахъ» (письмо отъ 19 дек. 1850). Императоръ же Николай склоненъ былъ не только прусскія, а и всѣ вообще германскія дѣла разсматривать съ той же точки зрѣнія. Вопросъ о признаніи воскресшаго «бундестага», столь колючій для Пруссіи и ея союзницъ, для него рѣшался какъ нельзя болѣе просто. «На докладѣ о германскихъ дѣлахъ, который я послалъ ему изъ Дрездена, онъ написалъ карандашемъ: «разъ миръ съ Даніей ратификованъ франкфуртской діэтой, я не вижу болѣе препятствій для присутствія нашего министра (при этой діэтѣ)» (письмо Нессельроде отъ 15 октября 1850).

«Большая политика» бываетъ, обыкновенно, лишь нѣкоторымъ осложненіемъ «маленькой». Предыдущія страницы, надѣемся, достаточно разсѣяли въ умѣ читателя предубѣжденіе, будто политика Николая Павловича во время германскаго кризиса 1848—50 гг. вдохновлялась

---

[1]) Lettres etc. IX, pp. 16—17. Само собою разумѣется, что въ оригиналѣ всѣ письма Н-де написаны по-французски — мы даемъ переводъ.

исключительно «идеалистическими» соображеніями о «правѣ и законности», а не «реальными интересами Россіи». Но эти послѣдніе рѣдко подвергались такой экстренной опасности, какой была экспедиція прусскихъ войскъ въ Ютландію. На одинъ праздникъ приходится длинная вереница сѣрыхъ будней. Изъ-за нервныхъ хлопотъ о Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Венгріи, Гессенѣ эти будни рѣдко выглядываютъ: только разъ, среди дипломатическихъ разсужденій «высшаго» порядка, у Нессельроде вырывается фраза объ «этомъ еще таможенномъ вопросѣ», готовящемся въ видѣ послѣдней капли отравить чашу его бытія. Но таможный вопросъ, отъ котораго такъ докучливо отмахивались, былъ своего рода «скелетомъ въ домѣ» русско-прусскихъ отношеній въ теченіе всего николаевскаго царствованія — и, что еще лучше, онъ былъ унаслѣдованъ Николаемъ Павловичемъ отъ своего предшественника, вмѣстѣ со священнымъ союзомъ. Не понявъ этого вопроса, мы никогда не поймемъ подкладки этой странной «дружбы», слегка напоминающей объ анекдотическомъ мальчикѣ, у котораго былъ только одинъ другъ, да и того онъ терпѣть не могъ. А уяснивъ себѣ его, мы получимъ почти исчерпывающую характеристику русско-прусскаго «союза» — и, чтобы понять, почему это все-таки былъ союзъ, а не просто ссора, намъ придется разсмотрѣть только одну еще группу фактовъ, польскую. При чемъ послѣдняя была тысячами нитей связана съ первой: изъ-за Польши былъ «союзъ», но она же была и одной изъ главныхъ причинъ «конфликта». Одна изъ довольно обычныхъ антиномій исторіи, отъ которой напрасно требуютъ, иногда повиновенія формальной логикѣ. Послѣдняя существуетъ для людей, — а объективные природные процессы, къ которымъ принадлежитъ и историческій, рѣдко ею стѣсняются.

Потрясающая Стамбулъ и Тегеранъ десница нужна была русскому промышленному капиталу уже въ 1830 г. Русскій имперіализмъ не дожидался военно-промышленныхъ комитетовъ. Событія этого года никоимъ образомъ не были случайнымъ эпизодомъ. Въ запискахъ неразлучнаго спутника имп. Николая, гр. Бенкендорфа, передъ нами вновь и вновь всплываетъ тотъ же мотивъ. Пять лѣтъ спустя, на очередной мануфактурной выставкѣ въ той же Москвѣ «императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривала всю выставку, разспрашивая производителей о каждой мелочи и одобряя ихъ своимъ поощреніемъ». Въ рѣчи, которую Николай держалъ въ этотъ разъ фабрикантамъ послѣ осмотра выставки, онъ обнаружилъ, что его интересуетъ не только развитіе промышленности, но и ея неизбѣжный спутникъ—рабочій вопросъ. Онъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. «Это,—продолжалъ онъ,— попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностью, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится, наконецъ, въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ». Николай былъ первымъ русскимъ царемъ, посѣтившимъ нижегородскую ярмарку и выказавшимъ къ ней особенный интересъ. Онъ пріѣхалъ съ министрами финансовъ и путей сообщенія, Канкринымъ и Толемъ. «На слѣдующій день, отслушавъ литургію въ ярмарочномъ соборѣ, государь принялъ мѣстное дворянство и депутатовъ отъ купечества разныхъ губерній, и послѣ продолжительной бесѣды о ярмарочной торговлѣ и о препятствіяхъ, полагаемыхъ ея развитію дурными дорогами, тутъ же велѣлъ гр. Толю заняться этимъ предметомъ и, въ особенности, средствами къ уничтоженію страшной

грязи, которою при малѣйшемъ дождѣ покрывалось все занятое ярмаркою пространство. Потомъ государь обозрѣвалъ ряды лавокъ и магазиновъ, а также работы по спуску къ рѣкѣ и другія, указанныя имъ въ послѣднее здѣсь пребываніе; наконецъ, имѣя въ виду объѣхать въ будущемъ году кавказскія и закавказскія наши владѣнія, велѣлъ представить себѣ купцовъ астраханскихъ, тифлисскихъ, кизлярскихъ, армянскихъ, дербентскихъ и ширванскихъ, вслѣдъ за которыми принялъ еще бухарцевъ, мордвинъ, черемисовъ и чувашей, со всѣми ими долго и милостиво разговаривая». Даже попадая въ Нижній внѣ ярмарочнаго времени, Николай «болѣе всего интересовался постройками, возведенными для склада товаровъ» и тщательно эти постройки осматривалъ [1]).

Нѣсколько цифръ дадутъ понятіе о ростѣ русской мануфактурной промышленности въ николаевское царствованіе:

Ввезено въ Россію (въ среднемъ за годъ) пудовъ:

Года	Хлопка	Пряжи
1824—26	74.268	337.101
1836—38	282 799	626.713
1842—44	524 511	592.193
1848—50	1.329.333	281 520

Эти цифры [2]) свидѣтельствуютъ не только о *ростѣ* текстильной промышленности въ Россіи (количество ввезеннаго хлопка за 25 лѣтъ увеличилось почти въ 18 разъ!), но и о ростѣ ея *независимости*: николаевская Россія все меньше пряжи выписывала изъ-за границы, т.-е. все больше производила ее дома. Эта независимость уже къ концу перваго пятилѣтія николаевскаго царствованія породила среди русскихъ заводчиковъ и мануфактуристовъ настроенія, нѣсколько напоминающія о маніи величія. Промышленныя выставки, о которыхъ мы уже упоминали (первая изъ нихъ имѣла мѣсто въ 1829 г.), породили увѣренность, что Россія можетъ «производить у себя все, что ей нужно». Замѣчанія немногихъ трезвыхъ наблюдателей, напримѣръ, извѣстнаго статистика Арсеньева, что зато почти все, производимое на русскихъ фабрикахъ, качественно гораздо ниже заграничныхъ продуктовъ, не обращали на себя ничьего вниманія, кромѣ цензуры. Зато очень быстро стали обращать вниманіе на то, что крѣпостной Россіи не Богъ вѣсть какъ много и нужно. По донесеніямъ прусскаго консула въ Петербургѣ, уже въ концѣ 20-хъ годовъ русскіе промышленные круги считали емкость внутренняго рынка для фабрикатовъ почти исчерпанной. Само собою разумѣющимся выходомъ было, собственно, упраздненіе крѣпостного права: проникновеніе капиталистическихъ отношеній въ деревню расширяло внутренній рынокъ до колоссальныхъ размѣровъ, какъ показалъ ходъ событій послѣ 1861 г. Слабыя попытки Николая «вести процессъ противъ рабства» объективно (хотя, можетъ-быть, и не въ его личномъ сознаніи) связаны именно съ его «буржуазной» политикой. Но тутъ вожделѣнія россійскаго купечества упирались въ прочную стѣну дворянскихъ интересовъ: передъ лицомъ аграрнаго кризиса 20—30-хъ гг. помѣщикъ не видѣлъ иного способа вести хозяйство, внѣ дарового, барщиннаго труда крестьянъ; если не считать оброка, который, отбирая у крестьянина

---

[1]) Отрывки изъ записокъ Бенкендорфа, напечатанныя у того же *Шильдера*, II прилож., стр. 690, 698 сл., 731.

[2]) Заимствованы у Schultze-Gävernitz «Volkswirtschaftliche Studien aus Russland», s. 89.

не только «прибавочный продуктъ», но и добрую долю непосредственныхъ средствъ потребленія, отражался на развитіи крестьянскаго хозяйства едва ли не хуже, чѣмъ барщина. Объ освобожденіи крестьянъ до конца кризиса, т.-е. до 40 годовъ, поэтому, дворянство и слышать не хотѣло. И вотъ на другой день послѣ того, какъ появился на Руси первый жакардовъ станокъ, русскій фабрикантъ уже начинаетъ думать *о заграничномъ рынкѣ*. Въ 1828 г. московскіе мануфактуристы уже возили свои товары на лейпцигскую ярмарку,—по увѣренію нѣмецкихъ авторовъ «исключительно изъ тщеславія». Но и нѣмецкіе авторы не могутъ не признать, что нѣкоторыя московскія издѣлія, напр., тяжелыя шелковыя матеріи, удостоились «всеобщаго одобренія». *Технически* конкуренція не была немыслима въ отдѣльныхъ случаяхъ. Бѣда въ томъ, что николаевскій фабрикантъ плохо отличалъ технику отъ экономики. Около 1830 г. тотъ же прусскій консулъ извѣщалъ свое правительство, что «любимѣйшая мечта всѣхъ русскихъ (!) завоевать Индію и встать на мѣсто Англіи». Читатель согласится, что о «маніи величія» мы упомянули не для краснаго словца[1]).

Но предыдущія строки могли бы внушить читателю невѣрное представленіе, будто промышленный расцвѣтъ Россіи (примѣнительно къ *тому* времени, можно говорить о «расцвѣтѣ») во второй четверти XIX столѣтія связанъ какимъ-то образомъ съ личностью Николая Павловича, обязанъ своимъ возникновеніемъ его именно «заботамъ и попеченію». Мы уже упомянули выше, что свою таможенную политику Николай унаслѣдовалъ отъ старшаго брата, но и лежащій въ основѣ этой политики экономическій процессъ тоже ведетъ свое начало отъ александровскаго царствованія. Въ 1812 г. въ Россіи считалось 2.325 фабрикъ, въ 1816 ихъ было уже 3.733, въ 1820—4.558, въ 1824—5.286. За двѣнадцать лѣтъ число фабрикъ слишкомъ удвоилось. Причиной непосредственной было то же, что было причиной и отечественной войны—континентальная блокада. Давно пора перестать разсматривать эту послѣднюю, какъ какое-то стихійное бѣдствіе, приведшее «на край гибели» всю Россію. Блокада нарушала, главнымъ образомъ, интересы помѣщичьяго класса, притомъ высшихъ его слоевъ, лишая крупнаго землевладѣльца привычнаго рынка для сбыта продуктовъ его хозяйства, и въ то же время привычныхъ для него товаровъ, англійскихъ и колоніальныхъ, отъ сукна и почтовой бумаги до кофе и пряностей. Для промышленной буржуазіи, наоборотъ, блокада открывала такія перспективы, о которыхъ при режимѣ свободной торговли она бы и мечтать не могла[2]). Зато, связанныя съ дворянской реакціей, вызвавшей и самое войну, фритредерскія попытки нанесли интересамъ этой буржуазіи такой ударъ, что ея вопли услыхали наверху—и съ 20-хъ годовъ Россія снова и окончательно вернулась на путь запретительнаго тарифа. Для ближайшимъ образомъ интересующаго насъ вопроса характерно, что именно съ этими колебаніями связанъ *первый* русско-прусскій конфликтъ, всецѣло падающій еще на царствованіе Александра I.

Весьма любопытно, что уже въ эту эпоху чувства, которыя внушала петербургскому двору его «вѣрная союзница», чуть не на другой

---

[1]) Для привод. фактовъ см. A. Zimmermann, Geschichte d. preussisch-deutschen Handelspolitik, s. 85—86.

[2]) См., въ связи съ этимъ, данныя о ввозѣ, напр., хлопка въ Россію въ первые же годы блокады у проф. Тарле, «Континентальная блокада». Самъ проф. Тарле относительно послѣдней стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, ближе къ истинѣ, по нашему мнѣнію, его оппонентъ, т. Воевскій (см. его замѣтку въ Журн. Мин. Просв. сентябрь, 1915).

день послѣ того, какъ русскія и прусскія войска вмѣстѣ штурмовали Монмартръ,—очень мало отвѣчали эпитету «дружественныхъ». Въ одной, удостоившейся высочайшей апробаціи, дипломатической запискѣ 1818 г. о Пруссіи говорилось въ такихъ выраженіяхъ: «Имѣя притязаніе на достоинство имперіи, это государство представляетъ собою не что иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ маленькихъ государствъ, которыя никакъ не въ состояніи придать своимъ взаимнымъ отношеніямъ единство. Территоріальнымъ составомъ усложняется и всегда будетъ усложняться политика Пруссіи. Она будетъ безпокойна. *Она не можетъ вселять никакого довѣрія*. Какъ германская держава, Пруссія слѣдуетъ въ настоящее время указаніямъ Австріи. Она не умѣетъ или не хочетъ слѣдовать своимъ видамъ, согласно своимъ собственнымъ интересамъ» [1]). Происходившіе какъ разъ въ это время переговоры совершенно опровергаютъ послѣднюю фразу: Пруссія именно слишкомъ склонна была «слѣдовать своимъ собственнымъ интересамъ», которые, къ сожалѣнію, не совпадали съ интересами ея восточной сосѣдки. Можно бы даже сказать «ея восточныхъ сосѣдокъ», ибо дѣло относится къ тому короткому промежутку времени, когда Польша, de facto, была связана съ Россіей лишь династической уніей, имѣя въ числѣ прочихъ прерогативъ независимаго государства и свою собственную таможенную политику. Эта послѣдняя для польскаго правительства, внѣ сферы внутреннихъ отношеній, была едва ли не самымъ важнымъ дѣломъ. Прекрасно понимая экономическую подкладку исторіи (практически умные дипломаты всегда были экономическими матеріалистами: мы скоро увидимъ разительный этому примѣръ именно въ области прусскихъ отношеній), польскіе государственные дѣятели и стоявшій подъ ихъ вліяніемъ представитель Александра I въ Польшѣ, Новосильцовъ, надѣялись возстановить старую Польшу, 1772 г., начавъ съ возстановленія ея старой таможенной линіи. Въ извѣстномъ отношеніи это стремленіе было на руку Пруссіи. Старая Польша съ нею была связана тѣснѣе, чѣмъ съ Россіей. Въ странѣ, тогда исключительно земледѣльческой, прусскія мануфактуры имѣли отличный рынокъ: въ то же время сама Польша, по условіямъ тогдашняго транспорта, уже безусловно не могла обойтись безъ Пруссіи при сбытѣ своего сырья. Водныя дороги тогда были почти единственными путями сообщенія, окупавшими провозъ. Но выходы къ морю всѣхъ рѣчныхъ системъ Рѣчи Посполитой были въ рукахъ Пруссіи: устья Одера, какъ и устья Вислы и Нѣмана, одинаково лежали на прусской территоріи. Возстановляя Польское королевство въ 1815 г., Александръ I долженъ былъ учесть это обстоятельство: соглашеніемъ, связаннымъ съ другими постановленіями Вѣнскаго трактата 1815 г., обѣ стороны, Пруссія и Польша, получали право свободнаго плаванія по всѣмъ рѣкамъ, находившимся въ общемъ владѣніи; фактически это приводило къ установленію между Польшей и Пруссіей отношеній почти свободной торговли. Но сейчасъ же явился вопросъ: какъ понимать «Польшу»? Соглашеніе упоминало о 1772 г., но часть *тогдашней* Польши успѣла стать составной частью Россійской имперіи, и въ 1815 г. къ королевству не вернулась. Получила ли Пруссія право свободной торговли и съ этими, уже русскими теперь, губерніями? Пруссаки утверждали, что да, русское правительство категорически это отрицало. Соглашеніе 1815 г. осталось мертвой буквой. Съ прусской стороны прекрасно понимали, что отъ Пруссіи зависитъ эконо-

[1]) *Мартенсъ*, цит. с. VII, стр. 329. Курсивъ нашъ.

мически задушить воскрешенное Александромъ I Польское королевство, закрывъ полякамъ доступъ къ морю, и не соглашались отказаться отъ русскихъ губерній безъ компенсацій. Три года тянулись переговоры, и лишь въ декабрѣ 1818 г. modus vivendi, казалось, былъ найденъ. Польско-прусскіе интересы взяли верхъ: Конвенціей 7—19 декабря 1818 г. въ сферу прусскаго «свободнаго плаванія» была вдвинута вся территорія, «составлявшая часть бывшаго королевства польскаго послѣ 1772 г. и заключавшаяся между Двиною, Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ и моремъ». Этого мало: за Пруссіею, особой отдѣльной статьей, было закрѣплено право транзитнаго провоза суконъ черезъ Россію на азіатскіе рынки съ уплатой минимальной пошлины (12 коп. съ аршина).

Какъ часто бываетъ, дополнительная статья оказалось важнѣе самого трактата. По откровенному (хотя и не для публики) признанію прусскаго министра финансовъ въ 1822 г. [1]), главную выгоду для Пруссіи составляла не легальная, но *контрабандная* торговля съ Россіей. Въ то время, какъ легальный ввозъ (о немъ министръ говорилъ не безъ пренебреженія) не доходилъ до 2 милл. талеровъ, о размѣрахъ контрабанды даетъ понятіе хотя бы тотъ фактъ, что за время 1824—33 гг. средняя сумма конфискованнаго русскими таможнями контрабаднаго товара ежегодно превышала полмилліона рублей. Между тѣмъ, контрабанда была налажена превосходно (не забудемъ, что, вѣдь, это было то самое время, когда служилъ по таможенной части Павелъ Ивановичъ Чичиковъ), и случаи конфискаціи цитируемый нами нѣмецкій историкъ называетъ «рѣдчайшими». Это подтверждается и изъ другихъ источниковъ, откуда мы узнаемъ, что средняя страховка отъ риска конфискаціи составляла всего 35% причитавшейся пошлины (въ эту сумму входили, конечно, и взятки чиновникамъ) [2]). Словомъ, конфискація была чѣмъ-то въ родѣ пожара или землетрясенія: если даже эти ненормальные случаи давали результаты, оцѣнивавшіеся сотнями тысячъ рублей, каковы же были размѣры «нормальной» контрабанды? Нѣтъ надобности говорить, что право транзита открывало передъ контрабандой почти неограниченныя возможности,—тѣмъ болѣе, что прусскія сукна въ огромныхъ количествахъ покупались русскими купцами: на нихъ держался мѣновой торгъ съ китайцами въ Кяхтѣ. Усмотрѣть, что шло въ Кяхту, а что въ Москву, Петербургъ или Кіевъ, кто же могъ бы это осуществить, разъ товаръ былъ уже внутри Россіи? Около транзита прусскихъ суконъ происходилъ главный бой, который тогдашніе прусскіе дипломаты, а, слѣдомъ за ними, и позднѣйшіе нѣмецкіе историки, напрасно пытались объяснить личной заинтересованностью въ процвѣтаніи русскихъ суконныхъ фабрикъ различныхъ вліятельныхъ персонажей, начиная съ министра финансовъ Гурьева и министра иностр. дѣлъ Нессельроде. Эта могло быть, но интересамъ и этихъ лицъ угрожали, очевидно, не прусскій транзитъ самъ по себѣ, а прусская контрабанда. Отсюда вполнѣ логично было требованіе русскаго правительства, чтобы декабрьская конвенція 1818 г. была дополнена картелемъ, т.-е. взаимнымъ обязательствомъ обѣихъ договаривающихся державъ принимать всѣ мѣры противъ нарушенія или обхода заключеннаго договора. Но контрабанда нарушала интересы русскаго капитализма, а не прусскаго. Принимать на себя какія-либо обязательства по борьбѣ съ контрабандой въ Берлинѣ вовсе не желали потому, какъ откровенно объясняетъ историкъ прусской торговой политики, что «пре-

---

[1]) См. цит. кн. Циммермана, стр. 75 и 88.
[2]) См. Schulze—Gävernitz, цит. соч., стр. 245 пр. 1.

красно сознавали, что при существующей въ Россіи таможенной системѣ торговля возможна, главнымъ образомъ, лишь при помощи обхода закона»[1]). Такъ какъ, однако же, написать этого въ оффиціальной бумагѣ было нельзя, то оффиціально отвѣтили, что картель только ослабилъ бы бдительность какъ русскихъ чиновниковъ, такъ и прусскихъ, ибо они полагались бы одни на другихъ, а сверхъ того картель ввелъ бы ихъ въ искушеніе заключать другъ съ другомъ преступныя сдѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прусское правительство издало платоническое воззваніе къ своимъ подданнымъ, предостерегавшее ихъ отъ нарушеній заключенной съ Россіей конвенціи. Воззваніе это (если оно было издано въ дѣйствительности—нѣмецкій историкъ говоритъ о немъ предположительно, лишь какъ о намѣреніи) должно было доставить веселыя минуты прусскимъ контрабандистамъ. Но Гурьевъ нашелъ способы отвѣтить на это, въ сущности, издѣвательство. Русское таможенное начальство прибѣгло къ своего рода «итальянской забастовкѣ», самымъ ограничительнымъ образомъ толкуя каждую статью трактата. Прусскія сукна можно провозить черезъ Россію, но кто долженъ этимъ заниматься? Исключительно русскіе купцы,—отвѣчали на это чиновники Гурьева: пруссаки могутъ лишь *ввозить* сукно въ Россію, а не *перевозить* до Кяхты; притомъ только изъ *пограничныхъ* съ Россіей или Польшей областей Пруссіи—изъ Силезіи, напримѣръ, а никакъ не изъ рейнскихъ провинцій. Прусскіе министры негодовали, говорили о нарушеніи трактата, русскіе тогда сейчасъ же начинали предлагать его пересмотръ, и «итальянская забастовка» переходила на другую сторону. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, находилъ соотвѣтствующихъ прусскихъ министровъ или больными, или неотложно занятыми другими дѣлами, или внезапно потерявшими память. Въ отчаяніи онъ доносилъ въ Петербургъ, что въ Берлинѣ хаосъ, и ни отъ кого никакого толку добиться нельзя[1]). Неопредѣленное положеніе, при которомъ конвенція и была, и ея не было, все же было выгоднѣе для Пруссіи, чѣмъ для Россіи: для контрабанды оно даже давало, пожалуй, большія возможности, чѣмъ пунктуальное соблюденіе договора. Оттого энергическія попытки выйти изъ тупика и послѣдовали со стороны Россіи. Въ 1822 г. Россія ввела новый таможенный тарифъ—почти совершенно запретительный, и одностороннимъ актомъ отмѣнила, съ тѣмъ вмѣстѣ, трактатъ 1818 г. Этотъ экстраординарный шагъ былъ возвѣщенъ прусскому правительству собственноручнымъ письмомъ Александра I къ Фридриху-Вильгельму III (15/27 февраля 1822 г.). Русскій императоръ говорилъ въ письмѣ о «глубокомъ», «трудно-выразимомъ» «чувствѣ боли», которую причиняетъ ему самому принятая имъ мѣра, но послѣдняя была неотвратима, ибо, при дѣйствіи трактата 1818 г., «въ Россіи и въ Польшѣ сельская и мануфактурная промышленность не только останавливаются въ своемъ развитіи, но даже приближаются къ неминуемой гибели»[3]). Въ то же время русское таможенное вѣдомство сдѣлало новое усовершенствованіе въ своей итальянской забастовкѣ. Оно высчитало, какое количество прусскихъ товаровъ входитъ *легально* въ Россію каждый годъ, и впредь собиралось пропускать только *это* количество товаровъ, а никакъ не больше. Что изъ этого получалось,—читатель легко догадается, если припомнитъ, что прусская торговля держалась, главнымъ образомъ, на контрабандѣ.

---

[1]) Zimmerman, 65.

[2]) *Мартенсъ*, VIII стр. 3 и сл.

[3]) Все письмо, частью in extenso, частью въ подробномъ изложеніи, см. у *Мартенса*, VIII—стр. 5—7.

Въ Берлинѣ пришли въ бѣшенство. На письмо Александра I было отвѣчено такъ сухо, что дальнѣйшая переписка на этомъ оборвалась. А затѣмъ, конечно, сейчасъ же выступили на сцену репрессаліи. Онѣ въ высокой степени характерны для дальнѣйшаго развитія русско-германскихъ таможенныхъ отношеній, хотя тогда принятыя прусскимъ правительствомъ мѣры били, прежде всего, не самое Россію, а Польшу. Рѣшено было обложить высокими пошлинами русскій и польскій *хлѣбъ* и *скотъ*: на промышленный протекціонизмъ Россіи Пруссія отвѣчала аграрнымъ протекціонизмомъ [1]). Это была таможенная война, совсѣмъ какъ впослѣдствіи въ 80—90-хъ гг. XIX столѣтія. И изъ-за таможенной войны уже выглядывалъ призракъ настоящей. «Въ депешѣ отъ 6/21 сентября 1822 г. гр. Алопеусъ повторяетъ, что король искренно преданъ государю и любитъ русскій народъ, но онъ недоступенъ: никогда представитель иностранной державы не можетъ добиться у него аудіенціи, за исключеніемъ случая, когда онъ долженъ вручить свою кредитивную или отзывную грамоту. Но ни прусскіе министры, ни армія не любятъ Россіи: они характеризуютъ любовь короля къ Россіи однимъ словомъ—руссоманія. Уже въ 1814 г., разсказываетъ посланникъ, послѣ перваго взятія Парижа, офицеры прусскаго генеральнаго штаба были заняты планомъ наступательной кампаніи противъ Россіи, исходя изъ того предположенія, что отнынѣ это единственная держава, которой должна бояться Пруссія, и ничто не доказываетъ, чтобы отъ этого убѣжденія отказались. Прусскіе министры ставятъ въ основаніе прусской политики союзъ Пруссіи съ Австріей и *Англіей*, а не съ Россіей» [2]).

До реализаціи придуманнаго прусскими офицерами плана кампаніи дѣло не дошло. Прусскія аграрныя пошлины вызвали настоящій кризисъ въ Польшѣ и не менѣе сильный взрывъ безсильнаго бѣшенства въ Варшавѣ, чѣмъ раньше въ Берлинѣ. Поносившись нѣкоторое время съ грандіозными, но мало осуществимыми планами, въ родѣ проекта канала, который бы непосредственно связалъ Польшу съ Балтійскимъ моремъ черезъ русскую Либаву, и для постройки котораго не оказалось ни денегъ, ни людей, намѣстникъ Польши, Константинъ Павловичъ, пошелъ по наиболѣе простому и прямому пути,ославъ въ Берлинъ для переговоровъ своего довѣреннаго человѣка, бар. Моренгейма, которому послѣ долгихъ препирательствъ съ пруссаками и удалось заключить новый договоръ (27 февраля/11 марта 1825 г.). Если конвенція 1818 г. была торжествомъ прусско-польскихъ интересовъ, то въ 1825 г. русская промышленная буржуазія получила блестящій реваншъ. Въ конвенціи Моренгейма уже нѣтъ ни звука ни о польской границѣ 1772 г., ни, что было еще важнѣе, о транзитѣ прусскихъ суконъ черезъ Россію въ Азію. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ русское министерство финансовъ пошло дальше даже своей собственной промежуточной позиціи, на которой оно соглашалось держаться всего годъ назадъ: въ протоколѣ, подписанномъ Моренгеймомъ въ апрѣлѣ 1824 г., право транзита прусскихъ суконъ *русскими* купцами было сохранено. Съ контрабандой соглашались мириться, лишь бы она шла на пользу туземнаго, а не иностраннаго торговаго капитала. Но именно поэтому уступка потеряла цѣну для Пруссіи. Зато моренгеймовская конвенція сохранила прусскія пошлины на польскіе сельскохозяйственные продукты: Польша весьма ощутительно должна была почувство-

[1]) Указъ (Kabinettsordre) 10 апр. 1823—у Циммермана, стр. 77.
[2]) Zimmermann, s. 65.

вать, что она не самостоятельное государство, а лишь вассалъ Россіи. Насколько такое принесеніе въ жертву польскихъ экономическихъ интересовъ русскимъ должно было способствовать развитію настроеній, приведшихъ къ взрыву 1830—31 гг., не трудно догадаться.

Но и Пруссія была весьма далека отъ того, чтобы чувствовать себя удовлетворенной. Въ прусскомъ министерствѣ «господствовало полное единодушіе по вопросу объ абсолютной безполезности (для Пруссіи) трактата 1825 г.»,—пишетъ неоднократно цитированный нами нѣмецкій историкъ [1]). Срокъ моренгеймовской конвенціи истекалъ черезъ девять лѣтъ, въ 1834 г. Уже въ 1829 г. въ прусскихъ оффиціальныхъ сферахъ слышались мнѣнія, что нужно использовать затрудненія Николая I на Востокѣ, чтобы пробить брешь въ русской таможенной стѣнѣ. Но затрудненія кончились—адріанопольскимъ миромъ—раньше, чѣмъ прусскіе государственные люди успѣли между собою столковаться. Прибѣгали и къ дружескимъ увѣщаніямъ: Александръ Гумбольдтъ, который былъ близокъ съ Канкринымъ, возвращаясь изъ своего сибирскаго путешествія, пытался повліять лично на русскаго министра финансовъ, но «безъ малѣйшаго успѣха». Россія еще разъ попала въ затруднительное положеніе, изъ-за Польши, въ 1831 г. Но использовать его было обоюдоострымъ дѣломъ. Какъ-никакъ, «самостоятельное» польское королевство все же оставалось пока почти открытымъ рынкомъ для мануфактурныхъ произведеній Пруссіи. Стоило Россіи заключить Польшу въ свою таможенную черту,—исчезалъ и этотъ рынокъ. Эволюція неизбѣжно вела къ этому концу, но не въ прусскихъ интересахъ было его ускорять. Тѣмъ временемъ русско-германскія коммерческія отношенія оживлялись, несмотря ни на какіе неудобные трактаты. Акціи только-что основавшейся пароходной кампаніи Петербургъ-Любекъ въ нѣсколько лѣтъ поднялись болѣе, нежели втрое (съ 500 р., номинальной цѣны, до 1800) [2]). Предполагавшаяся въ Россіи постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ должна была дать гигантскій толчекъ экономическому развитію этой страны. Открытіе такого рынка для прусскихъ товаровъ становилось все настоятельнѣе, и, разъ невозможно было добиться этого, играя на политическихъ затрудненіяхъ Россіи, приходилось ловить благопріятныя комбинаціи иного рода. Мы видѣли выше, какъ стремился Николай Павловичъ къ демонстративному выраженію солидарности между тремя консервативными державами Европы—Австріей, Пруссіей и Россіей. Въ 1833 г. это ему не удалось,—не только прусскій король, но даже его министръ не согласился поѣхать на съѣздъ въ Мюнхенгрецъ. Въ 1835 г. рѣшено было пойти навстрѣчу Николаю гораздо дальше: не только прусскій король, но и его гвардія должны были явиться на русскую территорію, въ Калишъ, для совмѣстныхъ маневровъ и совмѣстнаго торжественнаго смотра передъ союзными государями (предполагался и австрійскій императоръ, но Францъ I умеръ, на нѣсколько мѣсяцевъ не дождавшись калишскихъ торжествъ), Николай былъ чрезвычайно всѣмъ этимъ доволенъ; Калишъ сталъ надолго центромъ его вниманія. Съ прусской стороны рѣшено было использовать настроеніе русскаго императора. Какъ-разъ въ дни калишскихъ празднествъ для Николая была приготовлена записка прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ансильона (того самаго, что отказался ѣхать въ Мюнхенгрецъ), гдѣ можно было читать такія вещи: «Тѣсный союзъ Пруссіи и Россіи—благодѣяніе не только для этихъ

---

1) Циммерманъ, цит. сл. 140.
2) См. Schiemann, цит. соч., III 260.

двухъ державъ, но и для цѣлой Европы; это—залогъ ея безопасности и мира. Союзъ существуетъ между двумя государями, связанными узами тѣсной дружбы столько же, сколько и узами родства, онъ существуетъ сознательно также между ихъ правительствами... онъ существуетъ между обѣими націями и между обѣими арміями... Родъ сліянія (этихъ армій), который представляетъ въ эту минуту калишскій лагерь, и военныя празднества, театромъ которыхъ онъ является, суть образчикъ и блестящее доказательство искренности и неразрывности этого союза... Остается пожелать, чтобы два государства, тѣсно связанныя въ столь различныхъ отношеніяхъ, были все болѣе и болѣе тѣсно связаны и въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ... Опытъ всѣхъ временъ доказалъ, что матеріальные интересы всего болѣе дѣйствуютъ на массы... Съ этой точки зрѣнія остается еще много сдѣлать въ русско-прусскихъ отношеніяхъ. То, что существовало до сихъ поръ, оказывалось несовершеннымъ, недостаточнымъ, и,—мы говоримъ это со скорбью, частыя тренія, иногда даже кровавыя столкновенія, возникали на границахъ обоихъ государствъ... Прекратить эту печальную аномалію для обоихъ правительствъ столько же необходимо, сколько желательно. Коммерческій трактатъ, основанный на взаимной выгодѣ, приноровленный къ мѣстнымъ нуждамъ, дѣлающій уступки, полезныя обѣимъ сторонамъ, облеченный въ формы, одновременно предупреждающія и пресѣкающія (preventives et repressives), мудрыя и кроткія, былъ бы единственнымъ средствомъ положить конецъ безпорядкамъ, удручающимъ сердце императора, какъ и сердце короля»[1]).

Неизвѣстно, что получилось бы, если бы записка Ансильона была передана Николаю Павловичу своевременно, т.-е. *наканунѣ* калишскихъ торжествъ. Но пруссаки имѣли неловкость сдѣлать это черезъ два мѣсяца *послѣ* Калиша. Они должны были тотчасъ же убѣдиться, что русскому государю нужна была вовсе не Пруссія, а лишь международное доказательство солидарности консервативныхъ державъ. Ради этой демонстраціи онъ, можетъ быть, и пошелъ бы на кое-какія уступки, едва ли и тогда очень рѣшительныя и принципіальныя. Но разъ дѣло было сдѣлано, для какихъ бы то ни было уступокъ не было мѣста. Привезшій записку и вмѣстѣ съ нею собственноручное письмо прусскаго короля флигель-адъютантъ Раухъ долженъ былъ услыхать отъ имп. Николая, что политика свободной торговли относительно Пруссіи для Россіи невозможна, ибо въ промышленномъ отношеніи Россія отстала отъ Пруссіи на 100 лѣтъ. Теперешняя система, по его убѣжденію, самая правильная, — за послѣдній годъ таможенные доходы увеличились почти на 50 милліоновъ рублей. Только черезъ 50 или 60 лѣтъ Россія будетъ сколько-нибудь въ состояніи выдерживать конкурренцію Пруссіи[2]). Строгая охрана границы необходима столько же изъ-за контрабанды, сколько ради польскихъ отношеній. Прусскіе пограничные города, какъ Мемель, которые живутъ контрабандой, сами не стѣсняются прибѣгать къ насилію. Помилованные королемъ поляки безъ строгаго надзора сейчасъ же опять вернутся въ свою страну и начнутъ тамъ агитировать. Онъ, Николай, слишкомъ хорошо знаетъ взгляды оберъ-президента (восточной Пруссіи) ф. Шена, чтобы ему вѣрить. Въ письмѣ къ своему тестю императоръ уже все свелъ къ контрабандѣ. «Больше, чѣмъ кто-либо,—говорилось здѣсь, — я признаю настоятельную необходимость положить разъ навсегда конецъ всѣмъ безпорядкамъ, которые

---

[2]) Zimmermann, 139.

[1]) Какимъ оптимистомъ былъ императоръ Николай!

слишкомъ часто портили пограничныя отношенія между Россіей и Пруссіей... Я ожидаю предложеній, которыя вашему величеству благоугодно будетъ передать моимъ министрамъ черезъ посредство вашихъ уполномоченныхъ. Мнѣ пріятно думать, что въ нихъ будетъ заключаться предложеніе энергической поддержки со стороны правительства вашего величества къ подавленію контрабанды, главнаго источника тѣхъ золъ, отъ которыхъ мы страдаемъ, и, рѣшаюсь это сказать, дѣйствительнаго препятствія къ тѣмъ облегченіямъ (пограничнаго надзора), какихъ требуютъ ежедневныя сношенія пограничныхъ жителей». Для оцѣнки послѣднихъ словъ письма интересно сопоставить съ ними то, что писалъ, всего пять лѣтъ спустя, о томъ же предметѣ канцлеръ Николая Павловича, Нессельроде, въ интимномъ, неоффиціальномъ письмѣ къ Мейендорфу. «Я отослалъ ваше письмо къ Канкрину, — читаемъ тамъ.—... Въ немъ главное препятствіе (къ улаженію русско-прусскихъ отношеній). Онъ воображаетъ, что его таможенные чиновники святые и всячески ихъ поддерживаетъ; гуманные же способы дѣйствія не входятъ въ его программу. Въ дѣлѣ права и справедливости мы, къ несчастью, очень отстали отъ всѣхъ другихъ націй Европы. Пограничное населеніе хочетъ заниматься контрабандой, прусскія власти смотрятъ на это сквозь пальцы и даже поощряютъ его; наше мелкое начальство, на которое возложена обязанность бороться съ этимъ, принимаетъ каждаго пруссака за контрабандиста, изводитъ его и вообще исполняетъ свои обязанности крайне несправедливо и грубо. Вотъ точное изображеніе того, что происходитъ на границѣ, и настоящая причина всѣхъ эксцессовъ. Трудно выдумать лѣкарство противъ этой болѣзни» [1]).

Пруссакамъ казалось, что они изобрѣтательнѣе русскаго канцлера, и что лѣкарство ими найдено. Мы сейчасъ видѣли, какъ перепутывались въ сознаніи николаевскаго правительства таможенная и чисто-полицейская охрана русской границы. Мы видѣли, что въ первомъ отношеніи оказалось невозможно добиться какого бы то ни было содѣйствія отъ прусскаго правительства: оно упорно отказывалось заключить таможенный картель. Но во второмъ отношеніи кое-что удалось сдѣлать. Индустріальные интересы раздѣляли Россію и Пруссію, — общее обладаніе кусками разорванной Польши ихъ, поневолѣ, сближало; ничто не связываетъ такъ людей, какъ сообща учиненное преступленіе... 17 марта 1830 г. «во имя пресвятой и нераздѣльной Троицы» (необходимый заголовокъ всякаго торжественнаго соглашенія до Берлинскаго трактата 1878 г.: послѣдній былъ озаглавленъ «во имя Бога всемогущаго») оба правительства, русское и прусское, взаимно обязались выдавать другъ-другу, гласно и открыто, военныхъ дезертировъ; негласно, особой секретной статьей, политическихъ преступниковъ, которыми, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, съ русской стороны были, конечно, поляки. Вскорѣ же, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вспыхнувшее польское возстаніе дало безчисленное множество случаевъ примѣненія конвенціи — и безчисленное количество жалобъ съ русской стороны, ибо пруссаки, нужно сказать, не обнаруживали никакого усердія въ ловлѣ польскихъ инсургентовъ, оправдывая себя, къ вящшему негодованію Николая, ссылками на общественное мнѣніе Пруссіи, несочувствовавшее выдачѣ политическихъ. Съ прусской стороны едва ли нашлось бы много «политиковъ», которые вздумали бы искать убѣжища во владѣніяхъ русскаго императора. И «прусская сторона» выразилась въ секретной статьѣ, главнымъ образомъ, чрезвычайно любо-

[1]) Zimmermann, 140—141; Nesselrode, VIII, 170—171.

пытной оговоркой: «что проступки противъ финансовыхъ законовъ не будутъ отнесены къ категоріи преступныхъ дѣяній». Своихъ контрабандистовъ пруссаки отнюдь не собирались выдавать... Хотя, такимъ образомъ, и были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы полицейскій картель нельзя было превратить въ таможенный какими бы то ни было обходами, конвенція 1830 г. продолжала оставаться выгодной — и даже односторонне выгодной для Россіи. На этомъ и былъ построенъ прусскій планъ; конвенція была заключена на 12 лѣтъ — ея дѣйствіе кончалось въ 1842 г. «Если вы намъ не сдѣлаете до того времени уступокъ въ таможенномъ вопросѣ, мы не возобновимъ картеля», — угрожало прусское правительство. Польскіе агитаторы тогда будутъ жить у васъ подъ носомъ, и вамъ не будетъ отъ нихъ покоя, а русскіе бѣглые солдаты съ полнымъ спокойствіемъ будутъ работать у прусскихъ помѣщиковъ въ двухъ верстахъ отъ русской пограничной черты. Какъ подъ крупной политикой иногда скрывается мелкая, такъ и у крупной экономики бываютъ свои мелкія подробности: прусскія имѣнія уже тогда ощущали, періодически, острую нужду въ рабочихъ рукахъ, и нужда эта удовлетворялась пришельцами съ той стороны русской границы. Такъ какъ дезертирство въ николаевской арміи носило массовый характеръ (за 25 лѣтъ царствованія дезертировъ офиціально считали болѣе 100 тысячъ, фактически ихъ было гораздо болѣе, такъ какъ полковое начальство, во избѣжаніе отвѣтственности, много бѣглыхъ помѣчало умершими), то въ смыслѣ снабженія прусскихъ экономій рабочими руками русскіе бѣглые солдаты были далеко не безразличнымъ элементомъ. Антипатія прусскаго «общественнаго мнѣнія» къ картелю въ значительной степени объяснялась именно этимъ.

Прусскимъ бюрократамъ придуманный ими ударъ казался неотвратимымъ, и они не безъ самодовольства говорили между собою объ эффектѣ, который должна произвести подведенная ими мина, когда она взорвется. Русское правительство, когда оно узнало о готовящемся подвохѣ (сначала, повидимому, именно изъ разговоровъ прусскихъ чиновниковъ, которые заранѣе хвастались своей побѣдой, въ частныхъ бесѣдахъ, и передъ русскими: это особенно возмущало имп. Николая), стало дѣлать видъ, что для него въ высокой степени безразлично, существуетъ картель или нѣтъ. Письмо Нессельроде свидѣтельствуетъ, однако же, о настроеніи тревожномъ, близкомъ къ подавленности. «То, что вы сообщаете о торговомъ дѣлѣ, не предвѣщаетъ ничего хорошаго,—писалъ онъ Мейендорфу въ концѣ 1840 г.— Вотъ что значитъ не схватить за волосы благопріятный случай. Варшавскія власти тянули дѣло цѣлый годъ и упустили хорошую минуту. Президенты провинцій противъ (соглашенія съ Россіей); Альвенслебенъ, который былъ хорошо настроенъ, уходитъ, и Канкринъ, которому я, наконецъ, втолковалъ насчетъ необходимости поладить съ Пруссіей, тоже хочетъ оставить министерство. Все это неблагопріятно для нашихъ переговоровъ. Я не могу еще дать вамъ инструкцій относительно возобновленія картеля. Я ожидаю отзыва кн. Варшавскаго (Паскевича) и нашихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго и постараюсь пока доказать имъ, что простое возобновленіе (картеля) есть максимумъ того, чего мы можемъ надѣяться добиться отъ Пруссіи. Я боюсь даже, не слишкомъ ли вы обольщаетесь надеждой достигнуть и этого, такъ какъ общественное мнѣніе, особенно въ старой Пруссіи, подстрекаемое Ф. Шеномъ, сильно возбуждено противъ условій картеля» [1]).

[1]) VIII, 105.

Что опасенія русскаго правительства захватили и Канкрина, при всей его непоколебимой преданности идеямъ протекціонизма, показываютъ переговоры, которые онъ нашелъ нужнымъ вести съ пруссіими министрами, когда онъ былъ проѣздомъ въ Берлинѣ; лѣтомъ 1839 г. Канкринъ «представилъ прусскимъ министрамъ всѣ доказательства, убѣждающія въ невозможности для русскаго правительства согласиться на сбавку пошлинъ съ товаровъ, обозначенныхъ въ прусскихъ предложеніяхъ. Это именно такіе товары, для производства которыхъ учреждены въ Россіи заводы и фабрики, имѣющіе право на покровительство со стороны правительства». На запискѣ прусскаго министерства финансовъ, доставленной русскому правительству въ 1840 г., Канкринъ написалъ, что исполненіе прусскихъ требованій «вызвало бы существенное измѣненіе всей русской таможенной системы, и только чрезъ Государственный Совѣтъ оно могло бы осуществиться[1]). Но пруссаковъ не пугали ни «право на покровительство» русскихъ заводовъ и фабрикъ, ни даже необходимость безпокоить государственный совѣтъ. Въ тревогѣ Канкрина и Нессельроде они видѣли только подтвержденіе тактической правильности задуманнаго ими хода, и лѣтомъ 1842 г. они рѣшили нанести ударъ. Прусская нота, переданная 1/13 іюня Мейендорфу, заявила, что на возобновленіе картеля 1830 г. Россія можетъ разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если она согласится на удовлетвореніе требованій Пруссіи. Берлинскій дворъ былъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ, что къ свитѣ короля, какъ-разъ въ это лѣто отправлявшагося въ Петербургъ, были спеціально прикомандированы два высшихъ чиновника, Мюллеръ и фонъ-Уденъ, для выработки, сообща съ русскими уполномоченными, таможенной конвенціи.

Фридриха Вильгельма IV чрезвычайно мало уважали въ Петербургѣ, и мы видѣли отзывы о немъ Нессельроде, которые будетъ слишкомъ мягко назвать только непочтительными. Но на этотъ разъ въ отзывахъ Нессельроде о томъ же государѣ слышится болѣе, чѣмъ почтительный трепетъ. Въ письмѣ къ Мейендорфу сообщается даже о легкомъ разстройствѣ желудка Фридриха Вильгельма, причиненномъ невской водой, и выражается сожалѣніе, что авторъ письма не успѣлъ еще представиться королю. Мюллеру и ф.-Удену было объявлено, что Россія не желаетъ вести никакихъ переговоровъ въ собственномъ смыслѣ, ибо они могли бы привести «къ охлажденію дружескихъ отношеній, которыя государь желаетъ поддерживать съ Пруссіей». Но совершенно добровольно, «исключительно въ интересахъ нашихъ отношеній съ Пруссіей, основанныхъ на добромъ согласіи и сосѣдствѣ», Россія согласна сдѣлать рядъ уступокъ, которыя Нессельроде и прочиталъ прусскимъ уполномоченнымъ, обозначивъ ихъ, какъ «окончательныя». Это были исключительно мелкія смягченія въ области пограничнаго надзора: объ ослабленіи протекціонной системы, объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ «съ прусскихъ мануфактурныхъ издѣлій изъ хлопка, полотна, льна, шелку, желѣза и стекла», что ранѣе было предметомъ переговоровъ, не говорилось ни слова. «Что касается до пошлинъ, взимаемыхъ въ Пруссіи съ русскаго и польскаго транзита (т.-е. главнымъ образомъ съ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, преимущественно польскихъ, какъ мы уже знаемъ), а равно возобновленія картельной конвенціи, то его императорское величество разсчитываетъ въ этомъ отношеніи на справедливость короля и дружескія его чувства» прибавляло русское сообщеніе.

---

[1]) Мартенсъ, VIII, стр. 277, ср. стр. 250.

На всѣ эти учтивости и щедроты пруссаки отвѣтили съ чрезвычайной грубостью. Они заявили, что согласны продлить срокъ дѣйствія картеля еще *на одинъ только годъ* съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого года была, наконецъ, выработана окончательная таможенная конвенція. Заявленіе кончалось ссылкой на вѣнскій трактатъ 1815 г., обезпечивавшій Пруссіи почти свободную торговлю съ Польшей, въ границахъ 1772 г. Давно похороненный мертвецъ вновь вставалъ изъ гроба... Надо прочесть письмо Нессельроде, написанное на другой день послѣ отъѣзда короля изъ Петрограда, чтобы оцѣнить настроеніе «сферъ», когда онѣ увидѣли, какой оборотъ приняло дѣло. Именно изъ этого письма взяты нами цитаты, говорящія объ «особенномъ талантѣ пруссаковъ портить всякое дѣло», и аттестующія ихъ какъ «грошевиковъ, съ которыми нужно торговаться, какъ съ евреями». «Ихъ отвѣтъ, переданный въ тотъ моментъ, когда они садились на пароходъ, все испортилъ и заставилъ меня потерять плодъ двухнедѣльныхъ усилій, уступокъ и самыхъ щедрыхъ пожертвованій со стороны императора, пожертвованій, имѣвшихъ единственною цѣлью улучшить наши пограничныя отношенія и доставить удовольствіе королю. Я ихъ заклиналъ не говорить о вѣнскомъ трактатѣ и отвѣтить такъ просто, какъ только возможно, оставивъ всякую дипломатію въ сторонѣ... Вмѣсто того, чтобы ограничиться благодарностью за наше сообщеніе и сказать, что въ томъ, что касается картеля, король готовъ, съ своей стороны, сдѣлать все, что только можетъ быть пріятно императору, они соглашаются продлить его только на годъ, да и то подъ условіемъ новыхъ переговоровъ, съ очевидной цѣлью принудить насъ къ новымъ пожертвованіямъ. Такой поступокъ, подобный образъ дѣйствія неизбѣжно долженъ былъ задѣть императора за живое. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ собою поразительный контрастъ со столь благороднымъ, столь безкорыстнымъ поведеніемъ нашего государя... Прочтите (прусское сообщеніе) и вы найдете, какъ и мы, что прусское нахальство сквозитъ изъ каждой строки. Съ ними трудно столковаться, и я отъ всего сердца жалѣю васъ, вынужденнаго имѣть дѣло съ людьми, столь высокомѣрными» [1]).

Пруссаки уѣзжали съ полнымъ сознаніемъ, что сдѣланный ими шагъ можетъ повести къ прекращенію всякихъ переговоровъ: «но,— говоритъ нѣмецкій историкъ, положеніе едва ли могло стать хуже, чѣмъ оно уже было». Если такъ же думали и прусскіе дипломаты, они скоро должны были разубѣдиться: русское правительство сумѣло сдѣлать положеніе если не хуже, то значительно сложнѣе и, во всякомъ случаѣ, не выгоднѣе для Пруссіи. Игнорируя поставленное прусскими уполномоченными условіе (на этотъ разъ Нессельроде прямо заявилъ, что въ картелѣ Россія не нуждается; въ самомъ дѣлѣ, годомъ раньше, годомъ позже, не все ли это было равно? Да, къ тому же, Паскевичъ успокаивалъ, что «въ крайнемъ случаѣ» можно жить и безъ картеля), оно опубликовало свои «окончательныя уступки» въ формѣ односторонняго акта — какъ бы «дарственной записи» имп. Николая Пруссіи. Мало того, къ «окончательнымъ уступкамъ» было присоединено еще пониженіе пошлинъ на издѣлія изъ льна и пеньки. Русское полотняное ткачество давно уже стояло совершенно прочно, русскій холстъ уже съ XVIII в. является предметомъ массоваго вывоза за границу, между прочимъ, и въ Пруссію, если бы послѣдняя и сумѣла воспользоваться

---

[1]) Для этого всего см. Martens, ц. соч., 279 сл.; Zimmermann, 232 сл.; Nesselrode, VIII 176—181.

русскими «уступками», это было бы не такъ страшно. Если бы сумѣла, но это-то и оказывалось не такъ просто. Пруссія въ таможенномъ отношеніи была въ это время уже не одна: съ 1834 г. существовалъ Zollverein. Пруссакамъ казалось само собою разумѣющимся, что «уступки» распространяются и на него: но Нессельроде отвѣтилъ, что Россіи ничего оффиціально неизвѣстно о существованіи Zollverein'а; притомъ же пруссаки сами ссылаются на трактатъ 1815 г.: какой же тогда былъ Zollverein? Русскія льготы будутъ предоставлены лишь товарамъ, которые смогутъ доказать свое истинно-прусское происхожденіе. Едва объ этомъ узнали въ Саксоніи и южной Германіи, какъ тамъ подняли вопль, что Пруссія, вопреки договору Zollverein'а, заключаетъ сепаратныя соглашенія съ другими державами. Только тутъ пруссаки поняли, какой данайскій даръ у нихъ въ рукахъ. Россія вбивала клинъ въ только что возникшее таможенное единство Германіи. Пришлось подражать русской тактикѣ относительно картеля: заявить, что «уступки» Пруссіи вовсе не нужны, и формально запретить прусскимъ купцамъ представлять свидѣтельства о происхожденіи ввозимаго ими въ Россію товара.

По существу побѣда осталась за имп. Николаемъ и Нессельроде,—въ Берлинѣ не могли этого не сознавать. 940 русскихъ дезертировъ, которыхъ съ торжествомъ могло насчитать пограничное прусское начальство за нѣсколько мѣсяцевъ со времени отмѣны картеля, плохо уравновѣшивали ущербъ, наносившійся прусской промышленности русскими запретительными пошлинами; именно къ этому времени относится цитированная нами фраза Нессельроде, что «ненависть къ намъ пруссаковъ достигаетъ размѣровъ безумія». А затѣмъ, какъ это часто бываетъ при безуміи, пароксизмъ ненависти смѣнился апатіей. Руки невольно опускались, когда такое «вѣрное» дѣло было проиграно въ самую послѣднюю минуту, наканунѣ, казалось бы, рѣшительной побѣды. 20 мая 1844 г. Пруссія просто-напросто возобновила картель еще на двѣнадцать лѣтъ, безо всякихъ условій. Но если на одной сторонѣ пораженіе приводило къ апатіи, на другой неожиданно одержанная побѣда толкала къ дальнѣйшему наступленію. Мы видѣли, что особенно были недовольны въ Петербургѣ упоминаніемъ о трактатѣ 1815 г.,—ничѣмъ нельзя больнѣе задѣть человѣка, какъ припомнивъ ему неисполненное имъ обязательство. Но въ данномъ случаѣ задѣтый вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ и спѣшилъ воспользоваться побѣдой, чтобы уничтожить всѣ слѣды пережитаго имъ стыда. Вѣнскій трактатъ предполагалъ независимую Польшу. Политической независимости «королевства», ставшаго «царствомъ», не было уже съ 1831 г.: но оставался ея *экономическій* слѣдъ, въ особой польской таможенной системѣ и отдѣльной таможенной линіи. Мы уже говорили, что паденіе этой послѣдней было только вопросомъ времени, и ко второй половинѣ 40-хъ гг. вопросъ могъ считаться достаточно назрѣвшимъ. Къ окончательному рѣшенію шли такъ, какъ привыкла ходить николаевская дипломатія: отнюдь не прямо и ни въ какомъ случаѣ не называя вещи своими именами. Еще 5 января 1847 г. Нессельроде настойчиво опровергалъ «распространяемые заграницей польской эмиграціей слухи», будто бы имп. Николай хочетъ покончить съ польской автономіей: ничего подобнаго, пусть прусскій кабинетъ успокоится. А три недѣли спустя, даже меньше, мы уже читаемъ: «нужно согласиться, что въ коммерческихъ вопросахъ она (Пруссія), въ самомъ дѣлѣ, невыносима; я ожидаю протестовъ *по поводу проектированнаго упраздненія таможенной линіи, которая отдѣляетъ*

королевство отъ имперіи (!). Кенигсбергскіе купцы уже обратились по этому поводу съ адресомъ къ королю. Постарайтесь, чтобы дѣлу не было дано ходу: всякій протестъ ихъ по этому поводу былъ бы чрезвычайно худо принятъ императоромъ. Вообще, въ Берлинѣ странныя идеи насчетъ всѣхъ этихъ коммерческихъ вопросовъ» (письмо къ Мейендорфу 22 января). Чего люди безпокоятся? У нихъ только отнимаютъ послѣдній, доступный имъ рынокъ во владѣніяхъ имп. Николая,—только и всего. Какой благовоспитанный человѣкъ рѣшится поднять крикъ по такому поводу? Но пруссакамъ было не до благовоспитанности, и черезъ два мѣсяца въ письмѣ того же Нессельроде къ тому же Мейендорфу мы встрѣчаемъ такую знаменательную фразу: «Ваше письмо отъ 6 марта доставило мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ оно снабдило меня аргументами для тезиса, который здѣсь всячески оспариваютъ,—именно, что *Пруссія еще не окончательно потеряна для насъ*». Прошло еще около полугода, и Нессельроде уже пишетъ языкомъ, который заставляетъ сомнѣваться въ прочности его «тезиса». «Коницъ (прусскій министръ) прислалъ Оттерштедту (прусскому повѣренному въ дѣлахъ) достаточно дерзкую депешу по поводу уничтоженія таможенной линіи. Я познакомился съ нею, благодаря перлюстраціи (!) [1]... Въ Берлинѣ совершенно напрасно спѣшатъ тотчасъ же вступить на офиціальный путь... Я читалъ императору ту часть вашего письма, гдѣ вы передаете слова, сказанныя вамъ королемъ, и вотъ что онъ (т.-е. Николай I) отвѣтилъ: «Если король хочетъ послать въ Россію армію, чтобы поддерживать свое несправедливое требованіе, онъ найдетъ съ кѣмъ говорить»... Это между нами. Судите поэтому, какъ будетъ принята нота Оттерштедта, и какой отвѣтъ мнѣ приказано будетъ написать». Этого отвѣта такъ боялся самъ будущій его авторъ, что въ дальнѣйшемъ онъ пытается еще разъ успокоить пруссаковъ, на этотъ разъ надеждами на смягченіе уже самого русскаго таможеннаго тарифа. Эта политика,—въ виду, главнымъ образомъ, безнадежнаго положенія Пруссіи, когда люди особенно склонны убаюкивать себя иллюзіями,—удавалась весьма долго: еще въ 1850 г. тогдашній прусскій посланникъ Ф.-Роховъ писалъ въ Берлинъ самыя оптимистическія донесенія насчетъ будущаго русскаго тарифа. Только опубликованіе послѣдняго, показавъ, что онъ является довольно вѣрнымъ наслѣдникомъ всѣхъ предыдущихъ, окончательно разрушило всѣ надежды: а чтобы отдалить этотъ моментъ, проектъ тщательно скрывали отъ пруссаковъ, чрезвычайно желавшихъ съ нимъ познакомиться. Но, нужно сказать, иллюзіи были дѣломъ офиціальной Пруссіи: неофиціальная, но дѣловая, брала вопросъ совсѣмъ съ другого конца, и Нессельроде совершенно правильно характеризуетъ эту точку зрѣнія, все въ томъ же письмѣ. «Всѣ эти хлопоты доставляютъ намъ кенигсбергскіе и мемельскіе контрабандисты. Для нихъ мало имѣетъ значенія разница между двумя тарифами. Что они предвидятъ и чего они боятся, это—что новая (русская) таможенная линія, на внѣшней границѣ царства польскаго, будетъ лучше охраняться, чѣмъ охраняется до сихъ поръ польская граница» [2]. Какъ въ 20-хъ годахъ, такъ и въ 40-хъ, прусская торговля съ Россіей была, прежде всего другого, контрабандой; на границѣ шла форменная мелкая война между контрабандистами и пограничной стражей, при чемъ послѣднюю

[1] Этотъ обычай русскаго кабинета—перлюстрировать дипломатическую корреспонденцію «дружественныхъ» державъ—былъ такъ хорошо извѣстенъ, что имъ пользовались, чтобы отвести душу и сказать Россіи, чего офиціально не напишешь.

[2] Письмо къ Мейендорфу 13 дек. 1847 г., IX 47—49.

неоднократно приходилось усиливать линейными войсками. При такихъ условіяхъ оборона одной линіи вмѣсто двухъ представляла явныя стратегическія удобства. Каковы были экономическіе размѣры явленія, показываютъ прусскія офиціальныя данныя, которыя трудно заподозрить въ преувеличеніи: по этимъ даннымъ Россія потеряла изъ-за контрабанды пошлины въ 1845 г. на 5.534.000 талеровъ, а въ 1846—на 5.219.000 тал. [1]). Это было больше всей суммы русскаго ввоза въ Пруссію, не превышавшаго 4 милл. р. на серебро.

Мелкая пограничная война не превратилась въ большую. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не послалъ арміи къ русскимъ границамъ для поддержанія своихъ «несправедливыхъ требованій». Но мы теперь знаемъ, что если эта армія пошла въ Шлезвигъ и грозила вторгнуться въ Ютландію, то виноваты были въ этомъ не одни идеалистическіе мотивы «національнаго единства», а и побужденія непосредственно-экономическія: Россію можно было «прижать» въ Даніи вѣрнѣе, чѣмъ въ Познани. Споръ на польской границѣ всегда имѣлъ оборотную сторону: она именно, эта сторона, и дѣлала экономическихъ противниковъ политическими псевдо-союзниками. Но съ этимъ связана такая обширная группа явленій, образующихъ вмѣстѣ треугольникъ—Россія, Пруссія, Польша,—что вопросъ этотъ придется разсмотрѣть особо.

---

[1]) Zimmermann, 241.

ГЛАВА II.

1863 годъ.

I.

«Наша политика, въ истинныхъ интересахъ Россіи и династіи, должна оставаться такою, какой она была въ прошломъ—монархической и антипольской»,—писалъ Нессельроде въ мемуарѣ, представленномъ императору Александру II наканунѣ Парижскаго конгресса 1856 года. «Со времени раздѣла Польши, между Россіей, Австріей и Пруссіей существуетъ солидарность интересовъ, и мы—та изъ этихъ державъ, для которой эта солидарность всего необходимѣе. Это хорошо доказала польская революція...» [1]).

Министръ иностранныхъ дѣлъ Николая I имѣлъ въ виду, конечно, 1831 годъ; ему и не грезилось, что онъ пишетъ почти наканунѣ новой «польской революціи», начало которой еще застало его въ живыхъ. Для иллюстраціи «русско-прусской дружбы» берется, обыкновенно, именно эта *вторая* польская революція, или даже, точнѣе, заключительный ея актъ: повстанье 1863 года. Ниже мы увидимъ, есть ли у этого послѣдняго историческія права быть такой иллюстраціей. Пока замѣтимъ, что Нессельроде, какъ историкъ, былъ въ своей ссылкѣ совершенно правъ; той развязки трагедіи 1830—31 г., какую она имѣла, безъ участія Пруссіи нельзя себѣ представить. Вопросъ: «Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?»—намъ кажется теперь риторическимъ. Быть-можетъ, онъ былъ такимъ и для Пушкина, не посвященнаго во всѣ военныя и дипломатическія тайны своего времени. Но когда вы читаете секретныя для современниковъ письма Николая Павловича къ Паскевичу, гдѣ императоръ—уже послѣ побѣдной вѣсти—не можетъ забыть «трехъ нескончаемыхъ дней», которые онъ прожилъ «между страхомъ и надеждою, въ ожиданіи роковыхъ вѣстей», когда вы видите другое письмо, гдѣ тотъ же авторъ признается, что его «била лихорадка» при чтеніи рапортовъ Паскевича,—вы начинаете понимать, что для людей, посвященныхъ въ дѣло, исходъ далеко не разумѣлся самъ собою даже въ августѣ 1831 г., когда побѣдоносная русская армія уже стояла подъ стѣнами Варшавы [2]). Еще менѣе могъ онъ разумѣться самъ собой за полгода раньше, когда эта армія отступала отъ этихъ стѣнъ, послѣ Грохова. «Ляхъ» имѣлъ нѣкоторыя объективныя основанія быть «кичливымъ», и наказать его за это качество исключительно домашними средствами не представлялось возможности. Когда для Петербурга стало ясно, что гроховская побѣда представляетъ собою довольно точное воспроизведеніе побѣдъ Беннигсена надъ Наполеономъ I, поведшихъ къ тильзитскому миру,

---

[1]) «Lettres et papiers», XI, 113—115.

[2]) Цитаты взяты изъ писемъ Николая I, датированныхъ 26 августа и 4 сентября 1831 г. См. Щербатова «Ген.-фельдм. Паскевичъ», франц. изд. т. IV, стр. 78 и 191.

Николай Павловичъ рѣшилъ взять дѣло въ руки самъ (стратегическая безпомощность Дибича была уже внѣ всякаго сомнѣнія). И вотъ что писалъ онъ тогда (въ апрѣлѣ 1831 г.): «Всѣ выгоды, коими мы обладали въ началѣ кампаніи, совершенно потеряны вслѣдствіе ряда несчастныхъ обстоятельствъ, которыя безполезно здѣсь перечислять, но которыя дѣлаютъ исходъ войны въ настоящую минуту проблематическимъ. Наша армія вынуждена отступить къ границѣ (русско-польской), для того, чтобы сосредоточиться и постараться найти продовольствіе, котораго ей совершенно не хватаетъ, и есть основаніе опасаться, что его не удастся собрать ни скоро, ни даже въ достаточномъ количествѣ изъ-за голода, царствующаго на Волыни, и полнаго недостатка всего, на что мы могли разсчитывать, въ Литвѣ съ тѣхъ поръ, какъ эта область возстала». Все необходимое приходилось добывать изъ внутренней Россіи, связанной съ театромъ войны тысячами верстъ отвратительной дороги,—а потомъ нужно было вести наступленіе по странѣ, нарочно опустошенной непріятелемъ, среди возставшаго населенія, «сопротивленіе котораго будетъ упорно» (отъ себя самихъ не скрывали, что возстала отнюдь не одна «шляхта», а именно польскій народъ...). «Я предлагаю совсѣмъ другой планъ. Вотъ онъ. Немедленно закупить, по какой бы цѣнѣ ни было, хлѣба и фуражу, чтобы устроить магазины вдоль прусской границы и даже въ самой Пруссіи, относительно чего легко столковаться съ ея правительствомъ...» Взявъ своей базой Пруссію, нужно было, конечно, держаться какъ можно ближе къ этой базѣ, что давало еще и дополнительную выгоду, прикрытія тыла и праваго фланга наступающей русской арміи. Отсюда планъ, повидимому, лично принадлежащій имп. Николаю, показавшему себя, въ этомъ случаѣ, лучшимъ стратегомъ, нежели его «забалканскій» фельдмаршалъ—фланговаго марша къ Остроленкѣ и дальнѣйшаго наступленія черезъ Праснышъ и Пултускъ, къ Плонску и Плоцку, съ переправой «у Плоцка или ниже», т.-е. около самой прусской границы, черезъ Вислу, «для чего надо нанять или купить суда въ Пруссіи». Затѣмъ русская армія оказывалась въ тылу у поляковъ, и получалась еще одна дополнительная выгода: обрѣзывались «моральные пути сообщенія непріятеля съ Европой» [1]).

Путь къ Варшавѣ шелъ черезъ Берлинъ. Дипломатически, разумѣется: когда, нѣсколько наивно усвоившій себѣ планъ своего государя, Дибичъ сталъ требовать у пруссаковъ пропуска русской арміи черезъ прусскую территорію (это было, конечно, еще проще фланговаго марша вдоль прусской границы), берлинскій кабинетъ отвѣтилъ угрозой двинуть въ Познань 400.000 штыковъ. Даже и по части продовольствія пруссаки не были такъ предупредительны, какъ отъ нихъ ожидали. Смѣнившій чрезвычайно во-время умершаго отъ холеры Дибича Паскевичъ (вызванный еще раньше изъ Закавказья, спеціально для выполненія изложеннаго плана имп. Николая) жаловался потомъ, что пруссаки четыре мѣсяца пекли такое количество сухарей, какое русскіе хлѣбопеки могли приготовить въ пять дней. А наемъ прусскихъ подводъ и лодокъ прусская администрація,—изъ-за холеры или подъ предлогомъ холеры, какъ казалось Паскевичу,—обставляла такими формальностями, что прусскіе крестьяне отказывались отъ сдѣлокъ, при всей ихъ выгодности. Какъ бы то ни было, въ общемъ и цѣломъ планъ былъ осуществленъ, именно, благодаря пруссакамъ: Паскевичъ

---

[1]) Ibid 189—191. Записка (по-французски, въ оригиналѣ) ошибочно помѣчена *іюлемъ*. Правильную датировку—22 апрѣля см. на стр. 13 того же тома.

нашелъ даже возможность переправить свою армію черезъ Вислу почти на прусской территоріи—«черезъ два острова, которые на нашихъ картахъ значатся принадлежащими Пруссіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они находятся еще въ предѣлахъ Царства Польскаго». Надобно думать, что у польскаго главнаго штаба карта была та же самая—и на этомъ былъ построенъ разсчетъ русскаго главнокомандующаго. Пруссаки этого разсчета не испортили—въ принципѣ они соглашались даже на большее, на доставку русской осадной артиллеріи моремъ, черезъ Пиллау или Данцигъ: очевидно, фраза о «400.000 штыковъ» предназначалась не столько для Россіи, сколько для Европы. Если и послѣ этого въ Петербургѣ иногда случались приступы лихорадки, а на фронтѣ—чрезвычайно загадочныя «контузіи», лишавшія русскую армію отвѣтственнаго главнокомандующаго въ самую критическую минуту (дѣло шло только объ отвѣтственности—военныя операціи велись, не хуже и не лучше, начальникомъ штаба «контуженнаго» Паскевича, Толемъ), если Варшаву пришлось брать съ неслыханнымъ, по тогдашней войнѣ, кровопролитіемъ[1])—это только дѣлало еще рельефнѣе заслугу прусскаго правительства. Вмѣстѣ со «славой и хвалой Богу всемогущему» и «доблестному отцу-командиру» (такъ Николай I имѣлъ привычку называть Паскевича, подъ начальствомъ котораго онъ когда-то командовалъ бригадой, въ бытность великимъ княземъ (не мѣшало бы сказать небольшое спасибо и пруссакамъ. Николай Павловичъ пренебрегъ этимъ—онъ вообще не любилъ, когда ему помогали нѣмцы; т.-е. не любилъ вспоминать объ этомъ—отъ дня 14 декабря, напримѣръ, онъ запомнилъ почти только однѣ русскія фамиліи: а остзейское дворянство съ гордостью вспоминало этотъ день, и по праву...

Едва ли, впрочемъ, нѣмцы и старались ради платонической благодарности: на сенатской площади остзейское баронство било въ зародышѣ самаго страшнаго врага, какой могъ ему присниться—политически свободную Россію. Какой *свой* интересъ находили прусскіе министры, отдавая поляковъ на жертву Николаю? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ дѣйствовала просто круговая порука всѣхъ абсолютныхъ монархій, къ которымъ принадлежала тогда и Пруссія,—да еще монархій, владѣвшихъ кусками Польши. Но польская политика Пруссіи въ тѣ дни, опять-таки, вовсе не была чѣмъ-то само собой разумѣющимся. Подробно разобранныя въ первой части этого очерка отношенія Пруссіи къ Россіи, на почвѣ таможеннаго вопроса,—а начались эти отношенія, мы помнимъ, еще при Александрѣ I,—побуждали прусское правительство относиться съ крайней осторожностью къ находящимся въ прусскомъ подданствѣ познанскимъ полякамъ. Никакъ нельзя было уступить въ либерализмѣ Александру, давшему «своей» Польшѣ особую конституцію—и пруссаки доходили даже до попытокъ формированія особой, національной польской арміи въ познанскомъ герцогствѣ. 1831 г., конечно, очень упростилъ дѣло: характерно, что именно около этого времени намѣстникъ-полякъ въ Познани смѣняется прусскими чиновниками, ведущими опредѣленную политику онѣмеченія[2]). Но поскольку таможенный конфликтъ оставался, сохраняли свою силу и старые мотивы прусскаго поведенія. Пруссія чрезвычайно плохо соблюдала извѣстный намъ «картель», обязывавшій ее выдавать

---

[1]) По донесенію Паскевича, изъ строя выбыло почти 11.000 человѣкъ—около 20% всей русской арміи. См. Щербатова, тамъ же, стр. 120.

[2]) См. объ этомъ въ статьяхъ, печатавшихся въ «Голосѣ Минувшаго». R. «Валеріанъ Лукасинскій» (май 1913) и Н. И. Карѣева «Польская революція 1848 г. въ Вел. Герц. Познанскомъ» (сентябрь 1915 г.).

Россіи дезертировъ и политическихъ преступниковъ. Но «попустительство» шло дальше и этого. Въ 1845 г., разсказываетъ біографъ Паскевича, «фельдмаршалъ вынужденъ былъ обратить вниманіе (прусскаго) министра, гр. Арнима, на рѣзкость языка (по отношенію къ Россіи) познанской прессы. Ея брань, «терпимая цензурой, не можетъ, разумѣется, оскорбить Россіи». Но тотъ фактъ, что прусское правительство терпитъ эти дерзости, можетъ внушить полякамъ мысль, что оно сочувствуетъ ихъ стремленіямъ. И однако же, прибавлялъ фельдмаршалъ, мюнхенгрецкая конвенція (1833 г.) еще не отмѣнена, а она обязывала державы, владѣющія территоріей бывшей Польши, помогать другъ другу въ томъ, что относится къ польскому вопросу [1]). Подъ вліяніемъ революціи 1848 г. дѣло пошло еще дальше. «Императоръ чрезвычайно возмущенъ ошибками прусскаго правительства въ Познани», писалъ Нессельроде Мейендорфу 3 іюня этого года:—результатомъ была серьезная депеша, написанная почти цѣликомъ подъ диктовку императора, и приказаніе вамъ объясниться прямо съ королемъ... Пунктъ, на которомъ императоръ особенно настаиваетъ, это, чтобы въ польской части герцогства Познанскаго не формировали ядра польской арміи, съ ея (національными) цвѣтами и всей этой мишурой, предназначенной для возбужденія сосѣдей» [2]).

Какъ видимъ, польская армія подъ прусской командой вовсе не такое новое явленіе, какъ можетъ показаться. И если въ 20-хъ годахъ ее можно было счесть подражаніемъ русскому образцу,—у Александра I тоже была «національная» польская армія, кадры той, которая доставила въ 1831 г. столько хлопотъ Дибичу и Паскевичу,—то въ концѣ царствованія Николая явленіе, несомнѣнно, могло претендовать на оригинальность. Одна оригинальность вызываетъ другую: въ противовѣсъ «польскимъ легіонамъ» Мѣрославскаго, которые, впрочемъ, изъ стадіи проекта не вышли, Николай Павловичъ, какъ мы знаемъ, завелъ дружбу съ Французской республикой. Было ли и это вполнѣ оригинально? Поскольку рѣчь шла о *республикѣ*, несомнѣнно; но что касается вообще союза съ Франціей противъ Пруссіи, тутъ едва ли не было хорошо протоптанной колеи. Въ извѣстномъ смыслѣ прелюдіей къ польской революціи 17-29 ноября 1830 г. были обширные мобилизаціонные планы Россіи, готовившейся выступить на защиту только что низвергнутыхъ іюльской революціей Бурбоновъ. Польская армія должна была составить авангардъ общаго наступленія, и Дибичъ, посланный въ Берлинъ склонять прусскаго короля присоединиться къ Николаю I (Фридрихъ-Вильгельмъ III не обнаруживалъ къ этому рѣшительно никакой охоты),—Дибичъ готовился не воевать съ поляками, а вести этихъ послѣднихъ на Парижъ. Почему Пруссія относилась къ этому походу съ такой замѣтной антипатіей? Маленькая черточка изъ записокъ Бенкендорфа (просмотрѣнныхъ и исправленныхъ Николаемъ) вскрываетъ петербургскую точку зрѣнія на готовившуюся войну: «положеніе вещей (во Франціи) тѣмъ болѣе огорчаетъ императора», записалъ Бенкендорфъ, «что онъ не переставалъ желать, чтобы эта держава, *его естественная союзница*, чтобы эта нація, къ которой нашъ народъ относится съ такимъ сочувствіемъ, всегда была великой, богатой и сильной» [3]). Война 1831 года (походъ предполагалось начать въ де-

---

1) Щербатовъ, цит. соч. V, 293.
2) «Le tetreset papire» IX, 108.
3) Беремъ цитату у Шимана «Geschichte Russlands unter Nikolaus I» III, 16 пр. I. Документы о польской мобилизаціи см. въ извѣстномъ сборникѣ Ангеберга.

кабрѣ 1830 года), еще болѣе, чѣмъ кампанія 1814 года, должна была быть войной не противъ народа, а только противъ правительства—противъ Луи-Филиппа. Оттого не безъ задней мысли, не безъ разсчета на старыя франко-польскія симпатіи, такъ охотно и пускали впередъ поляковъ, которымъ въ только что окончившейся русско-турецкой войнѣ 1828—29 г. не было дано никакого участія. И какъ разъ къ тому моменту этой послѣдней войны, когда военное счастье, какъ будто, заколебалось, относятся чрезвычайно любопытные переговоры русскаго двора съ послѣднимъ Бурбономъ, тогда еще прочно сидѣвшимъ на своемъ престолѣ. Цитируемый нами нѣмецкій историкъ, отмѣтивъ «интересность» приведеннаго имъ мѣста мемуаровъ Бенкендорфа, не находитъ нужнымъ освѣжить въ памяти своихъ читателей, этотъ эпизодъ, къ которому съ такимъ заслуженнымъ вниманіемъ отнесся французскій историкъ русско-французскаго союза. «Въ тотъ моментъ», пишетъ онъ, «когда арміи царя Николая шли на Константинополь [1]), русскій кабинетъ нашелъ моментъ удобнымъ, чтобы начать переговоры съ французскимъ дворомъ, стремясь лишить его поддержки Англію и Австрію, которыя этой поддержки добивались для того, чтобы помѣшать русскимъ утвердиться на Востокѣ. Царь принялъ въ соображеніе территоріальныя требованія французскаго правительства, какъ они были формулированы въ 1821 г., и велъ тайные переговоры въ Берлинѣ, добиваясь согласія Пруссіи на эти требованія. Къ содѣйствію Франціи онъ обратился офиціально, *предлагая заплатить ей линіей Рейна*, уступки которой (Пруссіей) онъ обѣщалъ добиться. Передъ такимъ формальнымъ предложеніемъ, Карлъ X запросилъ мнѣніе своихъ совѣтниковъ. Тѣ поручили формулировать это мнѣніе Шатобріану. Шатобріанъ, безъ ошибки опредѣлилъ положеніе: Россія, черезъ 15 лѣтъ послѣ трактатовъ 1815 г., даетъ Франціи случай ихъ разорвать. Составленный имъ по этому случаю мемуаръ великолѣпенъ. Онъ дышитъ самымъ проницательнымъ патріотизмомъ. «Союзъ съ Россіей», пишетъ онъ, «дастъ намъ случай пріобрѣсти опорные пункты въ Архипелагѣ и отодвинуть нашу границу до Рейна. Мы можемъ сказать Николаю: ваши враги ищутъ нашей поддержки; мы предпочитаемъ миръ войнѣ: мы желаемъ сохранить нейтралитетъ. Но если вы неможете рѣшить вашъ споръ съ Портой иначе, какъ оружіемъ, подѣлитесь справедливо Европейской Турціей съ христіанскими державами. Тѣ изъ этихъ державъ, которыя по своему географическому положенію не могутъ получить территоріальнаго приращенія на Востокѣ, будутъ вознаграждены въ другомъ мѣстѣ. *Мы хотимъ имѣть линію Рейна отъ Страсбурга до Кельна.* Россія заинтересована—вашъ отецъ (sic) Александръ сказалъ это—въ томъ, чтобы Франція была сильна. Если вы согласитесь на эту сдѣлку (arrangement), а державы возстанутъ противъ нея, мы не допустимъ, чтобы онѣ вмѣшались въ вашъ споръ съ Турціей. Если онѣ на васъ нападутъ, мы будемъ биться съ ними о бокъ съ вами на тѣхъ условіяхъ, которыя только что изложены». И, какъ бы въ заключеніе этой гордой и благородной тирады, Шатобріанъ прибавляетъ: «Никогда ни Австрія, ни Англія не дадутъ намъ рейнской границы. И однако же, для чести и безопасности Франціи, рано или поздно, граница должна быть тамъ». Не кажутся ли эти заключенія написанными вчера? Карлъ X одобрилъ ихъ. «Если императоръ Николай нападетъ на Австрію», сказалъ онъ, «я буду держаться наготовѣ

[1]) Въ дѣйствительности, именно потому, что онѣ еще не шли. М. П.

и буду дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Но если Австрія его атакуетъ, я немедленно двину противъ нея мою армію». На такихъ основаніяхъ готовъ былъ состояться союзъ, когда Россія, побѣдивъ Турцію, остановилась у Адріанополя и подписала миръ. Переговоры были прерваны»[1]).

Мы оставляемъ на совѣсти автора его квалификацію дипломатическаго торгашества Шатобріана, какъ «гордаго и благороднаго языка»— точно такъ же, какъ и его непоколебимую, повидимому, увѣренность въ томъ, что Николай Павловичъ, дѣйствительно, могъ мирнымъ путемъ «отхлопотать» у Пруссіи лѣвый берегъ Рейна для французовъ. Во всякомъ случаѣ, тайной отъ Берлина русско-французскіе переговоры быть не могли: вполнѣ возможно, что ихъ и сознательно не скрывали, чтобы, поставивъ Пруссію между двухъ огней, пріобрѣсти въ ней союзницу противъ Австріи. Въ этомъ случаѣ лѣвый берегъ Рейна только бы улыбнулся французамъ, конечно, но что же подѣлаешь? Политика есть политика. Теперь мы начинаемъ понимать загадочныя, на первый взглядъ, колебанія пруссаковъ по отношенію къ польской кампаніи 1831 г. Съ одной стороны, желательно было, чтобы русскіе увязли въ Польшѣ, какъ можно долѣе: сухари охотно пекли бы и не четыре мѣсяца, а четыре года, если бы желудокъ русскаго солдата могъ выдержать такой значительный постъ. Съ другой, принципіально отказать въ поддержкѣ Россіи значило бросить эту послѣднюю въ объятія Франціи, изъ которыхъ она только что, слава Богу, вышла, благодаря іюльской революціи. Кто знаетъ, такъ ли ужъ сильно было отвращеніе императора Николая къ Луи-Филиппу. Протянулъ же этотъ государь впослѣдствіи руку республиканскому поэту Ламартину и республиканскому генералу Кавеньяку. А поднятое іюльской монархіей трехцвѣтное знамя было, конечно, психологически гораздо тѣснѣе связано съ «линіей Рейна», нежели бѣлыя лиліи Карла X. Въ то же время, достаточно было прислушаться къ преніямъ французскихъ «камеръ», къ пламеннымъ рѣчамъ стараго Лафайета, напримѣръ, чтобы понять моральную невозможность для буржуазной Франціи—на другой день іюльскихъ баррикадъ протянуть руку Николаю черезъ развалины варшавскихъ фортовъ. Преградой русско-французскому союзу 1830-хъ годовъ стоялъ призракъ окрававленной Польши. Реальные экономическіе интересы развѣяли бы этотъ призракъ—какъ развѣяли они множество другихъ. Но реальные интересы Франціи на Ближнемъ Востокѣ связывали ее съ Англіей, а не съ имперіей Николая: въ этомъ настоящая причина устойчивой антипатіи послѣдняго къ «королю-гражданину», какъ и непрочности его дружбы съ Луи-Наполеономъ. Такъ представляется намъ дѣло, когда мы беремъ его въ широкомъ масштабѣ— и оглядываемся на три четверти столѣтія назадъ. Текущая политика болѣе близорука—она такъ далеко не смотритъ. Въ 1821 г. дѣло шло, для Пруссіи, о томъ, чтобы разорвать завязывавшійся, было, союзъ Россіи и Франціи, союзъ на основѣ: Россіи—Константинополь, Франціи—лѣвый берегъ Рейна. Почва, по которой думали итти, внезапно обвалилась: надо было расширить провалъ—и если можно еще наполнить его польской кровью, чего же лучше? Пруссія, какъ и императоръ Николай, руководилась вовсе не отвлеченными представленіями о «легитимизмѣ» и «революціи»: у ея политики были свои реальныя задачи.

---

1) Ern. Daudet Histoire diplomatique de l'Alliance Franco-russe, pp. 23—25. Курсивъ нашъ.

Въ первую польскую революцію эти задачи сводились къ отстаиванію «линіи Рейна» отъ покушеній французовъ, подталкиваемыхъ русскими. Что было во вторую?

II.

Кардинальнымъ пунктомъ русско-прусскихъ отношеній во время польскаго возстанія 1863 г. была знаменитая *конвенція Альвенслебена* — форменный наступательный и оборонительный союзъ Пруссіи и Россіи противъ Польши. Это, конечно, большая странность—союзъ двухъ державъ противъ части подданныхъ ихъ обѣихъ; но она показываетъ, насколько «сила вещей» могущественнѣе отвлеченной теоріи. Юридически можно было, сколько угодно, называть поляковъ «мятежниками» и отрицать за ними права «воюющей стороны»: на дѣлѣ они были такой стороной, и эта истина съ силою категорическаго императива подчиняла себѣ сознаніе усмирявшихъ «мятежъ», заставляя ихъ языкъ произносить слова, которыя они съ большимъ удивленіемъ и негодованіемъ услыхали бы изъ чужихъ устъ. «Война объявлена!» провозгласилъ генералъ Альвенслебенъ, пріѣхавъ въ Варшаву изъ Петербурга, гдѣ онъ только что подписалъ свою конвенцію. Слушатели—прусскіе офицеры, командированные въ штабъ русской арміи, буквально выпучили глаза. У одного изъ нихъ было такое странное лицо, что другой долженъ былъ выскочить въ корридоръ, чтобы не прыснуть при начальствѣ. Съ кѣмъ война? Какая война? Изъ послѣдующихъ фразъ Альвенслебена выяснилось, что дѣло идетъ о войнѣ Пруссіи съ русской Польшей[1]). Его Величество король Вильгельмъ объявилъ войну ржонду народовому! Такой необыкновенной формулы мы, конечно, не найдемъ ни въ одномъ оффиціальномъ документѣ: но выражаемая ею мысль не показалась дикой лицу, чрезвычайно оффиціальному.

Въ сборникахъ оффиціальныхъ документовъ мы, впрочемъ, тщетно искали бы и самой «конвенціи». Документъ, подписанный 8 февраля (н. ст.) 1863 г. генералъ-адъютантомъ прусскаго короля съ одной стороны, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковымъ, съ другой, никогда не былъ удостоенъ той подписи, которая превращаетъ «проектъ» въ «законъ». Самый, быть можетъ, замѣчательный русско-прусскій актъ XIX столѣтія, составившій дату, отъ которой велось четверть вѣка дипломатической исторіи Восточной Европы, упоминающійся въ любой обстоятельной исторіи Россіи, Франціи или Германіи 60-хъ годовъ, остался *не ратификованнымъ*. Это не можетъ не вызвать недоумѣнія. Правда, иные неоконченные рисунки Леонардо-да-Винчи цѣннѣе любой картины. Но такъ ли уже замѣчательно содержаніе конвенціи Альвенслебена? Въ существенныхъ чертахъ, оно сводится къ попыткѣ комбинировать военно-полицейскую дѣятельность пограничныхъ властей Россіи и Пруссіи по отношенію къ отрядамъ польскихъ инсургентовъ, причемъ, преслѣдуя эти отряды, русскія войска могли переходить прусскую границу, не углубляясь, впрочемъ, дальше довольно узкой зоны; то же право получали и войска прусскія; кромѣ того, пограничныя власти должны были обмѣниваться полицейскими свѣдѣніями о ходѣ польской революціи. Все это было лишь, мы сказали, «попыткой», ибо варшавское правительство, вел. кн. Константина Николаевича, весьма недовольное конвенціей, заключенной за

[1]) Verdy-du-Vernoy, «Im Hauptquartier d. russischen Armee in Polen» (1863—65). Berlin, 1905.

его спиной, заявило, что оно въ содѣйствіи прусскихъ войскъ для подавленія революціи отнюдь не нуждается; вліятельные петербургскіе круги выражали сомнѣніе и въ тактичности, и въ цѣлесообразности сдѣланнаго шага: у нихъ была еще въ памяти венгерская кампанія Николая I, и они находили, что ставить Россію въ положеніе Австріи 1849 года обидно для русскаго самолюбія и практически не нужно—положеніе вовсе не такъ плохо; высказывались опасенія и насчетъ того, что, разъ войдя, пруссаки могутъ и не уйти,—опасенія, какъ увидимъ ниже, не совсѣмъ вздорныя. Словомъ, конвенція встрѣтила такой худой пріемъ, ею такъ явно не хотѣли пользоваться, что уже черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Альвенслебена въ Берлинъ тамъ чувствовали себя «крайне стѣсненными» актомъ 8 февраля, и мечтали только о томъ, чтобы «отдѣлаться отъ него безъ униженія»[1]). А немного позже Бисмаркъ завѣрялъ англійскаго посла, что конвенція останется «мертвой буквой»—и, кажется, это было искренно. Надо прибавить, что на практикѣ такъ и было, что касается, по крайней мѣрѣ, военной части конвенціи: содѣйствіе прусскихъ войскъ въ борьбѣ съ поляками было совершенно ничтожно, и русскимъ войскамъ переходить прусскую границу пришлось въ единичныхъ, при томъ мелкихъ, случаяхъ. На ходъ возстанія конвенція Альвенслебена никакого вліянія не имѣла. «Объявленіе войны» прусскимъ правительствомъ польскому народу повисло въ воздухѣ.

Почему же отъ этого холостого выстрѣла осталось такое громкое эхо? И что побудило Бисмарка итти на эту галеру, откуда онъ не зналъ, какъ сойти? Классическое объясненіе этого дано въ извѣстномъ трудѣ Зибеля, котораго повторяютъ, въ этомъ пунктѣ, не только нѣмецкіе, но и французскіе историки. «Трудно было бы рѣшить, въ чемъ была для Пруссіи горшая опасность: въ побѣдѣ ли, не слишкомъ, конечно, вѣроятной—красной инсуррекціи, предводимой Мѣрославскимъ, Мадзини и Гарибальди, или въ созданіи автономной Польши подъ русской и французской опекой по планамъ Вѣлепольскаго, Горчакова и вел. кн. Константина. Правда, красная партія уже въ Городло[2]), а потомъ снова въ моментъ начала возстанія, предъявила притязанія на Западную Пруссію, Познань, Померанію до Одера; среди тамошнихъ соотечественниковъ она уже собирала деньги и вербовала рекрутовъ, въ Познани была хорошо организованная (революціонная) администрація. Автономная Польша Вѣлепольскаго не пошла бы впередъ такъ неудержимо, но самого министра (т. е. Вѣлепольскаго) постоянно подталкивали бы въ томъ же направленіи польскіе патріоты, агитація панславистовъ и его собственная ненависть къ нѣмцамъ,—а кн. Горчаковъ былъ послѣднимъ, кто наложилъ бы на него узду. Ни для Познани, ни для западной Пруссіи, ни для всей монархіи впредь не было бы ни одного часа спокойствія. Такъ, при первомъ извѣстіи о польскомъ возстаніи, въ Берлинѣ созрѣло рѣшеніе воззвать непосредственно къ личнымъ чувствамъ императора Александра». Прусское правительство сознавало, какъ непопуляренъ будетъ его шагъ въ Европѣ: «пресса всѣхъ цивилизованныхъ странъ единодушно привѣтствовала воскресеніе поляковъ». Но «именно это обстоятельство обезпечивало прусскому генералу самый благосклонный пріемъ со стороны имп. Александра».

---

[1]) Телеграмма англійскаго посла Бьюкенена министру иностранныхъ дѣлъ лорду Росселю, отъ 27 февраля (н. ст.) 1863. См. Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland 1863, ed. Filippowicz. Paris 1914.

[2]) Большая манифестація въ память соединенія Польши и Литвы, въ 1413 году, происходившая 30 сентября 1861 года.

Послѣдній «отъ всего сердца пожалъ протянутую ему руку союзника: при его жизни нечего было бояться панславистическаго братанья поляковъ и русскихъ»... «Конвенціей и достигнутымъ, благодаря ей, укрѣпленіемъ русской дружбы Бисмаркъ заложилъ первый камень въ фундаментъ будущаго величія Пруссіи»[1]). Не очень далеко отходитъ въ сторону отъ этой проторенной колеи и новѣйшій французскій историкъ событій, имѣвшій подъ руками новые источники, мемуары Бисмарка, вышедшіе послѣ появленія книги Зибеля, и французскую дипломатическую переписку 1863 года. Въ основу своей характеристики г. Шарль-Ру кладетъ показаніе именно Бисмарка: конвенція Альвенслебена была «побѣдой, которую одержала, въ кабинетѣ императора Россіи, прусская политика надъ политикой польской». «Затянуть крѣпче узы солидарности, сложившейся именно на основѣ польскихъ раздѣловъ; дать почувствовать Александру II прочность прусской дружбы въ ту именно минуту, когда царь могъ опасаться быть покинутымъ Франціей и остаться изолированнымъ въ Европѣ; поставить вѣху на пути къ еще болѣе тѣсному сближенію; сыграть штучку (faire pièce) съ французскимъ правительствомъ,—вотъ перспективы, которыя, сами по себѣ, могли соблазнить Бисмарка и, конечно, стоили того, чтобы изъ-за нихъ побезпокоить одного изъ прусскихъ генераловъ. Таковы, намъ кажется, были настоящія причины миссіи Альвенслебена и реальная цѣль конвенціи 8 февраля»[2]).

Легко замѣтить разницу оттѣнковъ этихъ двухъ версій: для Зибеля на первомъ планѣ борьба съ «панславизмомъ»,—для г. Шарля-Ру (и онъ, въ этомъ случаѣ, прямо слѣдуетъ Бисмарку) на первомъ мѣстѣ укрѣпленіе русско-прусскаго союза. Историкъ менѣе легко приспособляется къ новой обстановкѣ, чѣмъ дипломатъ: Зибель, политически воспитавшійся въ атмосферѣ 40-хъ—60-хъ годовъ, никакъ не могъ перейти сразу на рельсы тройственнаго союза, гарантировавшаго Германію, между прочимъ, именно отъ панславизма, создавъ круговую поруку «Австрія—Германія»; что когда-нибудь получится комбинація, при которой Россія рискнетъ пойти и на Австрію, и на Германію—это не всякому могло помѣститься въ годову даже въ 1908 году, не только что въ 1898. Для Бисмарка же 90-хъ гг. панславистскіе страхи были далекимъ прошлымъ, а одною изъ главныхъ цѣлей его мемуаровъ было обличить «неблагодарность» Россіи, вынудившую честную Пруссію отгородиться отъ коварной восточной сосѣдки германо-австрійскимъ соглашеніемъ 1879 г. Ибо Бисмаркъ не могъ не сознавать, что, разрывая съ русскими, онъ нѣкоторымъ образомъ предаетъ интересы всеевропейской реакціи—и обезпечиваетъ союзника безбожной, республиканской Франціи; это не могло не тяготить его юнкерской совѣсти. Надо было показать, что «виноваты» сами русскіе. Этой общей концепціи бисмарковскихъ мемуаровъ, и ея возможнаго вліянія въ данномъ пунктѣ, г. Шарль-Ру, кажется, не уловилъ: но это и не такъ важно, потому что, повторяемъ, разница между нимъ и Зибелемъ только въ оттѣнкѣ, по существу же они оба, одинаково, смотрятъ на событіе съ точки зрѣнія *восточно-европейскихъ комбинацій и отношеній*. Но бывшій историкъ французской революціи былъ шире того «заданія», которое ставило ему его положеніе, какъ оффиціальнаго историографа Германской имперіи. Рядомъ съ основнымъ лейтъ-мотивомъ конвенціи Альвенслебена, выразившимся въ тѣхъ фразахъ, какія мы процитировали, у Зибеля звучатъ

---

[1]) «Die Begründung d. deutschen Reichs durch Wilhelm I», II, ss. 488—491, 502.
[2]) Fr. Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III» pp. 331—2

мотивы, такъ сказать, второстепенные, попутные. Съ одного изъ такихъ второстепенныхъ мотивовъ онъ и начинаетъ. Характеризуя общую дипломатическую обстановку, среди которой возникла конвенція 8 февраля, и указавъ на то, какое неблагопріятное для Пруссіи сочетаніе силъ получалось, благодаря соприкосновенію интересовъ Англіи и Австріи на Ближнемъ Востокѣ, Зибель продолжаетъ: «Но еще важнѣе и опаснѣе былъ поворотъ во французской политикѣ, происшедшій осенью 1862 г.». Раздраженный плохо скрываемой тенденціей созданнаго при его же участіи итальянскаго королевства захватить Римъ, охраняемый французскимъ гарнизономъ, Наполеонъ III «рѣшилъ показать туринскому кабинету свое высочайшее неудовольствіе, назначилъ въ Римъ и Туринъ посланниковъ клерикальнаго оттѣнка, и снова призвалъ къ руководству иностранными дѣлами, на мѣсто Тувенеля, стараго друга папы и Австріи—Друэна-де-Люи. Съ тѣхъ поръ въ Берлинѣ не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь довѣріи къ французской дружбѣ»[1]).

Стало быть, нужно было искать, во что бы то ни стало, дружбы русской. Вотъ почему Пруссія «навязалась» къ Россіи съ конвенціей, о которой русское правительство ее вовсе не просило. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, получается отъ приведеннаго сейчасъ текста: мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ связь была нѣсколько иная. Пока для насъ важно отмѣтить одно: новый, «боковой», мотивъ Зибеля *выдвигаетъ на сцену Западную Европу*,—вопросъ о конвенціи 8 февраля перестаетъ быть восточно-европейскимъ. И вотъ, чрезвычайно характерно, что для непосредственныхъ участниковъ событій на противоположномъ, такъ сказать, фронтѣ, для поляковъ, всѣ вопросы стояли въ западно-европейской проекціи съ самаго начала. Всего выпуклѣе, не безъ драматической живости, рисуются событія въ воспоминаніяхъ извѣстнаго праваго польскаго публициста Козмяна, редактора краковскаго «Часа» въ 1863 г.[2]). Поднятое демократическими элементами польскаго общества, «красными», возстаніе было этому, чрезвычайно «бѣлому», журналисту крайне несимпатично. Онъ былъ «противъ всякой поддержки возстанія и старался удержать своихъ друзей отъ участія въ немъ». Что его ободряло въ этой ориентаціи, это видимое несочувствіе къ движенію императора Наполеона III—«единственнаго, отъ кого можно было тогда ожидать помощи, поддержки при защитѣ польскаго дѣла». Отецъ Козмяна былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Отелю Ламберъ—парижскому дворцу Чарторыйскихъ и очагу аристократической польской эмиграціи, а Hôtel Lambert, въ свою очередь, былъ непосредственно связанъ съ Тюильрійскимъ дворцомъ. «Первыя же сообщенія моего отца изъ Парижа клеймили начатое возстаніе эпитетомъ «легкомысленнаго». Почву для него можно было найти только въ отчаяніи, вызванномъ своеобразнымъ рекрутскимъ наборомъ[3]). Ни Наполеонъ, ни императорское правительство, ни Валевскій, и тѣмъ менѣе Hôtel Lambert, не давали никакого поощренія и не обѣщали никакой помощи; они видѣли въ возстаніи несчастье, пагубное начинаніе, уничтожающее послѣдніе шансы польскаго дѣла, и вначалѣ не хотѣли въ немъ видѣть ничего, кромѣ простого сопротивленія рекрутскому набору».—«Поведе-

---

[1]) Sybel, цит. соч., s. 488.

[2]) «О 1863 годѣ. Польша и европейская дипломатія». Мы пользовались авторизованнымъ нѣмецкимъ переводомъ Ландау (Wien, 1896),—польскаго оригинала нѣтъ въ парижской національной библіотекѣ.

[3]) Какъ извѣстно, поводомъ для возстанія въ январѣ 1863 г. былъ рекрутскій наборъ въ Царствѣ Польскомъ, организованный, по особому плану Вѣлепольскаго, такъ, что онъ долженъ былъ захватить въ ряды рекрутовъ всю «неблагонадежную» молодежь края.

ніе Наполеона и императорскаго правительства только подтверждало мой взглядъ на отсутствіе какихъ бы то ни было перспективъ иностраннаго вмѣшательства. Офиціозныя французскія газеты «La France» и «Constitutionnel»,—послѣдняя непосредственно инспирируемая правительствомъ,—осудили возстаніе и объявили его безнадежнымъ. Официальный «Moniteur» опубликовалъ 30 января письмо изъ Варшавы, повидимому, отъ французскаго консула Вальбезана, которое, собственно, не высказывалось ни за, ни противъ революціи, но прибавляло: «толпа несчастныхъ юношей не сможетъ оказать сопротивленія стотысячной арміи подъ командой опытныхъ офицеровъ»... Было ясно, что императоръ Наполеонъ не хочетъ и не можетъ использовать начавшееся въ Польшѣ возстаніе для того, чтобы поставить польскій вопросъ на очередь дня». 5 февраля, на запросъ въ законодательномъ корпусѣ Гюйара Делалена и Жюля Фавра по поводу Польши, министръ Бійо (Billaut) отвѣтилъ: «Франція не утратила своихъ старинныхъ симпатій къ Польшѣ, но она думаетъ, и правительство думаетъ вмѣстѣ съ нею, что автономіи этого королевства скорѣе можно ожидать отъ благородныхъ и либеральныхъ чувствованій россійскаго императора, нежели отъ попытки возстанія, которое навлечетъ только новыя бѣдствія на эту несчастную страну. *Жюль-Фавръ*: «это копія знаменитыхъ словъ: «порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ [1])». Исторія будетъ судить слова министра—она покажетъ, какъ они были прискорбны!». *Бійо*: «Прискорбнѣе всего—это обманчивыя возбужденія чувства патріотизма, вспышки котораго могутъ привести только къ новымъ бѣдствіямъ (одобренія собранія). Правительство императора слишкомъ благоразумно, чтобы пустыми словами давать обманчивую пищу революціоннымъ страстямъ, и оно слишкомъ дорожитъ своимъ достоинствомъ, достоинствомъ Франціи, чтобы позволить пятнадцать лѣтъ повторять въ адресѣ безполезныя слова и тщетные протесты (очень хорошо! очень хорошо!)» [2]). Бійо получилъ полное одобреніе императора, скоро—по другому поводу—выраженное публично въ «Монитёрѣ». А Гюйаръ-Делал на президентъ законодательнаго корпуса, Морни, спеціально отговаривалъ—какъ узналъ отецъ Козмяна,—отъ его интерпелляціи, давая понять, что она будетъ непріятна императору (Делаленъ былъ членомъ правительственной партіи). Наконецъ, уничтожая послѣднія сомнѣнія, въ Краковъ явился спеціальный гонецъ отъ Отеля Ламберъ съ инструкціями, гдѣ революція характеризовалась, какъ «безумное, достойное сожалѣнія, дѣло, которое не только не можетъ расчитывать на поддержку Наполеона, но идетъ вразрѣзъ со всѣми его планами, со всей его польской политикой. Наполеонъ не имѣетъ ни желанія, ни возможности взяться за оружіе въ интересахъ польскаго дѣла. Общественное мнѣніе Франціи не пошло бы на войну изъ-за Польши, а отсутствіе союзниковъ дѣлаетъ это уже совершенно невозможнымъ. Сближеніемъ съ Россіей, вліяніемъ на петербургскій кабинетъ, наконецъ, союзомъ съ сѣверной имперіей Наполеонъ надѣется помочь дѣлу, съ котораго онъ не спускаетъ глазъ и рѣшеніе котораго принадлежитъ къ главнымъ его задачамъ. Возстаніе мѣшаетъ осуществленію этихъ плановъ и можетъ ихъ совершенно разрушить. Помочь польскому дѣлу можно только, немедленно остановивъ возстаніе».

---

[1]) Слова министра Себастіани во франц. палатѣ 16 сент. 1831 г., по полученіи извѣстія о взятіи Варшавы Паскевичемъ.

[2]) Цитируемъ по «L'Empire libéral» Эм. Оливіе VI, 158—9. Послѣднія слова Бійо—намекъ на палату временъ Луи-Филиппа, каждый годъ въ адресѣ повторявшую протестъ по поводу насилія надъ Польшей въ 1831 году.

Козмянъ былъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно обрадованъ парижскими инструкціями, говорившими вещи, столь близкія его сердцу. Краковскіе «бѣлые» единогласно рѣшили бойкотировать безумное предпріятіе «красныхъ». Гонца Отеля Ламберъ поспѣшили отправить во Львовъ — инструировать тамошнихъ патріотовъ того же оттѣнка. Козмянъ самъ проводилъ его на вокзалъ. Вернувшись домой, онъ нашелъ у себя шифрованную телеграмму. Она гласила: «Все измѣнилось. Считайте инструкціи не существующими. Поддерживайте борьбу такъ долго, какъ только можете». Козмянъ успѣлъ еще захватить парижскаго вѣстника на вокзалѣ и передать ему новость. Во Львовъ поѣхалъ лозунгъ: «Поддерживать возстаніе всѣми силами». А Краковскій «Часъ» сдѣлался своего рода «Монитёромъ» польской инсуррекціи. «Телеграмма Отеля Ламберъ скоро нашла себѣ вѣрное эхо во французскихъ оффиціозныхъ газетахъ. Онѣ говорили теперь совсѣмъ другимъ тономъ; вмѣсто того, чтобы разочаровывать возставшихъ, онѣ ихъ подстрекали, вмѣсто того, чтобы осуждать,—защищали ихъ. Даже «Монитёръ» сталъ помѣщать на своихъ столбцахъ подробныя, сочувственныя сообщенія о ходѣ революціи. Сразу все стало иначе, чѣмъ было раньше — это дѣйствовала прусско-русская военная конвенція 8 февраля» [1]).

У насъ имѣется почти дословно тождественная характеристика положенія, идущая изъ другого источника — абсолютно не подозрительнаго со стороны возможнаго вліянія Отеля Ламберъ. Резюмируя для своего начальства парижскія настроенія съ начала возстанія, лордъ Каулей, британскій посолъ при тюильрійскомъ дворѣ, писалъ 3 марта лорду Росселю: «Отъ той минуты, когда, двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ русской Польшѣ обнаружились первые признаки революціоннаго настроенія [2]), до той минуты, когда стало извѣстно о подписаніи въ Петербургѣ русско-прусской конвенціи, отношеніе императора, его правительства, его печати (sic!) и народа вообще было, сравнительно, равнодушнымъ (one of comparative apathy). Общее и очень твердое убѣжденіе гласило, что поляки потеряли всякое право на французскія симпатіи своей инертностью во время Крымской войны; и ни открытыя правонарушенія русскихъ властей въ Польшѣ, ни негодующій, хотя нѣсколько эгоистическій протестъ польской партіи въ Парижѣ, не вели къ большему, чѣмъ заявленія сочувствія къ полякамъ, и сожалѣнія, что русскіе не обращаются съ ними лучше». Послѣдній актъ русскаго правительства, рекрутскій наборъ, не измѣнилъ настроенія, и Друэнъ-де-Люи говорилъ послу, что императоръ «не сдѣлаетъ ни одного шага, который бы шелъ вразрѣзъ съ дружескими чувствами, питаемыми его величествомъ къ императору россійскому». «Однако же извѣстіе объ актѣ, подписанномъ съ С.-Петербургѣ, измѣнило направленіе мыслей императора» (Наполеона). «Участіе въ этомъ актѣ Пруссіи, при наличности нейтралитета Франціи, почувствовалось, какъ обида; правительство заговорило другимъ языкомъ, пресса подхватила, стало извѣстно, что министерство иностранныхъ дѣлъ занимается польскимъ вопросомъ, чувство возбужденія и неувѣренности овладѣло публикой, война показалась въ виду, правительственныя бумаги упали, министръ финансовъ протестовалъ, въ пользу поляковъ была открыта публичная подписка, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все возвѣщало приближеніе кризиса. Но среди этого лихорадочнаго возбужденія очень мало обращалось вни-

---

[1]) Козмянъ, цит. соч. стр. 3, 4—5, 6, 8, 10—12.

[2]) Лордъ Каулей ошибался; *первые* признаки обнаружились въ февралѣ 1861 г., за 24, а не за 12 мѣсяцевъ до возстанія.

манія на участіе Россіи въ томъ актѣ, который это возбужденіе вызвало. *Во всемъ виновата была одна Пруссія*; Россія, довольно естественно, пользовалась всѣми средствами, какія представлялись, чтобы, во что бы то ни стало, подавить возстаніе, свирѣпствующее въ одной изъ ея провинцій. Таковъ былъ языкъ императорскаго правительства. Акты Россіи, коими она зажгла пламя возстанія, оставались совершенно внѣ поля зрѣнія» [1]).

Что вызвало вдругъ въ Парижѣ такую «чистую перемѣну», какъ говорятъ театральные декораторы? Обманывались ли тамъ насчетъ содержанія конвенціи, считая ее гораздо болѣе серьезной, нежели она была на самомъ дѣлѣ? Трудно это предположить: великій другъ Франціи, гордившійся русско-французскимъ союзомъ послѣ Крымской войны, какъ дѣломъ своихъ рукъ, кн. Горчаковъ немедленно же посвятилъ французскаго посла Монтебелло во всѣ подробности только что заключенной сдѣлки. Монтебелло зналъ не только, что допускала конвенція—очень немногое, мы видѣли,—онъ зналъ, что и этимъ немногимъ не собираются пользоваться во всей широтѣ [2]). Правда черезъ Лондонъ тюильрійскій кабинетъ могъ получить сообщенія, звучавшія менѣе успокоительно. Уже 14 февраля Бьюкененъ имѣлъ съ Бисмаркомъ хорошо извѣстный разговоръ (изложенный и у Зибеля, притомъ живѣе и подробнѣе, чѣмъ въ депешѣ самого Бьюкенена), гдѣ прусскій премьеръ указывалъ на возможность «завоеванія» Польши прусскими войсками, въ случаѣ, если Россія добровольно очиститъ Царство. Послѣдняя гипотеза сложилось у Бисмарка еще въ бытность его посланникомъ въ Петербургѣ,—откуда онъ уѣхалъ незадолго до начала возстанія; онъ упоминаетъ о ней и въ своихъ мемуарахъ; имп. Александръ II высказывался, будто бы, что его отецъ считалъ «прочной» русской границей Вислу и Наревъ, и что онъ самъ, въ случаѣ крайности, не прочь былъ бы ею удовлетвориться, съ Варшавою, какъ tête-de-pont, предоставивъ остальную часть Царства ея собственной участи [3]). Что, для Бисмарка, это не были только слова, показываютъ, съ одной стороны, военныя приготовленія Пруссіи, съ другой—подготовка Бисмаркомъ прусскаго общественнаго мнѣнія къ такому шагу, какъ длительная, быть можетъ, навсегда, оккупація русской Польши. Для такого скромнаго предпріятія, какъ содѣйствіе русскимъ отрядамъ въ истребленіи польскихъ бандъ, была мобилизована почти половина прусской арміи—4 корпуса изъ 9. Въ то же время, какъ сообщили Бьюкенену либеральные члены прусскаго ландтага, Бисмаркъ, на балу у кронпринца, излагалъ одному изъ либеральныхъ лидеровъ (вице-президенту ландтага Беренду) такой планъ: если возстаніе приметъ грандіозные размѣры, Пруссія двинетъ свою армію въ Польшу и тогда, не невѣроятно, эта армія оттуда уже не уйдетъ. «Я знаю хорошо почву въ Петербургѣ, говорилъ Бисмаркъ, и имѣю основаніе думать, что Россія очень охотно отдѣлается отъ Польши, если только послѣдняя окажется въ надежныхъ рукахъ. Въ такомъ случаѣ Польша, однако же, не будетъ управляться, какъ прусская провинція, *а составитъ отдѣльное королевство, соединенное съ Пруссіей только личной уніей* [4]).

---

[1]) Цитированная выше «Confidential Correspondence», напечатанная г. Филипповичемъ съ экземпляра, принадлежавшаго, повидимому, лорду Росселю—несравненно болѣе полнаго, чѣмъ «Синяя книга», розданная парламенту въ свое время. См. его предисловіе. Наша цитата взята со стр. 138—9. Курс. нашъ.

[2]) См. Charles Roux, цит. соч. стр. 330.

[3]) Gedanken u. Erinnerungen I, 308.

[4]) Донесеніе Бьюкенена Росселю отъ 20 февраля 1863 г. Correspondence, стр. 68—69.

Нѣтъ надобности настаивать на громадномъ историческомъ интересѣ послѣднихъ словъ именно въ настоящую минуту. Только они даютъ надлежащее освѣщеніе неоднократно повторявшемуся—въ томъ числѣ, опять-таки, самимъ Бисмаркомъ—утвержденію, что «существованіе независимаго польскаго королевства несовмѣстимо съ безопасностью Пруссіи»[1]). Изъ этого нерѣдко выводили заключеніе, что ужъ, если кто никогда не возстановитъ Польши, такъ это Германія. А между тѣмъ, актъ 5 ноября 1916 г., въ сущности, является реализаціей стараго плана вождя даже не буржуазной Германіи, а, прежде всего, прусскаго юнкерства. Что быть «освободителемъ» Польши, практически, можетъ быть, гораздо выгоднѣе, чѣмъ ея «покорителемъ», это понималъ, въ теченіе исторіи XIX вѣка, не одинъ Александръ I. Если этотъ послѣдній потерпѣлъ неудачу, то главнымъ образомъ изъ-за невозможности сочетать, въ однѣхъ имперскихъ рамкахъ, конституціонную Польшу и самодержавную Россію. Невозможно было стать ограниченнымъ монархомъ на берегахъ Вислы, оставшись неограниченнымъ на берегахъ Невы: одно должно было убить другое, и убило, конечно, то, что было сильнѣе, старше и привычнѣе. Но Пруссія уже въ 1863 г. была конституціонной монархіей, Вильгельму I не пришлось бы двоиться, и забота могла быть только одна—не превратить прусскаго ландтага въ нѣкоторое подобіе позднѣйшаго австрійскаго рейхсрата, создавъ въ немъ черезчуръ могущественную польскую партію. Для этого, унія должна была остаться только личной, династической. На второмъ планѣ была, конечно, и другая забота—о дальнѣйшей судьбѣ герцогства Познанскаго: но оно уже въ 1863 г. считалось германизированнымъ почти наполовину въ томъ, что касается населенія, и больше, чѣмъ на половину по отношенію къ землевладѣнію:[2]) здѣсь не было непосредственной опасности возстанія, и, дѣйствительно, движеніе 1863 г. Познани почти не коснулось; Познань сочувствовала революціи, отчасти,—меньше, чѣмъ Галиція,—являлась ея базой, но однимъ изъ ея очаговъ она не стала.

Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы бальные разговоры Бисмарка были секретомъ для Тюильри: да на балахъ и разговариваютъ не для того, чтобы сохранить секреты. Англію подозрѣвали—и не даромъ—въ намѣреніи разстроить русско-французскую дружбу, становившуюся весьма стѣснительной для британскихъ интересовъ на Востокѣ, именно въ Сиріи[3]). Но Бисмаркъ прямо ссылался на готовность, будто бы, Россіи отдать пруссакамъ Польшу—ту Польшу, судьбами которой Наполеонъ III былъ заинтересованъ, чего и не скрывалъ. Онъ надѣялся, мы видѣли, отхлопотать для своей protegée автономію у Александра II,—каково ему было бы узнать, что его «другъ» собирается сдѣлать изъ Польши вассала Пруссіи? Сообщить въ Парижъ берлинскія сплетни былъ весь интересъ для британской дипломатіи, и она, конечно, это сдѣлала. Но если бы Наполеонъ дѣйствовалъ подъ ея импульсомъ и по ея плану, его гнѣвъ обрушился бы сразу и на Пруссію, и на Россію: а мы видѣли, что Каулей не даромъ, разумѣется, отмѣчаетъ въ своей депешѣ, что Россіи въ Тюильри явно

---

[1]) См., напр., депешу Бьюкенена отъ 14 февр., тамъ же, стр. 46.

[2]) Россель Каулею отъ 28 февр. 1863 г.; тамъ же, стр. 98. Нѣтъ надобности говорить, что это не были «личныя впечатлѣнія» англійскаго министра,—онъ повторялъ данныя прусской статистики своего времени.

[3]) См. на этотъ счетъ Charle-Roux, цит. соч. I, глава 3 книги, особ. стр. 297. Авторъ даетъ, конечно, *фактамъ* здѣсь иное толкованіе, но ср. цитату его же изъ депеши Монтебелло на стр. 353.

стараются не замѣчать. А всего за недѣлю до этого—и послѣ не только извѣстія о конвенціи, но и послѣ бесѣды Бисмарка съ Берендомъ—тотъ же Каулей далъ Росселю два маленькихъ, но чрезвычайно характерныхъ сообщенія: одно, что Россія проявила готовность сдѣлать, въ польскомъ вопросѣ, всѣ необходимыя уступки *Франціи*, но только *ей одной*, а другое, что французская полиція любезно дѣлится съ русскимъ посольствомъ результатами перлюстровки корреспонденціи Отеля Ламберъ съ польскими революціонерами. Интимныя отношенія, установившіяся, благодаря миссіи Морни, между Парижемъ и Петербургомъ, старались сохранить возможно дольше, и мы увидимъ, что они удержались, дѣйствительно, гораздо дольше, нежели это обыкновенно думаютъ. А если прессѣ позволили (читатель помнитъ характерное выраженіе Каулея о парижскихъ газетахъ: «его пресса», пресса его величества императора французовъ) поднять тонъ по адресу Россіи, такъ необходима же была моральная подготовка общественнаго мнѣнія къ войнѣ—формально, изъ-за Польши. Но съ кѣмъ на самомъ дѣлѣ, а не формально, предполагалось вести войну, и изъ-за чего собственно?

Между сообщеніями о тѣхъ дипломатически-полицейскихъ любезностяхъ, которыми обмѣнивались Россія и Франція, и тѣмъ отчетомъ 3 марта, который мы цитировали въ подкрѣпленіе разсказовъ Козмяна, Каулей успѣлъ послать Росселю и еще одну депешу—едва ли не самую важную изъ всѣхъ за этотъ промежутокъ времени. Эта депеша, содержаніе которой авторъ просилъ своего корреспондента «держать въ секретѣ»,—очевидно, отъ большинства самого англійскаго кабинета, ибо для публики вся переписка была ультра-секретной—разсказываетъ о свиданіи Наполеона III съ кн. Меттернихомъ, австрійскимъ посломъ при тюильрійскомъ дворѣ. Меттернихъ немедленно же подѣлился своими впечатлѣніями со своимъ англійскимъ коллегой—вполнѣ подтвердивъ тѣмъ отзывы прусскихъ источниковъ, которыми пользовался Зибель, насчетъ того, что Англія и Австрія этого времени шли рука объ руку. Императоръ заявилъ послу, что онъ желалъ бы установить «тѣснѣйшее сближеніе» (an ultimate understanding) съ Австріей. По какому вопросу?—спросилъ Меттернихъ. «По всѣмъ», отвѣтилъ Наполеонъ III. Меттернихъ объявилъ тогда, что Австрія-то всегда этого желала, но французы всякій разъ требовали за свою дружбу такихъ пожертвованій съ ея стороны... Но императоръ твердо заявилъ, что теперь будетъ не такъ. Онъ готовъ поддерживать австрійскую политику по всей линіи, какъ въ Германіи, такъ и на Востокѣ (кромѣ, стало быть, замѣтимъ въ скобкахъ, Италіи). Нѣтъ вопроса, по которому Австрія и Франція не могли бы столковаться. Англійская дружба, хотя въ общемъ цѣнная, и необходимая для Франціи, слишкомъ уже платоническая. Англія слишкомъ сильна, ее не заставишь идти въ поводу (Наполеонъ выразился мягче). А Россія, напротивъ, слишкомъ слаба. Отчего бы Австріи и Франціи не столковаться? О чемъ же именно? Этимъ вопросомъ, конечно, прежде всего заинтересовался Каулей. Но его информаторъ не умѣлъ, или не хотѣлъ ему сообщить подробностей. Наполеонъ, будто бы, все время говорилъ вообще, тщательно избѣгая обмолвиться чѣмъ-нибудь конкретнымъ, по поводу чего отъ него могли бы потребовать положительнаго объясненія. Но Меттернихъ догадывался, что, ближайшимъ образомъ, его собесѣдникъ мѣтилъ на независимость Польши: а затѣмъ «для него нѣтъ сомнѣній, что къ этому примѣшивалась, въ качествѣ смутнаго призрака (floating visions), рейнская граница».

Три недѣли спустя призракъ былъ уже почти осязаемъ. Вернувшись въ Парижъ послѣ недолгой отлучки. Каулей нашелъ русско-французскія отношенія охладившимися на нѣсколько градусовъ, но не потому, чтобы Россія была менѣе любезна, или Наполеонъ непосредственно къ ней измѣнилъ отношеніе, а потому, что новые планы уже всецѣло владѣли французскимъ императоромъ. Ради этихъ плановъ Наполеонъ, какъ будто, даже не прочь былъ, чтобы Россія была поменѣе уступчива. Главное, для него было пріобрѣсти «энергическое содѣйствіе австрійскаго правительства». Меттернихъ, правда, оказался провидцемъ,—французская дружба сейчасъ же потребовала новой австрійской ампутаціи, даже двухъ: Австрія не только должна была отказаться отъ Кракова и Галиціи въ пользу возстановляемой Польши, но и отъ Венеціи, въ пользу уже возстановленной Италіи. За то она должна была получить Силезію, что возстановитъ ея перевѣсъ въ Германіи. На Востокѣ Франція будетъ идти съ нею рука объ руку въ дѣлѣ сохраненія Оттоманской имперіи—русско-французскій союзъ въ этомъ пунктѣ Наполеонъ категорически обѣщалъ разорвать. Зато «Франція и Австрія сдѣлаются великими консервативными державами Европы—заклятыми врагами революціи». Австрію обольщали, такимъ образомъ, всѣми сладостями, о какихъ она могла мечтать, обѣщая ей всяческія побѣды и на внѣшнемъ, и на внутреннемъ фронтѣ. Что же должна была получить за свое великодушіе сама Франція? «Я долженъ обратить вниманіе вашего лордства на то раздраженіе, которое, повидимому, императоръ продолжаетъ сохранять по отношенію къ Пруссіи», писалъ Каулей. «Пруссія, съ одной стороны, теряетъ Силезію, съ другой—Рейнскія провинціи, такъ какъ, разумѣется, интересы Франціи не будутъ оставлены безъ вниманія въ этомъ союзѣ, который сдѣлаетъ Францію и Австрію госпожами судебъ Европы» [1]).

III.

Депеши Каулея сыграли чрезвычайно важную роль въ исторіи дипломатическаго конфликта 1863 года. Если Англія отказалась идти рука объ руку со своимъ офиціальнымъ союзникомъ, императоромъ французовъ, въ вопросѣ о Польшѣ—а на этомъ, мы увидимъ ниже, сорвалось, въ концѣ-концовъ, все «дипломатическое вмѣшательство» — то это потому, что лондонскій кабинетъ твердо усвоилъ себѣ точку зрѣнія своего парижскаго представителя. «Ваше величество знаете, что мы избѣжали ловушки, которую подставлялъ намъ императоръ французовъ своимъ проектомъ тождественной, составленной въ рѣзкихъ выраженіяхъ, ноты прусскому правительству», писалъ бельгійскому королю Пальмерстонъ. «Отказъ исполнить требованія, заключавшіяся въ этой нотѣ, Франція хотѣла, очевидно, использовать *какъ предлогъ, чтобы занять рейнскія провинціи*, и французское правительство обнаружило чрезвычайное неудовольствіе по поводу неудачи своего плана» [2]). Французскіе историки очень не одобряютъ подозрительности англичанъ, говорятъ съ пренебреженіемъ о «призракѣ» войны за Рейнъ, и не безъ сожалѣнія о бѣдномъ, гуманномъ и сентиментальномъ Наполеонѣ III, которому безсердечные британцы могли приписывать адскіе планы общеевропейской войны, тогда какъ онъ ни о

---

[1]) Депеша отъ 17 марта 1863, «Correspondence» 233—235, предыдущая депеша отъ 27 февраля, ibid. 96—7.

[2]) Письмо отъ 13 марта 1863, *у Оливье*. «L'Empire libéral». VI 119.

чемъ такъ не мечталъ, какъ о всеобщемъ мирѣ. Гуманный и сентиментальный Наполеонъ III, быть можетъ, былъ здоровой реакціей противъ безсердечнаго и хитраго деспота республиканскихъ памфлетовъ 60-хъ годовъ. Но теперь прошла пора какъ памфлетовъ, такъ и апологій. Эту крупную историческую личность время признать за то, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ,—*за одного изъ типичнѣйшихъ выразителей французскаго имперіализма.* А мы достаточно видѣли имперіалистовъ за работой, чтобы не считать возможнымъ сочетанія съ этой профессіей гуманности и сентиментальности... Ниже читатели найдутъ документальныя доказательства того, что по части безсердечнаго хищничества Наполеонъ III не уступалъ кому бы то ни было въ рядахъ данной разновидности. Вопросъ не о томъ, способенъ ли онъ былъ, ради территоріальныхъ пріобрѣтеній, затѣять кровопролитіе, а только о томъ, во-первыхъ, шли ли его территоріальные аппетиты именно *въ данномъ* направленіи, во-вторыхъ, историкъ матеріалистъ не можетъ оставить безъ отвѣта—безъ попытки отвѣта, по крайней мѣрѣ—вопроса о томъ, чьи *объективныя* стремленія выражалъ въ этомъ случаѣ официальный представитель французской политики; наконецъ, въ третьихъ,—почему эти стремленія не получили удовлетворенія. Этотъ третій вопросъ снова вернетъ насъ изъ области экономической политики въ область дипломатіи, такъ сказать, «чистой»—«самой въ себѣ».

Что касается перваго вопроса, то характерно, что «призракъ» рейнской границы всплываетъ, въ ближайшихъ хронологическихъ окрестностяхъ изучаемаго нами момента, не только подъ перомъ британскихъ дипломатовъ, но и въ мемуарахъ непосредственныхъ сотрудниковъ Наполеона III. Всѣмъ извѣстно, какое исключительное мѣсто, среди ближайшаго антуража этого послѣдняго, занималъ Персиньи. Его отношеніе къ Наполеону вполнѣ выражается стариннымъ словомъ «наперсникъ». Морни былъ ближе къ семьѣ Бонапартовъ, былъ гораздо тоньше и политически развитѣе отставного гусарскаго юнкера темнаго происхожденія, котораго коронованный другъ сдѣлалъ министромъ и герцогомъ: но, именно поэтому, Морни имѣлъ свою политику, далеко не всегда совпадавшую съ политикой Наполеона. Морни не хотѣлъ Крымской войны—Наполеонъ ее велъ. Морни былъ противъ войны и изъ-за Польши (и тутъ, конечно, не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на Трубецкой—какъ объясняли дѣло польскіе патріоты, которымъ вездѣ мерещилась русская интрига)—а Наполеонъ собирался ее вести, и былъ остановленъ только обстоятельствами, не зависѣвшими отъ его воли. Даже, когда они сходились на одномъ рѣшеніи, мотивы и точки зрѣнія были разныя: такъ было, напримѣръ, съ мексиканской экспедиціей. При чемъ, какъ это ни удивительно—ибо, изъ двухъ сыновей королевы Гортензіи, сидѣвшаго на престолѣ принято считать менѣе даровитымъ, чѣмъ тотъ, который помогалъ ему взойти на престолъ,—Наполеонъ III, въ мексиканскомъ вопросѣ, оказался способнымъ къ болѣе широкому кругозору и къ болѣе глубокому анализу, нежели его сводный братъ. Но къ мексиканскому вопросу мы еще вернемся: его связь съ дипломатическими конфликтами начала 60-хъ годовъ давно намѣчалась историками Второй имперіи, и мы увидимъ, что связь эта не только дипломатическая. Пока остановимся на фактахъ, сообщаемыхъ мемуарами Персиньи: такъ какъ ради этихъ фактовъ мы и завели рѣчь о ближайшихъ друзьяхъ Наполеона III. Персиньи, повторяемъ, изъ нихъ двоихъ всѣми считался наиболѣе вѣрнымъ эхо интимныхъ мыслей и плановъ императора: и хотя онъ самъ

очень охотно приписываетъ себѣ авторство тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему особенно геніальными, едва ли эта претензія Персиньи была основательнѣе его другой претензіи—происходить чуть ли не отъ крестоносцевъ. Весной 1866 года, передъ австро-прусской войной, когда «Германія пылала, дипломатическія средства были уже исчерпаны, предложеніе о созывѣ конгресса провалилось, арміи уже стояли другъ противъ друга», Наполеонъ III созвалъ своихъ сотрудниковъ на чрезвычайный совѣтъ. Послѣ ряда никчемныхъ и безсодержательныхъ—по Персиньи—разсужденій, среди которыхъ приходится отмѣтить, однако, выступленіе министра народнаго просвѣщенія Дюрюи, очень горячо говорившаго о завоеваніи Рейна, «думая понравиться этимъ императору» (итакъ, кто желалъ Наполеону понравиться, говорилъ о Рейнѣ...), взялъ слово авторъ мемуаровъ, поразившій всѣхъ глубиною своего сужденія и, главное, немедленно же снискавшій полную апробацію своимъ мнѣніямъ со стороны своего государя. Эта быстрота, съ которой Наполеонъ выразилъ согласіе на очень сложный, рискованный и фантастическій, въ сущности, планъ, даетъ большое основаніе подозрѣвать, что Персиньи былъ просто рупоромъ своего друга, не желавшаго связать собраніе изложеніемъ императорскихъ мыслей непосредственно самимъ императоромъ. Въ основныхъ чертахъ планъ состоялъ въ слѣдующемъ: завоевать Рейнъ нельзя—это встрѣтитъ сильнѣйшее сопротивленіе со стороны германскаго общественнаго мнѣнія, достигшаго максимальной высоты національнаго подъема. Наговоривъ множество демагогическихъ фразъ о «принципѣ національностей», Наполеонъ, послѣ 15 лѣтъ царствованія, началъ, наконецъ, понимать, что слово становится плотью, и что съ «принципомъ національностей», въ самомъ дѣлѣ, нужно считаться. Но завладѣть рейнской границей все же можно—притомъ съ согласія, и даже при содѣйствіи той самой Пруссіи, съ которой пришлось бы воевать изъ-за попытки перенести на Рейнъ политическую границу Франціи. Дѣло въ томъ, что Пруссія тяготится территоріальной путаницей Западной Германіи, разрѣзывающей ея собственную территорію на нѣсколько кусковъ—на югѣ же ея претензіи не идутъ дальше Майна. Отдать ей все, что къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Майна—получится компактная, внутренно цѣлостная масса, съ увеличеніемъ прусскаго населенія на нѣсколько милліоновъ. Зато Пруссія должна поступиться тѣмъ, что у нея есть къ западу отъ Рейна—не въ пользу Франціи, а въ пользу медіатизированныхъ Пруссіей нѣмецкихъ князей праваго (восточнаго) рейнскаго берега. «Рейнскія провинціи» изъ прусской области превратятся въ пеструю шашечницу мелкихъ княжествъ, гдѣ вновь найдутъ свои державныя права живые памятники разгрома, до котораго когда-то довела Германію тридцатилѣтняя война[1]). «Съ того момента, какъ вмѣсто великой державы, какою является Пруссія, на нашей открытой границѣ будутъ только мелкія нѣмецкія государства, вставленныя между нами и ею, какъ буфера, чтобы ослабить толчки, отъ дѣла 1815 г. ничего не останется; намъ не будутъ угрожать ни съ какой стороны. Тогда, если мы будемъ достаточно ловки, если мы сумѣемъ использовать то вліяніе, которое оказываютъ на современное общество желѣзныя дороги, таможенные тарифы и коммерческія сношенія, сумѣемъ создать новые интересы между рейнскими провинціями и нашими сѣверо-восточными департа-

---

[1]) Въ газетахъ читатели могли видѣть недавно аналогичный планъ г. Ганото—только болѣе широкій, возвращавшій къ Вестфальскому миру не одну западную, а всю вообще Германію. Наполеонъ III былъ скромнѣе.

ментами, *облегчить*, *напримѣръ*, *ввозъ къ намъ саррскаго угля*; наконецъ, дѣйствовать черезъ посредство нашего высшаго духовенства на католическое населеніе (прирейнской Германіи)—намъ останется немного, чтобы закончить нашу географическую конституцію. Достаточно, пробуждая воспоминанія первыхъ вѣковъ нашей исторіи, создать «Галльскую Конфедерацію», изъ Голландіи, Бельгіи, Люксембурга, Рейнскихъ государствъ и Франціи, чтобы завоевать наши естественныя границы. Тогда, не затрагивая принциповъ, которые мы сами провозгласили (т. е. «принципа національностей», не оскорбляя ничьего національнаго самолюбія, съ единственной разницей—имѣть, вмѣсто префектовъ, въ Брюсселѣ, въ Гаагѣ, въ Майнцѣ, въ Кобленцѣ, государей—мы возстановимъ великую имперію во всей ея силѣ, во всемъ ея блескѣ»[1]).

Какъ видимъ, планъ хоть куда—у него нѣтъ недостатка даже въ «экономическомъ базисѣ», въ образѣ саррскаго каменнаго угля; мы сейчасъ увидимъ объективную подкладку этой замѣчательной строчки мемуаровъ Персиньи, показывающей, что если Наполеонъ III и былъ, какъ всѣ, орудіемъ стихійныхъ экономическихъ силъ, то онъ не былъ, во всякомъ случаѣ, слѣпымъ орудіемъ. Бѣда была въ томъ, что «саррскій уголь» нуженъ былъ самой Пруссіи, и что она лучше умѣла его сохранить и использовать, нежели ея западная сосѣдка. А въ остальномъ, проектъ 1866 г. прямо шелъ навстрѣчу тому, что развивалъ, четырьмя годами раньше, въ Парижѣ, Бисмаркъ—въ бытность свою прусскимъ посломъ при тюльрійскомъ дворѣ. «Пруссія не можетъ оставаться въ своихъ теперешнихъ границахъ», говорилъ онъ тогда: «Кассель и Нассау сжимаютъ ей животъ, Ганноверъ свихнулъ ей плечо: она виситъ на воздухѣ; ей нужно округлиться, и, въ интересахъ общеевропейской цивилизаціи, выработать себѣ болѣе уравновѣшенное тѣлосложеніе усѣсться поцрямѣе. А какое есть для этого другое средство, какъ не вобрать въ себя нѣсколько изъ этихъ мелкихъ государствъ, неспособныхъ къ самостоятельнымъ движеніямъ и стѣсняющихъ движенія другихъ, да опрокинуть этотъ насквозь прогнившій Германскій Союзъ, настоящій бичъ Германіи. Это расширеніе Пруссіи не должно безпокоить Францію; дѣло идетъ не о томъ, чтобы объединить Германію подъ одной властью; у *прусскаго честолюбія есть необходимый предѣлъ: Майнъ*; *дальше Пруссія не пойдетъ*. Югъ будетъ принадлежать, или будетъ всегда тяготѣть къ Австріи. Пруссія независимая, свободная отъ всякаго подчиненія Россіи или Австріи, станетъ драгоцѣнной союзницей. Сколько вопросовъ,—восточный, итальянскій, даже польскій, неразрѣшенныхъ нынѣ, будутъ разрѣшены союзомъ народа Наполеона съ народомъ Фридриха Великаго. Ничто, впрочемъ, не помѣшало бы Франціи и самой округлиться, если бы она нашла это необходимымъ для своей безопасности или для своего вліянія. *О рейнскихъ провинціяхъ не можетъ быть рѣчи*,—ихъ не уступятъ ни за какую цѣну,—она, впрочемъ, и имѣла мудрость отъ нихъ отказаться (!): *но вотъ Бельгія—совсѣмъ готовая добыча*»...[2]).

Читатель согласится, что человѣкъ, составлявшій «планъ Персиньи», имѣлъ передъ глазами—или въ твердой памяти—программу Бисмарка. Бѣда въ томъ, что программа-то относилась къ 1862 году, а планъ къ 1866-му; исторія же не прощаетъ опозданія не только на четыре года, а и на четыре дня. Не говоря уже о томъ, что Пруссія, соби-

---

1) «Mémoire du duc de Persigny», Paris, 1896, pp. 327—333.

2) Оливье, цит. соч., V, 555—6. Къ сожалѣнію, Оливье не даетъ точнаго указанія, передъ кѣмъ держались такія рѣчи; можно только догадаться, что «внѣ оффиціальныхъ круговъ»—собесѣдникомъ Бисмарка могъ быть Тьеръ или самъ Оливье.

раясь рушить «насквозь прогнившее зданіе Германскаго Союза», имѣла въ своемъ распоряженіи лучшую армію въ Европѣ, а на мобилизацію французской арміи—по справкамъ, предусмотрительно наведеннымъ Бисмаркомъ въ томъ же 1866 г.—нужно было *4 мѣсяца*[1]). Вся же австро-прусская война 1866 г. длилась, какъ извѣстно, 6 недѣль: не было никакой опасности, чтобы французы были готовы во-время. Разговоры Персиньи о «Галльской Конфедераціи» имѣли не больше практическихъ послѣдствій, чѣмъ игра любого граммофона: послушали и разошлись. Хотя сыгранная пьеса отнюдь не была плоха, и ея лейтмотивъ, «саррскій уголь», отражалъ жгучую, жизненную потребность французскаго экономическаго развитія.

Начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка Франція, какъ будто, захотѣла измѣнить своей традиціонной репутаціи—страны *мелкаго* производства. Въ ней начинаетъ развиваться крупная, «машинная» индустрія. Она работаетъ не столько для внутренняго рынка, сколько для вывоза, и въ этой области не боится такой соперницы, какъ сама родина фабричнаго производства, Великобританія. Ихъ соотвѣтственный ввозъ и вывозъ давали такую картину, въ началѣ Второй имперіи:

Годы.	Французскій ввозъ въ Англію.	Англійскій ввозъ во Францію.
	Тысячи фунтовъ стерлинговъ.	
1855	9.140	6.012
1860	17.774	5.249
1864	25.640	8.200

Французскій ввозъ увеличился почти *втрое*—тогда какъ англійскій, за тотъ же промежутокъ времени, не возросъ и на 50%. Особенно быстро, можно сказать «на глазахъ», росла французская *текстильная промышленность*.

Вывозъ изъ Франціи матерій.

(Милліоны франковъ).

Года.	шелковыхъ	шерстяныхъ	хлопчатобумажныхъ
1861	322,9	188	56,3
1862	363,2	221,5	63,3
1863	375,8	283	69,1

Машинѣ нуженъ уголь—и французскія машины «ѣли уголь» въ пропорціи, соотвѣтствовавшей росту ихъ производительности. Въ 1847 г. французская промышленность потребила 7.649 тысячъ метрич. квинталовъ (=100 килогр.) угля, изъ которыхъ 5.153 тыс. метр. квинталовъ было добыто во Франціи—въ 1859 г. первая цифра поднялась до 13.064 тысячъ метр. квинталовъ, а вторая лишь до 8.483: все бо́льшую и бо́льшую долю угля надо было ввозить. Читатель теперь понимаетъ, почему о «саррскомъ углѣ» приходилось говорить даже на ультраторжественныхъ засѣданіяхъ императорскаго тайнаго совѣта. Дѣйствительно, только слюнки могли потечь, если взглянуть въ сторону Рейнскихъ провинцій Германіи. Тамъ добыча угля въ XIX в. шла въ такой прогрессіи:

---

[1]) См. мемуары Персиньи, стр. 358 и сл.

Года	милліоны тоннъ.
1850	3,2
1860	7
1870	15
1890	41

(Послѣдняя цифра заимствована нами у J. Huret «En Allemagne» Paris, 1907; предыдущія—изъ Statesman's Jear book за соотвѣт. годы).

При конкуренціи съ Англіей—а, мы видѣли, для начала она была небезуспѣшна—приходилось сравнивать французскія условія, главнымъ образомъ, съ англійскими: и тутъ достаточно сказать, что въ 1862 г. французская добыча угля составляла всего $^1/_{10}$ англійской. Но для машинной индустріи нуженъ не только уголь, а и *желѣзо*. Французская металлургія также обнаруживала тенденцію расти очень быстро (выплавка чугуна въ 1859 г.—859 тыс. тоннъ, въ 1862—1,053 тыс. тоннъ): но Франція до самаго конца XIX в. разсматривалась всѣми, какъ страна, обдѣленная минеральными богатствами; въ послѣдніе еще годы этого столѣтія французское производство стали было ниже русскаго—и никто тогда не повѣрилъ бы, что черезъ нѣсколько лѣтъ Франція начнетъ вывозить руду за границу. При Наполеонѣ III безпомощность Франціи въ этомъ отношеніи была настолько очевидна, что французское правительство не усомнилось понизить таможенный барьеръ передъ продуктами англійской металлургіи и, еще болѣе англійскимъ углемъ,—въ обмѣнъ на соотвѣтствующія уступки по ввозу англійскихъ винъ и шелковыхъ матерій въ Англію[1]). Бисмаркъ, мы видѣли, коварно кивалъ на Бельгію, гдѣ были и уголь, и желѣзо: но аннексировать Бельгію—значило разорвать съ Англіей, а франко-англійскій союзъ въ 1862—64 г. отнюдь еще не могъ считаться исчерпаннымъ до дна. Въ концѣ-концовъ, приходилось искать металловъ очень далеко: въ Мексикѣ.

Исторія мексиканской политики настолько тѣсно связана съ имперіалистской политикой Наполеона III первой половины 60-хъ годовъ, и, въ то же время, настолько мало можетъ считаться извѣстной, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы столь далекому, географически, отъ береговъ Вислы сюжету посвятимъ пару—другую страницъ. Если пишущій эти строки долженъ былъ усвоить себѣ «англійскую» точку зрѣнія на вопросъ о мотивахъ вмѣшательства Франціи въ польскія дѣла—а, стало быть, и на русско-прусскую конвенцію 8 февраля 1863 г.,—то убѣдила его въ этомъ, окончательно, именно мексиканская экспедиція: а всякій авторъ имѣетъ право вести читателя по тому пути, какимъ шелъ самъ, по возможности сокращая испытанныя имъ самимъ трудности дороги, разумѣется.

Настоящія причины мексиканской экспедиціи долгое время оставались не вполнѣ выясненными — не только для современниковъ, но и для позднѣйшихъ историковъ, по крайней мѣрѣ, французскихъ. Первое не удивительно — по отношенію къ современникамъ принимаются, обыкновенно, всѣ мѣры, чтобы они не знали, а, въ особенности, не понимали происходящаго: правительство Второй имперіи было въ этой области всеобщимъ учителемъ (русское законодательство о печати 1860-хъ г.г. есть, какъ извѣстно, копія французскаго), и до сихъ поръ осталось трудно превосходимымъ образцомъ. Второе не такъ легко можетъ быть оправдано: людямъ, вхожимъ во француз-

[1]) Англо-французскій торговый договоръ 23 января 1860 г.; анализъ его и внѣшнюю исторію см. у Ea Gorce «Histoir du Second Empire», III, 213.

скіе архивы, вѣроятно, не слишкомъ трудно было достать въ 1890-хъ годахъ подлинники тѣхъ секретныхъ инструкцій Наполеона III, которыя были напечатаны мексиканскимъ историкомъ Женаро Гарсіа съ копій, сохранившихся въ архивѣ маршала Базэна, умершаго, какъ извѣстно, въ изгнаніи, почему его бумаги и стали общимъ достояніемъ раньше, чѣмъ это полагается документамъ такой важности[1]). Какъ бы то ни было совершенно ясно, что такой авторитетъ для исторіи своего времени, какъ Эм. Оливье, на котораго приходится ссылаться всякому пишущему о Второй имперіи, или не зналъ этихъ инструкцій или притворился, что не зналъ — не подозрѣвая о сюрпризѣ, который готовятъ ему мексиканскія находки. На сценѣ до сегодняшняго дня, можно сказать, остаются двѣ точки зрѣнія — офиціальная, императорскаго правительства, и анти-офиціальная, если можно такъ выразиться — республиканскихъ памфлетовъ. Первая, разумѣется, изображала походъ французскихъ войскъ по Мексикѣ, какъ борьбу за свободу и цивилизацію. Въ виду извѣстнаго намъ «принципа національностей» цивилизацію украсили эпитетомъ «латинской» — вспомнивъ, что населяющіе Мексику потомки древнихъ ацтековъ говорятъ по-испански. Труднѣе было со «свободой» — такъ какъ дѣло сводилось къ замѣнѣ республиканскаго режима, утвердившагося въ Мексикѣ, монархическимъ; но тутъ на выручку пришла религія. Мексиканскіе демократы, группировавшіеся около Хуареса, были чрезвычайно послѣдовательными антиклерикалами — а во Франціи 60-хъ годовъ вліяніе католическаго духовенства было еще во много разъ сильнѣе, чѣмъ теперь. Закрытіе монастырей, конфискацію церковныхъ имуществъ и тому подобныя мѣры хуаристовъ легко было изобразить чуть ли не какъ новое гоненіе на христіанъ — и, кромѣ горсти убѣжденныхъ республиканцевъ, ни съ чьей стороны не встрѣтитъ ни возраженій, ни критики. Окончательную ретушь дали конечно «звѣрства» — совершавшіяся мексиканскими республиканцами какъ и всякимъ «врагомъ», когда это полагается по программѣ[2]). Правда, дипломатическіе представители союзной Наполеону III Англіи удивлялись, какъ это имъ, ни ихъ подчиненнымъ не довелось быть свидѣтелями ни одного звѣрства мексиканцевъ надъ французами, но французскій представитель, знаменитый въ исторіи мексиканской авантюры Салиньи, гордо отвѣтилъ на это, что «французы конечно, ищутъ защиты не въ англійскихъ консульствахъ». Словомъ, въ офиціальномъ изображеніи дѣла все было на своемъ мѣстѣ. Изъ республиканскихъ памфлетистовъ поистинѣ геніальную проницательность обнаружилъ, въ пониманіи *политической* стороны дѣла, по крайней мѣрѣ, Эдгаръ Кинэ[3]). Онъ прямо утверждалъ, что Наполеоновскія войска плывутъ черезъ океанъ, чтобы добивать великую сѣверо-американскую демократію, казавшуюся тогда, благодаря междоусобной войнѣ, на краю гибели. Это могло представляться въ свое время особенно «памфлетнымъ» мотивомъ — что было Наполеону, у котораго хлопотъ полонъ ротъ въ Европѣ, гнаться за такими далекими журавлями? И при свѣтѣ опубликованныхъ въ новѣйшее время бумагъ это оказалось *буквально* вѣрнымъ. Вотъ, что писалъ Наполеонъ III въ секретной инструкціи генералу Форэ, когда тотъ былъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціей: «При современномъ положеніи міровой цивилизаціи благосостояніе Америки не можетъ

---

1) Или подлинники сгорѣли во время Коммуны?

2) Въ концѣ 1870-хъ гг., напримѣръ, въ дни англо-русскаго конфликта, въ русской печати усиленно разрабатывался мотивъ «англійскихъ звѣрствъ».

3) «Expédition du Mexique» помѣченная Veytaux, въ Швейцаріи, 1862 годъ.

быть безразлично для Европы—такъ какъ Америка питаетъ нашу индустрію и даетъ жить нашей торговлѣ. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы республика Соединенныхъ Штатовъ была могущественной и процвѣтающей, но въ наши интересы совсѣмъ не входитъ, чтобы она овладѣла всѣмъ Мексиканскимъ заливомъ, господствовала, благодаря этому, надъ Антильскими островами и Южной Америкой и была единственной распорядительницей продуктовъ Новаго Міра. Овладѣвъ Мексикой, а стало быть, центральной Америкой и перешейкомъ между двумя морями, Соединенные Штаты не имѣли бы болѣе соперниковъ въ Америкѣ. Если, напротивъ, Мексика отстоитъ свою независимость и сохранитъ въ неприкосновенности свою территорію, и если тамъ установится при помощи оружія Франціи прочное правительство — *мы противопоставимъ захватамъ Соединенныхъ Штатовъ несокрушимую плотину*, обезпечимъ независимость антильскихъ колоній нашихъ и неблагодарной Испаніи, утвердимъ наше благодѣтельное вліяніе въ центрѣ Америки, и *это вліяніе, распространяясь къ сѣверу и къ югу* создастъ огромные рынки для нашей торговли и снабдитъ необходимыми матеріалами нашу промышленность» [1]).

Когда впослѣдствіи Базэнъ снабжалъ техасскихъ конфедератовъ ружьями, изъ которыхъ они должны были стрѣлять въ солдатъ Линкольна, это было, какъ видимъ, столь же мало случайно, какъ и то, что, покончивъ съ конфедератами, эти солдаты не имѣли передъ собою иного врага, кромѣ французовъ въ Мексикѣ. Война Соединенныхъ Штатовъ съ Франціей изъ-за центральной Америки была бы естественнымъ логическимъ завершеніемъ американской междуусобной войны 1861—65 г.г., если бы у Наполеона III и на этотъ разъ хватило смѣлости сдѣлать то, о чемъ онъ такъ хорошо разсуждалъ. Но если французской арміи нужно было 4 мѣсяца, чтобы мобилизоваться въ Европѣ, сколько времени и средствъ нужно было, чтобы перевезти въ Америку военныя силы, способныя дать отпоръ пяти стамъ тысячамъ штыковъ генерала Гранта? Наполеонъ въ своей инструкціи обнаружилъ большую дальнозоркость, но, какъ всѣ дальнозоркіе люди, онъ онъ плохо видѣлъ вблизи: чтобы Соединенные Штаты «не имѣли соперниковъ» въ Америкѣ, вовсе не нужно было, чтобы «полосы и звѣзды» развивались надъ панамскимъ перешейкомъ—достаточно было, что онѣ взвились надъ Ричмондомъ. Побѣды сѣверянъ въ Виргиніи въ 1864—65 г.г. должны были положить конецъ мексиканской экспедиціи, и Эдгаръ Кинэ могъ бы это предсказать уже въ 1862 г.

Менѣе счастивы были республиканскіе памфлеты въ томъ, что касалось непосредственныхъ конкретныхъ мотивовъ экспедиціи. Тутъ обычно эксплоатировались связи Морни съ различными, болѣе чѣмъ темными, биржевыми дѣльцами, въ родѣ банкира Жекера, ссудившаго мексиканской республикѣ нѣсколько менѣе 2 милліоновъ франковъ и желавшаго за это получить — 75. Реализовать такого размѣра барыши было бы, дѣйствительно, трудно безъ вооруженной экспедиціи, въ любой странѣ. Поскольку эти связи засвидѣтельствованы документами — письмами Жекера къ Морни — противъ самаго факта возражать, разумѣется, не приходится. Если у кого является къ тому охота, ему ничего не остается, какъ инсинуировать, что документы поддѣланы — какъ это и пробуетъ Оливье: но, имѣя въ рукахъ доказательства, не

---

[1]) Инструкція 3 іюля 1862 г. «Documentos para la Historia de Mexico. XIV. La intervencion francesa en Mexico segun el archivo lel Mariscal Bazaine». Mexico, 1907., стр. 13—15.

инсинуируютъ — иными словами, доказательствъ подлога у Оливье нѣтъ. Повторяемъ, фактъ едва ли сомнителенъ. Но къ истиннымъ причинамъ набѣга на Мексику онъ относится примѣрно такъ же, какъ операціи карманныхъ воришекъ на пожарѣ — къ поджогу. Пожаръ зажгли не Морни съ Жекеромъ: вполнѣ возможно, что первый былъ даже недоволенъ экспедиціей въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какіе пришлось ей дать, когда неудача первой атаки на Пуэблу сдѣлала успѣхъ вопросомъ чести французскаго оружія. Морни былъ противъ всего, что можетъ вызвать биржевую панику. А главное, нѣтъ никакой нужды *искать мотивовъ*, когда они *даны* намъ, въ инструкціяхъ, подписанныхъ Наполеономъ, съ рѣдкою отчетливостью. «Итакъ», заканчиваетъ уже цитированная нами инструкція генералу Форэ, только что смѣнившему побитаго подъ Пуэблою Лорансе — «наша задѣтая военная честь, требованія нашей политики, *интересъ нашей промышленности и нашей торговли*, все дѣлаетъ нашей обязанностью — идти на Мексико (т.-е. на столицу республики) и смѣло поднять надъ нимъ наше знамя...» Это общее настойчивое указаніе — мы встрѣчаемъ его, на протяженіи одной инструкціи, уже второй разъ — дополняется частичными, преслѣдующими ту же цѣль. «Я забылъ вамъ сказать, что было бы чрезвычайно полезно уменьшить таможенныя пошлины, которыя (въ Мексикѣ) чрезмѣрно высоки; это очень оживило бы нашу торговлю» (инструкція 14 апрѣля 1863). Забывчивость императора объясняется не тѣмъ, что предметъ былъ второстепенный, а тѣмъ, что дѣло представлялось само собою разумѣющимся, что ясно видно изъ примѣчанія Форэ: «Я уже распорядился понизить ихъ (пошлины) на 50%». Смѣнившій Форэ Базэнъ съ большой понятливостью шелъ по той же дорогѣ. «Совершенно очевидно, что мы должны воспользоваться нашимъ пребываніемъ въ Мексикѣ, чтобы распространить нашу торговлю, сдѣлаться, такъ сказать, господами рынка» [1]). Базэнъ, въ этомъ случаѣ, не забѣгалъ впередъ, а скорѣе, напротивъ, былъ позади плановъ, выработанныхъ въ Парижѣ. Эти послѣдніе предусматривали господство французовъ не только на мексиканскомъ рынкѣ, но вообще надъ Мексикой. «Необходимо, чтобы вы были хозяиномъ Мексики, но такъ, чтобы это не было замѣтно», поучалъ Наполеонъ Форэ: «Вы должны сами устроить какое-нибудь временное правительство... изъ людей энергичныхъ и честныхъ (въ другой инструкціи это выраженіе прямѣе и откровеннѣе: «правительство по *вашему выбору*», управляющее съ помощью юнты нотаблей, «людей, *избранныхъ вами* среди богатаго классъ туземцевъ»)... Разъ будетъ возстановлено спокойствіе, надо будетъ спросить мнѣніе народа, какимъ-нибудь способомъ, или при помощи чего-нибудь въ родѣ всеобщей подачи голосовъ (Наполеонъ имѣлъ въ виду, конечно, столь характерный для Второй имперіи плебисцитъ — въ другомъ мѣстѣ это опять выражено яснѣе), или назначивъ (en faisant nommer) конгрессъ тѣми революціонными способами, къ которымъ въ Мексикѣ привыкли...» [2]) Нельзя не отвести полудюжины строчекъ тѣмъ способамъ, которыми предполагалось «возстановить спокойствіе». «Чтобы возстановить порядокъ въ странѣ, хорошо будетъ объявить, какъ это дѣлается въ Африкѣ, цѣлые округа (les localités) отвѣтственными за убійство или воровство, совершенныя на ихъ территоріи; придется, можетъ быть, устроить въ различныхъ мѣстахъ военно-полевые суды. Смертная казнь, повидимому, на нихъ (мексиканцевъ), производитъ мало впечат-

[1]) Донесеніе императору отъ 9 сентября 1863,—ibid, XVI, стр. 28—9.
[2]) Инструкція 2 февраля 1863, ibid. XIV, 74—75.

лѣнія—тѣлесное наказаніе (la bastonnade) и ссылка суть лучшія средства репрессіи. Нужно устранвать въ Мексико празднества, для развлеченія общества; ускорить постройку желѣзной дороги изъ Мексико въ Веракруцъ; печатать въ газетахъ статьи въ пользу (французскаго) вмѣшательства, чтобы можно было ихъ перепечатывать потомъ въ Европѣ (для этого, конечно, прежде всего нужно было „установить для печати режимъ, существующій во Франціи"), словомъ, сдѣлать оккупацію столь полезной, какъ это только возможно" [1]).

Мы видимъ, мнѣніе о «гуманности» Наполеона III отнюдь не виситъ въ воздухѣ: съ какой заботливостью этотъ человѣкъ стремился замѣнить разстрѣлъ—палочными ударами! Вообще, въ Мексикѣ отнюдь не предполагалось вводить режимъ Муравьева-Виленскаго: ее хотѣли облагодѣтельствовать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ гордилась Вторая имперія у себя дома, начиная отъ городского благоустройства («...озаботиться ассенизаціей главныхъ городовъ, на улицахъ которыхъ годами не просыхаютъ лужи, становящіяся очагами заразы...»), хорошихъ путей сообщенія («...улучшить главныя дороги»—мы видимъ спеціальное указаніе на желѣзную дорогу Мексико-Веракруцъ) и т. д.—до «прессы его величества», съ такъ хорошо знакомой русской печати «системой предостереженій», словомъ, всѣмъ, что получила Франція послѣ 2 декабря 1858 г. взамѣнъ политической свободы. Отъ этой послѣдней, конечно, должна была быть освобождена и Мексика, но какимъ именно путемъ, посредствомъ ли установленія монархіи, съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ во главѣ, или съ сохраненіемъ республиканскихъ учрежденій того типа, къ какому «привыкли въ Мексикѣ», съ французскимъ генералъ-губернаторомъ на мѣстѣ президента—этотъ вопросъ интересовалъ французское правительство гораздо менѣе, чѣмъ онъ теперь интересуетъ его историковъ. Для Оливье стремленіе «испомѣстить» младшаго брата Франца-Іосифа является чуть ли не главнымъ мотивомъ экспедиціи [2]),—а для Наполеона III, во-первыхъ, будущій императоръ Максиміліанъ былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ французовъ («что касается государя, который могъ бы занять мексиканскій престолъ, онъ всегда будетъ вынужденъ дѣйствовать въ интересахъ Франціи, не только изъ признательности, но и ... потому, что онъ въ силахъ будетъ держаться только, благодаря нашему вліянію»), а во-вторыхъ—такъ какъ въ выборѣ своихъ орудій Наполеонъ отличался широкой терпимостью — ему было все равно, будетъ ли въ Мексикѣ наводиться порядокъ съ высоты престола, или изъ мѣста, болѣе скромнаго («установить *или монархію*, если она не несовмѣстима съ національными чувствами туземцевъ, *или, по крайней мѣрѣ, прочное правительство*»). Австрійская кандидатура была не основной линіей плана, а его поправкой, какъ бы отклоненіемъ въ сторону: поправкой, чрезвычайно, конечно, характерной и тѣсно связанной съ европейскими комбинаціями Наполеона III, какъ мы сейчасъ увидимъ — но отнюдь не затемнявшей главнаго смысла экспедиціи, связи ея съ интересами французской промышленности. Даже чисто военныя мелочи бралисъ инструкціями съ этой, основной, точки зрѣнія: «Какъ только вы будете въ Мексико», писалъ Наполеонъ Форэ, «сформируйте подвижныя колонны, силою отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ... надо также занять береговые порты... въ особенности Матаморосъ, черезъ который мы можемъ связаться съ южной Америкой (импера-

---

[1]) Инструкція 14 апрѣля 1863 ibid, XIV, 90—98 (особ. 97).
[2]) «L'Empire libéral», 258—260.

торъ имѣлъ въ виду, очевидно, *южные штаты* Сѣверной Америки), получить хлопокъ; но для этого нужно дѣйствовать быстро и энергично, поразить воображеніе мексиканцевъ учащенными ударами...» Тутъ мы подходимъ къ пункту, который непосредственно связываетъ мексиканскую авантюру съ данной нами выше характеристикой французской промышленности начала 60-хъ годовъ. Мы видимъ, что ахиллесовой пятой послѣдней былъ недостатокъ *минеральныхъ богатствъ*. Но въ Мексикѣ есть штатъ, исключительно выдающійся именно съ этой точки зрѣнія—это Сонора, съ ея громадными залежами серебра, свинца, мѣди, каменнаго угля, желѣза и т. д., разрабатываемыми до сихъ поръ далеко несовершенно—причемъ вывозъ этихъ продуктовъ, одчако же, достигатъ 10—12 милліоновъ мексиканскихъ долларовъ ежегодно. Въ американскихъ дипломатическихъ бумагахъ времени мексиканской экспедиціи сохранились указанія на спеціальный интересъ французовъ именно къ Сонорѣ,—указанія, съ чрезвычайной энергіей оспариваемыя Эмилемъ Оливье: «Сьюардъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Линкольна) писалъ потомъ по этому поводу неосновательныя депеши. Какіе-нибудь дѣльцы, придававшіе себѣ больше важности, чѣмъ они имѣли на самомъ дѣлѣ, можетъ быть и носились съ подобной мечтой: но чтобы императоръ или его министры хотя бы одну минуту думали присвоить себѣ хотя бы одинъ дюймъ мексиканской территоріи, это ложь[1])» Имѣя передъ собою столь категорическое утвержденіе, весьма пикантное впечатлѣніе получаешь отъ инструкціи Наполеона III Базэну: «Навести конфиденціально справки о рудникахъ Соноры и донести, насколько легко будетъ впослѣдствіи ее занять» (12 сентября 1863 г.). Мы увидимъ потомъ, что тутъ чрезвычайно характерна *дата*. Сонора появилась на сценѣ, когда лопнули почти всѣ надежды на рейнскую границу въ связи съ польскимъ возстаніемъ... Базэнъ и на этотъ разъ обнаружилъ столь же быструю смѣтку, какъ и въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ. Уже 26 октября того же года онъ доносилъ: «Въ ожиданіи сколь возможно болѣе точныхъ свѣдѣній о сонорскихъ рудникахъ, имѣю честь препроводить В. В. рапортъ, составленный на основаніи данныхъ г. Лора, присланнаго сюда инженера, который изслѣдовалъ большую часть Мексики, и былъ остановленъ въ своихъ научныхъ изысканіяхъ только апашами. Что касается оккупаціи названнаго штата, я считаю ее возможной, пришлось бы только, конечно, долго бороться съ дикими туземцами, на сѣверо-восточной границѣ этого штата, нынѣ едва населеннаго изъ-за страха, который внушаютъ ихъ набѣги». Далѣе слѣдуютъ указанія возможнаго маршрута экспедиціоннаго корпуса, роли тихоокеанской эскадры и тому подобныя военныя подробности. «Это дѣло мнѣ кажется славнымъ, выполнимымъ и особенно выгоднымъ въ видахъ преобладанія, а также торговыхъ и политическихъ интересовъ Франціи... Климатъ Соноры здоровый, и ея почва производитъ все, что можетъ отъ нея потребовать трудъ земледѣльца»[2]).

Мы начинаемъ понимать теперь, почему министры Наполеона III, передъ законодательнымъ корпусомъ, не безъ загадочности называли мексиканскую экспедицію «самымъ славнымъ дѣломъ царствованія». Сведемъ къ основнымъ пунктамъ то, что мы узнали, благодаря ряду отступленій, не безплодныхъ, какъ видитъ читатель. Во-первыхъ, мы знаемъ, что Франція начала 60-хъ годовъ, по условіямъ своего про-

[1]) Ibid., 257.
[2]) «Documentes», XVI, 36 и 164—167.

мышленнаго развитія испытывала острую нужду въ минеральныхъ богатствахъ. Ради захвата ихъ предпринимались отдаленныя экспедиціи, какъ мексиканская. Но минеральныя богатства были подъ бокомъ—около самой Франціи, и даже, если хотите, подъ самой Франціей, такъ какъ нѣкоторыя угольныя шахты Саррскаго бассейна заходили въ нѣдра французской территоріи: но выходы изъ этихъ шахтъ оставались въ Пруссіи. Мы знаемъ, далѣе, что все это отлично сознавалось французскими правящими кругами, которые и долго послѣ разочарованій 1863 г. продолжали носиться съ планами аннексіи Рейнскихъ провинцій, подъ тѣмъ или другимъ соусомъ. Мы знаемъ, наконецъ, изъ словъ Бисмарка, что объ этой острой нуждѣ, и объ этихъ планахъ, знали и въ Берлинѣ: притомъ знали больше неопредѣленнаго существованія туманныхъ проектовъ—и, быть можетъ, больше, чѣмъ было въ дѣйствительности. Ясное указаніе на это даетъ одинъ, чрезвычайно любопытный отчетъ Монтебелло—французскаго посла въ Петербургѣ, какъ мы помнимъ. 9 мая 1861 г., вскорѣ послѣ первыхъ вспышекъ польской революціи, имп. Александръ II давалъ этому послу аудіенцію—въ отвѣтъ на конфиденціальное письмо Наполеона III къ царю по поводу варшавскихъ событій. Поведеніе французскаго правительства въ польскомъ вопросѣ, было тогда верхомъ корректности; французскіе министры съ видимой любовью занимались даже такими мелочами, какъ шитье, будто бы, въ Парижѣ мундировъ для польскихъ легіоновъ—а, отведя это гнусное подозрѣніе отъ парижскихъ портныхъ, они простерли свою внимательность до того, что запрашивали, по данному поводу, министровъ итальянскихъ, успокоившись не прежде, чѣмъ удостовѣрились въ такой же непричастности къ дѣлу итальянскихъ иголокъ и ножницъ, какъ и французскихъ. Наполеонъ лично заявилъ старому Чарторыйскому, что французское правительство ни въ коемъ случаѣ не окажетъ ни малѣйшей помощи польскому движенію, направленному противъ Россіи. Понятно, какъ обидѣлись французы, когда Горчаковъ позволилъ себѣ намекнуть имъ, что они потому только и держатся такъ корректно, что Англія имъ отказывается помогать. Монтебелло счелъ возможнымъ напомнить объ этомъ своему высокому собесѣднику—намекнувъ, въ свою очередь, что Горчаковъ повторяетъ, несомнѣнно, англійскую версію, къ которой нужно бы относиться поосторожнѣе. Собесѣдникъ поднялъ перчатку и далъ понять, что коварство британцевъ ему хорошо извѣстно: они, вѣдь, даже Россію не стѣсняются подозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ на Востокѣ. Спеціально же о Франціи вотъ что сказалъ Александръ II: «Вы знаете, прошелъ слухъ, что я заключилъ съ Франціей договоръ, которымъ мы, будто бы, гарантировали другъ другу, съ одной стороны, рейнскую границу, съ другой—Польшу. Слухъ былъ настолько устойчивъ, что прусскій король, не вѣря ему, нашелъ все же нужнымъ написать мнѣ нѣсколько словъ. Ну, такъ вотъ: я имѣю всѣ основанія думать, что слухъ шелъ изъ Лондона, но это вполнѣ между нами. Англійской подозрительности нѣтъ равныхъ» [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *договора,* встревожившаго Вильгельма I, никогда не было заключено—иначе теперь, въ 1916 г., мы знали бы объ этомъ больше. Но слѣдуетъ ли отсюда, что изъ пословицы «нѣтъ дыму безъ огня» нужно дѣлать исключеніе—для лондонскихъ слуховъ? Русско-французскій союзъ, выко

---

1) Бесѣду цѣликомъ приводитъ Ollivier, цит. соч., 103—7. Ср. Roux, 318.

Горчаковымъ [1]), шелъ довольно далеко, какъ показываетъ, хотя бы бесѣда послѣдняго съ тѣмъ же Монтебелло въ сентябрѣ 1859 г.— вскорѣ послѣ франко-австрійской войны, гдѣ Россія была, явно и открыто, въ положеніи дружественнаго нейтралитета по отношенію къ Франціи, и враждебнаго—по отношенію къ Австріи. Монтебелло напомнилъ русскому министру обѣщаніе Россіи «воспротивиться», если бы Пруссія вмѣшалась въ войну на сторонѣ Австріи, чего требовало германское общественное мнѣніе послѣ Мадженты. Горчаковъ отвѣтилъ, что Россія готова была сдержать обѣщаніе, и что объ этомъ было написано въ Берлинъ, хотя и въ самой дружеской формѣ— но слово «война», однако, было произнесено. Монтебелло выразилъ удивленіе, что онъ не былъ объ этомъ извѣщенъ въ свое время—и удовольствіе, что Россія въ такой точности исполнила пожеланіе Франціи—держаться относительно пруссаковъ такъ именно, какъ они сами будутъ держаться: «война за войну, нейтралитетъ за нейтралитетъ». Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, правду говорилъ Горчаковъ или лгалъ—какъ склоненъ думать французскій историкъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія: онъ и недоконченный характеръ кампаніи 1859 г. готовъ объяснить вялымъ и неискреннимъ поведеніемъ петербургскаго кабинета, который, будто бы, все время колебался между своими «традиціонными симпатіями» къ Пруссіи (мы видѣли въ прошломъ очеркѣ, чего эти «симпатіи» стоили), и своими формальными обязанностями относительно Франціи, внушивъ тѣмъ Наполеону III опасеніе—остаться, въ концѣ-концовъ, изолированнымъ передъ лицомъ объединившейся Германіи: это именно, по мнѣнію г. Шарля-Ру, и послужило ближайшимъ поводомъ къ заключенію виллафранкскаго перемирія [2]). Оставимъ это, въ данномъ случаѣ постороннее для насъ, обстоятельство: но, разсуждая о возможныхъ перспективахъ «сопротивленія» воинственнымъ намѣреніямъ Пруссіи, должны же были союзницы представлять себѣ какъ-нибудь исходъ войны, если бы она, въ самомъ дѣлѣ, имѣла мѣсто? А въ гаданіяхъ объ этомъ исходѣ не занимала ли какого-нибудь мѣста и рейнская граница? Трудно повѣрить противоположному, зная, до какой степени послѣдняя гипнотизировала Наполеона III и весь его антуражъ.

IV.

При свѣтѣ «англійской» гипотезы, гласящей, что событія на Вислѣ были для Наполеона III лишь предлогомъ начать войну на Рейнѣ, становятся понятны тысячи мелочей—въ родѣ, напримѣръ, той, что на коронацію Вильгельма I, въ 1861 г., былъ отправленъ самый блестящій изъ генераловъ тогдашней французской арміи, герой Мадженты, маршалъ Макъ-Магонъ, какъ разъ передъ этимъ назначенный командиромъ корпуса, стоявшаго на прусской границѣ. Случайное совпаденіе, конечно, но давшее будущему главнокомандующему 1870 года случай видѣть лицомъ къ лицу своего возможнаго противника. Неизвѣстно, видѣлъ ли что-нибудь Макъ-Магонъ такъ, какъ удавалось видѣть прусскимъ офицерамъ, которыхъ командировалъ Бисмаркъ во Францію. Но можно думать, что «честная старая шпага» и въ этомъ случаѣ оказалась «честной шпагой»—не болѣе: администра-

[1]) Объ этомъ союзѣ писалось достаточно въ русской литературѣ: см., напр. Татищева, «Александръ II», т. I, стр. 227—47 и др.

[2]) Fr. Charles-Roux «La France et l'entente russo-prussienne après la guerre de Crimée», Paris, 1913, стр. 30—31.

ція Наполеона III была не мало удивлена, когда маршалъ вернулъ ей крупный остатокъ отъ суммы, ассигнованной въ его безконтрольное распоряженіе; между тѣмъ, онъ въ Берлинѣ задавалъ балы, которые для скромной тогда столицы прусскихъ королей были событіемъ. Повидимому, Макъ-Магонъ просто не понялъ, зачѣмъ ему дали столько денегъ,—и послѣ его поѣздки въ Берлинъ, въ Парижѣ, вѣроятно, остались такъ же мало освѣдомлены относительно подготовительной работы Мольтке, какъ и до нея. Становится понятенъ и, почти страстный, интересъ императрицы Евгеніи къ ружью Шасспо—и въ этомъ, увы! нѣмцы предупредили,—и многое другое [1]).

Становится понятна и русско-прусская конвенція 8 февраля 1863 г. Какъ и въ 1831 году, услуга Россіи была страховкой отъ русско-французскаго союза, направленнаго противъ Пруссіи. Союзъ—въ этомъ направленіи—былъ только возможностью, но возможность казалась въ Берлинѣ очень близкой, и такъ какъ во главѣ прусской политики тогда стоялъ человѣкъ, только что вернувшійся изъ Россіи (послѣ своего посольства въ Петербургѣ, и до назначенія министромъ, Бисмаркъ былъ лишь короткое время посломъ въ Парижѣ), во всякомъ случаѣ лучше всего знавшій именно русскія отношенія—и знавшій ихъ, вѣроятно, лучше, чѣмъ кто бы то ни было тогда въ Западной Европѣ,—то мы едва ли имѣемъ право предполагать здѣсь очень грубую ошибку со стороны берлинскаго кабинета. Что Бисмаркъ скользитъ мимо этой стороны вопроса въ своихъ мемуарахъ, это, опять-таки, болѣе, чѣмъ понятно: нельзя изображать себя въ Петербургѣ «какъ дома» —и, въ то же время, признаваться, что Петербургъ, въ это самое время, былъ наканунѣ союза съ Парижемъ противъ Берлина. Больше нѣсколькихъ недоброжелательныхъ кивковъ по адресу Горчакова, политика котораго при этомъ тщательно отгораживалась отъ политики Александра II, авторъ мемуаровъ не могъ дать. Въ бесѣдахъ практическаго характера, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, стѣснялись менѣе. «Принцъ Гогенцоллернъ въ разговорѣ со мной, нѣсколько дней назадъ, объ иностранной политикѣ прусскаго правительства, сказалъ, что однимъ изъ главныхъ объектовъ этой политики является низверженіе кн. Горчакова», писалъ Росселю англійскій посолъ въ Берлинѣ: «такъ какъ желаніе Горчакова устроить русско-французскій союзъ является, по ихъ (пруссаковъ) мнѣнію, единственнымъ препятствіемъ на пути къ возстановленію тѣхъ отношеній, какія существовали между тремя сѣверными дворами (т.-е. Россіей, Австріей и Пруссіей) до Крымской войны. Это мнѣніе вполнѣ подтверждается недавними отзывами г. фонъ Бисмарка, въ разговорахъ со мной, о русскомъ вице-канцлерѣ и о борьбѣ русской и нѣмецкой партій въ Петербургѣ, въ связи съ польской политикой, а также въ связи съ отношеніями, какія существуютъ у Россіи къ Германіи и къ Франціи» [2]). А двѣ недѣли спустя не нужно было уже косвенныхъ заключеній отъ «отзывовъ»: «Въ разговорѣ со мной сегодня утромъ» доносилъ Бьюкененъ отъ 4 апрѣля, «г. фонъ Бисмаркъ сказалъ», что Германія теперь догадалась, что конвенція 8 февраля не была совсѣмъ безполезна, такъ какъ она *разрушила горчаковскій планъ русско-фран-*

---

1) О поѣздкѣ Макъ-Магона см. у Laforge, «Histoire complète du Maréchal Mac Mahon», Paris, 1898, vol. 1. Для французской подготовки см. Bapst «Le Maréchal Canrobert», IV, особ. 43 и 50. Разсказанныя имъ событія, конечно, *позднѣе* 1863 г.—но вопросъ о Рейнѣ не сходилъ съ очереди всю первую половину 60-хъ годовъ.

2) Сверъ А. Бьюкененъ Росселю, 21 марта 1863. Confidential Correspondence, 257—8.

цузскаго союза»... [1]) Прямѣе людямъ дипломатическаго званія выражаться даже и не полагается...

Но паденіе всякихъ разсчетовъ на содѣйствіе Россіи, въ дѣлѣ добыванія «саррскаго угля», какъ мы видѣли, не обезкуражило Наполеона III: онъ лишь круто повернулъ отъ русско-французскаго союза къ франко-австрійскому. Поворотъ былъ крутой не только потому, что Сольферинскому сраженію не минуло еще и четырехъ лѣтъ. Дружба съ Австріей означала переходъ на Востокѣ отъ руссофильской политики къ руссофобской: и мы видѣли, что Наполеонъ на это шелъ, обѣщая Меттерниху поддержку Франціи австрійской восточной политикѣ. Неудача императора французовъ и заключалась не въ томъ, что онъ не сумѣлъ предупредить конвенцію Альвенслебена: трудно представить себѣ, какъ могъ бы онъ это сдѣлать, не выдавъ окончательно поляковъ, т.-е. не отказавшись окончательно отъ возстановленія имперіи Наполеона I,—а это онъ считалъ своей миссіей. Неудача состояла въ томъ, что всѣ жертвоприношенія на алтарѣ новой дружбы оказались безплодными. Австрія не пошла дальше участія въ «дипломатической кампаніи», достаточной, чтобы еще углубить пропасть, уже успѣвшую образоваться между Франціей и Россіей, но не могшей отнюдь замѣнить военной кампаніи, въ союзѣ съ Франціей, противъ Пруссіи. Дѣятели польскаго возстанія видѣли въ этой неудачѣ Наполеона III главную причину своей собственной неудачи: возстаніе имѣло шансы на успѣхъ лишь при условіи непосредственной военной поддержки одной изъ великихъ державъ. Франція непосредственной поддержки оказать не могла, Австрія не захотѣла: тѣмъ самымъ, повстанье уже отдано было на жертву русскимъ штыкамъ. Но, понимая все роковое значеніе неудачи Франціи, поляки неясно видѣли ея причины: имъ казалось, что дѣло—въ недовѣріи Австріи къ ея вчерашнему побѣдителю въ томъ, что Австрія шла на поводу британской дипломатіи: а какъ та относилась къ рейнскимъ планамъ Наполеона, мы видѣли [2]). Официальная Австрія давала другія объясненія своего отказа. Австрійскій премьеръ писалъ кн. Меттерниху, что его правительство отказывается присоединиться къ французскому выступленію противъ Пруссіи исключительно «съ точки зрѣнія положенія Австріи, общихъ принциповъ ея политики, и ея спеціальныхъ интересовъ въ польскомъ вопросѣ».—«Польскіе подданные императора, нашего августѣйшаго государя, могутъ оцѣнить дѣйствительныя благодѣянія, которыя имъ оказываются, лишь при условіи, что не будутъ поощряться иллюзіи, которыя сдѣлали бы ихъ нечувствительными къ этимъ благодѣяніямъ» [3]). Галиція, потеря которой Австріей въ пользу возстановляемой Польши, какъ мы помнимъ, сама собой подразумѣвалась въ планѣ Наполеона—«одинъ изъ лучшихъ питомниковъ австрійской арміи», какъ выразился тотъ же гр. Рехбергъ по другому поводу, говоря съ англійскимъ посломъ въ Вѣнѣ. «Ея крестьяне принадлежатъ къ лойяльнѣйшимъ вѣрноподданнымъ императора, и всегда, въ трудныя минуты, являлись первыми на защиту интересовъ имперіи»... [4]). Рехбергъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, галиційскую жакерію 1846 г.—ту самую, которая сдѣлала руссофиломъ Вѣлепольскаго, и вообще такъ много способствовала образованію «угодовской» партіи среди помѣ-

[1]) Ibid., 328.

[2]) Kosmian, стр. 33—35.

[3]) Гр. Рехбергъ кн. Меттерниху 27 февраля 1863 г. «Confidential correspondence», 135.

[4]) Лордъ Блумфильдъ гр. Росселю, «Conf. Correspondence», 159.

щиковъ русской Польши. Этотъ мотивъ—невозможность для Австріи разстаться съ Галиціей и содѣйствовать пожару въ собственномъ домѣ, поощряя «пагубныя иллюзіи» русскихъ поляковъ—красной нитью проходитъ черезъ всѣ бумаги, выходившія изъ вѣнской канцеляріи, и черезъ всѣ рѣчи, державшіяся австрійскими дипломатами въ разныхъ столицахъ Европы [1]). Мотивъ вызываетъ недовѣріе къ себѣ—несоотвѣтствіемъ его размѣровъ съ размѣрами той цѣли, отъ которой отказывались: неужели Галиція была для Австріи дороже ея гегемоніи въ Германіи—о чемъ шла рѣчь, въ случаѣ разгрома пруссаковъ на Рейнѣ? Австрійская политика можетъ показаться крайне близорукой и ограниченной. Въ извѣстной степени она и страдала этимъ недостаткомъ, конечно,—но не такъ сильно, какъ можно думать. Галиція была только ширмой, за которой прятались мотивы болѣе серьезные—и ширму иногда пріоткрывали, не передъ французами, хотя, подъ конецъ, то, что было за ней, увидали и французы. «Въ чемъ состоитъ роль Франціи въ настоящую минуту?» спрашивалъ тотъ же Рехбергъ того же Блумфильда нѣсколько дней спустя послѣ цитированной нами бумаги. И отвѣчалъ самъ: «Въ томъ, чтобы произвести смуту въ Европѣ. Въ польскомъ вопросѣ она (Франція) увидала предлогъ создать замѣшательства, которыя оправдали бы ея вооруженное выступленіе, могущее повести къ войнѣ на Рейнѣ. Пруссія должна лишиться своихъ рейнскихъ провинцій, и ее вознаградятъ за это аннексіями въ Германіи. Къ этому ведетъ эту страну политика г. фонъ Бисмарка, сказалъ гр. Рехбергъ: онъ думаетъ, поэтому, что Австріи и Англіи надлежитъ хорошенько взвѣсить, какъ далеко могутъ онѣ идти въ польскомъ вопросѣ, не отступая отъ благоразумія... Гр. Рехбергъ сказалъ, что онъ чрезвычайно хотѣлъ бы придти къ соглашенію съ вашимъ лордствомъ не только по польскому, но и по другимъ европейскимъ вопросамъ, и что онъ думаетъ, что Англія и Австрія одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы помѣшать императору французовъ въ осуществленіи его проекта—исправить карту Европы» [2]).

Итакъ, Наполеонъ III добивался «войти въ соглашеніе по всѣмъ вопросамъ» съ Австріей, за спиной Великобританіи, а оказывалось, что Австрія желаетъ «войти въ соглашеніе по всѣмъ вопросамъ» именно съ Великобританіей... Велико должно быть разочарованіе императора французовъ—мы увидимъ, къ какому, не столько отчаянному, сколько выдающему отчаяніе, шагу онъ прибѣгнулъ, когда истина стала для него ясна. Но что было движущимъ мотивомъ Австріи, точнѣе Рехберга? Мы видимъ, что по части скептическаго отношенія къ планамъ Наполеона англичанамъ нечему было его учить. На какой почвѣ выросъ этотъ скептицизмъ? Послѣдній, оставшійся еще закрытымъ, уголокъ завѣсы поднимаютъ мемуары Бисмарка—на этотъ разъ ничего не затушевывающіе, ибо тутъ вся честь доставалась ему. Австрія такъ горячо вступалась за интересы всей Германіи на Рейнѣ потому, что она, въ это время, носилась съ проектомъ объединенія *всей Германіи подъ австрійской гегемоніей, притомъ съ помощью Пруссіи.* Орудіемъ для осуществленія этого плана долженъ былъ служить съѣздъ князей Германскаго союза во Франкфуртѣ, приглашенія на который были разосланы только 31 іюля 1863 г., но мысль о которомъ возникла гораздо раньше, какъ видно изъ разговора, происходившаго у

---

[1]) См. напр., тамъ же №№ 189, 206 и др.
[2]) Блумфильдъ Росселю, 12 марта 1863. Ibid., 187.

Бисмарка съ австрійскимъ посломъ гр. Карольи еще въ декабрѣ 1862 г.[1]). Уже въ этомъ разговорѣ Бисмаркъ подалъ австрійцамъ надежду на содѣйствіе Пруссіи, если тѣ согласятся трактовать ее по достоинству—какъ великую державу. Бисмаркъ имѣлъ въ виду, конечно, стереть послѣдніе слѣды «ольмюцскихъ пунктацій» (см. предыдущій очеркъ, стр. 101). Но австрійцы, повидимому, поняли дѣло болѣе внѣшне—и ограничились тѣмъ, что обставили приглашеніе Вильгельма I на съѣздъ необыкновенной помпой: за нимъ былъ посланъ король саксонскій, въ ту минуту, когда весь синклитъ князей былъ уже въ сборѣ, и недоставало только прусскаго короля, да австрійскаго императора. Вильгельмъ не былъ нечувствителенъ къ такому почету: «Тридцать государей меня ждутъ, и король является въ качествѣ курьера!» въ упоеніи повторялъ онъ передъ своимъ министромъ, всѣми силами не пускавшимъ своего государя на съѣздъ. Бисмарку нужны были реальныя уступки, а не эта мишура, ради которой Пруссія должна была лишиться сочувствія германскаго общественнаго мнѣнія, цѣнившаго въ ней именно оппонентку реакціонной Австріи. Цѣною крайняго, даже физическаго, утомленія Бисмарку удалось настоять на своемъ—и онъ былъ вознагражденъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда австрійскія войска пошли вмѣстѣ съ прусскими завоевывать для Пруссіи датскій Шлезвигъ. Австрія хотѣла использовать соперницу—использовали ее самое. Не Рехбергу было тягаться съ Бисмаркомъ на полѣ дипломатической борьбы... Но когда Наполеонъ III дѣлалъ свои попытки, весь планъ еще былъ въ полномъ цвѣту—и странно было бы отказываться отъ ожидаемыхъ плодовъ ради дипломатическихъ проектовъ французскаго императора. Идти на эти проекты значило бы сдѣлать двойную ошибку—не только порвать съ Пруссіей, въ которой уже видѣли завтрашнюю союзницу, но и, уступкой нѣмецкой области французамъ, возстановить противъ себя общественное мнѣніе Германіи, т.-е. разрывая съ Пруссіей, дать этой послѣдней въ руки страшное оружіе въ ея соперничествѣ съ имперіей Габсбурговъ. И за это послѣдняя должна была еще согласиться на ампутацію Венеціи и Галиціи. Если Наполеонъ совершенно правильно оцѣнивалъ интересы французской промышленности въ настоящій моментъ, внутри-германскія отношенія оставались для него закрытой книгой. Какъ многіе французы, онъ былъ лучшимъ экономистомъ, чѣмъ географомъ—все не французское было для него «китайской грамотой».

Поѣздка Меттерниха въ Вѣну не дала никакого результата. Онъ не только не привезъ оттуда утвержденія набросаннаго въ Парижѣ проекта союзнаго трактата[2]), но даже никакого обѣщанія, ни одного обнадеживающаго слова Рехберга или Франца-Іосифа. Первою мыслью Наполеона было то, что для поляковъ осталось окончательнымъ объясненіемъ—зловредное вліяніе Англіи. Онъ рѣшилъ взять быка за рога, и 19 марта (всѣ событія, какъ видимъ, развертываются на протяженіе двухъ мѣсяцевъ, съ начала февраля до начала апрѣля) пригласилъ къ себѣ лорда Каулея. Англичанину было категорически заявлено, что тюильрійскій дворъ и не думаетъ объ аннексіи лѣваго берега Рейна, что все это—выдумки газетъ; всѣ разсужденія публики на эту тему были презрительно охарактеризованы какъ «канканъ»—и напрасно англійская печать придаетъ этому «канкану» какое-нибудь значеніе.

[1]) «Gedanken u. Erinnerungen», 1, 335.

[2]) Этотъ набросокъ напечатанъ въ Confidential Correspondence на стр. 245. Въ немъ характерно стремленіе обойти все *конкретное*—нѣтъ ни слова и о возстановленіи Польши. Польское возстаніе упоминается лишь, какъ *поводъ* для заключенія трактата,

Каулей достаточно долго жилъ въ Парижѣ, чтобы знать, какую роль играютъ во Второй имперіи газеты (мы помнимъ его опредѣленіе: «пресса императора»), и онъ позволилъ себѣ отвѣтить колкостью, въ его устахъ звучавшею иначе, нежели въ устахъ Меттерниха его шутливая реплика насчетъ «ампутацій», которыми грозитъ Австріи дружба съ Франціей: тотъ былъ свой человѣкъ въ Тюильри и могъ говорить «по-пріятельски», а съ Англіей въ этотъ моментъ отношенія были очень щекотливыя. Каулей напомнилъ Наполеону, что, вѣдь, относительно Савойи и Ниццы тоже даны были опредѣленныя обѣщанія, а онѣ, однако же, были аннексированы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Франціи: то же можетъ случиться и теперь. Императоръ, повидимому, не нашелъ на это отвѣта, и сталъ толковать о трудностяхъ, какія причиняетъ ему польскій вопросъ: онъ ломаетъ себѣ голову, ища выхода—но все тщетно. При этомъ было отмѣчено, что отношенія къ Россіи остаются, несмотря ни на что, дружественными. Въ отвѣтъ Каулей развилъ планъ дипломатическаго выступленія, по польскому вопросу, всѣхъ европейскихъ державъ. Это было не совсѣмъ то, что имѣлъ въ виду Наполеонъ, вмѣшиваясь въ польское дѣло—вѣрнѣе, это было совсѣмъ не то: вмѣсто войны съ Пруссіей получалась дипломатическая кампанія противъ Россіи. Онъ сталъ толковать о необходимости отсрочить дѣло до полученія окончательнаго отвѣта отъ Австріи,—пытаясь, въ то же время, использовать австрійскую холодность, поскольку она уже выяснилась, какъ гарантію мирнаго характера предполагавшейся демонстраціи: «безъ Австріи воевать нельзя», говорилъ Наполеонъ [1]). Но англичане вовсе и не хотѣли воевать: имъ, какъ и пруссакамъ—только по другимъ мотивамъ (изъ-за восточныхъ дѣлъ), нужно было разстроить русско-французскій союзъ—а участіемъ Франціи въ общеевропейскомъ выступленіи *противъ Россіи* это достигалось въ достаточной степени. Тѣмъ лучше, если французовъ съ ихъ нотой выпроводятъ изъ Петербурга—имъ труднѣе будетъ туда вернуться. Поэтому, британская дипломатія не прочь была даже придать бодрости Горчакову, давъ ему понять, что войны, въ сущности, бояться нечего. Англійскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, лордъ Непиръ, сказалъ это всѣми словами—и хоть взялъ эти слова, по требованію Росселя, обратно, сдѣлалъ это такъ, что полученное впечатлѣніе сохранилось [2]).

Разговоръ съ Каулеемъ только запуталъ дѣло. Тогда началось то, что Каулей, въ одной изъ послѣдующихъ своихъ депешъ [3]), назвалъ «политическимъ аукціономъ»: Наполеонъ рѣшилъ выбросить за бортъ главный балластъ, Венецію, неосторожнымъ упоминаніемъ о которой онъ готовъ былъ теперь объяснять неудачу своего плана (не забудемъ, что настоящій планъ Австріи все время оставался ему неяснымъ)—шантажируя, въ то же время, австрійцевъ проектомъ возстановленія Польши—съ Познанью и Галиціей—подъ властью одного изъ русскихъ великихъ князей, или герцога Лейхтенбергскаго. Французскій посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ Грамонъ, «шутливо» говорилъ Рехбергу, что Австріи не стоитъ очень грустить о Галиціи, разъ Пруссія одновременно потеряетъ Познань. Но Рехбергъ, увѣренный въ Пруссіи гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, твердо шелъ къ своей цѣли. Тѣмъ временемъ Франція, подталкиваемая Англіей, дѣлала одинъ дипломатическій шагъ за другимъ по пути къ разрыву съ Россіей. 17 апрѣля (н. ст.) представители

[1]) Каулей Росселю, отъ 19 марта 1863. Confidential Corresp. № 240.
[2]) Charles-Roux «Alexandre II etc.», p. 350—351.
[3]) Отъ 21 марта: Conf. Corr. 250.

Англіи, Франціи и Австріи въ Петербургѣ (на этотъ разъ Австрію не приходилось тащить за уши!) прочли кн. Горчакову ноты по польскому вопросу. Англійская была самая грубая по формѣ—но, въ сущности, вполнѣ безобидная со стороны своего практическаго значенія. Австрійская продолжала, въ сущности, разрабатывать универсальный мотивъ—о желательности спокойствія для Галиціи. Эта тема вездѣ годилась... Одна французская ставила вопросъ если о независимости, то объ автономіи Польши. «Съ этого дня, въ глазахъ Александра II и Горчакова, Франція сдѣлалась противникомъ—противникомъ, съ которымъ приходится считаться, но все-таки противникомъ», говоритъ французскій историкъ[1]). «Банкротство русско-французскаго «добраго согласія» естественно, пробудило старыя привязанности. Пруссія—единственная, оставшаяся безусловно вѣрной, стяжала общія симпатіи и признательность». Но характерно, что и на Австрію не сердились: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у нея была Галиція—свое добро всякому дорого. И французскій посолъ въ Петербургѣ, герцогъ Монтебелло, правильно отмѣтилъ, что своимъ вмѣшательствомъ (онъ былъ противъ него всей душой) Франція не только разрушила свой союзъ съ Россіей, но и сыграла игру Австріи, облегчивъ ей сближеніе съ тою же Россіей черезъ Пруссію. Одна Франція оказывалась виноватой въ глазахъ Петербурга—а логика положенія заставляла ее дѣлать одно «преступленіе» за другимъ. Уже въ мартѣ Наполеонъ говорилъ Каулею, что онъ не вѣритъ въ успѣхъ польскаго возстанія—а еще въ іюнѣ Франція приняла участіе въ постановкѣ Россіи знаменитыхъ «шести пунктовъ», сводившихся къ возстановленію въ Польшѣ конституціи Александра I (нота 17 іюня н. ст.). Къ этому періоду относится собственноручное письмо императора Александра II Вильгельму I, спрашивавшее—готова ли Пруссія оказать Россіи вооруженную поддержку, если понадобится? Армія самой Россіи уже давно была на военномъ положеніи. Но въ Берлинѣ знали то, что, повидимому, было неизвѣстно въ Петербургѣ: что императоръ Наполеонъ не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ англійскихъ сѣтей, и что его притязанія теперь «скромнѣе, чѣмъ когда бы то ни было» по оцѣнкѣ прусскаго посла въ Парижѣ гр. Гольца. Скромность достаточно измѣряется тѣмъ, что онъ надѣялся добиться отъ Александра II конституціи для поляковъ—при помощи Пруссіи. Гольцъ былъ очень за этотъ планъ, но Бисмаркъ его отклонилъ: ему выпутывать Наполеона изъ бѣды не представлялось надобности[2]).

Бисмаркъ не могъ однако ограничиться тихимъ торжествомъ—и не подразнить поверженнаго противника. Польскій вопросъ началъ закрываться другимъ. Вставалъ вопросъ о Шлезвигѣ и Голштиніи. Наполеонъ III по случаю восшествія на престолъ Христіана IX командировалъ въ Копенгагенъ генерала Флери, который долженъ былъ проѣхать черезъ Берлинъ и говорить тамъ съ Бисмаркомъ. Французскій императоръ въ это время пересталъ носиться съ планами о все-европейской войнѣ—но увлекался планомъ все-европейскаго конгресса. На конгрессѣ должны были рѣшиться судьбы между прочимъ и Польши. Бисмаркъ высказался категорически противъ этого и въ такой формѣ: «Лучше смерть, чѣмъ согласиться подвергнуть спору наши права на Познань. Я бы скорѣе согласился уступить рейнскія провинціи». Бисмаркъ хотѣлъ этимъ сказать: Ваши теперешнія предложенія еще нелѣпѣе прежнихъ. Но Флери, услыхавъ слово «Рейнъ», насторожился—и

---

[1]) Charles-Roux, цит. 347.
[2]) «Gedanken u. Erinnerungen», I, 311—313.

затрепеталъ отъ восторга. «Слово произнесено» телеграфировалъ онъ Наполеону: «нужно ли настаивать»? Въ Тюильри поняли насмѣшку— и оттуда послѣдовалъ досадливый отвѣтъ: «Не говорите о Рейнѣ и успокойте ихъ насчетъ Познани» [1]).

Но была своя минута торжества—увы! грустнаго—и у отправителя этой телеграммы. «Въ концѣ мая 1866 г.» разсказываетъ Персиньи «я былъ на лоншанскихъ скачкахъ... Вдругъ ко мнѣ подходитъ кн. Меттернихъ и говоритъ что онъ пріѣхалъ на скачки въ надеждѣ видѣть императора; не найдя его онъ проситъ меня пойти и попросить для него аудіенцію у его величества. Онъ прибавилъ, что для сокращенія времени я могу сейчасъ же сообщить императору предложеніе, которое онъ, Меттернихъ имѣетъ сдѣлать отъ имени своего правительства. Вотъ оно: Австрія соглашается уступить Венецію Италіи на двухъ условіяхъ: первое, что Франція и Италія сохранятъ нейтралитетъ въ австро-прусскомъ конфликтѣ; второе, если Австрія выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы, она вознаградитъ себя за потерю Венеціи Силезіей, не притязая ни на что болѣе; наконецъ Меттернихъ прибавлялъ, что въ вопросѣ о рейнскихъ провинціяхъ Австріи неудобно распоряжаться германской территоріей въ пользу Франціи; но такъ какъ это вопросъ преимущественно прусско-французскій, то, если эта территорія такъ или иначе попадетъ въ наши (французскія) руки, Австрія этому не воспротивится» [2]).

Наполеонъ III долженъ былъ горько усмѣхнуться, услыхавъ это. Италія была уже союзницей Пруссіи—съ его вѣдома и по его иниціативѣ... Австрія снова показала свою способность опоздать «на одну идею» —и притомъ не на одинъ годъ, а на цѣлыхъ три.

---

[1]) Souvenir du général C-te Fleury, 283—285.
[2]) «Mémoires», 358.

Русскій имперіализмъ въ прошломъ и настоящемъ.

Когда появятся въ печати эти строки, имя генерала Лимана фонъ-Сандерса, быть можетъ, будетъ уже забыто—а, быть можетъ, оно станетъ историческимъ. Такъ зовутъ, какъ помнитъ читатель, прусскаго генерала, фактически ставшаго главнокомандующимъ турецкой арміей. Его назначеніе вызвало, говорятъ иностранныя газеты, сильное возбужденіе русскаго «общественнаго мнѣнія» (читай «Новое Время»). Самымъ фактомъ назначенія прусскаго генерала турецкимъ пашой настоящему общественному мнѣнію Россіи, пожалуй еще не стоило бы интересоваться. Но историку невольно приходитъ на память другой инцидентъ, случившійся въ томъ же Константинополѣ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Инцидентъ еще болѣе заслуживаетъ сравненія съ «копеечной свѣчкой», чѣмъ теперешній: ключи виѳлеемскаго храма (кто объ немъ теперь помнитъ, да и кто много зналъ о немъ тогда?) изъ кармана монаховъ православныхъ перешли въ карманы монаховъ католическихъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ отъ этихъ ключей гремѣла канонада подъ Севастополемъ, трагически сошелъ въ могилу Николай I—и началась эпоха русскихъ «великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ». Отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла... Будетъ ли генералъ Сандерсъ такой же копеечной свѣчкой? Это зависитъ не отъ него, конечно (и не отъ «Новаго Времени»)—а отъ того «экономическаго базиса», на которомъ онъ стоитъ, не столько даже въ качествѣ «политической надстройки», сколько въ качествѣ политическаго флюгера, показывающаго направленіе вѣтра. Во всякомъ случаѣ, сравнить «экономическій базисъ» виѳлеемскихъ ключей и прусскаго генерала стоитъ труда—и мы не боимся наскучить читателямъ «Просвѣщенія» нашей исторической справкой.

У насъ очень распространено мнѣніе о николаевской, «дореформенной», Россіи, какъ о странѣ дворянской, феодальной—гдѣ все и вся опредѣлялось интересами землевладѣльцевъ, которые тогда были и владѣльцами крестьянскихъ «душъ». Представленіе это достаточно нелѣпо само по себѣ, въ особенности для марксиста: вѣдь, непосредственно за николаевской эпохой слѣдовала эпоха «реформъ»,—а какими бы мы ни считали эти реформы, «великими» или нѣтъ, нельзя отрицать ихъ рѣзко выраженнаго буржуазнаго характера. Одной замѣны сословныхъ градацій имущественнымъ цензомъ различныхъ формъ и видовъ (въ земствѣ, въ судѣ и т. д.) достаточно, чтобы на этотъ, по крайней мѣрѣ, счетъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Какъ же это на чисто феодальномъ фонѣ появились вдругъ буржуазныя реформы? А если припомнить, что проекты реформы на долго опередили ихъ осуществленіе (планы Сперанскаго, декабристовъ, крестьянской и судебной реформы при Николаѣ I), то для историка-матеріалиста не

останется иного выхода, какъ признать, что существовала какая-то буржуазная среда, питавшая эти планы и проекты. Мы не будемъ касаться политической роли этой дореформенной русской буржуазіи во всей широтѣ. Тутъ есть факты, на рѣдкость характерные. Многіе ли знаютъ, напримѣръ, что наканунѣ 14 декабря на обѣдахъ виднѣйшихъ петербургскихъ коммерсантовъ «оратор ствовали въ самомъ либеральномъ духѣ» (записки Штейнгеля)? Но если бы мы занялись ими, они слишкомъ далеко отвели бы насъ въ сторону отъ нашей прямой задачи. Довольно указать, какое громадное вліяніе имѣлъ молодой русскій капитализмъ на *внѣшнюю политику* Николая I. Всѣ знаютъ изъ учебниковъ исторію «побѣдъ и одолѣній», которыми началось царствованіе этого государя,—всѣ слыхали о персидскихъ и турецкихъ войскахъ его, о Дибичѣ-Забалканскомъ, Паскевичѣ-Эриванскомъ, объ адріанопольскомъ трактатѣ. Но ни въ одной исторической книжкѣ—не только въ школьной, не найдете вы попытки дать не только экономическое, но просто разумное объясненіе всѣхъ этихъ походовъ и завоеваній. А между тѣмъ это экономическое основаніе давно подмѣтили современники—а въ русскомъ государственномъ совѣтѣ николаевскихъ временъ говорили на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно. Извѣстный англійскій публицистъ тѣхъ дней, Уркуортъ (имя, попадавшееся, конечно, тѣмъ, кто изучалъ біографію Маркса), писалъ, что персидскій рынокъ, послѣ побѣды Россіи надъ Персіей, оказался почти въ монопольномъ обладаніи русскаго капитала: англійскимъ товарамъ приходилось вести съ русскими фабрикатами ожесточенную, и, въ началѣ, далеко не всегда успѣшную борьбу; русская монета, русскіе торговые обычаи господствовали въ сѣверной Персіи безраздѣльно. А не менѣе извѣстный русскій статистикъ того времени, Арсеньевъ, констатируетъ, что цѣлый рядъ шуйскихъ текстильныхъ фабрикъ жилъ персидскимъ рынкомъ. Крупнѣйшая шуйская фирма, Посылиныхъ, до того освоилась въ Закавказьѣ, что въ Тифлисѣ ее считали своей, мѣстной фирмой—повидимому, совершенно забывая о ея шуйскихъ фабрикахъ. Въ нашей литературѣ анекдотической фигурой сталъ купецъ съ персидскимъ орденомъ «Льва и Солнца». И теперь рѣдко кто догадается, что это анекдотъ, какъ латы Донъ-Кихота, напоминаетъ о далекой героической эпохѣ русскаго промышленнаго капитализма; Посылинъ былъ первымъ кавалеромъ этого персидскаго ордена изъ русскихъ коммерсантовъ. Но Персіи николаевскимъ фабрикантамъ было мало. Изъ опубликованной въ позднѣйшее время секретной переписки южно-русскихъ администраторовъ (Одесскаго ген.-губернатора Воронцова, Кавказскаго главноначальствующаго Розена и др.) съ министромъ финансовъ Канкринымъ мы узнаемъ объ обширныхъ планахъ николаевскаго правительства—завладѣть не только персидскимъ, но и турецкимъ рынкомъ, отбить у англичанъ Трапезундъ, главный впускной портъ для англійскихъ товаровъ на южномъ берегу Чернаго моря. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, николаевская дипломатія все больше и больше нажимала на Турцію, и добилась того, что, въ 1833 г., по такъ называемому хункіаръ-искелесскому трактату, русскій императоръ сталъ почти такимъ же хозяиномъ на берегахъ Босфора, какъ на берегахъ Невы. Этого уже англичане не выдержали—и въ воздухѣ запахло войной. Отъ хункіаръ-искелесскаго договора Николаю Павловичу черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось отказаться—и опасность войны съ Англіей была отодвинута, но отнюдь не устранена навсегда. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, лѣтомъ 1854 г., Николаю I довелось таки увидѣть, изъ оконъ своего петергофскаго

дворца, то, къ чему онъ готовился въ 1835 г.: англійскій флотъ, крейсирующій передъ Кронштадтомъ.

Конфликтъ былъ длителенъ и упоренъ, онъ не могъ разрѣшиться мирно потому, что онъ вовсе не былъ мѣстнымъ, восточнымъ: споръ изъ-за турецко-персидскаго рынка былъ только наиболѣе бьющимъ въ глаза симптомомъ распри—поле этой распри было несравненно шире. Въ началѣ 19-го вѣка Россія не считалась, какъ промышленная страна. Для западной Европы—для той же Англіи, прежде всѣхъ другихъ—это былъ громадный складъ сырья: лѣса, сала пеньки—и все большую и большую роль начинала играть на европейскомъ рынкѣ русская пшеница. Въ обмѣнъ на это сырье «щепетильный Лондонъ» снабжалъ русское дворянство и чиновничество всѣми нужными имъ фабрикатами—отъ сукна до почтовой бумаги и туалетныхъ принадлежностей. Крестьяне одѣвались во все свое, домотканное. Фабрики и заводы были, конечно, но они примѣняли, большею частью, подневольный крѣпостной трудъ и жили не столько рынкомъ, сколько казенными заказами. Промышленнаго капитализма, въ собственномъ смыслѣ, не было, какъ не было еще и промышленнаго пролетаріата. Короткій періодъ вынужденнаго русско-французскаго союза и невольнаго разрыва съ Англіей (1807—12 гг.) перемѣнилъ картину до неузнаваемости: подъ вліяніемъ навязанной Россіи Наполеономъ «континентальной блокады» (запрещеніе привоза англійскихъ товаровъ на континентъ Европы), быстро, въ теченіе какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, народилась русская *текстильная промышленность*. Еще въ 1809 г. въ Россію ввозилось американскаго хлопка всего $^1/_2$ милліона фунтовъ: въ 1811 г. было ввезено $9^1/_2$ милліоновъ. Въ 1808 г. въ Россіи появилась первая механическая прядильня (частная—раньше были только казенные); а передъ французскимъ нашествіемъ, въ 1812 г., ихъ въ одной Москвѣ было 11. Война двѣнадцатаго года положила конецъ континентальной блокадѣ для Россіи, но Англіи ужъ не пришлось вернуть себѣ потеряннаго мѣста на русскомъ рынкѣ. «Національная»—русская промышленность держалась крѣпко: въ 1812 г. въ Россіи было 2332 фабрики, въ 1828 уже 5244: рабочихъ было въ 1812 г. 120 тысячъ—пятнадцать лѣтъ спустя уже 225 тысячъ, причемъ половина изъ нихъ были вольнонаемные. Это былъ уже настоящій капитализмъ, и очень скоро, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ колебанія, онъ рѣшительно переходитъ въ наступленіе. Въ 1822 г. русская граница была почти закрыта для англійскихъ товаровъ: изданный въ этомъ году тарифъ иные изъ нихъ прямо запретилъ къ привозу, а большинство было обложено высокими, «запретительными», пошлинами. За 6 лѣтъ, съ 1820 по 1826 годъ, ввозъ заграничныхъ матерій въ Россію сократился—бумажныхъ вдвое, а шерстяныхъ впятеро: за то соотвѣтственно увеличивалось производство русскихъ фабрикъ. И такъ какъ внутренній русскій рынокъ, благодаря крѣпостному праву и поддерживаемымъ послѣднимъ натурально-хозяйственнымъ отношеніемъ, росъ туго, только что народившаяся крупная промышленность начала искать рынковъ заграничныхъ. Персія и Азіатская Турція были вовсе не единственнымъ предметомъ ея вожделеній: московскіе и владимирскіе фабриканты добились включенія въ русскую таможенную черту всего Кавказа съ Закавказьемъ, гдѣ раньше торговля была свободна; русскіе развѣдчики появились даже въ Афганистанѣ. Походомъ Перовскаго на Хиву (въ 1839 г.) начато было завоеваніе средней Азіи; наконецъ, и въ Китай была отправлена русская «духовная» миссія, весьма прозрачно прикрывавшая ту же торговую развѣдку, и находились про-

жектеры, уже мечтавшіе вытѣснить англичанъ и изъ Китая. Англійская свободная торговля чуть не всюду, на всемъ земномъ шарѣ, наталкивалась на русскій протекціонизмъ. И не только увлекавшіеся журналисты, вроде Уркуорта, но и англійскіе государственные люди начинали съ тревогой смотрѣть на этотъ русскій разливъ. Борьба съ «расширеніемъ Россіи» становится первой задачей англійской буржуазіи и ея политическій вождь Пальмерстонъ, воплощеніемъ антирусской политики. И такъ какъ дорогу русскому капитализму всюду прокладывали русскіе штыки, дѣло и должно было рѣшится штыками. Подъ Севастополемъ «штыкъ молодецъ» сдалъ: годъ спустя послѣ Парижскаго мира, закончившаго Севастопольскую войну, сдалъ и русскій протекціонизмъ; въ 1857 г. Россія получила новый, «фритредерскій» тарифъ, опять дозволившій привозъ въ Россію заграничныхъ товаровъ съ болѣе или менѣе умеренною таможенною пошлиною.

Какъ видимъ, Россіи первой половины XIX в. былъ знакомъ *имперіализмъ* въ самомъ подлинномъ его видѣ: высокія таможенныя пошлины, дававшія «отечественной» индустріи монополію внутри страны, стремленіе подъ защитой этихъ пошлинъ расширить свою хозяйственную территорію до необъятныхъ размѣровъ, рядъ завоевательныхъ войнъ и «экспедицій», какъ послѣдствіе этого стремленія—все, что мы привыкли соединять со словомъ «имперіализмъ», было на своемъ мѣстѣ, не исключая и политическаго отраженія этого экономическаго факта. Имперіализмъ въ современной Европѣ означаетъ тяготѣніе къ сильной центральной власти, могущественной и «блестящей», передъ которой смиренно сгибаютъ выю «чужестранные народы»—но которой за то и внутри страны прощается многое. Сила и блескъ власти были главной цѣлью Николая Павловича: онъ до того внушалъ своимъ подданнымъ, что русскій государь—хозяинъ всей Европы, что нѣтъ державы, которая осмѣлилась бы встать поперекъ дороги Россіи,—что, кажется, подъ конецъ и самъ увѣровалъ въ это. Трагедія, которою закончилось его царствованіе, въ значительной степени была результатомъ этого самообмана. Но если господство Россіи надъ Европой было иллюзіей, то «сила и блескъ власти» внутри страны были совершенно реальнымъ фактомъ. Чужестранные народы, можетъ быть, и не такъ боялись русскаго императора, какъ бы онъ хотѣлъ—за то собственные подданные были безпрекословно послушны,—и въ первомъ ряду купечество. Репутація непоколебимой благонамѣренности этого класса идетъ именно съ той поры—либеральныя увлеченія предшествующей эпохи (когда еще не были утрачены всѣ надежды на внутренній рынокъ), разсѣялись безъ слѣда. Чрезвычайно характерно, что въ послѣдующей русской исторіи пробужденіе имперіалистическихъ вожделѣній всегда совпадало, по времени, съ политической реакціей. Завоеваніе Средней Азіи приходится какъ разъ на ту эпоху, когда, послѣ польскаго возстанія въ 1863 г., правительство,—а съ нимъ буржуазія круто повернули направо. Реакція 80-хъ годовъ была современницей попытокъ экономическаго завоеванія Болгаріи, любопытнѣйшаго эпизода «расширенія Россіи», который сейчасъ у насъ нѣтъ времени разсматривать подробнѣе. Наконецъ, крупнѣйшій взмахъ имперіализма дореволюціонной поры, Маньчжурско-Корейская эпопея, очень точно совпалъ съ режимомъ Сипягина и Плеве внутри Россіи. Вполнѣ естественнымъ и закономѣрнымъ является, поэтому, разцвѣтъ новѣйшаго русскаго имперіализма на фонѣ столыпинской реакціи. И величайшимъ недоразумѣніемъ является требованіе литературныхъ пред-

ставителей русской текстильной промышленности (г. Струве и «Русская Мысль» вообще), чтобы русское правительство въ одно и то же время «создавало великую мощь государства» и было «либеральнымъ». Это значитъ: требовать отъ одного и того же растенія, чтобы оно цвѣло розами и давало вкусныя груши... Что нибудь одно—и, конечно, довѣрители г. Струве всегда практически предпочтутъ груши розѣ. Первое дѣло—быть сытымъ, а съ разными пріятностями жизни можно и подождать.

Какъ и въ дни Николая I, русскій имперіализмъ, это, главнымъ образомъ, ситцевый имперіализмъ. Въ то время, какъ желѣзодѣлательная промышленность Россіи за первое десятилѣтіе XX в. почти не подвинулась впередъ (количество выплавленнаго чугуна въ Россіи въ 1900 г.—176 милл. пудовъ, въ 1910—185 милл. пуд.), текстильная достигла небывалаго размаха (количество переработаннаго русскими фабриками хлопка въ 1900 г.—16 милл. пуд., въ 1910 г.—22 милліона п.). Никакого кризиса—за исключеніемъ непродолжительной заминки, вызванной непосредственной войной и революціей—она не знала: всѣ представленія о русскомъ промышленномъ кризисѣ дореволюціоннаго времени созданы наблюденіями надъ «тяжелой индустріей», которая для Россіи, кстати сказать, вовсе не является типичной. Но сходство съ эпохой Николая I не ограничивается «матеріаломъ имперіализма», если можно такъ выразиться: оно идетъ гораздо дальше. Тогда, какъ и теперь, Россія была на другой день неудавшейся попытки измѣнить ея политическій строй. Другими словами, попытки освободить ея производительныя силы (тогда это выразилось бы въ уничтоженіи крѣпостного права, входившемъ въ программу декабристовъ), сжатыя тисками устарѣвшаго государственнаго механизма. Но задержка въ развитіи производительныхъ силъ,—и тогда, и теперь,—равносильна задержкѣ въ расширеніи внутренняго рынка: это особенно хорошо чувствуетъ именно текстильная промышленность, главнымъ покупателемъ для которой являются народныя массы. *Производство растетъ быстрѣе, чѣмъ внутренній рынокъ*: значитъ, *необходимъ рынокъ внѣшній*. Націонализмъ Столыпина логически вытекаетъ изъ его побѣды надъ революціей. А побѣда этой послѣдней надолго бы задержала развитіе имперіализма: реакція не только обусловливается успѣхами послѣдняго, но и сама его обусловливаетъ.

Наибольшее вниманіе публики привлекалъ къ себѣ, до послѣднихъ дней, дальне-восточный театръ русскаго имперіализма. О Монголіи такъ много шумѣли, что мудрено о ней не слыхать. Но шумомъ всегда стараются помочь дѣлу именно тогда, когда оно само не идетъ. Въ Маньчжуріи и въ Монголіи очень богатыя перспективы,—но въ наличности кажется, ничего еще пока нѣтъ: русская торговля съ Китаемъ, въ общемъ и цѣломъ, попрежнему остается пассивной, по прежнему мы гораздо больше покупаемъ у Китая, чѣмъ продаемъ ему. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло на *ближнемъ Востокѣ*, старинной аренѣ русскаго имперіализма. Здѣсь шуму меньше, но достигнутые здѣсь результаты, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ, нельзя не назвать огромными. Если бы Уркуортъ всталъ изъ гроба, то ужаснулся бы, увидя, что стало съ Персіей, гдѣ уже въ его время житья не было англичанамъ отъ русскихъ. *Сейчасъ Персидскій рынокъ всецѣло въ русскихъ рукахъ*: по оборотамъ съ Персіей Россія занимаетъ первое, притомъ далеко первое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Вотъ каковы были эти обороты въ 1906—7 отчетномъ году:

Страны.	Тысяча фунтовъ стерлинговъ.
Россія	8.292
Англія	3.128
Франція	0.700
Австрія	0.277
Германія	0.182

И еще русскіе купцы кричатъ, что нѣмцы «забиваютъ» ихъ въ Персіи! Англійскій источникъ, откуда мы беремъ эти данныя, откровенно признаетъ не только абсолютное превосходство Россіи въ дѣлѣ эксплоатаціи персидскаго рынка, но и постоянный ея прогрессъ. «Въ то время, какъ англо-персидская торговля въ 1906—7 гг. оставалась почти въ томъ же положеніи, какъ въ 1897 г.», говоритъ онъ, «торговля съ Россіей поднялась съ $3^1/_2$ милл. фунтовъ до $8^1/_4$ или на 137%».

Съ тѣхъ поръ, какъ съ 1906—7 гг. дѣло если и измѣнилось, то никакъ не къ невыгодѣ Россіи, какъ покажетъ слѣдующая маленькая табличка *ввоза* въ Персію:

	1910—11	1911—12
	(Тысячи фунтовъ стерлинговъ).	
Россіи	4.391	5.355
Англіи	3.793	4.414
Германіи	0.279	0.332

Германія и Англія *вмѣстѣ* ввозятъ меньше, чѣмъ одна Россія. Словомъ, *относительно* русскій капитализмъ въ Персіи занимаетъ то же мѣсто, что и въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія: относительно, потому что абсолютные обороты, тогдашніе, и теперешніе несравнимы. При Николаѣ I вся русско-персидская торговля оцѣнивалась въ 4 милл. руб.—теперь она подходитъ къ сотнѣ милліоновъ. Не даромъ и переработанный русскими фабриками хлопокъ тогда считали милліонами фунтовъ, а теперь милліонами пудовъ.

Восемьдесятъ лѣтъ назадъ изъ Персіи русскій имперіализмъ двинулся въ Турцію, чтобы здѣсь потерпѣть крушеніе. Теперь, послѣ оккупаціи Сѣверной Персіи, на очереди стоитъ оккупація Арменіи, экономически и стратегически командующей восточной половиной малой Азіи; дорога отъ Чернаго Моря въ Персію и къ верховьямъ Тигра и Евфрата идетъ черезъ Трапезундъ и Эрзерумъ, города армянскаго нагорья. Въ заграничныхъ газетахъ о приготовляющемся движеніи русскихъ въ Арменію говорятъ совершенно открыто, со словъ русскихъ министровъ, притомъ, какъ извѣстно, они охотнѣе бесѣдуютъ съ французскими журналистами, нежели съ кѣмъ-либо другимъ. Даютъ понять, что въ Арменіи Петербургъ готовъ видѣть компенсацію за инцидентъ съ Лиманомъ ф. Сандерсомъ. Совершенно также, какъ въ 1853 г. Николай I нашелъ компенсацію за виѳлеемскіе ключи въ «дунайскихъ княжествахъ»—теперешней Румыніи. Съ оккупаціи русскими Румыніи началась, какъ извѣстно Севастопольская война. Но не будемъ забѣгать впередъ. Посмотримъ, что представляетъ собою для Россіи Турція уже теперь—съ экономической точки зрѣнія. Вотъ опять небольшая табличка ввоза въ Турцію тѣхъ же трехъ государствъ: Англіи, Германіи и Россіи:

	1905—6 г. (тыс. ф. ст.)	(% къ общей суммѣ ввоза).	1908—9 г. (тыс. ф. ст.)	(% къ общей суммѣ)
Англія.	9.642	(35,05)	8,257	(30)
Германія.	1.163	(4,22)	1.698	(6,16)
Россія.	1.597	(5,8)	2.188	(7,94).

Какъ видимъ, здѣсь на первомъ планѣ еще Англія,—какъ въ теченіе всего XIX в. Но не только ея *доля* въ турецкомъ ввозѣ, а и *абсолютная величина* англійскаго ввоза въ Турцію быстро падаетъ: ростутъ зато, и абсолютно, и относительно, русскій и нѣмецкій ввозъ, причемъ первый и абсалютно больше, и ростетъ быстрѣе. Въ послѣдующіе годы быстрота роста русскаго ввоза проявилась еще рѣзче: Россіей было ввезено въ Турцію въ 1909 г. на 26 милл. р. (противъ 21,5 мил. предшествующаго года—русскій и турецкій отчетные года не совпадаютъ) въ 1910 г. на 26,5 мил. р., въ 1911 на 32 милліона. Съ 1905 года русскій ввозъ увеличился вдвое. Правда, въ сравненіи русскаго и немѣцкаго ввоза необходимо ввести серьезную поправку. приведенныя цифры говорятъ о ввозѣ только изъ самой Германіи непосредственно. Но несомнѣнно, значительная доля германскихъ товаровъ—трудно учесть какая,—идетъ черезъ Австрію: а эта послѣдняя ввезла въ Турцію въ 1910—11 г., напримѣръ, на 6.772 тыс. турецкихъ фунтовъ (тур. фунт.=9/10 англійскаго ф. ст.). Въ совокупности австро-германскій ввозъ,—конечно, далеко превосходитъ русскій. Но мы и не имѣли въ виду возбуждать патріотическое одушевленіе читателя картиной: какъ наши, русскіе одолѣваютъ нѣмца. Для насъ важно, что Россія въ Турціи является однимъ изъ конкуррентовъ Германіи по части претензій на англійское наслѣдство—и конкуррентомъ, пока, не несчастливымъ. Отсюда, до вопроса о дѣлежѣ наслѣдства—одинъ шагъ.

Но, возразитъ читатель, какъ же относится къ дѣлу, прежде всего, самъ наслѣдодатель? На первый взглядъ кажется яснымъ, что конфликтъ опять, какъ въ 1830—40 гг. долженъ возникнуть между Англіей, съ одной стороны, Россіей и Германіей вмѣстѣ—съ другой. Вѣдь съ рынка-то вытѣсняютъ англичанъ? Такъ, но эти послѣдніе теперь склонны относиться къ факту гораздо спокойнее, нежели 80 лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что *товарный вывозъ* для Англіи давно потерялъ то значеніе, какое онъ имѣлъ когда-то. Его общая масса съ 1875 года увеличилась всего въ полтора раза, тогда какъ Германія увеличила свой вывозъ за тотъ же промежутокъ времени въ 2½ раза, а Соединенныя Штаты втрое. Вывозъ Англіи на континентъ Европы годъ отъ году падаетъ[1]), но англичане не имѣютъ основанія терять хладнокровіе по этому случаю: во-первыхъ, растутъ и растутъ гигантски, ихъ собственныя колоніи—онѣ-то и даютъ, главнымъ образомъ, увеличеніе англійскаго вывоза; а во-вторыхъ—и это гораздо важнѣе—*Англія, изъ страны, вывозящей товары, все болѣе превращается въ страну, вывозящую капиталы.* Въ 1910 году за-границей было помѣщено англійскихъ капиталовъ на 3.192 милліона ф. ст. Торговый Балансъ Англіи давно пассивный, т.-е. она больше ввозитъ, чѣмъ вывозитъ, но благодаря % на капиталы, помѣщенные за границей, она все же больше получаетъ изъ-за границы, чѣмъ отдаетъ туда[2]). Англійскіе предпри-

[1]) Такъ, напримѣръ, англійскихъ машинъ было ввезено въ Германію въ 1907 г. на 2,365 тыс. фунт. ст.—а въ 1911 только на 1,934 ф. ст.

[2]) Ввозъ Англіи превышаетъ вывозъ на 178 мил. ф. ст. Въ качествѣ % она получаетъ изъ-за границы 155 милл. ф.+20 комиссіонныхъ и банковыхъ+91 мил. ф. фрахта и страховки.

ниматели, конечно, стонутъ отъ иноземной конкурренціи—въ особенности нѣмецкой. Но англійской политикой руководятъ не они, а банковая аристократія: и вотъ, Персія отдана, можно сказать, на потокъ и разграбленіе русскому капитализму, да и на счетъ Турціи еще въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, покойный Салисбери выразился, что Англіи теперь, въ сущности, все равно, если Россія и утвердится на берегахъ Босфора. За то къ этому факту не можетъ отнестись равнодушно Германія: въ противоположность Англіи, ея торговый балансъ строится, главнымъ образомъ, на товарномъ вывозѣ. И Германія имѣетъ свои капиталы за-границей (по различнымъ даннымъ, отъ 26 до 33 милліардовъ марокъ, т.-е. примѣрно, вдвое мѣньше чемъ Англія), но доходы отъ этихъ капиталовъ почти не уравновѣшиваютъ ея баланса. Вывозя на 5,8 милліардовъ марокъ ежегодно, Германія ввозитъ на 7, 4 милл. мар. ежегодно—и если бы не «заработки» германскаго флота (300—400 м. мар. ежегодно), она сводила бы свой балансъ не только безъ «чистаго дохода», а съ чистымъ убыткомъ въ сотни милліоновъ. Для Германіи, такимъ образомъ, сбытъ товаровъ имѣетъ громадное значеніе; надо видѣть, съ какимъ огорченіемъ одинъ германскій консулъ сообщаетъ, что отъ нѣкогда довольно обширнаго вывоза нѣмецкихъ суконъ въ Персію, благодаря русской конкурренціи осталось—одно имя, звукъ пустой. На Тавризскомъ базарѣ продаютъ лодзинское трико подъ именемъ «мезерицкаго сукна»,—и только это названіе напоминаетъ, что когда-то здѣсь продавали доброе нѣмецкое сукно изъ Мезерица (въ Силезіи). Теперь давно товаръ русскій, только имя нѣмецкое. Перспектива, что и на константинопольскомъ рынкѣ останутся только нѣмецкія названія, не можетъ улыбаться Германскому капитализму. Русскихъ не нужно пускать, по крайней мѣре, въ Турцію, разъ ужъ нечего не подѣлаешь съ ними въ Персіи. И конфликтъ на лицо—конфликтъ не между Англіей съ одной стороны, Германіей и Россіей—съ другой, а именно между Германіей и Россіей.

Но, возразитъ читатель, неужели сбытъ нѣмецкихъ товаровъ въ Турцію, по абсолютнымъ цифрамъ, какъ мы сейчасъ видѣли все же ничтожный, такъ важенъ, что можетъ опредѣлить собою политику германской имперіи? Конечно, нѣтъ,—но, вѣдь, и передъ Севастополемъ судьба англійскаго капитализма вовсе не зависѣла отъ того, будутъ русскіе вытѣснены изъ М. Азіи или нѣтъ. Англія боролась съ русскимъ расширеніемъ вообще, а не съ тою или другою отдѣльной его деталью. Поперекъ дороги Англіи стоялъ русскій имперіализмъ, а воплощеніемъ его былъ русскій протекціонизмъ, таможенная стѣна, отгораживающая Россію отъ капиталистическаго мира. Съ востока казалось только всего удобнѣе продѣлать брешь въ этой стѣнѣ. Стѣна стоитъ и теперь, но Англіи до нее мало дѣла—зато очень много Германіи. Никто больше ея не терпитъ отъ русскаго протекціонизма. Пассивный вообще, торговый балансъ Германіи въ сторону Россіи, въ особенности отличается этимъ свойствомъ. Покупая у русскихъ почти на полтора милліарда марокъ ежегодно, нѣмцы продаютъ имъ всего на 1 милліардъ по самымъ оптимистическимъ даннымъ, а пессимисты говорятъ даже о полу-милліардѣ. Добрыхъ три четверти милліарда марокъ честный Михель приплачиваетъ Россіи ежегодно изъ своего кармана—и тѣ милліарды золота, которыми такъ любятъ похвастать русскіе министры финансовъ, милліарды, предназначенные служить резервомъ на случай борьбы именно съ Германіей, накоплены на нѣмецкій счетъ. Это ли не обида? А между тѣмъ, таможенная стѣна все ширится—и какъ разъ въ самомъ невыгодномъ для германскаго капитализма направленіи. Единственная часть

Россійской имперіи, съ которою до сихъ поръ Германія торговала не безъ выгоды—т.-е. гдѣ ея балансъ былъ не пассивный, но активный—это Финляндія (въ 1910 г. туда ввезено было нѣмецкихъ товаровъ на 74 мил. марокъ, а вывезено оттуда въ Германію только на 26 мил. мар.). И вотъ, Финляндію явно готовятся включить въ русскую таможенную черту[1]). Затѣмъ придетъ очередь Арменіи, потомъ, можетъ быть еще какой нибудь страны. А въ 1917 г. кончается срокъ русско-германскаго торговаго договора—и стѣна можетъ еще подняться или напротивъ, опуститься. Будетъ ли этотъ годъ повтореніемъ 1857 г. или 1822 г.? Вынуждена ли будетъ снова Россія вступить на фритредерскую дорогу (и тогда—волей-неволей—дать просторъ развитію производительныхъ силъ внутри страны: за тарифомъ 1857 года послѣдовало 19 февраля), или же россійскій протекціонизмъ и имперіализмъ побѣдятъ? Какъ видитъ читатель, сходство ситуацій начала XX вѣка и середины XIX-го—поразительное: поставить на мѣсто «Англіи» «Германію»—и статьи Уркуорта будутъ самой животрепещущей современностью. Тогда Англіи пришлось дожидаться, пока у ней найдется союзница, въ лицѣ Франціи, а этой послѣдней понадобятся вифлеемскіе ключи. Судя по инциденту съ Лиманомъ-фонъ-Сандерсомъ, Германія имѣетъ возможность дѣйствовать прямѣе, и не хочетъ ждать. Развязка конфликта не за горами.

[1]) Въ принципѣ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ русскимъ правительствомъ еще въ 1894 г.

Нижеслѣдующій очеркъ представляетъ собою полный текстъ реферата, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ прочитаннаго авторомъ въ парижскомъ клубѣ интернаціоналистовъ въ маѣ мѣсяцѣ 1915 г. Основная идея реферата—что имперіалистская бойня является симптомомъ не дальнѣйшаго прогресса капитализма, но его разложенія и упадка—вызвала оживленныя и очень продолжительныя пренія. Мысль, повидимому, показалась рискованной и тогдашней партійной прессѣ, что, главнымъ образомъ, и помѣшало реферату появиться въ свѣтъ своевременно. Такъ казалась заманчива мѣтя о неизбѣжной связи «финансоваго капитала» и соціалистической революціи, завершающей конечную стадію капиталистическаго развитія. Тотъ фактъ, что соціальная революція началась въ наиболѣе экономически отсталой изъ воюющихъ странъ какъ будто, однако же, свидѣтельствуетъ противъ этой теоріи, сложившейся на почвѣ «мирнаго» экономическаго развитія послѣдней четверти XIX вѣка, и, безсознательно, разумѣется, подмѣнившей *революціонный* соціализмъ *эволюціоннымъ*. Буржуазія Западной Европы оказалась предусмотрительна, не положившись на эволюцію, и принявъ противъ революціи немедленно самыя рѣшительныя мѣры...

„Виновники войны“.

Подъ словомъ *имперіализмъ*, какъ понимаютъ его историки, разумѣется стремленіе государства къ громадному, безграничному расширенію своей территоріи—независимо отъ мотивовъ этого расширенія. Типомъ такого расширенія является Римская имперія начала нашей эры: и уже это одно показываетъ, что съ «современнымъ» капитализмомъ имперіализмъ не связанъ необходимо—ибо древній міръ дальше торговаго капитализма не пошелъ. И въ новѣйшее время мы имѣемъ цѣлый рядъ случаевъ образованія колоссальныхъ имперій въ эпоху господства торговаго капитала: такими были Испанія въ 16 в., Голландія въ 17-мъ и Англія въ 18-мъ. Россія и Австро-Венгрія въ значительной степени—хотя не всецѣло— относятся къ тому же типу. Съ этой точки зрѣнія всякая завоевательная война является имперіалистической. Но когда современная намъ соціалистическая литература говоритъ объ «имперіализмѣ», она имѣетъ въ виду нѣчто болѣе спеціальное. Характеристическіе признаки этого имперіализма, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, такъ резюмированы Гильфердингомъ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о политикѣ «финансоваго капитала» (дальше онъ самъ употребляетъ выраженіе «эра имперіализма»): «Политика финансоваго капитала преслѣдуетъ троякаго рода цѣли: во-первыхъ, созданіе возможно обширной хозяйственной территоріи, которая, во-вторыхъ, должна быть ограждена отъ иностранной конкурренціи таможенными стѣнами и такимъ образомъ должна превратиться, въ третьихъ, въ область эксплуатаціи для національныхъ монополистическихъ союзовъ» [1]). Образцомъ здѣсь послужили, несомнѣнно, Соединенные Штаты. Изъ двухъ другихъ передовыхъ капиталистическихъ державъ нашего времени, у Англіи не хватаетъ, пока, «таможенныхъ стѣнъ»; Гильфердингъ, правда, увѣренъ, что онѣ скоро появятся и, во всякомъ случаѣ, «вполнѣ возможны»: но историку приходится считаться съ тѣмъ, что уже есть, а не съ тѣмъ, что только возможно. Пока, Англія продолжаетъ при-

[1]) «Финансовый капиталъ», пер. И. Степанова, стр. 495—ср. 499.

держиваться той политики, которая по словамъ Гильфердинга, находится «въ самомъ остромъ противорѣчіи» съ политикой финансоваго капитала. Но разсталась ли съ этой, теоретически устарѣвшей, политикой Германія? Присматриваясь къ даннымъ международной торговли, легко замѣтить, что Германіи гораздо больше приходится терпѣть отъ чужихъ таможенныхъ стѣнъ, чѣмъ выигрывать отъ своихъ собственныхъ. «Мы работаемъ для вывоза», говорили представители германскихъ промышленныхъ круговъ французскому публицисту, производившему въ Германіи анкету за два года до войны: «если мы перестанемъ вывозить, мы погибли» [1]). И успѣшнѣе всего дѣло шло съ той стороны, гдѣ до сихъ поръ живы «манчестерскіе предразсудки». Въ 1903 г. Германія ввезла въ великобританскія владѣнія на 34.533 тыс. ф. ст., а вывезла къ себѣ британскихъ продуктовъ на 23.550 тыс. ф. ст; а въ 1913 г. первая цифра поднялась до 80.511 тыс. фунтовъ, а вторая только до 40.695 т. ф. Ввозъ Германіи въ Англію увеличился на 105%, Англіи въ Германію только на 73%. Вполнѣ понятно, почему для Германіи разрывъ съ Англіей былъ такимъ тяжелымъ ударомъ, независимо отъ ближайшихъ политическихъ послѣдствій этого разрыва. Противоположную картину даетъ намъ «восточный фронтъ», гдѣ таможенная стѣна, высокая и прочная, существуетъ съ 1891 г. Правда, германскій вывозъ увеличился и съ этой стороны: съ 438 милліоновъ марокъ въ 1907 г. онъ поднялся до 680 въ 1912; но за то Россія ввезла въ Германію въ 1907 г. на 1.107 милл. марокъ, а въ 1912 на 1.527 милл. Германскій «дефицитъ» съ 669 милл. мар. поднялся до 847—почти на 200 мил. мар. золота больше стало утекать черезъ русскую границу изъ нѣмецкаго кошелька. Такъ, по крайней мѣрѣ, считаютъ сами нѣмцы: русская оффиціальная статистика даетъ цифры, прямо противоположныя; для русскаго вывоза въ Германію въ 1912 г., напр., всего 453 мил. р., т.-е. около 1.000 мил. мар., а для германскаго ввоза за тотъ же годъ 519 мил. р., почти 1.200 мил. мар. Но такъ какъ мы говоримъ о *германской* политикѣ, а она опредѣляется, конечно, германскими а не русскими, представленіями о положеніи дѣлъ, то для насъ показательны именно германскія цифры [2]).

Мы наталкиваемся, такимъ образомъ, на положеніе, весьма мало отвѣчающее требованіямъ «эры имперіализма»—и чрезвычайно напоминающее прямую противоположность этого послѣдняго: Германія начала двадцатаго столѣтія оказывается очень близка, по своимъ интересамъ, къ Англіи первой половины девятнадцатаго. Для Германіи, какъ тогда для Англіи, оказывается нужна не «возможно обширная хозяйственная территорія», «огражденная отъ иностранной конкурренціи таможенными стѣнами»—а сокрушеніе всякихъ «таможенныхъ стѣнъ» и «открытыя двери» повсюду. И этому экономическому положенію какъ нельзя лучше отвѣчала германская политика за послѣдніе 40 лѣтъ: цѣлью этой политики было отнюдь не расширеніе территоріи, а *выгод-*

[1]) G. Bourdon, «L' Enigme Allemande».

[2]) Статистическая разноголосица объясняется различными пріемами таможенной статистики обоихъ государствъ. Русскія таможенныя учрежденія считаютъ ввозъ и вывозъ по германской границѣ, или непосредственно изъ русскихъ въ германскіе порты и обратно: Но черезъ герм. границу идутъ не только германскіе товары, а и многіе цѣнные или скоропортящіеся товары не-германскаго происхожденія: колоніальные товары изъ Гамбурга, французскія вина, южные фрукты и т. д. Въ тоже время, русская пшеница изъ южныхъ портовъ попадаетъ въ Германію черезъ Голландію: выгоднѣе оказывается обвезти хлѣбъ кругомъ всей Европы, чѣмъ провезти его прямо по желѣзной дорогѣ въ Германію! Нѣмцы же опредѣляютъ товары по ихъ *происхожденію*, а не по мѣсту, изъ котораго они привезены.

ные торговые договоры (типомъ ихъ является договоръ съ Россіей 1894 г., возобновленный въ 1904; изъ европейскихъ странъ у Германіи нѣтъ договоровъ только съ Португаліей и Черногоріей). Приписывавшіеся Германіи французскими шовинистами планы территоріальныхъ захватовъ, раздѣла Франціи и т. под. настолько рѣзко противорѣчили экономическимъ интересамъ Германіи, что о нихъ никто уже теперь серьезно не говоритъ [1]). Наоборотъ, авторы, французскій патріотизмъ которыхъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, вынуждены признать, что, примѣрно до 1913 г., политика Германіи носила мирный характеръ,— и она не только не стремилась сама къ захватамъ, но и мѣшала дѣлать ихъ своей, гораздо болѣе драчливой, союзницѣ—Австро-Венгріи. Одинъ изъ историковъ теперешней войны, въ своей общей концепціи твердо придерживающейся «ритуальной легенды»—о войнѣ, какъ результатѣ заговора Германіи и Австріи—, напомнивъ о кризисѣ 1908 г. (изъ-за аннексіи Босніи и Герцеговины Австріей, когда послѣдняя готовилась атаковать Сербію, а Россія Австрію), замѣчаетъ, что вмѣшательство Германіи, энергическими представленіями въ Петербургѣ помѣшавшей войнѣ, отнюдь не было пріятно австрійскому правительству, и было предпринято безъ его вѣдома [2]). Иниціативу мирной развязки въ 1911 г., во время агадирскаго кризиса (столкновеніе Франціи съ Германіей изъ-за Марокко), этотъ историкъ также вынужденъ признать за Германіей—и то, что онъ объясняетъ этотъ фактъ не «умѣренностью», а «благоразуміемъ» Вильгельма II и Бетмана-Гольвега, не мѣняетъ дѣла. Но всего поучительнѣе эпизодъ, относящійся уже къ 1913 г.—т.-е. совсѣмъ «вчерашній». Лѣтомъ этого года, когда Болгарія, подстрекаемая Австріей, начала вторую балканскую войну—за Македонію противъ Сербіи и Греціи—и въ дѣло вмѣшалась Румынія (подстрекаемая Россіей), Австрія была совсѣмъ готова оказать царю Фердинанду вооруженную поддержку. Но, къ великому негодованію вѣнскихъ придворно-военныхъ круговъ, изъ Берлина опять дали отбой [3]). Въ Вѣнѣ не разстались съ любимой мыслью—и августѣ того же 1913 г., планъ новой атаки Сербіи былъ готовъ: но теперь искали поддержки и утѣшенія уже не въ Берлинѣ, а въ Римѣ. Оттуда вѣжливо показали дорогу въ тотъ же Берлинъ—и австрійская авантюра лопнула въ третій разъ [4]).

Почему въ четвертый разъ, въ іюлѣ 1914 г., ей дали ходъ и даже поощрили ее? На это намъ отвѣчаетъ одинъ документъ, чрезвычайно высокой цѣнности и по источнику, изъ котораго онъ исходитъ, и по близости къ фактамъ, о которыхъ онъ трактуетъ. Это—напечатанное на стр. 20—21 французской «Желтой книги» донесеніе французскаго посла въ Берлинѣ Камбона, передающее содержаніе разговора бельгійскаго короля съ Вильгельмомъ II и его начальникомъ штаба, Мольтке. Камбонъ зналъ о разговорѣ «изъ источника, абсолютно достовѣрнаго»—проще говоря, отъ самого короля Альберта. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого разговора королемъ, вполнѣ совпадали съ впечатлѣніями самого Камбона: «враждебность противъ насъ

---

[1]) Доступная теперь интимная переписка Вильгельма и Николая, которая, надо надѣяться, скоро увидитъ свѣтъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, начиная съ 1900-хъ годовъ, у Германіи—оффиціальной, разумѣется—былъ только *одинъ* врагъ: Англія.

[2]) Aug. Gauvin, «Des origines de la guerre européne», p. 10.

[3]) ibid., p. 14 et 37—9.

[4]) См. разоблаченія, сдѣланныя въ декабрѣ прошлаго года Джіолитти, у Gauvin, p. 42—43.

увеличивается, *императоръ пересталъ быть сторонникомъ мира*». «Собесѣдникъ императора Германіи, какъ и всѣ, думалъ до сихъ поръ, что Вильгельмъ II, не одинъ разъ способствовавшій, въ критическія минуты, поддержанію мира своимъ личнымъ вліяніемъ, сохраняетъ это настроеніе и теперь. На этотъ разъ онъ нашелъ его совершенно измѣнившимся: императоръ, въ его глазахъ, теперь уже не защитникъ мира противъ воинственныхъ поползновеній нѣкоторыхъ партій Германіи. Вильгельмъ II пришелъ къ убѣжденію, что война съ Франціей неизбѣжна, и должна вспыхнуть не сегодня—завтра». Еще категоричнѣе высказывался въ томъ же духѣ генералъ Мольтке. Что именно вызвало такой рѣзкій поворотъ въ настроеніяхъ и намѣреніяхъ германскаго правительства, изъ депеши прямо не видно. Несомнѣнно, что въ напечатанномъ текстѣ есть какой-то пробѣлъ: тотчасъ же послѣ словъ Мольтке о «непобѣдимомъ энтузіазмѣ» германскаго народа, этотъ текстъ заставляетъ короля Альберта говорить, ни къ селу, ни къ городу, о манифестаціяхъ какихъ-то «увлекающихся людей» (esprits exaltés) и даже «безсовѣстныхъ интригановъ», затемняющихъ истинныя намѣренія французскаго правительства. Сохранивъ эти комплименты по адресу сотрудниковъ «Patrie» и «Echo de Paris», редакторъ «Желтой книги» не счелъ возможнымъ удержать имѣвшуюся, очевидно, въ заявленіяхъ собесѣдниковъ бельгійскаго короля ссылку на только что проведенный тогда французскимъ правительствомъ законъ о трехлѣтней военной службы,—законъ, противъ котораго такъ страстно и такъ тщетно боролся Жоресъ. У послѣдняго народнаго трибуна Франціи было, повидимому, смутное предчувствіе, что, вотируя этотъ законъ, французскій парламентъ вотируетъ вторую франко-прусскую войну. Мирныхъ буржуа можно было увѣрять, что законъ 7 августа 1913 г. (депеша Камбона помѣчена 22 ноября) преслѣдуетъ исключительно цѣли національной *обороны*—отъ военныхъ людей, какими были Вильгельмъ и его начальники штаба, не могло укрыться его настоящаго значеніе. Для обороны важно было усовершенствовать военную технику—увеличивать въ полтора раза число штыковъ нужно было для нападенія, ибо успѣхъ этого послѣдняго, при современной техникѣ, зависитъ прежде всего другого отъ численнаго перевѣса. Для военныхъ людей, повторяемъ, на этотъ счетъ не могло быть тѣни сомнѣнія—и съ осени 1913 года «предупредительную» войну можно было считать рѣшенной.

Почему Германія не начала этой войны немедленно—не использовала такого удобнаго для нея момента, какъ конецъ зимы 1913—14 г., когда помолодѣвшая на годъ французская армія (законъ 7 августа, какъ извѣстно не только удлинилъ срокъ службы, но и понизилъ призывной возрастъ до 20 лѣтъ) почти поголовно лежала въ кори и скарлатинѣ? Отвѣтъ на это мы получимъ, по всей вѣроятности, когда будетъ опубликована секретная переписка англійской дипломатіи—а этого ждать придется, пожалуй, долго: секретная англійская переписка по поводу польскаго возстанія 1863 г. увидѣла свѣтъ только въ 1913 г., ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Пока можно лишь высказать предположеніе, что замедляющимъ факторомъ были переговоры, которые Англія до самаго августа 1914 г. вела на оба фронта, и съ Германіей, и съ Россіей. Существованіе такихъ переговоровъ, помимо глухихъ намековъ въ печати, достаточно ясно и изъ документовъ англійской «Синей книги». Разговоры, которые велъ Бьюкененъ въ Петербургѣ (№ 4 «Синей книги»), а Гёшенъ въ Берлинѣ (№ 33), понятны лишь, какъ заключительныя звенья длинной цѣпи—съ мѣста въ карьеръ такихъ

разговоровъ не ведутъ не только дипломаты, но даже и лавочники. Совершенно очевидно, что уже раньше былъ большой «торгъ», употребляя выраженіе Гёшена—и Россія переторговала, кажется, только въ самую послѣднюю минуту. По крайней мѣрѣ—фактъ удивительный, по сомнѣнію не подлежащій—всего *за два дня* до предъявленія австрійскаго ультиматума Сербіи, Эд. Грей опасался не нападенія Германіи на Россію и Францію, а наоборотъ—двухъ послѣднихъ на Германію. 21 іюля 1914 г. у Грея былъ извѣстный румынскій націоналистъ—любимецъ французской прессы—Таке Іонеску. Онъ приходилъ говорить по поводу Албаніи—со времени удачнаго опыта съ болгарской Силистріей, румыны стали интересоваться всѣмъ, что плохо лежитъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ какъ Албаніей въ то же время интересовалась и Италія, что, конечно, румынамъ не нравилось—и что они приписывали англійскимъ интригамъ,—то Іонеску и намекнулъ Грею, довольно грубо, какъ не хорошо подкупать Италію Албаніей, чтобы изъ «Тройственнаго союза» перевести ее въ «Тройственное согласіе». Грей, разсказываетъ Іонеску «съ величайшей искренностью въ голосѣ» сказалъ: «Да я вовсе не стараюсь отдѣлить Италію отъ Германіи и Австріи, и никогда не старался. *Я знаю, что франко-русско-итальянскій союзъ былъ бы настолько силенъ, что равновѣсіе было бы нарушено и могло бы явиться искушеніе воевать.* А я хочу мира». Какъ доказательство миролюбія Грея, эти слова и обошли всю союзническую прессу,— такъ кажется, и не замѣтившую ихъ пикантности...[1]).

Едва ли нужно объяснять читателю, что на самомъ дѣлѣ Грей боялся вовсе не нападенія Франціи и Россіи на Германію—а гегемоніи франко-русско-итальянскаго союза на Средиземномъ морѣ, гегемоніи, которая сдѣлаетъ совершенно безнадежными шансы Англіи „отторговать“ у Россіи Константинополь. Есть всѣ основанія думать, что въ центрѣ переговоровъ съ Россіей стоялъ именно этотъ вопросъ — какъ въ центрѣ переговоровъ съ Германіей стояли вопросы о французскихъ колоніяхъ и о Бельгіи. О послѣднемъ, впрочемъ, почти не приходится и догадываться—изъ напечатанныхъ уже документовъ «Синей Книги» это ясно почти до очевидности. Но и первое съ достаточной ясностью сквозило хотя бы въ тѣхъ крайне осторожныхъ выраженіяхъ, которыя употреблялъ Сазоновъ, говоря о Константинопольскомъ вопросѣ передъ Государственной думой. И не даромъ на эти осторожныя выраженія поспѣшилъ сослаться тотъ же Грей передъ палатой общины. Ему нужно было показать своимъ довѣрителямъ, что онъ Константинополя не продешевилъ... Мы увидимъ ниже, что для той общественной группы, которую представляютъ Эд. Грей, Уинстонъ Черчилль и др., Константинополь и колоніи должны были составлять центръ всей картины. Но не будемъ забѣгать впередъ. Подведемъ итоги тому, что намъ пока удалось узнать. Эти итоги сводятся къ тому, что въ политикѣ Германіи, отъ которой нужно было ожидать максимальнаго развитія имперіализма (не забудемъ, что имперіализмъ есть политика, свойственная «послѣдней фазѣ капиталистическаго развитія»), его очень мало замѣтно: Германія отнюдь не стремилась къ максимальному расширенію своей территоріи; она начала войну потому, что думала (правильно или нѣтъ, для насъ въ настоящій моментъ не интересно), что *на нее* хотятъ напасть. Остается поискать признаковъ имперіализма у «нападающихъ»: и тутъ мы ока-

---

[1]) Іонеску разсказалъ объ этой бесѣдѣ въ «Grande Revue». Мы цитируемъ по «Temps» 16 марта 1915.

жемся передъ фактомъ, не менѣе изумительнымъ. И въ Англіи, и во Франціи, и въ Россіи за войну были не самыя передовыя, съ точки зрѣнія капиталистическаго развитія, группы, а самыя отсталыя.

Относительно Франціи въ русской литературѣ и, особенно, среди русской читающей публики упорно живетъ предразсудокъ, представляющій эту страну безнадежно отсталой, въ промышленномъ отношеніи. Франція—страна-ростовщикъ, скажетъ вамъ всякій; она живетъ плодами чужого труда; ея сбереженія оплодотворяютъ русскую, южноамериканскую, даже германскую — какую угодно промышленность, но только не французскую. Послѣ агадирскаго инцидента особенно въ ходу было представлять себѣ *германскую* промышленность, какъ зависящую, чуть не всецѣло, отъ французскихъ капиталовъ — которыхъ насчитывали тамъ чуть не два съ половиной милліарда франковъ! Это очень придавало куражу французской печати, когда она обсуждала шансы возможнаго франко-германскаго столкновенія. Прибавимъ, въ скобкахъ, что хорошо освѣдомленные германскіе дѣятели опредѣляли сумму гораздо скромнѣе — не болѣе, чѣмъ въ 300 милл. франковъ[1]). Прибавимъ, что не вѣрна не только цифра, а и методъ разсужденія французскихъ газетъ: вложенныя въ иностранныя предпріятія капиталы связываютъ страну, давшую ихъ, а не страну, ихъ получившую. Ниже мы увидимъ чрезвычайно яркій примѣръ этого — на русско-французскихъ отношеніяхъ. Пока не будемъ останавливаться на этомъ. Насколько вѣрно представленіе о Франціи, какъ о своего рода финансовой кукушкѣ, кладущей яйца въ чужія гнѣзда? *Въ общемъ и цѣломъ* это представленіе, *пока* еще не окончательно устарѣло: за 6 лѣтъ, съ 1906 по 1911 г., Парижская биржа выпускала, въ среднемъ, ежегодно на 4.334 милл. фр. цѣнныхъ бумагъ: въ ихъ числѣ *иностранные* займы составляли 84%. Но *промышленная отсталость Франціи съ каждымъ годомъ уходитъ въ прошлое.* Показателемъ промышленнаго развитія страны служитъ ея *металлургія*. Если мы возьмемъ данныя, иллюстрирующія положеніе французской металлургіи, мы получимъ такую картину:

Производство чугуна во Франціи:

Года	1880	1890	1900	1905	1907	1910
Тысячи тоннъ	1725	1962	2714	3077	3590	4032

Въ 1890 г. цѣнность всего чугуна, выплавленнаго во Франціи, равнялась только 137,6 милл. фр. — въ 1907 эта цѣнность дошла до 313,2 милл. фр. Еще въ 1900 г. по абсолютной цифрѣ производства Франція стояла ниже Россіи на 200 слишкомъ тыс. т. (2714 тыс. т. и 2934 тыс. т.): а къ 1907 году Франція на 700 слишкомъ тысячъ тоннъ обогнала Россію (3590 тыс. т. и 2811 тыс. т.). Изъ приведенной таблички видно, когда можно было, съ полнымъ правомъ, говорить о застоѣ: то были 80-е и, отчасти, 90-е годы — весна франко-русскаго союза. Переломъ отмѣчаетъ 1896 годъ, когда производство повысилось сразу съ 2004 тыс. т. до 2340 тыс. — и съ тѣхъ поръ повышалось почти непрерывно, тогда какъ за предшествующіе 15 лѣтъ оно держалось на одномъ уровнѣ (1882 годъ — 2039 т. т., 1892—2057 и т. д.). Уже почти двадцать лѣтъ, какъ терминъ «промышленно-отсталой» страны почти не приложимъ къ Франціи. Конечно, ей далеко до Англіи или Германіи, тѣмъ болѣе до Соединенныхъ Штатовъ. Но она не стоитъ на мѣстѣ, она прогрессируетъ, и довольно быстро — это главное.

[1]) G. Bourdon, «L'Enigme All.» 303 — слова Фюрстенберга, директора Berliner Handelsgesellsch.

Ростъ французской промышленности нашелъ себѣ отраженіе въ цѣломъ рядѣ соціальныхъ фактовъ. Во внутренней политикѣ важнѣйшимъ изъ нихъ было увеличеніе интенсивности рабочаго движенія и усиленіе соціалистической партіи. Во внѣшней главнѣйшимъ послѣдствіемъ было, несомнѣнно начинавшееся передъ войной, *сближеніе съ Германіей.* «Молодая» французская промышленность не могла обойтись безъ послѣдней. Ей, прежде всего, не хватало *угля* — и ввозъ послѣдняго изъ-за границы росъ прямо пропорціонально выплавкѣ французскаго чугуна. Въ 1907 г. Франція ввезла изъ Германіи угля на 70,1 милл. фр. — въ 1912 уже на 136,5 милл., что составляло 30% всего французскаго ввоза. Затѣмъ, на первыхъ порахъ, индустріальная Франція не могла обойтись и безъ германскихъ *машинъ:* моментъ, когда французское машиностроительство могло бы конкурировать съ германскимъ, еще не наступилъ (а времена, когда французы шли впереди всѣхъ народовъ континента на этомъ полѣ, 40-е—50-е годы, были недавно позабыты!) Ввозъ германскихъ машинъ во Францію росъ необычайно интенсивно: съ 53,7 мил. фр. въ 1906 г. онъ поднялся до 74,5 мил. фр. въ 1907 г. — и до 132 мил. фр. въ 1912 г. Рядомъ съ этими экономическими причинами, располагавшими французскую «тяжелую индустрію» къ миру съ Германіей, не нужно забывать и *географической:* 82% всей желѣзной руды Франція получаетъ изъ округовъ Бріэ и Лонгви, во французской Лотарингіи, на самой германской границѣ. Въ нынѣшнюю войну эти округа были заняты нѣмцами съ первыхъ же дней — задолго до битвы при Шарлеруа и марша къ Парижу Германія уже начала свои завоеванія! Сейчасъ округъ Бріэ превосходно организованъ нѣмцами (построившими тамъ, между прочимъ, желѣзнодорожный туннель, котораго населеніе 20 лѣтъ тщетно ждало отъ французскаго правительства) и питаетъ германскую металлургію. Вопросъ о его судьбѣ при заключеніи мира, несомнѣнно, будетъ однимъ изъ самыхъ пикантныхъ пунктовъ. Судьбу же его во время войны было нетрудно предвидѣть — и это, повторяемъ, помимо всего прочаго, должно было настраивать миролюбиво французскихъ металлурговъ.

Это миролюбивое настроеніе крупной французской промышленности нашло себѣ выраженіе въ дѣятельности франко-германскаго торговаго комитета, въ поѣздкахъ и анкетахъ въ Германіи французскихъ политическихъ дѣятелей и журналистовъ, и, какъ памятникахъ этихъ поѣздокъ, въ такихъ книжкахъ, какъ «Пути мира», Ажана или «Германская загадка» Жоржа Бурдона [1]). Оба автора вынесли впечатлѣніе, что не только германская буржуазія — притомъ не только промышленная, но и финансовая, — а и германскіе офиціальные круги также настроены какъ нельзя быть болѣе миролюбиво. Шумной агитаціи пангерманцевъ никто не придавалъ серьезнаго значенія — какъ старались не придавать значенія шовинистическому кликушеству французской желтой и черной прессы. Но послѣдняя все-таки дразнила и безпокоила; Ж. Бурдонъ признается, что ему однажды пришлось покраснѣть, когда его собесѣдникъ показалъ ему только что вышедшую въ Парижѣ брошюру, съ проектомъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ раздѣла Германіи. И вообще, ведя мирныя рѣчи, германскіе общественные и промышленные дѣятели не скрывали отъ своихъ гостей, что война, при существованіи такого натравливанія, все же возможна;

---

1) *Ajam* «Les chemins de la paix. Le problème économique franco-allemand», Paris 1914. *G. Bourdon* «L'Enigme allemande», Paris 1913.

что общество не можетъ не нести отвѣтственности за свои газеты—разъ дѣло идетъ не о ничтожныхъ листкахъ, которыхъ никто не читаетъ, а о «большой прессѣ», съ милліоннымъ тиражемъ. А въ одномъ случаѣ, прибавляли они, война даже и неизбѣжна: это, если Россія нападетъ на Австрію; «Австрію мы выдать Россіи не можемъ, и будемъ воевать, чего бы намъ это ни стоило—хотя бы міръ на насъ обрушился», какъ энергично выразился одинъ изъ собесѣдниковъ Ажана.

Въ національной плоскости вопросъ о «виновникахъ» переносится, такимъ образомъ, съ западнаго фронта на восточный. Но мы хотѣли бы остаться въ плоскости соціальной. Были ли у *русской* промышленной буржуазіи какія-нибудь основанія желать войны? Тутъ, прежде всего, приходится вспомнить, что годы, непосредственно предшествующіе войнѣ, были годами чрезвычайно быстраго подъема русской металлургіи. Вотъ данныя по выплавкѣ чугуна за послѣднее пятилѣтіе передъ войной:

Г О Д А.	1909	1910	1911	1912	1913
Милліоны пудовъ	175	186	219	256	293

Какъ видимъ, «нѣмецкое засилье» нисколько не стѣсняло роста русской тяжелой индустріи. Представлять себѣ войну, какъ единственное средство избавленія отъ конкуррента, она не имѣла никакого основанія. Оттого ея представители и обнаружили такъ мало «патріотизма», когда война началась—и глава московскаго общества фабрикантовъ и заводчиковъ, металлургъ Гужонъ (французъ по происхожденію) удостоился даже отъ «Русскаго Слова» титула «предателя» за неуклонное отстаиваніе интересовъ германскаго «электрическаго общества 1886 г.» [1]).

Есть, однако, группа русскихъ промышленниковъ, положеніе которой нѣсколько иное: это группа *текстильная*. Объ ея интересахъ въ связи съ возможной войной говорилось на страницахъ русскихъ марксистскихъ журналовъ [2]). Не повторяя того, что тамъ было сказано, мы должны лишь прибавить, что тяготѣніе русскаго ситца къ заграничному рынку какъ разъ передъ войной должно было усилиться. Ибо, въ то время, какъ русская металлургія переживала разцвѣтъ, въ русской текстильной индустріи можно было наблюдать нѣчто въ родѣ застоя:

Г О Д А.	1909	1910	1911	1912	1913
Число веретенъ (тысячи)	8.065	8.308	8.600	8.800	8.950

---

[1]) Это, конечно, противорѣчитъ распространенному у насъ мнѣнію, будто металлургія—чуть не главная виновница войны, будто весь шовинистическій угаръ Европы вышелъ изъ трубъ чугунно-плавильныхъ заводовъ. Объясненіе подкупаетъ своей простотой: металлургія изготовляетъ пушки и броню, на войнѣ стрѣляютъ изъ пушекъ, дѣйствуютъ броненосцы—кому же, какъ не металлургамъ, это можетъ быть выгодно? Не входя въ обсужденіе этого вопроса во всей его широтѣ (напомнимъ только, что 40 лѣтъ европейскаго мира были, какъ разъ, временемъ пышнаго разцвѣта металлургіи), для Россіи мы должны указать, что военные заказы у насъ въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ заводовъ, находящихся въ иностранныхъ рукахъ: «дяди Виккерса», «работающаго», по крайней мѣрѣ отчасти, на романовскіе капиталы, Шнейдера-Крезо и т. под. Простые смертные, въ родѣ Гужона, больше нажили бы на кровельномъ желѣзѣ, чѣмъ на бронѣ—на рельсахъ, чѣмъ на пушкахъ. Имъ, въ данной стадіи развитія, расширеніе внутренняго рынка важнѣе завоеванія десяти внѣшнихъ—и они слишкомъ хорошо помнятъ, какъ обострили желѣзный кризисъ начала вѣка японская война и революція.

[2]) См. въ 1 № «Просвѣщенія» за 1914 г. «Русскій имперіализмъ въ прошломъ и настоящемъ». Напечатана непосредственно передъ настоящей статьей.

За пять лѣтъ девятый милліонъ веретенъ такъ и не былъ пройденъ до конца: тогда какъ за предшествующіе 8 лѣтъ, съ 1900 г., число веретенъ увеличилось на полтора милліона, съ $6^1/_2$ до 8. И русскимъ мануфактуристамъ, прежде всего, былъ важенъ, конечно, внутренній рынокъ: въ этой, главнымъ образомъ, связи приходится разсматривать временный параличъ винной монополіи. Тѣ, кто приписываютъ его чудодѣйственному вліянію войны, забываютъ, что еще до войны Коковцевъ слетѣлъ со своего мѣста главнымъ образомъ изъ-за того, что его бюджеты держались на водкѣ. Отрезвѣвшая деревня, по общему убѣжденію (особенно цѣнны здѣсь показанія представителей кооперативовъ, опубликованныя «Русскимъ Словомъ»), сдѣлалась гораздо болѣе надежной потребительницей мануфактуры, чѣмъ была пьяная. «Отъ мануфактурщиковъ теперь брызжетъ удовольствіемъ», говоритъ одно извѣстіе съ родины (въ Нью-Іоркскомъ «Новомъ Мірѣ», 11 марта 1915). «Такія дѣла сейчасъ! Процентовъ 35—40 кладетъ чистенькихъ: вотъ какъ мануфактура нынче играетъ». Но, во-первыхъ, и повальное отрезвленіе безъ войны провести было бы трудно; а затѣмъ, экономическое завоеваніе русской мануфактурой сѣверной Персіи естественно соблазняло на дальнѣйшіе шаги въ тѣхъ же направленіяхъ: ежели персъ рядится въ русскіе ситцы, отчего же туркѣ не дѣлать того же самаго? Какъ бы то ни было, но центромъ буржуазно-патріотическаго движенія несомнѣнно, является Москва—центръ русской текстильной промышленности въ то же время. Причемъ исчезновеніе съ русскаго рынка лодзинскихъ товаровъ—при войнѣ съ Германіей, разгромъ Лодзи такъ же не трудно было предвидѣть, какъ и оккупацію нѣмцами Бріэ—еще больше поднимаетъ, конечно, патріотическую температуру. Кабы подольше такая благодать! Мудрено ли, что московское купечество подаетъ адреса съ требованіемъ вести войну «до конца»—т.-е. возможно дольше?

Но если этому купечеству удобно грѣть руки на всемірномъ пожарѣ, то обвинять въ поджогѣ московско-владимірскихъ ситцевыхъ фабрикантовъ было бы еще менѣе осторожно, чѣмъ бросать такое обвиненіе «тяжелой индустріи». Соціальный удѣльный вѣсъ этой группы въ Россіи не такъ великъ, чтобы она одна, своею только тяжестью, могла опредѣлять русскую внѣшнюю политику. Въ цитированной статьѣ «Просвѣщенія» было уже указано, какіе *политическіе* мотивы побуждали дворянское правительство идти на встрѣчу мануфактурной буржуазіи. О классовыхъ интересахъ дворянства во внѣшней политикѣ не приходилось упоминать въ этой статьѣ, очевидно, потому, что она была написана по поводу русскихъ выступленій на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ. Тогда казалось, что эти выступленія, скорѣе всего, могутъ оказаться поводомъ для русско-германскаго конфликта. Исторія рѣшила иначе—и она дала больше, чѣмъ ожидали отъ нея историки. Уже чрезвычайные военные законы, экстренно проведенные Сухомлиновымъ весною 1914 г.,—законы, позволявшіе довести *мирные* штаты русской арміи къ 1917 г. до 2.400 тыс. ч.—показывали, что дѣло идетъ не о *возможномъ* столкновеніи съ Германіей по поводу Турціи, а о *неизбѣжной* въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ войнѣ, независимо отъ всякихъ постороннихъ поводовъ. Атака велась прямая, «въ лобъ», что называется—и ея объектъ обрисовался съ неоставляющей никакихъ сомнѣній рельефностью, когда черезъ государственную думу прошелъ *законъ о пошлинахъ на германскую рожь*. На столѣ была опять та ставка, съ которой началася русско-германская игра тридцать лѣтъ назадъ, на другой день послѣ образованія Тройственнаго союза

и наканунѣ франко-русскаго. А отъ этой ставки съ самаго начала пахло порохомъ.

«Война съ нѣмцами» могла явиться неожиданностью для того поколѣнія, политическіе воспоминанія котораго не идутъ вглубь дальше конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но наша юность вся прошла подъ знакомъ надвигающейся войны съ Германіей. Кто только ея тогда не предсказывалъ—отъ знахарей и ворожей, вычитывавшихъ «войну трехъ императоровъ» въ книгѣ пророка Даніила (причемъ одинъ изъ этихъ императоровъ долженъ былъ непремѣнно взять Константинополь!), до знаменитаго генерала Скобелева, который не только держалъ воинственныя рѣчи въ Парижѣ передъ сербскими студентами, но и, самымъ дѣловымъ образомъ, тренировалъ солдатъ своего корпуса «на нѣмца»—предварительно прекрасно изучивъ германскую армію. И когда онъ внезапно умеръ, въ московской толпѣ ходили слухи, что Скобелева «отравили нѣмцы». Въ дипломатическихъ исторіяхъ той эпохи вы прочтете, что причиной конфликта, тянувшагося до 1894 г., была «измѣна» Бисмарка русскимъ интересамъ на Берлинскомъ конгрессѣ и заключенный имъ въ 1879 г. союзъ съ враждебной Россіи Австріей (зародышъ будущаго «Тройственнаго союза»; онъ сталъ такъ называться съ присоединеніемъ къ нему Италіи, въ 1882 г.). Но это было лишь поверхностное отраженіе экономическаго спора—*конкурренціи русскаго и прусскаго помѣщиковъ*. Въ концѣ 70-хъ годовъ цѣны на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ стали рѣзко падать: если мы возьмемъ хлѣбныя цѣны пятилѣтія 1871—75 гг. за 100, то цѣны пятилѣтія 1881—85 гг. будутъ 80 (для пшеницы) и 89 (для ржи); а пятилѣтія 1891—95 гг.—70 для пшеницы и 82 для ржи. Потерявъ отъ 20 до 30% своей земельной ренты, прусскій юнкеръ застоналъ—а такъ какъ то была пора глухой реакціи въ Германіи (какъ разъ на то же время падаетъ исключительный законъ противъ соціалистовъ), то интересы юнкера сейчасъ же нашли себѣ «огражденіе»: въ 1880 г. были введены ввозныя пошлины на хлѣбъ, сначала въ 10 марокъ съ тонны, въ 1885 г. увеличенныя до 30 и въ 1887 до 50 марокъ съ тонны. Послѣдняя была почти запретительной—и теперь застоналъ уже русскій помѣщикъ. Если уже американская конкурренція по части пшеницы стѣснила его довольно сильно—благодаря широкому примѣненію машины американская ферма могла получать продукты дешевле, чѣмъ русское имѣніе съ его полукрѣпостными порядками, стѣснявшими примѣненіе машинъ—то пошлины на *рожь* загоняли его совсѣмъ въ тупикъ. Пшеница—хлѣбъ міровой, цѣны на него дѣлаетъ исключительно всемірный рынокъ, и пошлины тутъ имѣютъ второстепенное значеніе. Рожь же Россія вывозила почти только въ Германію: и пошлина въ 30% продажной цѣны настолько «ограждала» прусскаго юнкера, что его русскому сопернику, если онъ хотѣлъ сбыть свой хлѣбъ въ Германію, ничего не оставалось, какъ уплатить, хотя часть пошлины, изъ своего кармана. А цѣны и безъ того все падали и падали... Настроеніе россійскаго дворянства при такихъ условіяхъ не трудно понять. Когда генералъ Скобелевъ вопіялъ, что онъ не согласится, чтобы Россія стала «Липпе-Детмольдомъ», «отдала на поруганіе всю славу историческаго прошлаго» и т. д., онъ правильно выражалъ чувство своихъ односословниковъ. Характерно, что гарантію отъ такой злой участи онъ—уже тогда—видѣлъ въ союзѣ съ Англіей. Стремленіе Германіи въ свою очередь найти союзниковъ въ Австріи и Италіи было естественнымъ въ ея положеніи отвѣтомъ на такія чувства россійскаго помѣщика. Но то, что вызвало бурю—хлѣбныя цѣны—въ концѣ концовъ ее и утишило:

цѣны дошли до такого уровня, что аграрный капитализмъ въ Россіи сталъ почти невозможенъ—капиталъ, при существующемъ въ Россіи уровнѣ прибыли, не шелъ въ сельское хозяйство. Помѣщику ничего не оставалось, какъ просто погребовать казеннаго пайка—что и осуществилъ дворянскій банкъ. Съ его основаніемъ шовинистическая шумиха понемногу падаетъ, и дѣло кончается, въ 1894 г., русско-германскимъ торговымъ договоромъ, по которому хлѣбныя пошлины были, однако, все-таки понижены (съ 50 до 35 мар. за тонну).

Экономической комбинаціей, на почвѣ которой разыгрался первый русско-германскій конфликтъ, было, такимъ образомъ, совпаденіе упадка хлѣбныхъ цѣнъ съ германской конкурренціей на хлѣбномъ рынкѣ—причемъ внѣшнимъ выраженіемъ этой конкурренціи являлись хлѣбныя пошлины, «ограждавшія» прусскаго производителя отъ его восточнаго соперника. Съ тѣхъ поръ картина хлѣбнаго рынка успѣла рѣзко измѣниться. Если мы примемъ хлѣбныя цѣны пятилѣтія 1893—97 гг. за 100, мы получимъ для пятилѣтія 1898—1904 г. 128, а для восьмилѣтія 1905—1912 даже 165. По разсчету автора, у котораго мы заимствуемъ эти цифры, это означало увеличеніе доходности русскаго сельскаго хозяйства на 400 слишкомъ милліоновъ рублей (850 мил. герм. марокъ) въ годъ[1]). Капиталистическое сельское хозяйство въ Россіи опять стало возможно, яркой иллюстраціей чего является ростъ *ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ* въ Россію: съ 23 милліоновъ руб. въ 1909 г. до 120 мил. р. въ 1912—увеличеніе на 400%! Притомъ, особенно быстро растетъ ввозъ «сложныхъ» машинъ—т.-е. машинъ съ паровымъ, керосиновымъ и т. под. двигателемъ: съ 7,4 мил. р. въ 1907 г. до 14,2 м. р. въ 1910 и 26,6 мил. р. въ 1912. Какъ справедливо указываетъ цитируемый авторъ, это свидѣтельствуетъ о прогрессѣ именно *крупнаго*, капиталистическаго землевладѣнія, такъ какъ крестьянскія хозяйства, даже зажиточныя, все чаще и чаще примѣняя машины вообще, и окончательно забросивъ дѣдовскую соху для плуга, все же не въ состояніи пріобрѣтать паровыхъ плуговъ и молотилокъ. Отъ подъема хлѣбныхъ цѣнъ выигралъ, въ извѣстной мѣрѣ, и хозяйственный мужичокъ—но гораздо больше выигралъ помѣщикъ. Соціальное преобладаніе дворянства въ эпоху столыпинщины точно соотвѣтствовало укрѣпленію его экономической позиціи.

Но позиціи „юнкера“ стали сильнѣе одинаково по обѣ стороны Вержболова—и если русскій юнкеръ получилъ возможность вновь начать борьбу на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ, прусскій, по прежнему забронированный своими пошлинами, получилъ возможность повести борьбу наступательную. Ввозъ русской ржи въ Германію продолжалъ падать: съ 828 тыс. тоннъ въ 1900—1904 гг. до 555 т. т. въ 1905—8, и до 268 т. т. въ 1912 г. За то, въ этомъ году въ Россію было *ввезено* 114 т. т. прусской ржи—фактъ безпримѣрный въ 19-мъ столѣтіи. Это уже само по себѣ было не легко перенести, даже на фонѣ «крѣпкихъ» хлѣбныхъ цѣнъ: можно себѣ представить, что произошло въ душѣ русскаго помѣщика, когда *цѣны снова стали падать*. Пшеница, стоявшая въ трехлѣтіе 1907—9 гг., въ среднемъ на 118 коп. за пудъ, понизилась въ трехлѣтіе 1911—13 гг. до 110; рожь съ 99 коп. въ первомъ случаѣ упала до 85 во второмъ. *Ситуація начала 1880-хъ годовъ повторялась буквально*. Не хватало только генерала Скобелева—его мѣсто долженъ былъ занять штатскій человѣкъ, хотя и съ созвучной фамиліей, про-

[1]) Jury Larin «Die Entwicklung d. russischen Landwirtschaft», «Neue Zeit», 4, XII, 914.

фессоръ Соболевъ, на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (а „не Новаго Времени"!) открывшій военныя дѣйствія противъ прусскаго юнкера. Можно удивиться, что этотъ замѣчательный человѣкъ такъ мало популяренъ во время войны. Современники явно несправедливы къ нему, но исторія не должна забыть, что проектъ хлѣбныхъ контръ-пошлинъ, на германскій хлѣбъ, принадлежитъ именно ему. И онъ сопровождалъ эту основную мѣру дополнительными, безъ которыхъ она не могла дать полнаго эффекта: онъ предлагалъ обложить вывозной пошлиной кормъ для скота, который получается Германіей изъ Россіи—и прекратить «отпускъ» въ Германію русскихъ рабочихъ рукъ. Пролетарій долженъ продавать свои мускулы національной экономіи и ѣсть дома «національный» хлѣбъ, получая его по болѣе дорогой цѣнѣ: развѣ это не полная программа россійскаго нео-націонализма? Но нужно сказать, въ начинавшемся кризисѣ Скобелевъ былъ бы, пожалуй, полезнѣе его почти тезки. Кромѣ пошлинъ, изъ соболевскаго плана ничего не удалось осуществить—и на другой же день послѣ этого приступа къ дѣлу началось массовое передвиженіе германскихъ «рабочихъ рукъ» на россійскую территорію.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вытекаетъ нѣсколько заключеній, быть можетъ, нѣсколько неожиданныхъ и съ «общепринятой» точки зрѣнія. Во-первыхъ, выясняется, что дворянское правительство, поддерживая русскій промышленный (главнымъ образомъ, текстильный) капитализмъ въ его борьбѣ за средне и ближне-восточные рынки, руководилось не только политическими соображеніями—желаніемъ удержать на своей сторонѣ крупно-буржуазные круги, сохранить тотъ аграрно-буржуазный блокъ, на которомъ держалась столыпинщина, и который сталъ замѣтно трещать послѣ краха во внутренней экономической политикѣ. Классовые дворянскіе интересы толкали въ ту же сторону, и не только политически, въ смыслѣ конфликта съ Германіей—но и *географически*, толкали къ Цареграду и Дарданелламъ. Читатель, конечно, подумалъ, что мы имѣемъ въ виду необходимость обладанія проливами для развитія русскаго аграрнаго капитализма, «дверь отъ своего дома» и т. д., и т. д.? Не совсѣмъ такъ. Люди, толкующіе о «двери отъ своего дома», слегка позабыли, что эта дверь давно безъ замка: свободное плаваніе русскихъ *коммерческихъ* судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы впервые было установлено еще Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ 1774 г. и окончательно, разъ навсегда, закрѣплено Адріанопольскимъ 1829. Съ тѣхъ поръ турки закрывали проливы только въ случаѣ войны, какъ это имѣло мѣсто и въ 1912—13 гг. Чтобы обойти и эту непріятную случайность, давно предлагались разныя мѣры, отнюдь не требовавшія для своего осуществленія не только всемірной, но даже вообще какой бы то ни было войны: не нужно забывать, что въ вопросѣ заинтересована не одна Россія, а кромѣ нея, и даже больше нея, цѣлый рядъ державъ—на первомъ мѣстѣ Англія, Австро-Венгрія и Италія. Проектъ—уподобить проливъ, съ точки зрѣнія международнаго права, Суэзскому каналу, всегда открытому для мирнаго плаванія, былъ выдвинутъ еще въ 19 в. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ мирно, соглашеніемъ этихъ державъ между собою и съ Турціей—которая ихъ совмѣстному давленію не могла бы противиться, да и не стала бы, если бы ей были предоставлены извѣстныя гарантіи, обезпечивающія безопасность Константинополя. Не забудемъ, что и Суэзскій каналъ, до 1914 г., лежалъ обоими своими берегами на территоріи, юридически, турецкой—какъ разъ, значитъ турки же и дали прецедентъ для такого положенія. Но о такомъ разрѣшеніи вопроса русская дипломатія хло-

потала чрезвычайно мало: слабость ея интереса къ этому проекту хорошо иллюстрируется извѣстной книгой Горянова («Босфоръ и Дарданеллы»), вышедшей изъ русскаго министерства иностр. дѣлъ; тамъ вопросу о проходѣ *коммерческихъ* судовъ черезъ проливы посвящены первыя 5 страницъ а остальныя 300 заняты вопросомъ о свободномъ проходѣ *военныхъ* судовъ—т. е. объ открытіи для русскаго черноморскаго флота Средиземнаго моря[1]). Для русскаго правительства вопросомъ была не свобода плаванія черезъ проливы (она же фактически нарушалась слишкомъ рѣдко), а *обладаніе* проливами: ибо совершенно ясно, что для *военныхъ* судовъ свобода плавать черезъ проливы, берега которыхъ уставлены непріятельскими батареями, есть свобода весьма относительная. Для этой свободы нужно, чтобы и берега были подъ тѣмъ же флагомъ, подъ которымъ плаваютъ корабли. Завоеваніе береговъ Босфора и Дарданеллъ, включая Царьградъ, составляло, мы знаемъ интегральную часть программы русскаго промышленнаго имперіализма на Ближнемъ Востокѣ. Но оно отвѣчало и классовымъ интересамъ русскаго помѣщика не въ меньшей мѣрѣ. Не считая прусскаго юнкера, у юнкера русскаго конкуррентами на хлѣбномъ рынкѣ, въ восточной Европѣ, являются *придунайскія страны*: Венгрія, Румынія и Болгарія, отчасти Сербія. Отсюда еще при Николаѣ I поставленный вопросъ о переходѣ къ Россіи *устьевъ Дуная*—вопросъ, сыгравшій извѣстную роль въ возникновеніи Крымской войны, которая началась, какъ извѣстно, съ занятія русскими «княжествъ», т. е. теперешней Румыніи. Но уже тогда этотъ вопросъ былъ на второмъ планѣ—ибо имѣлось въ виду, опять таки, завладѣніе *проливами*, что гораздо радикальнѣе разрѣшало задачу. Потерявъ, по Парижскому миру 1856 г., устья Дуная, Россія къ этой узкой постановкѣ вопроса болѣе и не возвращалась: держа въ рукахъ Босфоръ и Дарданеллы, ничего не стоитъ зажать въ кулакъ не только Румынію или Болгарію (Сербія уже сидитъ въ немъ и по инымъ причинамъ), а и Венгрію, въ любой моментъ отрѣзавъ дешевый водный путь ихъ пшеницѣ на западъ. Наполеонъ I говорилъ, что Константинополь—это господство надъ міромъ; тутъ, конечно, есть страшное преувеличеніе—хотя нужно припомнить, что во времена Наполеона I міръ былъ не такъ великъ, какъ теперь— ни Дальняго Востока, ни Австраліи, ни даже южной Америки тогда, практически, не существовало. Но если мы скажемъ, что Константинополь—это господство надъ юго-восточной Европой, отъ Адріатическаго моря до р. Прута, и отъ Эгейскаго моря до Карпатъ, мы будемъ въ предѣлахъ строгой историко-географической истины. И это будетъ господство, прежде всего, именно русскаго помѣщика—русскій мануфактуристъ придетъ туда лишь вслѣдъ за нимъ.

Это—главный, но не единственный выводъ, который приходится сдѣлать. Другой выводъ—несостоятельность той легенды, которая изображаетъ прусскаго юнкера и русскаго помѣщика, какъ неразрывныхъ друзей, сообща умышляющихъ противъ свободы русскаго народа. Изъ аналогіи соціальныхъ интересовъ обоихъ классовъ, каждаго у себя дома, заключили къ тождеству ихъ интересовъ въ международныхъ отношеніяхъ—забывая, что, вѣдь, напримѣръ, и интересы англійской и германской буржуазіи, каждой у себя дома, тоже одинаковы, но о закадычной ихъ дружбѣ и о совмѣстной ихъ борьбѣ противъ германскаго и англійскаго соціализма что-то не слыхать. Допол-

---

[1]) Этому вопросу мы намѣрены посвятить особый очеркъ, почему и не останавливаемся на немъ сейчасъ подробнѣе. См. выше ст. «Константинополь».

нивъ эту поверхностную аналогію еще болѣе поверхностными наблюденіями надъ ролью людей нѣмецкаго происхожденія (а иногда только съ нѣмецкими именами) въ россійской реакціи и кое-какими анекдотами изъ временъ ранняго дѣтства русскаго либерализма (въ родѣ того, что Бисмаркъ «отсовѣтовалъ» Александру III «дать конституцію»)—состряпали нѣчто, именуемое «реакціоннымъ вліяніемъ Германіи на Россію» и помогающее россійскимъ соціалъ-патріотамъ укрывать свою наготу. На самомъ дѣлѣ, русская реакція есть всецѣло продуктъ мѣстныхъ соціально-экономическихъ условій—и если получала болѣе или менѣе осязательную поддержку со стороны, то отнюдь не со стороны Германіи, а со стороны государствъ, нынѣ выступившихъ на защиту «свободы и цивилизаціи». По части же умѣнья «дѣлать реакцію», можно быть увѣреннымъ, прусскій юнкеръ, облизываясь, смотрѣлъ на своего русскаго собрата, а не наоборотъ. Что такое былъ исключительный законъ противъ соціалистовъ сравнительно со столыпинщиной? Почти-пріятный легкій вѣтерокъ сравнительно съ ураганомъ![1])

Но, скажутъ намъ, что вы все о реакціи, да о реакціи? Вѣдь заинтересованный въ «крѣпкихъ» хлѣбныхъ цѣнахъ помѣщикъ есть представитель *капиталистическаго* сельскаго хозяйства. Именно люди его типа въ 1861 г. «освободили» крестьянъ. Торжество этого типа теперь должно повести къ торжеству буржуазныхъ отношеній въ русской деревнѣ—къ прогрессу, а не къ реакціи. Такъ, кажется, склоненъ смотрѣть на дѣло, напримѣръ, авторъ цитированной нами статьи о развитіи русскаго сельскаго хозяйства (въ Neue Zeit). Для отвѣта на этотъ вопросъ совершенно достаточно указать на тотъ фактъ, что и прусскій помѣщикъ является представителемъ капиталистическаго сельскаго хозяйства, и притомъ сталъ таковымъ гораздо раньше русскаго. Но германскіе с.-д. что-то не очень довольны прусскимъ «прогрессомъ». Да не только прусскіе—и наши остзейскіе бароны давнымъ-давно стали на дорогу сельскохозяйственнаго капитализма, съ конца 18-го вѣка служа въ этомъ примѣромъ и образцомъ русскому дворянству. Насчетъ же ихъ соціальной и политической прогрессивности можно навести справки у латышскихъ товарищей. Самое большее, чего можно ожидать отъ русскаго капиталистическаго землевладѣнія, это отказа отъ попытокъ возстановить крѣпостное право, имѣвшихъ мѣсто въ 1880-хъ годахъ. Но для русской *демократіи* русскій помѣщикъ всегда останется такимъ же непримиримымъ врагомъ, какимъ былъ его отдаленный прототипъ, «рыцарь» конца средневѣковья, для свободной городской коммуны.

Средневѣковый рыцарь имѣлъ постояннаго спутника, безъ котораго невозможно себѣ представить его походовъ, «крестовыхъ» и простыхъ. Этимъ спутникомъ былъ ростовщикъ. Не всегда еврей, онъ, однако, не былъ обязательно и христіанинъ,—а иногда былъ даже еретикъ: но самыя благочестивыя предпріятія, въ родѣ обращенія къ истинной вѣрѣ, въ 13 в., южной Франціи, гдѣ жители осмѣливались

---

[1]) Переписка Николая Романова съ бывшимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ, какъ нельзя болѣе подкрѣпляетъ эту характеристику русско-германскихъ отношеній. Изъ нея совершенно ясно вытекаетъ, что поддержку русской реакціи—поддержка, которой больше *хвастались*, чѣмъ на дѣлѣ ее практиковали—Вильгельмъ оказывалъ вовсе не по внутренне-политическимъ мотивамъ, какъ ни было глубоко и искренне его черносотенство, а исключительно по соображеніямъ *внѣшней политики*. Какъ въ Парижѣ покупали благорасположеніе Александра III травлей русскихъ «нигилистовъ», такъ въ Берлинѣ домогались симпатій его сына инсценировкой кенигсбергскаго процесса и т. под. А цѣлью было, во второмъ случаѣ, *оторвать Россію отъ Англіи*.

вѣрить не такъ, какъ предписывали папа и «христіаннѣйшій» французскій король, не обходились безъ его участія. Русскій рыцарь, въ своемъ крестовомъ походѣ противъ германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, не могъ обойтись безъ этого вѣчнаго спутника, хотя спутникъ былъ и иной вѣры: царская Россія не могла обойтись безъ республиканской Франціи. Мы видѣли, какъ относилась къ вопросу о войнѣ съ Германіей французская промышленная буржуазія: но мы видѣли также, что ея голосъ, выражая дѣло ариѳметически, вѣсилъ менѣе $^1/_5$ вѣса всего французскаго капитализма. $^4/_5$ вѣса и вліянія принадлежали парижской биржевой олигархіи. Мы употребляемъ терминъ «парижской», а не «французской», мѣстный, а не національный, потому что парижская биржа, хотя и управляетъ Франціей, есть въ сущности, учрежденіе интернаціональное. Передъ самой войной, одною изъ виднѣйшихъ фигуръ на ней былъ нѣкій Розенбергъ—не только не французъ по происхожденію, но даже австрійскій подданный. А представителемъ этой биржи при закладкѣ русско-французскаго союза, въ 1880-хъ гг., было лицо датскаго происхожденія—недавно умершій банкиръ Госкье, «вниманію» котораго, какъ говорила одна газета въ его некрологѣ, «Александръ III рекомендовалъ своихъ дѣтей». Въ лицѣ Госкье парижская биржа стала, такимъ образомъ, своего рода опекуномъ Николая II: могла ли она выдать ввѣреннаго ея попеченію сироту русскимъ «нигилистамъ»? Событія 1906 г., когда республиканская и демократическая Франція помогла дворянской реакціи задушить русскую демократію, могли показаться странными только людямъ, не посвященнымъ въ эту интимную сторону дѣла. Недавно кстати вспомнили, что тѣмъ лицомъ, которое дало окончательное благословеніе на участіе «еретиковъ» въ крестовомъ походѣ, былъ не кто другой, какъ теперешній президентъ французской республики, г. Пуанкаре. Отъ него, тогда, министра финансовъ, зависило допустить или не допустить русскій заемъ на парижскій рынокъ безъ санкціи государственной думы. Были, даже среди французскихъ политическихъ дѣятелей, люди, которымъ казалось зазорнымъ въ разгарѣ русской революціи прямо объявить себя на сторонѣ деспотизма—которымъ хотѣлось выдержать фикцію союза съ русскимъ народомъ, а не съ русскимъ правительствомъ. Но г. Пуанкаре показалъ себя человѣкомъ положительнымъ и чуждымъ всякихъ фикцій: «сиротѣ» былъ оказанъ личный кредитъ, безо всякихъ ограниченій, и ему только дружески посовѣтовали, дабы окончательно зажать ротъ людямъ неблагонамѣреннымъ, все-таки созвать думу, хотя согласія ея на заемъ и не требуется. Въ «Петроградѣ» поняли, что безъ нѣкоторыхъ аппарансовъ и г. Пуанкаре обойтись не можетъ—и комедія первой думы была продѣлана. Къ счастію, дума оказалась довольно ручной, и по поводу займа даже не мяукнула (а кадеты усвоили и распространяли даже теорію о совершенной конституціонности этого займа). Но событія совсѣмъ недавнія, 1912—13 гг., показали, что, въ случаѣ надобности, французская дипломатія и парижская биржа сумѣли бы, ради благого дѣла, перешагнуть и черезъ формальный протестъ россійскаго «народнаго представительства». Когда консорціумъ шести державъ согласился, весною 1913 г., дать взаймы 625 милліоновъ фр. китайскому Столыпину, Юаншикаю, обѣ палаты китайскаго парламента, подавляющимъ большинствомъ, выразили протестъ противъ этого займа, торжественно объявивъ, что китайскій народъ никогда не будетъ считать себя связаннымъ этимъ обязательствомъ. Послѣ этого Соединенные Штаты вышли изъ консорціума, заявивъ, что на такихъ условіяхъ американ-

скія деньги не даются. Германія и Японія были членами консорціума лишь формально—причемъ первая «частнымъ образомъ» поддерживала Юаншикая, а вторая, не менѣе «частнымъ образомъ»,—китайскихъ республиканцевъ. На сценѣ оставались, по существу, теперешніе защитники «свободы и цивилизаціи»—Англія, Франція и Россія. Точка зрѣнія защитниковъ свободы нашла себѣ выраженіе въ офиціальномъ документѣ, подписанномъ Пишономъ, тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ французской республики, гдѣ говорилось, что французское правительство совершенно согласно съ китайскимъ правительствомъ, т.-е. съ Юаншикаемъ, относительно значенія этого займа [1]). Китайскій Столыпинъ получилъ деньги въ полное свое распоряженіе и, какъ свидѣтельствуетъ находившійся на его службѣ германскій офицеръ, *только* благодаря этимъ деньгамъ смогъ подавить китайскую революцію [2]).

Цитированный нами французскій авторъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно мотивовъ, руководившихъ кабинетомъ, къ которому принадлежалъ г. Пишонъ. Онъ прямо указываетъ, что французская дипломатія и парижскіе банки были въ этомъ темномъ дѣлѣ орудіемъ Россіи, опасавшейся во-первыхъ, что утвержденіе республиканскаго строя въ Китаѣ можетъ дурно повліять на Сибирь, и безъ того плохо зарекомендовавшую себя въ 1905 г., а во-вторыхъ, что республиканскій Китай не отдастъ Россіи Монголіи. и вообще не будетъ столь легкимъ объектомъ грабежа, какъ Китай императорскій. Послѣднее и оправдалось — противъ аннексіи Монголіи китайскій парламентъ протестовалъ столь же рѣшительно, какъ и противъ займа, что и было ближайшимъ поводомъ къ окончательному разгону парламента [3]). Иниціатива, какъ и въ средніе вѣка, принадлежала «рыцарю»... И эта аттитюда осталась типической. Просматривая «Желтую книгу», вы тщетно будете искать какихъ-нибудь слѣдовъ того, что, мобилизуя свою армію въ концѣ іюля 1914 г., русское правительство посовѣтовалось съ «дружественной и союзной» республикой. Между тѣмъ, мобилизація означала войну — это было ясно само собой, это сдѣлалось яснѣе дня послѣ немедленно же послѣдовавшихъ заявленій германскаго правительства. Едва ли на всемъ протяженіи новѣйшей европейской исторіи мы найдемъ что-либо подобное — аналогіей могло бы служить развѣ отношеніе Австріи и Пруссіи къ Наполеону I, въ 1812 г. Но ни Австрія, ни Пруссія тѣхъ дней, по крайней мѣрѣ, не называли себя демократіями... На этомъ примѣрѣ мы съ чрезвычайной яркостью видимъ, кто кого держитъ въ рукахъ, кредиторъ должника — или должникъ кредитора. Пятнадцать милліардовъ французскихъ денегъ, помѣщенныхъ въ предпріятіе, именуемое русскимъ царизмомъ, обязывали — но не царизмъ считаться съ мнѣніемъ французскаго народа, а этотъ послѣдній безпрекословно подчиняться интересамъ царизма.

Французы, вопреки ихъ исторической репутаціи, народъ «очень кроткій», по справедливому опредѣленію одного прусскаго тюремщика, стерегущаго французскихъ плѣнныхъ [4]). Безъ всякаго преувеличенія, нѣтъ народа, которымъ было бы легче управлять, и который меньшаго требовалъ бы отъ своего правительства, чѣмъ современные фран-

---

1) Полностью этотъ знаменитый документъ см. у Farjenel «A travers la révolution chinoise», p. 346.

2) Erich v. Solzmann «Das revolutionäre China».

3) Farjenel, ib. 297 и сл., ср. 354—6.

4) См. «Parmi les prisonniers de guerre», Ибанеца де Риберо въ «Echo de Paris» отъ 3 апрѣля 1915 г.

пузы. Мы, русскіе, въ этомъ отношеніи сравнительно съ ними, образецъ требовательности и дерзости. Невѣрная сама по себѣ теорія Токвиля, утверждавшая, что чѣмъ демократизованнѣе общество, тѣмъ сильнѣе центральная власть, очень вѣрно схватила основную черту мелкобуржуазной французской демократіи. Но, тѣмъ не менѣе, было бы не осторожно только одной, столѣтіемъ полицейскаго гнета воспитанной, «кротости» французскаго мелкаго буржуа приписывать ту покорность, съ которой онъ пошелъ на повтореніе всѣхъ ужасовъ «страшнаго года» изъ-за совершенно ему чуждыхъ интересовъ парижскихъ банковъ и русскаго дворянина. Если въ пролетарскихъ и крестьянскихъ кругахъ война была «принята», какъ неизбѣжное бѣдствіе, — пишущій эти строки самъ живетъ въ маленькомъ крестьянско-пролетарскомъ центрѣ и можетъ говорить здѣсь по личнымъ наблюденіямъ — то среди *городской* мелкой буржуазіи, особенно среди мелкой буржуазіи Парижа, по общимъ отзывамъ, война была популярна. Иначе парижская биржевая пресса, которая два года выла «къ войнѣ», какъ собака воетъ къ покойнику, быстро потеряла бы свой милліонный тиражъ, а газеты, ведшія пасифистскую линію (какъ тогдашнее «L'Humanité»), пріобрѣла бы его: а этого не случилось. Не точно, правда, выразиться, что была популярна *война:* правильнѣе сказать, что былъ крайне непопулярѣнъ *нѣмецъ*. И это отчасти устраняетъ то объясненіе руссофильскаго шовинизма мелкой буржуазіи, которое, вѣроятно, уже пришло въ голову читателю: объясненіе отъ распространенности въ этомъ именно кругу русской ренты. Держатель русской ренты могъ не желать русскаго разгрома,—это такъ; но что же могло побудить его желать разгрома Германіи? Почему ключевой нотой газетной травли было не «защищать Россію» (на нее, пока что, никто, вѣдь, и не нападалъ), а «воевать съ нѣмцами»? Съ другой стороны, какъ ни просты держатели русской ренты, не могли же они не понять, что европейская война рѣзко обезцѣнитъ всякую ренту вообще, въ томъ числѣ и русскую. Можно было не предвидѣть «финансоваго Седана» 24 іюля 1914 г., но вообще страшный переполохъ на биржѣ въ связи съ войной предвидѣлъ всякій. Нѣтъ, шовинизмъ не рентьерское настроеніе. Подкладка была, несомнѣнно, другая—ее освѣщаютъ кое-какія цифры французскаго ввоза и вывоза за послѣднее десятилѣтіе. Болѣе или менѣе широко извѣстно, что знаменитые articles de Paris (игрушки, мелкія издѣлія изъ мишуры и т. под.) въ значительной части производятся теперь въ Германіи — какъ и дешевые сорта шампанскаго. Но едва ли такъ же хорошо знакомъ всѣмъ тотъ фактъ, что articles de Paris являются предметомъ обширнаго *ввоза* въ самое Францію, притомъ ввоза растущаго, въ гигантскихъ размѣрахъ. Еще въ 1903 г. этотъ ввозъ достигалъ только $7^1/_2$ милл. фр. — а въ 1912 уже *85 милл фр.*! Германскія фабрики засыпали парижскаго ремесленника его же товаромъ, притомъ болѣе дешевымъ и лучше сдѣланнымъ. Въ нашемъ дѣтствѣ, бывало, какую радость доставляла «игрушка изъ Парижа», всегда занятная, всегда изящная. Теперь парижскія дѣти не знаютъ другихъ игрушекъ, кромѣ нѣмецкихъ—и по случаю Noël (Рождества) 1914 г. пришлось отступить отъ строгаго обѣта не торговать ничѣмъ нѣмецкимъ: иначе французскимъ отцамъ нечего было бы подарить дѣтямъ къ празднику. Жоресъ, быть можетъ, и самъ не подозрѣвалъ, какой глубокой экономической истиной былъ его афоризмъ, гласившій, что французское нѣмцеѣдство есть «ненависть мелкаго лавочника къ большому магазину». Великаго оратора не успѣли еще похоронить, какъ афоризмъ его сталъ исторіей — и парижская толпа, по наущыванію

мелкихъ молочниковъ громившая капиталистическія молочныя Маджи, въ одномъ образѣ воплотила то, что было «народнаго» въ этой антинародной войнѣ.

Какъ видимъ, политика Пуанкаре и К⁰ имѣетъ, пока что — пока не исчезли надежды на побѣду — прочный фундаментъ въ очень широкомъ слоѣ французской, а въ особенности парижской народной массы. Очень важно, что именно *парижской:* вопреки распространенному предразсудку, Парижъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ міровымъ биржевымъ центромъ, болѣе. чѣмъ когда-либо, есть мозгъ и сердце Франціи. Легенда о томъ, будто Парижъ «потерялъ свое значеніе», относится, повидимому, къ тѣмъ десятилѣтіямъ, которыя непосредственно слѣдовали за разстрѣломъ коммуны 1871 г., и пущена въ ходъ едва ли не реакціонными кругами: имъ пріятно было думать — еще пріятнѣе заставить думать другихъ — что они разстрѣляли не лучшую часть французской націи, а всего только «взбунтовавшуюся чернь» одного изъ французскихъ городовъ. На самомъ дѣлѣ, «кровавая недѣля» обезглавила именно всю демократическую Францію — и анемія французскаго демократизма ведетъ начало именно съ этой поры. Самостоятельную политическую жизнь и самостоятельную прессу имѣетъ только югъ Франціи: вся остальная страна живетъ мыслями и газетами Парижа. Если правда, что нѣмцы представляли себѣ, будто объявленіе войны вызвало революцію въ Парижѣ, они правильно оцѣнивали значеніе города — но обнаруживали крайнюю степень невѣдѣнія относительно дѣйствительныхъ настроеній парижанъ. Эти настроенія таковы, что для правительства Пуанкаре опасно не продолженіе войны — опасенъ былъ бы мирный трактатъ, который закрѣпилъ бы преобладаніе Германіи на французскомъ рынкѣ [1]). Кажется, теперь нѣмцы это поняли — и не пытаются болѣе положить конецъ войнѣ разгромомъ арміи Жоффра. Побѣды на Наревѣ могутъ гораздо быстрѣе привести къ такому миру, какой имъ нуженъ, чѣмъ побѣды на Энѣ или на Марнѣ [2]). Но мы отвлеклись въ сторону — мы взялись говорить о прошедшемъ, а не о будущемъ. Была ли роль самой парижской биржи такой пассивной, какъ можетъ показаться изъ предыдущаго? Ростовщикъ идетъ за рыцаремъ не только потому, что послѣдній много ему долженъ — и можетъ «погубить» ростовщика, отказавшись платить. Эта опасность — русскаго банкротства — могла руководить парижской биржевой олигархіей въ 1906 г. Въ 1914 г. не было надобности въ такихъ, можно сказать «предѣльныхъ» мотивахъ. Обыкновенно разсматриваютъ тотъ фактъ, что война началась изъ-за Сербіи, какъ нѣчто случайное съ точки зрѣнія интересовъ «тройственнаго согласія» въ его цѣломъ. Англійскій посолъ Бьюкененъ, въ первую минуту послѣ австрійскаго ультиматума, заявилъ было даже въ Петербургѣ, что Англія никакихъ интересовъ въ Сербіи не имѣетъ. Онъ или былъ плохо освѣдомленъ или говорилъ неправду «по дипломатическимъ соображеніямъ». На самомъ дѣлѣ, *экономическіе* интересы Англіи и Франціи въ Сербскомъ королевствѣ крупнѣе интересовъ Россіи. Въ то время, какъ англійскій ввозъ въ Сербію составляетъ 13,4% всего ввоза, а французскій 4,2%, Россіи принадлежитъ лишь 2,1%. Но главное не это. Весь государственный долгъ Сербіи помѣщенъ на французскомъ рын-

[1]) Мы намѣренно «выводимъ за скобку» французскій пролетаріатъ. Война достаточно показала слабую его организованность и идеологическую зависимость отъ мелкой буржуазіи. Самъ онъ, несомнѣнно, не двинется — толчекъ долженъ быть данъ со стороны, изъ Англіи, напримѣръ.

[2]) Писано весной 1915 г.

кѣ — въ видѣ однихъ % по нему французскій капиталъ получаетъ 32 милліона динаровъ (франковъ), что составляетъ болѣе 1/4 всего сербскаго бюджета. Исправная уплата % обезпечивается государственными монополіями, которыя распространяются на табакъ, соль, спички и алкоголь: завѣдываніе этими монополіями находится въ рукахъ особаго совѣта, состоящаго изъ 4 сербовъ и 2 французовъ. Вся индустрія этой мало-индустріальной страны работаетъ на Францію — и она же является рынкомъ для французской индустріи: кому не извѣстна роль пушекъ Шнейдера-Крезо въ балканскихъ побѣдахъ сербской арміи, когда кто-то въ шутку сдѣлалъ предположеніе, что вся война затѣяна ради рекламы этимъ пушкамъ — такъ кричали о нихъ французскія газеты? Мы видимъ, какъ нелѣпый съ нашей точки зрѣнія панславизмъ можетъ стать въ рукахъ умныхъ людей превыгоднымъ дѣломъ: нужно ли говорить, что Франція сдѣлалась хозяйкой Сербіи, какъ союзница Россіи? И сдѣлалась насчетъ противницы этой послѣдней, Австро-Венгріи. Было время, когда австрійцы были такими же хозяевами въ Сербіи, какъ теперь французы: въ 1885 г. на Австро-Венгрію приходилось 79,2% всего сербскаго ввоза. А знаете-ли, сколько приходится теперь? Всего 19%! Остальное ушло къ англичанамъ, французамъ — но больше всего къ германцамъ, которые свой ввозъ *удесятерили:* съ 4,5% въ 1885 г. поднялись до 41,3 въ 1910 (въ абсолютныхъ цыфрахъ увеличеніе еще больше: 2,3 и 35 милл. динар.). Передъ нами настоящее, прошедшее и будущее несчастной родины сливъ (Сербія — главная поставщица чернослива на европейскій рынокъ): старый конкуррентъ, выбитый съ рынка и зависливо щелкающій голодными зубами, посматривая на теперешняго счастливаго обладателя, наѣдающагося пока до отвалу—но уже обезпокоеннаго появленіемъ новаго соперника, еще болѣе хищнаго и болѣе сильнаго, чѣмъ оба предшествующіе.

Самая безкорыстная роль, какъ будто, достается рыцарю. «Освободивъ» Сербію отъ турокъ, она великодушно предоставляетъ другимъ освобождать ея карманы отъ обременяющихъ ихъ динаровъ. Но мы видѣли уже на другихъ примѣрахъ, что «рыцарь» вовсе не такое не экономическое существо, какимъ кажется. У его поведенія тоже есть экономическая подкладка. Несомнѣнно, во-первыхъ, что Сербія играетъ роль въ общей схемѣ, центромъ которой является завладѣніе проливами и Царьградомъ. Ея положеніе на среднемъ Дунаѣ дѣлаетъ изъ нея великолѣпный «клинъ», вбитый въ тылъ австро-венгерской позиціи, обращенной фронтомъ къ Россіи. Нейтралитетъ Румыніи создаетъ чрезвычайно досадный перерывъ между главными русскими силами и юго-западнымъ русскимъ форпостомъ на Дунаѣ. Отсюда стремленіе во что бы то ни стало вывести Румынію изъ нейтралитета и сдѣлать изъ нея союзницу—стремленіе столь жгучее, что для достиженія цѣли не останавливаются ни передъ грубѣйшимъ вѣроломствомъ (отдача Румыніи болгарской Силистріи). ни передъ личными униженіями (поѣздка Николая въ Костанцу). Когда будущему историку «борьбы за свободу и цивилизацію» придется доказывать, что Россія не готовила войны, по крайней мѣрѣ, противъ Австріи, уже въ 1913 г., объясненіе этихъ фактовъ представитъ для него непреодолимыя трудности. Не даромъ союзническая пресса хранитъ теперь такое мертвое молчаніе по этому поводу! Средства не достигли цѣли — румыны взяли подарокъ, поблагодарили, но дальше нейтралитета (дружественнаго Австріи и Германіи) не пошли[1]). Факты однако остаются памятникомъ того, какую важность

[1]) Писано въ 1915 г.—дальнѣйшія событія вполнѣ оправдали нашу гипотезу.

придавали въ «Петроградѣ» сербско-румынскому клину на случай войны съ Австріей. Уже то, что дорога въ Царьградъ, хотя бы отчасти, лежала черезъ Бѣлградъ, связываетъ «покровительство» русскаго царизма Сербіи съ общимъ экономическимъ фономъ: но экономика въѣдается глубже, и даетъ связи болѣе непосредственныя. Сосѣдкой Сербіи—объ этомъ иногда забываютъ—является, собственно, не Австрія, но *Венгрія*. Экономическіе интересы этихъ двухъ частей монархіи Габсбурговъ такъ мало тождественны, что крупная венгерская индустрія ни о чемъ такъ не мечтаетъ, какъ о выходѣ изъ австро-венгерскаго таможеннаго союза и самостоятельной таможенной границѣ. Мечты остаются мечтами только потому, что индустріальное развитіе Венгріи движется крайне медленно, почему и политическая роль крупнаго промышленнаго капитала не велика. По переписи 1910 г. сельскохозяйственное населеніе Венгріи составляло 62,4% всего населенія, а промышленное только 25,4%; причемъ среди этого послѣдняго на 100 самостоятельныхъ производителей приходилось 225 рабочихъ: на одного хозяина 2—3 работника—«совершенно средневѣковое отношеніе», по справедливому замѣчанію автора, у котораго мы беремъ эти данныя [1]). Венгрія, можетъ быть, самая типичная сейчасъ въ Европѣ страна крупнаго землевладѣнія: послѣднему принадлежитъ *половина* всей пахотной земли Венгріи, причемъ *треть* ея находится въ рукахъ крупнѣйшихъ собственниковъ, владѣющихъ каждый, въ среднемъ, 1860 гектарами. Вы чувствуете уже, что передъ вами что-то очень похожее на Россію—венгерская податная статистика окончательно укрѣпитъ въ васъ это впечатлѣніе. Хотя земля въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, но платятъ мелкіе: на десятину крестьянской земли приходится около 20 рублей налоговъ, причемъ самое мелкое землевладѣніе, «карликовое», обложено всего тяжелѣе (около 17 р. съ полудесятины). Казалось бы, какая трогательная дружба должна царить между венгерскимъ магнатомъ и русскимъ помѣщикомъ! Но не тутъ то было: именно потому, что экономическая физіономія двухъ странъ такъ схожа, ихъ правящіе классы раздѣляетъ жестокій антагонизмъ. Антагонизмъ этотъ рѣзче всего проявляется въ одномъ пунктѣ: Венгрія и Россія являются величайшими производительницами *сахара* въ восточной Европѣ и имѣютъ для него одинъ и тотъ же *внѣшній рынокъ*: Балканскій полуостровъ и Турцію. При этомъ сахароваренье развивается въ Венгріи необычайно быстро. Еще въ 1901 г. Венгрія *ввозила* сахаръ изъ Австріи, а въ 1905 г. она уже его вывезла на 46 милл. кронъ; въ 1911 г. вывозъ достигъ 55 мил. кронъ, а въ 1912—109 милл., т.-е. обогналъ русскій вывозъ, давшій въ этомъ году всего 36 мил. р. (кронъ=40 коп.). Въ слѣдующемъ году русскій вывозъ сахара упалъ до 6 мил. р.—мы не знаемъ, какую роль тутъ играла Венгрія, такъ какъ венгерскихъ данныхъ за этотъ годъ у насъ нѣтъ подъ руками. Но уже и раньше этого было отчего гр. Бобринскому стать націоналистомъ, обративъ притомъ свое патріотическое вниманіе именно въ ту сторону, гдѣ венгерскій помѣщикъ занимается «угнетеніемъ славянъ»—и превращеніемъ свекловицы въ сахаръ.

Итакъ, рыцарь всего менѣе страдаетъ отсутствіемъ «экономизма» въ его политикѣ. Если онъ отличается здѣсь отъ буржуа, то, главнымъ образомъ, пріемами дѣйствія. Твердо помня завѣты «внѣэкономическаго принужденія» въ своемъ хозяйствѣ, онъ убѣжденъ, что хорошій ударъ кулака можетъ разрѣшить и любую международную экономическую

---

[1]) Eug. Varga «Die Kapitalistische Entwicklung Ungarns u. ihre Hemmungen», «Neue Zeit» 13 ноября 1914.

проблему. Нѣмецъ насъ бьетъ хлѣбными пошлинами? Въ лепешку нѣмца! Венгерецъ отбиваетъ у насъ сахарный рынокъ? Въ порошокъ венгерца! Г. Пуанкарэ, чего вы смотрите? мобилизуйте вашихъ зуавовъ! И г. Пуанкарэ мобилизуетъ: не мобилизуешь, рыцарь чего добраго обидится и—вывернетъ карманъ; поди, получай съ него тогда по купону! Но если г. Пуанкарэ сталъ въ этомъ случаѣ тоже своего рода объектомъ «внѣэкономическаго принужденія»—такъ сказать, по рикошету—, то по ту сторону Ламанша рыцарь нашелъ родственную душу, отверзшуюся ему не за страхъ, а отъ искренняго сочувствія. Когда мы говоримъ объ Англіи, намъ, по трафарету, усвоенному нами съ дѣтства, представляется страна огромныхъ городовъ и фабричныхъ трубъ, рабочихъ и фабрикантовъ. Мы помнимъ, правда, что въ Англіи есть не только фабрики, но и замки—не только купцы, но и какіе-то «лорды»: но эти литературные лорды представляются намъ богатыми чудаками, занимающимися собираніемъ коллекцій, спортомъ и путешествіями. Палата лордовъ, всякій знаетъ, «утратила свое значеніе». Англія—типично буржуазная страна, не то, что какая-нибудь Пруссія съ ея юнкерами. Уже литература, однако же, и довольно давно, должна была напомнить, что такая картина черезчуръ проста. Пишущій эти строки никогда не забудетъ, какъ, студентомъ-филологомъ, онъ былъ пораженъ, найдя на страницахъ *англійской* книги о греческой культурѣ (Магаффи) издѣвательства надъ аѳинской демократіей и горячее сочувствіе къ солдафонамъ всякаго рода, съ Александромъ Македонскимъ во главѣ. Такъ не вязалось это съ Англіей нашихъ юношескихъ представленій! Появившіеся около того же времени въ русскомъ переводѣ разсказы Киплинга, гдѣ та же точка зрѣнія проводилась гораздо тоньше, и съ огромнымъ художественнымъ талантомъ, уже широкимъ кругамъ должны были напомнить, что рядомъ съ «промышленной демократіей» существуетъ другая Англія, такъ же похожая на первую, какъ средневѣковой замокъ на фабрику, тропическій пейзажъ—на Гайдъ-паркъ. Привыкнувъ къ традиціоннымъ типамъ «англичанина»—банкира, путешественника, инженера, моряка, рабочаго—мы проглядѣли типъ, сопровождающій англійскую исторію на всемъ ея протяженіи, и отнюдь не вымершій. О, далеко не вымершій! Это-типъ *англійскаго юнкера*, со страницъ разсказовъ Киплинга такъ бурно и—для массы—внезапно ворвавшійся на историческую сцену.

Мы проглядѣли англійскаго юнкера потому, что не видѣли въ Англіи того, безъ чего, какъ будто, нельзя себѣ представить юнкерства, какъ соціальнаго явленія. «Рыцарь» немыслимъ безъ «виллана»—«баринъ» безъ «мужика». Гдѣ въ Англіи мужикъ? Былъ когда-то—но уже для 16 вѣка можно спорить, встрѣчался ли тогда этотъ вымиравшій типъ. А въ 18-мъ, съ исчезновеніемъ мелкаго землевладѣнія, исчезла даже казалось, экономическая возможность этого типа. Девятнадцатый вѣкъ знаетъ, въ самой Англіи, только юридически вполнѣ свободныхъ англичанъ—откуда бы тутъ взяться такому феодальному типу, какъ юнкеръ? Но, во-первыхъ, далеко не тѣ же свободныя отношенія существовали уже въ сосѣдней Ирландіи. Владѣльцами плантацій Виргиніи и Ямайки, гдѣ работали тысячи невольниковъ-негровъ, купленныхъ, какъ скотъ, были младшіе сыновья тѣхъ самыхъ лордовъ, которые сдѣлали свободными пролетаріями послѣднихъ англійскихъ мужиковъ въ 18 столѣтіи. И въ томъ же 18-мъ столѣтіи у Англіи завелся огромный, коллективный «заморскій мужикъ», въ лицѣ цвѣтного населенія захваченныхъ ею колоній. Новѣйшее англійское юнкерство воспиталось именно на этомъ мужикѣ—на египетскомъ феллахѣ, на негрѣ, въ

особенности на «индусѣ» (самое названіе, какъ извѣстно, по своему моральному оттѣнку, сродни нашему «жидъ»). Какъ этого «индуса», будь онъ профессоръ университета, не пустятъ въ одинъ вагонъ съ «бѣлыми»—будь это безграмотные англійскіе солдаты, какъ его, будь онъ почтенный, всѣми уважаемый старикъ, будетъ третировать, какъ мальчишку, самый мелкій англійскій чиновникъ, какъ онъ, сколько ни проливай крови за короля Георга V, никогда не поднимется выше первыхъ офицерскихъ чиновъ—да и то въ «черной пѣхотѣ», въ «бѣлой» же, англійской арміи ему никогда не командовать и взводомъ[1])—все это мы читали двадцать разъ, но какъ-то никому въ голову не приходило спросить себя: на такомъ положеніи «подданныхъ», какая же психологія должна вырабатываться у «господъ»? И когда Китченеръ съ необычайной развязностью выдалъ русскимъ сыщикамъ политическаго изгнанника, мы придумывали для этого самыя выспреннія и сложныя объясненія, въ родѣ того, что Россія ставила выдачу Адамовича чуть ли не непремѣннымъ условіемъ при заключеніи военной конвенціи —и намъ въ голову не приходило, что для Китченера это было такъ же просто, какъ разстрѣлять безъ суда нѣсколько десятковъ тысячъ возставшихъ негровъ въ Суданѣ или запереть женъ и дѣтей буровъ въ концентраціонные лагеря, гдѣ смертность была 200 на тысячу. Въ инцидентѣ съ Адамовичемъ характеренъ былъ не поступокъ Китченера—для него это былъ поступокъ само собою разумѣвшійся,—а отношеніе къ этому поступку Асквита и Грея: такъ имъ нуженъ былъ Китченеръ, что когда ему вздумалось дать плюху вѣковой англійской традиціи, эту плюху проглотили. Проницательные люди уже тогда могли бы предвидѣть превращеніе британской демократіе въ «Китченерію»....

То, чего не замѣчали мы, давно было замѣчено вождями англійской промышленной буржуазіи. «Манчестерцы» первой половины 19 столѣтія съ опредѣленной враждой относились къ англійскому колоніализму. «Возможно ли, чтобы мы играли роль палача тамъ (въ Индіи)», спрашивалъ Кобденъ,—«и чтобы нашъ характеръ при этомъ не испортился здѣсь?» Сорокъ лѣтъ спустя, Герб. Спенсеръ, по поводу незначительныхъ, сравнительно, колоніальныхъ экспедицій 70—80-хъ гг. (войны изъ-за Афганистана и т. под.), отмѣчалъ упадокъ вольностей и усиленіе административнаго произвола въ самой Англіи. Но отказаться отъ колоній и тѣмъ вырвать изъ подъ ногъ у англійскаго юнкера соціальную почву—это было выше силъ англійскаго капитализма, и мы сейчасъ увидимъ, что, чѣмъ дальше, тѣмъ ему труднѣе было это сдѣлать. Самое большее, чего достигли манчестерцы, это самоуправленія, колоній; идея принадлежитъ имъ. Но она имѣла успѣхъ только тамъ, гдѣ среди населенія колоніи преобладали бѣлые—тѣ же выселившіеся англичане: въ Австраліи, Н. Зеландіи, Канадѣ. Тамъ, гдѣ населеніе было «цвѣтное», какъ въ Индіи, «самоуправленіе» не пошло далѣе жалкой пародіи, не лучше той, которую устраивало передъ войной и продолжаетъ устраивать теперь русское правительство въ Польше. Для того, чтобы понять причины неудачи «манчестерцевъ», надо представить себѣ, что такое англійскій колоніальный капитализмъ, какъ экономическая сила. Возьмемъ, напр., Трансвааль, новѣйшее колоніальное пріобрѣтеніе Великобританіи. Добыча золота тамъ, съ тѣхъ

---

[1]) Нельзя забыть комическаго удивленія одного англійскаго публициста, изъ временъ англо-русской полемики по индійскому вопросу, по поводу того, что въ Россіи магометанинъ-кавказецъ можетъ быть даже генераломъ! Англичанину это казалось признакомъ необычайной прогрессивности русскихъ соціальныхъ отношеній.

норѣ, какъ Трансвааль перешелъ въ англійскія руки, увеличилась въ два съ половиною раза: съ 3,8 милл. унцій въ 1898 г. до 9,1 милл. унцій въ 1912; цѣнность добытаго въ этомъ послѣднемъ году золота составляла 38,7 милл. фунт. стерл. (ок. 380 м. р. по курсу, существовавшему до войны); отдѣльныя золотопромышленныя предпріятія дали въ 1909—10 гг. 200, 220, 300 и даже 600% дивиденда! Мудрено ли, что крупнѣйшіе акціонеры этихъ предпріятій являются самыми богатыми людьми въ Англіи и даже во всемъ свѣтѣ, побивая рекордъ всѣхъ американскихъ милліардеровъ, кромѣ Рокфеллера? Изъ Индіи Англія получаетъ ежегодно 19,8 мил. ф. ст. въ видѣ только жалованья и пенсій англійскихъ чиновниковъ; кромѣ того, ея торговый «барышъ»—перевѣсъ англійскаго ввоза надъ индійскимъ вывозомъ въ Англію—въ 1912—13 г. составилъ 27 мил. фунтовъ: итого, почти *полмилліарда рублей* «чистаго дохода», не считая дивидендовъ отъ англійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ Индіи (къ концу 1911 г. болѣе 120 мил. фунт.), и % индійскаго долга, помѣщеннаго въ Англіи (около 180 милл. фун.). Если мы оцѣнимъ всю «доходность» Индіи для Англіи въ 600 милліоновъ руб., это будетъ скорѣе мало, чѣмъ много: а чтобы нагляднѣе представить себѣ дѣло, припомнимъ, что приблизительно такую сумму составляетъ общая цѣнность русскаго хлѣбнаго вывоза (въ 1913 г. 589,9 мил. р.). Потерявъ Индію, Англія потеряла бы—абсолютно, а не относительно, конечно—столько же, сколько потеряла бы Россія, лишившись возможности вывозить за границу хотя бы одинъ пудъ хлѣба. Между тѣмъ, мы видѣли, Россія готова была воевать и воюетъ теперь изъ-за однихъ только хлѣбныхъ пошлинъ, составлявшихъ, при самыхъ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, только *треть* его цѣнъ,—а теперь, при относительно «крѣпкихъ» цѣнахъ, гораздо менѣе. Какъ же англійскому колоніальному капитализму не воевать за Индію? Ибо *для Англіи настоящая война является именно войною за Индію,* войною «предупредительной», совершенно такъ же, какъ для Германіи было «предупредительной» войной нападеніе на Россію и Францію въ іюлѣ 1914 г.

Настоящую англо-германскую войну можно понять только изъ колоніальныхъ отношеній и, прежде всего, изъ англо-индійскихъ интересовъ. Легенда о промышленномъ соперничествѣ Германіи, которая, якобы, «душитъ» великобританскую индустрію, давно опровергнута въ литературѣ[1]). Этотъ предразсудокъ сложился въ послѣдніе годы 19-го и въ первые нынѣшняго столѣтія, когда, дѣйствительно, въ англійскомъ экспортѣ наблюдался нѣкоторый застой: за пятилѣтіе 1900—1904 г. онъ никакъ не могъ выйти за предѣлы 300 милл. фунтовъ ст. Но съ этихъ поръ онъ поднялся въ 1910 г. до 430 мил. ф., а въ 1913—до 525 м. ф. Если мы возьмемъ цифру 1904 г. за 100, увеличеніе будетъ 75%; германскій вывозъ за это время увеличился лишь немногимъ болѣе (на 86%), а американскій даже менѣе (на 62%). Если уже кому воевать изъ за «соперничества», то скорѣе бы американцамъ съ нѣмцами! Правда, мы видѣли выше, что въ области спеціально англо-германскаго обмѣна отношеніе все болѣе и болѣе мѣнялось въ пользу германцевъ. Это особенно рельефно сказывается на нѣкоторыхъ статьяхъ, наиболѣе типичныхъ для высшихъ ступеней капиталистическаго развитія. Еще въ 1908 г. Англія ввезла въ Гер-

[1]) См. м. проч., брошюру тов. Волонтера (Павловича) «La guerre improbable» Paris 1913. Ошибка Волонтера заключалась въ томъ, что онъ совершенно игнорировалъ колоніальный капитализмъ и его вліяніе на англійскую внѣшнюю политику, но, утверждая, что война не нужна англійской промышленности, онъ былъ совершенно правъ.

манію машинъ на 2,1 мил. ф. ст., а получила машинъ изъ Германіи всего на 828 тыс. ф. ст.; а въ 1912 г. Англія осталась, приблизительно, на прежней цифрѣ, тогда какъ Германія увеличила ввозъ своихъ машинъ въ Англію до 2,4 мил. ф. ст.—обогнавъ англичанъ на 12%. Все это, конечно, давало матеріалъ для будущей *таможенной* войны: ибо прямо стрѣлять въ подобныхъ случаяхъ не начинали даже при Людовикѣ XIV—и тогда, били другъ друга сначала пошлинами, а потомъ уже ядрами. Мы видѣли, что даже прусскій и русскій «рыцари» до ядеръ дошли далеко не сразу. Пока Англія не перешла къ протекціонизму, на этой почвѣ порохомъ еще не пахло. Что касается другихъ отраслей англійской промышленности, то здѣсь дѣло обстояло для «джингоизма»[1]) еще болѣе плачевно. Англійская текстильная индустрія, напримѣръ, совершенно не можетъ обойтись безъ нѣмецкихъ *красокъ*, на столько не можетъ, что, запретивъ на время войны торговыя сношенія съ нѣмцами, англійское правительство вынуждено было оставить лазейку, разрѣшивъ сдѣлки съ нѣмецкими фирмами, оперирующими въ нейтральныхъ странахъ. Это дало возможность англичанамъ покупать краски черезъ Голландію—а нѣмцамъ расплачиваться со своими шведскими поставщиками англійскими соверенами... По словамъ корреспонденціи столь мало подозрительной со стороны искренности своего союзническаго патріотизма газеты, какъ «Matin», англійская средняя буржуазія еще въ декабрѣ очень прохладно относилась къ войнѣ—энтузіазмъ проявляло только всегда и всюду «патріотическое» мелкое мѣщанство (въ Англіи его джингоизмъ билъ въ глаза еще во время бурской войны, 1899—901 гг.), да сами «юнкера» еще, конечно. Энтузіазмъ этихъ послѣднихъ не шелъ, впрочемъ, дальше такихъ, чисто внѣшнихъ, проявленій, какъ поголовное облаченіе въ хаки всей «золотой» молодежи. Но даже корреспондентъ «Matin» не могъ не отмѣтить, что наблюдать это хаки ему пришлось не въ траншеяхъ, а въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Въ другой связи фактовъ, то же наблюденіе подтверждаетъ и цитированный нами ранѣе, не менѣе правовѣрный, историкъ «происхожденія европейской войны». Объясняя значеніе германскаго ультиматума Бельгіи, онъ говоритъ, или, если хотите, проговаривается, что безъ этого ультиматума изъ кабинета Асквита ушли бы не только три опротестовавшіе объявленіе войны министра, но и еще четыре (онъ называетъ имена)—т. е. попытка воевать вызвала бы распаденіе либеральнаго министерства[2]). Такъ мало рѣшительно была настроена англійская буржуазія буквально наканунѣ войны, которую намъ хотятъ изобразить поединкомъ на смерть между Англіей и Германіей!

Безъ колебаній за войну, съ самаго начала, стояло консервативное крыло министерства Асквита—т. е. прежде всего, Грей. Такъ какъ насъ совершенно не интересуетъ вопросъ объ индивидуальныхъ отвѣтственностяхъ, то мы не станемъ утомлять читателя документальными доказательствами этого положенія—укажемъ лишь, что его не отрицаетъ и только что цитированный нами правовѣрный историкъ. Онъ прямо называетъ сдержанность Грея «оффиціальной» и противополагаетъ его точку зрѣнія точки зрѣнія «радикальной и пасифистской прессы»[3]). Что онъ объясняетъ воинственныя намѣренія Грея его луч-

---

[1]) Такъ, какъ извѣстно, называется воинствующій англійскій капитализмъ—отъ одной пѣсенки временъ лорда Биконсфильда, каждый куплетъ которой кончался припѣвомъ: «By Jingo».

[2]) Aug. Gauvain «Les origines de la guerre européenne, p. 159.

[3]) ibid. 158

шей освѣдомленности относительно коварныхъ плановъ Германіи, не мѣняетъ дѣла. Грей хотѣлъ воевать—только ли въ іюлѣ 1914 г. или уже и раньше, это опять вопросъ второстепенный. Для насъ важны два вопроса: во первыхъ, что толкало на войну ту общественную группу, которая стояла за Греемъ, и которую мы выше обозначали, какъ «юнкерство», во вторыхъ, что толкало англійскую промышленную буржуазію, войны не желавшую и не могшую ея желать, подъ иго «юнкеровъ»? Легче всего отвѣтить на первый вопросъ. Вопросъ о Константинополѣ и проливахъ, такой жгучій въ дни Биконсфильда, русско-турецкой войны 1877 г. и Берлинскаго конгресса, утратилъ, казалось, всякую остроту къ концу 19-го столѣтія. Руководитель англійской иностранной политики тѣхъ дней, Салисбери, публично заявлялъ, что Англіи все равно, кто будетъ владѣть Константинополемъ. Но прошло еще немного лѣтъ—и картина снова рѣзко измѣнилась. Причиной перемѣны были два новыхъ факта, внѣшнимъ образомъ, казалось, не имѣвшихъ между собою ничего общаго—а внутренно, на самомъ дѣлѣ, тѣсно между собою связанные: Багдадская желѣзная дорога и турецкая революція. Владѣя Суэзскимъ каналомъ Англія была монополисткой на путяхъ, ведущихъ изъ Европы въ Индію. Единственной соперницей могла быть Россія; но уже въ тѣ годы, когда были сказаны приведенныя слова Салисбери, намѣтилась ея новая оріентировка—не къ Индіи, а къ Китаю. Японская война, въ комбинаціи съ англо японскимъ союзомъ, обезвредила ее, казалось, совершенно: вѣдь, по условіямъ союза, въ Индіи русскіе должны были встрѣтить ту самую японскую армію, которая только что нанесла имъ такіе жестокіе удары на поляхъ Маньчжуріи. Россія это поняла—отсюда соглашеніе 1907 г. навсегда, казалось бы, покончившіе съ русской опасностью для Индіи (дѣйствительно ли навсегда—это покажетъ, конечно лишь будущее). Но когда заключалось это соглашеніе, на лицо была уже другая опасность: въ 1903 г. «Анатолійское общество желѣзныхъ дорогъ», созданіе «Нѣмецкаго Банка», получило концессію на постройку желѣзнаго пути отъ Босфора до Персидскаго залива. Значеніе новаго предпріятія сразу же оцѣнили и пангерманская журналистика, и британская дипломатія. Первая (въ лицѣ Рорбаха, Гильдебранда и др.) поспѣшила, со свойственной ей шумливой экспансивностью, провозгласить, что, владѣя новымъ желѣзнымъ путемъ, крупная военная держава можетъ въ любой моментъ перехватить Суэзскій каналъ и достигнуть Индіи быстрѣе, чѣмъ какою бы то ни было изъ существовавшихъ дорогъ. Вторая, въ очень сдержанныхъ, но тѣмъ болѣе твердыхъ выраженіяхъ заявила, что, именно поэтому, она никогда и не допуститъ нѣмецкой колеѣ дойти до ея естественнаго географическаго конца. «Я не колеблюсь заявить, что британское правительство разсматривало бы устройство другой державой на Персидскомъ заливѣ морской базы и укрѣпленнаго порта, какъ серьезную угрозу британскимъ интересамъ, и что оно воспротивилось бы этому устройству всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи средствами», говорилъ, въ палатѣ лордовъ, еще предшественникъ Грея, Лэнздоунъ[1]). Самъ Грей вполнѣ раздѣлялъ эту точку зрѣнія. «Наша политика въ Персидскомъ заливѣ не является политикой завоевательной», говорилъ онъ въ палатѣ общинъ 1 марта 1911 г. «Мы не стремимся ни къ пріобрѣтенію новыхъ территорій, ни къ измѣненію существующаго порядка вещей. Но если бы другіе попробовали измѣнить этотъ порядокъ вещей, тогда, разумѣется, *мы должны были*

[1]) Litch, «Le Chemin de fer de Bagdad» Bruxelles 1913, p. 92. Для остальныхъ фактовъ см. его же.

бы пустить въ ходъ всѣ наши средства, чтобы удержать въ неприкосновенности нашу позицію на берегахъ Персидскаго залива».

Когда были сказаны эти слова, «всѣ средства», въ сущности, уже были пущены въ ходъ, кромѣ послѣдняго—пушекъ. Наиболѣе непріятнымъ для Англіи «измѣненіемъ существующаго порядка вещей» было бы, прежде всего, превращеніе самой Турціи въ сильную военную державу. Въ „существующій порядокъ», на правахъ желѣзнаго инвентаря, входила Турція Абдулъ-Гамида—идеальная система самообороны правительства противъ своего собственнаго народа, исключавшая всякую мысль о возможности обороны противъ народовъ чужихъ. Пока пользоваться этой системой было англійской монополіей, все шло къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ. Но когда системой стали пользоваться нѣмцы, это уже было, конечно измѣненіе существующаго порядка. Гамидъ былъ свергнутъ при явномъ сочувствіи и, повидимому, тайной поддержкѣ Англіи и Франціи. Но у власти стали, вопреки ожиданіямъ этихъ державъ, не младотурецкіе эмигранты, съ которыми велись всѣ переговоры, а «турецкіе декабристы»—офицерство возставшей арміи, ученики фонъ-деръ-Гольца. Экзекуція Абдулъ-Гамида пошла на пользу—нѣмцамъ! Тогда начали пускаться въ ходъ «средства» одно экстреннѣе другого. Сначала была предпринята попытка контръ-революціи (весна 1909 г.): она кончилась полнымъ крахомъ. Тогда подъ прямымъ англійскимъ вліяніемъ, организована была итальянская экспедиція въ Триполи, однимъ камнемъ убивавшая трехъ зайцевъ: Италія вышла, фактически изъ тройственнаго союза (гдѣ, по бумажнымъ разсчетамъ, предшествовавшимъ войнѣ, только она и давала на полѣ битвы перевѣсъ Германіи и Австріи противъ Франціи и Россіи), турки были выбиты съ сѣвернаго берега Африки—и Египетъ, такимъ образомъ, освободился отъ опасности быть охваченнымъ съ обоихъ фланговъ—и, наконецъ, былъ дискредитированъ младо-турецкій режимъ, оказавшійся неспособнымъ сохранить цѣлость оттоманской территоріи, что удавалось даже Абдулъ-Гамиду. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ Триполи младо-турки, дѣйствительно, должны были уступить мѣсто сомнительнаго происхожденія «либераламъ», которые всѣ, почему-то, оказывались бывшими камергерами и генералами Абдулъ-Гамида. Но тутъ взорвалась австро-германская контръ-мина: царь Фердинандъ, съ несравненнымъ искусствомъ ведшій двойную игру, импровизировалъ балканскую коалицію такъ, что русскіе считали его дѣйствующимъ въ ихъ пользу, а нѣмцы—въ ихъ... Англичане уже на этомъ примѣрѣ должны были бы убѣдиться, какъ опасно полагаться на Россію. Подъ натискомъ балканцевъ «либеральный» режимъ палъ съ еще большимъ трескомъ, чѣмъ его предшественникъ—и у власти опять оказались младо-турки, а рядомъ съ ними опять появился нѣмецкій генералъ. Ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ *послѣднему* средству. Чтобы по возможности обезпечить себя—опытъ 1912 г. все же былъ учтенъ—атаковали непосредственно Германію, а не Турцію: у Россіи не было прямого предлога поднять вопросъ о Константинополѣ. Но выдвинуть на арену, теперь, и этотъ вопросъ было до такой степени въ интересахъ нѣмцевъ, что участіе турокъ въ войнѣ можно было предсказать съ самаго начала. Характерно, что этого врага англичане всѣми силами старались не замѣчать какъ можно дольше. И лишь, когда турки появились на Суэзскомъ каналѣ, англичане повели съ ними серьезную войну, атаковавъ Дарданеллы.

Спрашивается, насколько реальна была та опасность, которая заставила миролюбиваго сэра Эд. Грея прибѣгнуть къ пушкамъ? Дѣй-

ствительно ли нѣмцы пробивались къ Персидскому заливу, чтобы угрожать Индіи? Если мы отъ пангерманской журналистики перейдемъ къ дѣловымъ отношеніямъ, мы наткнемся тамъ, прежде всего, на тотъ удивительный фактъ, что Германія чрезвычайно легко уступила Англіи какъ разъ въ этомъ пунктѣ: конвенціей 21 марта 1911 г. «Анатолійское общество» отказалось отъ предоставленнаго ему концессіей 1903 г. права построить путь отъ Багдада до Бассоры на Персидскомъ заливѣ; *нѣмецкая* колея кончалась теперь въ Багдадѣ. Затѣмъ, если турецкая сухопутная армія была въ рукахъ германскаго генерала, то флотомъ командовалъ англійскій адмиралъ, и новые дредноты были заказаны на англійскихъ верфяхъ (благодаря чему въ войнѣ они и участвуютъ подъ британскимъ флагомъ). Неужели мало было этихъ гарантій? Тутъ намъ надо припомнить, что, вѣдь, и проекты русскаго похода на Индію, до 1878 г., были какъ нельзя болѣе проблематичны: англійскія публицисты умѣли разсказать о нихъ гораздо болѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать русскіе дипломаты и генералы. Но «русская опасность» помогала десять лѣтъ держаться у власти консервативному кабинету; это былъ своего рода военно-дипломатическій рудникъ, дававшій, въ своей области, не меньшіе дивиденды, чѣмъ сама Индія. Картина русскаго войска, идущаго на Индію, была нужна по соображеніямъ внутренней англійской политики: картина готовой напасть на Индію Германіи понадобилось изъ тѣхъ же соображеній.

Послѣдніе годы отмѣчены въ англійской политической жизни рѣзкимъ обостреніемъ классовой борьбы. Въ то время, какъ среднее число стачечниковъ въ семилѣтіе 1901—1907 г. равнялось всего 157 тысячамъ, мы имѣемъ въ 1911 г. 962 тысячи стачечниковъ, въ 1912—1.463 тыс.; въ 1913—677 тыс. Въ то же время рабочее движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе опасный для предпринимателей характеръ. Его отличительной чертой въ Англіи въ прежнее время была крайняя раздробленность. Исторически сложившіеся рабочіе союзы охватывали нерѣдко лишь десятки членовъ—не выходя за предѣлы одного небольшого города. Такая форма союзовъ предоставляла безчисленныя удобства предпринимателямъ: съ ними легко было столковываться, ихъ легко было натравливать другъ противъ друга, наконецъ, они великолѣпно маскировали отъ рабочаго сущность его борьбы съ предпринимателямъ, какъ борьбы *классовой*. Ничто лучше не мѣшало проникновенію соціалистическихъ идей въ среду англійскихъ рабочихъ, какъ подобная организація. Въ послѣдніе годы, наряду съ развитіемъ соціалистической пропаганды, рѣзко мѣняется и это условіе. Въ 1900 г. къ англійскимъ рабочимъ союзамъ принадлежало 1.971 тыс. человѣкъ, причемъ въ среднемъ на союзъ приходилось 1520 членовъ; всѣхъ союзовъ было 1295. Въ 1912 г. союзовъ было уже только 1134, но они охватывали 3.281 тыс. рабочихъ—на 1 союзъ приходилось уже 2890 членовъ. Рабочую партію поддерживали т.-е. признавали необходимость самостоятельнаго политическаго представительства рабочихъ—въ 1900 г. 41 союзъ съ 353 тыс. членовъ: въ 1912 г. 130 союзовъ съ 1.858 тыс. членовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что отъ прежней благодушной патріархальности не осталось и слѣда. Предприниматель почувствовалъ себя настолько «обезпокоеннымъ», что въ 1913 г. оказалось возможно образованія «всеобщаго союза англійскихъ предпринимателей», съ капиталомъ въ 50 мил. фунтовъ (полмилліарда рублей) и главной задачей *бороться съ рабочимъ движеніемъ*. Наиболѣе рѣшительные члены этого союза уже договаривались до необходимости примѣненія «южно-африканскихъ» средствъ борьбы—

заключавшихся, какъ извѣстно, въ произвольныхъ арестахъ и примѣненіи вооруженной силы противъ стачечниковъ [1]). Рабочіе отвѣчали на это тѣмъ, что, во время послѣднихъ забастовокъ организовывались уже не только экономически—и въ лондонскихъ паркахъ можно было видѣть тысячи стачечниковъ, по командѣ марширующихъ и выполняющихъ различныя военныя эволюціи... Военная сила и военныя люди пріобрѣли вдругъ такое значеніе въ англійской «внутренней политикѣ», какого они не имѣли со времени рабочихъ бунтовъ первой половины 19 столѣтія—и одѣтое въ мундиры «юнкерство» тотчасъ же учло этотъ фактъ: весною 1914 г. армія отказалась идти противъ ульстерскихъ черносотенцевъ, отказавшихся признать ирландскій гомъ-руль (политическую автономію Ирландіи), лишавшій ихъ привилегированнаго положенія въ странѣ—и правительство, представляющее большинство народнаго представительства, самымъ унизительнымъ образомъ склонялось передъ рѣшеніемъ «арміи»—т.-е. въ сущности, юнкерской касты. Такъ оправдались сказанныя за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ слова вождя консервативной оппозиціи, Бонара Лоу, что есть вещи «которыя сильнѣе парламентскаго большинства». Опирающееся на вооруженную силу юнкерство оказалось сильнѣе парламентскаго министерства. Оставалось создать такое положеніе, при которомъ армія стала бы на мѣсто народа. Что могло лучше отвѣчать этой цѣли, чѣмъ война?

Война осуществила чаянія юнкерства въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ оно само могло ожидать. Англія оказалась отброшенной по ту сторону парламентской реформы 1832 г.: палата лордовъ опять стала «первой» палатой, палата общинъ отошла на второе мѣсто. Въ январѣ (1915 года), когда палата общинъ не засѣдала, «пэры» фактически управляли Англіей. Китченеръ и Грей не безъ аффектаціи предпочитаютъ давать свои объясненія именно имъ, предоставляя разговаривать съ «коммонерами» оставленному за штатомъ Асквиту. Въ области рабочаго законодательства дѣло дошло уже до милитаризаціи: Китченеръ формируетъ батальоны докеровъ, подчиненные военной дисциплинѣ. Отмѣнены такія элементарныя мѣры, какъ запрещеніе ночного труда для женщинъ, причемъ въ Англіи это «нововведеніе» отнюдь не можетъ быть поставлено на одну доску съ германскимъ: въ Германіи, благодаря всеобщей воинской повинности, взявшей подъ ружье, сейчасъ, не менѣе $^3/_4$ мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ, дѣйствительно, можетъ ощущаться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; въ Англіи всеобщей воинской повинности пока нѣтъ, волонтерами идутъ, главнымъ образомъ, безработные, и предложеніе труда настолько еще превышаетъ спросъ, что англійскіе предприниматели находятъ еще возможность понижать заработную плату, не смотря на увеличивающуюся все болѣе и болѣе дороговизну жизни: въ Англіи, поэтому, «разрѣшеніе» ночного труда для женщинъ есть чисто реакціонная мѣра, напоминающая рабочему, что съ нимъ болѣе «не церемонятся». Одновременно съ этимъ, въ политической области на очереди вопросъ о введеніи предварительной цензуры по французскому образцу [2]). Если бы политика Китченера удалась, Англія очень мало отличалась бы отъ Пруссіи: превосходный результатъ борьбы съ «прусскимъ милита-

---

[1]) Для всего предыдущаго см. Aug. Mai «Neue Tendenzen in d. englischen Arbeiterbewegung.» Neue Zeit 10 іюля 1914.

[2]) Обращеніе по этому поводу Китченера къ Мильерану, съ просьбой прислать свѣдущаго человѣка для организаціи англійской «военной» цензуры по образцу Франціи, «давшей такую изумительную картину единодушія» (благодаря цензурѣ?!)— своего рода перлъ. Жаль, что оно не попало въ печать.

ризмомъ»! Но объективная экономическая дѣйствительность оказывается сильнѣе юнкерскихъ вожделѣній. Оглушенный неожиданно надвинувшейся войной, которая для Англіи болѣе, чѣмъ для какой-нибудь другой страны, была ударомъ изъ-за угла (мы видѣли, что Грей еще наканунѣ объявленія войны не могъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ своей политики), англійскій рабочій классъ постепенно находитъ себя. Уже на неприличной во всѣхъ отношеніяхъ лондонской конференціи, англійскіе делегаты держали себя, относительно, приличнѣе другихъ: благодаря имъ, главнымъ образомъ, Мильеранъ все же не былъ признанъ вождемъ европейскаго соціализма, а Николай II—покровителемъ рабочаго движенія въ Россіи. Норичская конференція независимой рабочей партіи сдѣлала шагъ дальше. Передъ лицомъ всего міра было заявлено, что англійскій пролетаріатъ не считаетъ свои интересы тождественными съ интересами «британской имперіи» Китченера и Грея. Яростный шовинизмъ мелкой буржуазіи, и въ Англіи, какъ во Франціи, приписывающей всѣ свои бѣды «нѣмцу», безсознательность люмпенъ-пролетаріата, которому сытая англійская казарма кажется раемъ земнымъ [1]), даютъ еще возможность поддерживать иллюзіи «народнаго одушевленія». Но послѣднему грозитъ опасность съ той стороны, съ которой ее всего менѣе ожидали—и откуда ее слѣдовало ждать съ самаго начала. Англійскій вывозъ, какъ мы видѣли, непрерывно росшій всѣ послѣдніе годы, за первые мѣсяцы 1915 г. упалъ сразу на 30%. Но если передъ англійскимъ фабрикантомъ положить на одну чашку вѣсовъ безконтрольную власть надъ рабочими—и разореніе, а на другую возвращеніе къ прежнимъ счастливымъ временамъ и «фабричную конституцію», онъ безъ малѣйшаго колебанія выберетъ второе... Непосредственно для низверженія «Китченеріи» въ Англіи, вѣроятно не понадобится никакой революціи. Но непосредственно послѣ этого низверженія проблема снова станетъ такъ же, какъ стояла она въ 1913 г.—лишь въ еще болѣе грозной формѣ. И тогда англійскій пролетаріатъ можетъ припомнить не только слова консерваторовъ, что «есть нѣчто бо́льшее, чѣмъ парламентское большинство», но и тѣ ружейные пріемы, которымъ научилъ его Китченеръ.

Англійская ситуація является наиболѣе типичной для всей войны—и мы понимаемъ теперь, въ какомъ еще смыслѣ эту послѣднюю можно назвать «предупредительной». *Основною цѣлью войны для буржуазіи всѣхъ участвующихъ въ ней странъ было—предупредить надвигавшуюся съ неудержимой, стихійной силой соціальную революцію.* Въ этомъ—объясненіе того невыносимаго реакціоннаго зловонія, которымъ несетъ отъ каждаго акта теперешней войны, начиная французскою «военною цензурой» и кончая германскими «звѣрствами». Бывали хуже войны, но не было подлѣй... Никогда не приходилось затрачивать столько обмана и насилія, чтобы скрыть отъ одураченной массы дѣйствительныя намѣренія воюющихъ правительствъ. Болѣе или менѣе устойчивое равновѣсіе военныхъ силъ обѣихъ сторонъ было отлично извѣстно еще до войны. Ненадежность результата была, поэтому, оче-

---

[1]) Одна изъ корреспонденцій «Matin» передаетъ очаровательную картинку, рисующую эту сторону новой китченеровской арміи и подлинное отношеніе къ послѣдней буржуазіи (не буржуазныхъ газетъ!) Въ одной мѣстности былъ расквартированъ, по случаю маневровъ, одинъ изъ корпусовъ этой арміи. Мѣстное зажиточное мѣщанство готовилось къ пріему «китченеровцевъ», какъ къ нашествію Тамерлана: отправляли подальше семьи, убирали все цѣнное, толковали о необходимости закрыть кабаки и т. д. И вотъ—приходитъ въ одинъ домъ солдатъ: на постой и просить не водки, и пива, а... почитать книжку! Объ этомъ потомъ долго разсказывали во всей округѣ.

видна заранѣе—и *большинство* буржуазіи никогда бы не рѣшилось на войну ради *только* тѣхъ экономическихъ конфликтовъ, о которыхъ рѣчь шла выше. Но надъ ними, какъ духъ Іеговы надъ хаосомъ, носилась мысль, неосторожно выданная однимъ парижскимъ банкиромъ сотруднику «Bataille Syndicaliste» еще три года тому назадъ, послѣ Агадира: «Чѣмъ бы ни кончилась война, лишь бы она покончила съ соціализмомъ!» Эта идея загнала промышленную буржуазію подъ иго *правыхъ* группъ—аграрнаго капитализма въ Россіи, колоніальнаго въ Англіи, ростовщическаго во Франціи. Она, эта идея, служила, навѣрное, одинаковымъ утѣшеніемъ и Вильгельму въ его неполной побѣдѣ, и Пуанкарэ съ Греемъ въ ихъ почти полномъ пораженіи. Утѣшенія хватило не на долго. Такъ торжественно похороненный буржуазными газетами въ августѣ 1914 г. международный соціализмъ блестяще доказываетъ свою жизненность уже тѣмъ, что его приходится хоронить снова и снова—какъ снова и снова приходится хоронить, вотъ уже скоро четверть столѣтія, «давно отжившую» теорію марксизма. Говорятъ, что тому, кого разъ, по ошибкѣ, сочли мертвымъ—долго жить... Повторяется въ грандіозныхъ размѣрахъ исторія русскаго 1904 года: то, чѣмъ надѣялись остановить революцію, даетъ ей новый, могучій толчекъ. Но у международнаго рабочаго движенія неоткуда взяться тому врагу, который задушилъ русскую революцію. Рабоче-крестьянская Россія была немыслима на фонѣ буржуазно-реакціонной Европы: на фонѣ Европы соціалистической немыслима была Россія.

Институтъ В. И. Ленина

Оглавленіе.

Стр.

Вмѣсто предисловія. 1

I. Константинополь 3

II. Восточный вопросъ отъ Парижскаго мира до Берлинскаго Конгресса. 26

III. Польша и Европа послѣ Вѣнскаго Конгресса. 54

IV. Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній

1. Россія и Пруссія передъ Крымской войной 87

2. 1963 годъ. 118

V. Русскій имперіализмъ въ прошломъ и настоящемъ. 153

VI. «Виновники войны» 162